РАННЯЯ ПТАШКА

ДЖАСПЕР ФФОРДЕ

«Дикий зимний мир, оживленный сюрреалистическим юмором Ффорде. Фанаты Дугласа Адамса насладятся этой атмосферой».

Publishers Weekly

fanzon

Ранняя пташка
Джаспер Ффорде

Аннотация
Джаспер Ффорде. Ранняя пташка
Миссис Тиффен умела играть на бузуки
Обжорный четверг
Джек Логан
Испытание
Ночи Кардиффа
Оливер Тиффен сгорает на работе
Мертир
Знакомство с Авророй
«Джон Эдвард Джонс»
Через горы
Талгарт и «Гибер-тех»
Гостиница «Уинкарнис»
Консульство и Фоддер
Застрявший
«Сара Сиддонс»
901-я комната
Поездка на Говер
Заснуть, проснуться, повторить
Джонси
Голодая в подвале

Бар «Уинкарнис»
Консульство
Токката
«Гибер-тех»
Фоддер
Музей
Злодеи
Нарушенное перемирие
Подгнило что-то в зимнем государстве
Опять сон
Рассвет и мертвецы
Укромная ферма в Линкольншире
Джонси
Фарнесуорты
Пространство сна
Уволенный и отправленный перекладывать бумаги
Чарли Уэбстер
Взрыв
Радиолокатор Х-4С
«Геральд Камбрийский»
Валик
Ночь в музее
Ночь в музее, часть 2
Белая мгла
Введение в курс дела

Пространство сна
Пробуждение
Благодарности

Аннотация

В долгие Зимы человечество научилось впадать в спячку, принимая препарат, чтобы не видеть сны, предварительно запасая жирок и обрастая зимней шерстью.

Чарли Уортинга больше не устраивает быть «мальчиком на побегушках» в Приюте, и он решается поступить на службу Зимним Консулом, охранять людей во время спячки. Опасная работа приводит его в Двенадцатый сектор, где люди видят одинаковые «вирусные» сны. Уортингу предстоит закончить расследование убитого по его вине наставника. Легенды о Зимнем люде здесь становятся суровой реальностью, и все оказывается еще сложнее.

Джаспер Ффорде
Ранняя пташка

Посвящается Рулен Марии Айви Анне Ффорде-Горриндж, сотворенной в Австралии, но вдохновленной Уэльсом …и знающей толк в зимней спячке.

© Саксин С., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Краткий путеводитель по

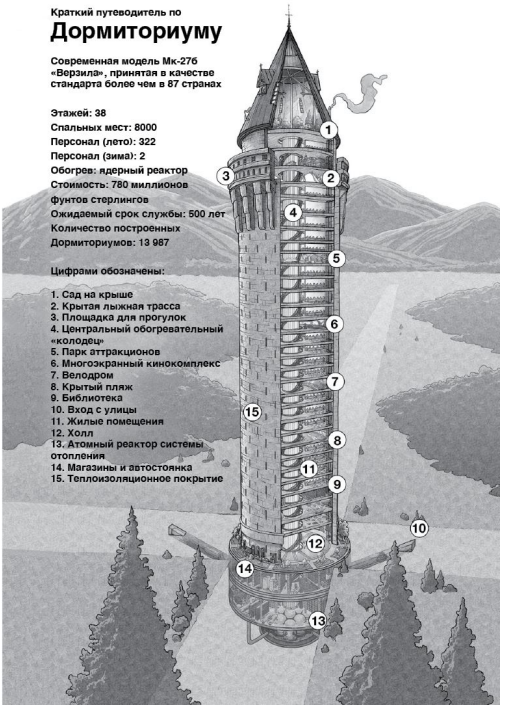
Дормиториуму

Современная модель Мк-276 «Верзила», принятая в качестве стандарта более чем в 87 странах

Этажей: 38
Спальных мест: 8000
Персонал (лето): 322
Персонал (зима): 2
Обогрев: ядерный реактор
Стоимость: 780 миллионов фунтов стерлингов
Ожидаемый срок службы: 500 лет
Количество построенных Дормиториумов: 13 987

Цифрами обозначены:

1. Сад на крыше
2. Крытая лыжная трасса
3. Площадка для прогулок
4. Центральный обогревательный «колодец»
5. Парк аттракционов
6. Многоэкранный кинокомплекс
7. Велодром
8. Крытый пляж
9. Библиотека
10. Вход с улицы
11. Жилые помещения
12. Холл
13. Атомный реактор системы отопления
14. Магазины и автостоянка
15. Теплоизоляционное покрытие



Миссис Тиффен умела играть на бузуки[1]

«…Выживаемость в период зимней спячки увеличилась благодаря появлению Дормиториумов, эффективным режимам набора веса и “морфеноксу”, однако предубеждения и страхи еще остаются. Зимняя спячка – это не только желание избежать худших последствий зимы, но также отдых и обновление, и мы стремились сделать так, чтобы защитное покрывало долгого сна было теплым и уютным…»

Из «Семнадцати Зим» Зимнего консула Ланса Джонса

Миссис Тиффен умела играть на бузуки. Так себе, и только одну мелодию: «Помоги себе сам» Тома Джонса [2]. Она перебирала струны умело,

---

[1] Примечания: 1

Бузуки — греческий струнный музыкальный инструмент, похожий на мандолину. *(Прим. переводчика.)*

[2] Примечания: 2

Том Джонс (наст. имя Томас Джонс Вудворт) (род. 1940) — популярный валлийский певец и композитор. «Помоги себе сам» — одна из самых известных его песен, записана в 1968 году. *(Прим. переводчика.)*

но без чувств, уставившись невидящим взором на проплывающие за окном поезда снег и лед. Мы с ней не обменялись ни единой разумной фразой с тех самых пор, как впервые встретились пять часов назад, и причина этого была легко объяснима: миссис Тиффен была мертва, причем умерла она еще несколько лет назад.

— Зима будет мягкой, — сказала седая женщина, сидящая напротив нас с миссис Тиффен, когда поезд отъехал от центрального вокзала Кардиффа. — Я так полагаю, средняя температура не опустится ниже минус сорока.

— Можно сказать, жара, — ответил я, и мы рассмеялись, хотя на самом деле в этом не было ничего смешного, абсолютно ничего.

После некоторых раздумий я заключил, что моя собеседница, скорее всего, актриса, участница обширного Зимнего драматического общества. Зрителей у общества было немного, но все до одного благодарные поклонники. Актерам, играющим летом, приходилось довольствоваться сильно разбавленным уважением толпы, в то время как Зимним актерам всецело принадлежало восхищение маленькой горстки ценителей.

Сделав краткую остановку на Куин-стрит, поезд не спеша пополз дальше на север. Он мог бы

двигаться быстрее, однако в Уэльсе действует ограничение в семьдесят пять децибел на любой шум, производимый в промежутки восемь дней до и восемь дней после Зимы [3].

— Давно вы уже зимуете? — спросил я, чтобы поддержать разговор.

— Лета я не видела вот уже почти тридцать лет, — усмехнулась пожилая дама. — Прекрасно помню свое первое выступление: Хатрлпул, зима семьдесят шестого, театр Дона Гектора. Мы давали «Короля Лира» в поддержку братьев Хохмачей во время их первых и последних зимних гастролей. Зал был битком — почти три сотни зрителей. Такого я никогда прежде не видела, если не считать группы «Бонзо дог» и Вэла Дуникана, но, впрочем, они превратили зимние гастроли в свой фирменный знак, как сейчас поступают Пол Дэниелс и Take That [4].

Мало кто из летних актеров рискует бросить вызов холодам — Зима может оказаться суровым

---

[3] Примечания: 3

Никто не может сказать точно, почему. Это как-то связано с днем Святого Давида. *(Прим. автора.)* День Святого Давида отмечается 1 марта; считается национальным праздником Уэльса. *(Прим. переводчика.)*

[4] Примечания: 4

Братья Хохмачи — популярный британский комедийный дуэт; «Бонзо дог», Вэл Дуникан, Пол Дэниелс, Take That — британские исполнители поп-музыки. *(Прим. переводчика.)*

надзирателем. Хорошим примером тому служат валлийские гастроли 1974 года группы «Покажи папаше палку»: сначала музыкантов обложили в гостинице в Аберистуите обезумевшие от Голода лунатики, затем они потеряли половину состава в ледяной буран. На протяжении последующих двух месяцев директора похитил с целью выкупа Нед Фарнесуорт по прозвищу Счастливчик, троим рабочим сцены пришлось ампутировать отмороженные ступни, а бас-гитариста, по слухам, забрал Зимний люд. И все-таки оставшиеся в живых члены группы считали эти гастроли самыми успешными в своей карьере.

— Никогда бы не подумала, как сильно может влиять на психику тишина, — снова заговорила моя спутница, заставив меня очнуться от размышлений, — и как одиночество может причинять физическую боль. Как-то я семь недель подряд не видела ни единой живой души, застряв в театре Ледбери во время затянувшегося резкого похолодания семьдесят восьмого года. Морозы стояли такие, что казалось, будто к тебе прикоснулась сиськой Грымза, и четыре недели без перерыва мела метель. Даже Злодеи попрятались в своих логовах, а лунатики замерзали прямо на ходу. Во время оттепели окоченение

удерживало их в вертикальном положении — падать они начали только тогда, когда оттаяли до лодыжек. Тем, кто не занят каким-либо делом, отсутствие человеческого общества может подорвать здоровье. — Она помолчала, прежде чем продолжить: — Но, знаете, как это ни странно, мне нравится. Очень полезно для того, чтобы получить… *ясность мыслей.*

Бывалые Зимовщики нередко выражают свои взгляды подобным образом: странная любовь к блеклым краскам и то, как благотворно влияет одиночество на глубокие философские размышления. Однако многие из тех, кто так горячо восхвалял прелести Зимы, в конце концов оставляли покаянные записки, раздевались догола и выходили на улицу в мороз. Это называлось «Холодным выходом».

— Кальмар, — ни с того ни с сего сказала миссис Тиффен, не переставая играть на бузуки. — Угощайтесь! — наверное, уже в двухсотый раз.

Возвращение из глубин зимней спячки всегда было сопряжено с риском. В том случае, если минимальные сигналы нервных окончаний, поддерживающие основные функции жизнедеятельности, прекращались, происходило разрушение нервной системы, и человек Уми-

рал во сне. Если заканчивались запасы жира, разлагающегося в процессе обмена веществ в необходимые углеводы, человек Умирал во сне. Если температура опускалась слишком низко чересчур резко, человек Умирал во сне. Грызуны, поедающие живую плоть, нарастание концентрации углекислого газа, отложение солей кальция, проблемы со здоровьем до погружения в спячку или любое другое из десятка с лишним осложнений — Смерть во сне.

Однако не каждое разрушение нервной системы приводило к смерти. Некоторые, как миссис Тиффен, принявшая «морфенокс», — на самом деле это происходило *исключительно* с теми, кто принимал «морфенокс», — выходили из спячки, сохранив остатки рудиментарных воспоминаний, достаточные лишь для того, чтобы позволять им двигаться и есть. И хотя большинство людей видели в лунатиках жутких обитателей Зимы с отмершим головным мозгом, чьи пристрастия ограничивались бессмысленным бормотанием и каннибализмом, мы считали их существами, которые вернулись из бездны зимней спячки, оставив там практически всё. Как правило, их отлавливали до того, как пробуждались остальные, обыкновенно чтобы преобразовать или

разобрать, и все же время от времени попадались Отсутствующие, ускользнувшие из сетей. Билли Дефройд через три недели после Весеннего пробуждения нашел одного, зацепившегося за колючую проволоку на ограде фруктового сада неподалеку от приюта Святой Гренеты. Он доложил о нем властям, но только после того, как снял с него наручные часы, которые потом носил до самой своей смерти.

— Семь по вертикали, — сказала актриса, вынужденная повысить голос, чтобы перекрыть бузуки миссис Тиффен. — «Инструмент слесаря-сантехника».

— С кроссвордами у меня плохо, — крикнул я в ответ, затем добавил: — Надеюсь, бузуки не слишком действует вам на нервы?

Актриса улыбнулась.

— Нисколько. По крайней мере, она отгоняет разных болванов от нашего купе.

Она была права. Сегодня был Канун засыпания, последний полноценный день перед официальным началом Зимы. Поезд был полон Нафталинщиками и Зимовщиками, спешащими вернуться в свои Дормиториумы или к местам службы. К нам в купе заглянули несколько пассажиров, но, мельком увидев остекленевший

взгляд миссис Тиффен, свойственный лунатикам, поспешно закрыли дверь и двинулись дальше.

— Если честно, Том Джонс мне нравится, — добавила пожилая леди. — А она умеет исполнять «Далилу» или «Она женщина»?

— Было бы неплохо, — согласился я, — для разнообразия. Но нет, она играет только «Помоги себе сам».

–

Поезд шел вдоль замерзшей реки на север мимо Кастелл-Коха, и сквозь клубящиеся облака белого пара от паровоза, проплывающие мимо окна, я видел повсюду свидетельства Зимнего отключения — закрытые и запертые ставни, машины, накрытые в несколько слоев пропитанным брезентом, паводковые запоры, смазанные и переведенные в автоматический режим. Все это было очень увлекательно и щекотало нервы. Мой первоначальный трепет в отношении зимовки быстро сменился отважным любопытством. Возможно, со временем придет и энтузиазм, но пока что я был настроен на более приземленную цель: просто выжить. Треть Послушников Службы зимних консулов не доживает до первой Весны.

— Значит, — спросила актриса, кивая на то, что осталось от миссис Тиффен, — ей дали при-

бежище? [5]

— Муж, на пять лет.

Большинство тех, кому я говорил об этом, выражали свое негодование: но только не актриса.

— Должно быть, он очень ее любил.

— Да, — согласился я, — он отдал все, чтобы ее защитить.

В то время как мистер Тиффен считал свою жену человеком с глубокими неврологическими проблемами, мы видели в ней только еще одну жертву Зимы. Игра на бузуки представляла собой всего лишь странность, рудиментарное воспоминание, сохранившееся в сознании, когда-то искрящемся особенностями характера и творческой энергией. Практически весь головной мозг миссис Тиффен исчез; оставалась только пустая черепная коробка.

С громким шипением и свистом поезд подкатил к вокзалу Аберсинона. Пассажиры двигались по платформе с достойным одобрения молчанием, что было вполне объяснимо: те, кто сейчас спешил к уютной усладе сна, слишком устали, чтобы

---

[5] Примечания: 5

Юридическим языком: «Отказ по каким-либо причинам задержать или выдать человека, находящегося в состоянии псевдосознательной вегетативной подвижности». *(Здесь и далее, кроме спец. оговоренного — прим. автора.)*

праздновать, а у тех, кто собирался зимовать, в мыслях господствовали тревоги и заботы предстоящих одиноких шестнадцати недель. Слов почти не было; пассажиры выходили из вагонов и садились на поезд, и даже стук молоточка путевого обходчика, казалось, потерял свою обычную звонкость.

— Когда речь заходит о близких родственниках, суды, как правило, проявляют благосклонность, — тихим голосом заметила актриса. — Заметьте, прибежище — это прибежище.

— Суда не будет, — сказал я. — Ее муж умер — погиб с честью.

— На мой взгляд, лучшая смерть, — задумчиво произнесла женщина. — Надеюсь, со мной случится то же самое. Ну а вы? У вас за плечами много Зим?

— Эта будет первой.

Она посмотрела на меня с таким изумлением и потрясением, что мне стало не по себе.

– *Первая Зима?* — повторила актриса. — И вас отправили отлавливать лунатиков в Двенадцатый сектор?

— Вообще-то, я не один, — возразил я, — нас…

— …первую Зиму нужно проводить в помещении, проходя акклиматизацию и записывая свои

впечатления, — продолжала она, не обращая на меня внимания. — Я потеряла слишком много зеленых новичков и знаю, о чем говорю. Как вас заставили? Вам угрожали?

— Нет.

В этом не было необходимости. Я вызвался добровольно, с радостью, восемь недель назад, во время праздника по случаю Обжорного четверга.

Обжорный четверг

«…Продолжительность зимней спячки у людей немного изменилась, в основном вследствие климатических условий и достижений в области сельского хозяйства. Принятая в 1775 году «Стандартная зима» ограничивается восемью неделями до и восемью неделями после зимнего солнцестояния. В промежуток между Засыпанием и Весенним пробуждением 99,99 процента населения проваливается в черную бездну сна…»

«Гибернационная культура человека», Моррис Дезмонд

Обжорный четверг уже давно считался первым днем обильного чревоугодия, когда приходила пора баловать себя всевозможными диетами, позволяющими быстро набрать жирок, и дать себе зарок воздерживаться от греха физических упражнений, быстро прогоняющих лишний вес. Еще вчера можно было бежать за автобусом, и никто даже глазом не повел бы; завтра же на такой поступок будут хмуро взирать как на чуть ли не

преступную безответственность. На протяжении двух месяцев до Засыпания, знаменующего собой начало зимней спячки, каждая калория считалась священной; велась напряженная борьба за сохранение каждой унции веса. Весна радушно встречала только тех, кто позаботился о запасах жира.

Тощий Пит уже спит, голодный, кожа да кости.

Тощий Пит уже спит, а смерть спешит к нему в гости.

По своей работе в качестве помощника управляющего приюта я подчинялся обыкновенно сговорчивой и исполнительной сестре Зиготии, из чего следовало, что приготовления к празднеству Обжорного четверга ложились в основном на мои плечи. И хотя это создавало простор для критики в мой адрес, в то же время мне предоставлялась желанная возможность отдохнуть от нудной рутины хозяйственных забот в Приюте коллективных родителей Святой Гренеты [6]. По сути, для Обжорного четверга требовались всего три вещи: обеспечить в достатке еду, обеспечить

[6] Примечания: 6

Девиз: «Воспитанников должно быть как можно больше, и тогда не страшна никакая убыль».

в достатке стулья и проследить за тем, чтобы сестра Плацентия не дорвалась до джина.

Первой пришла Меган Хьюс. Она провела в приюте двенадцать лет, прежде чем ее удочерила состоятельная чета из Бангора. Насколько мне было известно, она вышла замуж за какого-то большого шишку в империи «Традиционные чайные комнаты миссис Несбит» и теперь была одной из попечителей приюта Святой Гренеты: мы продавали компенсационные пособия за детей таким людям, как Меган, видевшим во всем, связанном с детьми, что-то нестерпимо грубое и грязное [7]. На самом деле была определенная доля иронии в том, что она работала в «Упкнасе» — Управлении контроля за населением, — следя за тем, чтобы *другие* женщины прилежно исполняли свои обязанности. Мы с Меган не виделись уже пару лет, однако в прошлом она неизменно говорила мне, как восторгалась мной, когда мы вместе воспитывались в Приюте, и какие большие надежды я подавал.

— Кривой! — изображая возбуждение, воскликнула Меган. — Ты выглядишь *просто*

[7] Примечания: 7

Компенсационные пособия считались «избеганием», а не «уклонением» от деторождения — отличие тонкое, но очень важное в юридическом плане.

восхитительно!

— Спасибо, но теперь я Чарли.

— Извини, *Чарли.* — Она помолчала, собираясь с мыслями. — Я постоянно вспоминаю тебя и Святую Гренету.

— До сих пор?

— Да. И, — добавила Меган, подавшись вперед, — знаешь что?

Ну вот, начинается.

— Что?

— Я всегда *так* восторгалась тобой, когда мы вместе воспитывались в Приюте! Ты всегда улыбался, как бы плохо тебе ни было. Настоящий вдохновитель.

— Мне не было плохо.

— Но у тебя был такой *вид,* будто тебе плохо!

— Внешность может быть обманчивой.

— Ну да, конечно, — согласилась Меган, — но я точно говорю: от тебя исходило какое-то трагическое вдохновение, как будто ты в семье неудачник, но стремишься во всем видеть светлые стороны.

— Мне приятно это слышать, — сказал я, давным-давно привыкший к ее выходкам, — но могло бы быть гораздо хуже: я мог бы родиться без такта и сострадания и быть мелочным, жутко

снисходительным и зацикленным на себе.

— Тоже верно, — улыбнулась она, беря меня за руку. — Нам с тобой так повезло! Я тебе говорила, что получила повышение в «Упкнасе»? Тридцать четыре тысячи плюс машина и жилье.

— У меня с плеч свалилась огромная ноша, — сказал я.

Меган просияла.

— Ты просто прелесть! Ладно, мне пора бежать. Пока, Кривой.

— Чарли.

— Верно. Чарли. Вдохновитель.

И она двинулась дальше по коридору. Было бы так легко проникнуться к ней сильной неприязнью, но я, если честно, не испытывал к ней вообще никаких чувств.

Следующей из тех, на кого я обратил внимание, пришла Люси Нэпп. Мы с ней ежедневно виделись на протяжении восемнадцати лет, пока она не покинула приют и не поступила в училище «Зимних технологий». В приюте дружба возникает и угасает, но мы с Люси постоянно оставались близки. Все те шесть лет, прошедших после того, как она покинула приют, мы с ней разговаривали по крайней мере раз в месяц.

— Привет! — сказал я, и мы ударили кулаком по

кулаку — это было что-то вроде тайного приветствия, существовавшего с незапамятных времен.

Это по нашей с Люси вине на лице Святой Анесте2зии, украшающем фриз под сводом, до сих пор красовалось засохшее пятно от пирога с карамелью, напоминание о незабвенной потасовке из-за ужина, случившейся в девяносто шестом году. В штукатурке даже зияла выбоина в том месте, где Донна Тринкет, решительно настроенная побить рекорд времени проезда по коридору первого этажа на роликовых коньках, налетела на стену из-за лужи кетчупа, беспечно пролитого на пол кем-то с кухни.

— Так что там насчет твоего перехода в «Зиму без страха»? — спросила Люси, как мне показалось, с оттенком дружелюбной насмешки.

— Все, что угодно, лишь бы выбраться из этой дыры, — ответил я. — Но я вовсе не хочу сказать, что могу только продавать Зимние страховки с дополнительной выплатой на преобразование и обязательной выплатой на трансплантацию. Есть еще полное страхование жизни, с медицинским обслуживанием, включая зубоврачебную помощь, страхование от пожара и несчастных случаев, не говоря про обморожения. Ну что думаешь?

— С трудом могу сдержать свое безразличие.

— Сам я чувствую то же самое, но, понимаешь, «морфенокс»…

Первые десять лет мне предстоит работать за минимальное жалованье, но дело того сто2ит. Конечно, главное тут не сама работа, скучная, словно талая вода, а разные сопутствующие льготы: «Без страха» незамедлительно заберет из Святой Гренеты мои права на «морфенокс». И я смогу в буквальном смысле спокойно спать. Да, придется смириться со строгими контрактными обязательствами, невозможностью сменить работу и отсутствием свободы выбора, но зато карьерный рост не потребует существенных мозговых усилий. Я наконец смогу вырваться отсюда, полностью сохранив свои фармацевтические привилегии.

— Эй, — сказал я, — ты слышала, что Эд Дуизл сплясал «ночной фанданго»? [8]

— Да, — подтвердила Люси, — слышала.

У Дуизла вечно были проблемы с тем, чтобы набрать вес. Мы всегда тайком его подкармливали.

---

[8] Примечания: 8

Жаргонное выражение, означающее «стать лунатиком». Схожие выражения: «скорлупа», «капуста», «мертвоголовый» и «шлак». Более вежливым является слово «вернувшийся», но, строго говоря, такой человек находится в псевдосознательном состоянии вегетативной подвижности.

Не знаю, как ему удалось самостоятельно продержаться три Зимы после того, как он покинул приют Святой Гренеты, но, должно быть, это дорого ему обошлось. Несмотря на то что в четвертую зиму Дуизл по уши накачался «морфеноксом», в спячку он залег слишком худым, и запасы жира у него иссякли примерно за три недели до Весеннего пробуждения. Он стал лунатиком, затем его преобразовали куда-то на север подметать улицы, а через восемь месяцев разделали.

— «Полезно до самой смерти и после нее», — сказала Люси, — как любит повторять на рекламных плакатах компания.

Она имела в виду компанию «Зимние технологии», которая выпускала «морфенокс», а также преобразовывала всех подходящих лунатиков и изучала их потенциал по части трансплантаций. Политика компании в отношении лунатиков была направлена в первую очередь на общедоступность. Был у нее еще один рекламный лозунг:

Использовать можно все, кроме зевка.™

Мы с Люси прошли в вестибюль Зеленого зала.

— Мне всегда как-то не по себе от встреч бывших воспитанников Приюта, — сказала она. — В

целом неплохо, но нравятся мне далеко не все.

— Грубое и гладкое, — заметил я.

— Дерьмо и святые, — уточнила Люси.

Мы смешались с толпой, пожимая руки или кивая другим приглашенным, в строгом соответствии с постоянно меняющейся шкалой уважения и признательности. Уильямс, Уолтер, Кейли, Нил, другой Уильямс и Макмаллен — все они были здесь. Я собирался сказать пару слов Гэри Финдли, но тот, увидев меня, сразу же отвернулся, сделав вид, будто хочет налить себе еще пива из кулера. Мы с ним не обменялись ни словом с тех пор, как нам было по двенадцать лет, с того самого дня, когда он прекратил издеваться надо мной, с того самого дня, когда я откусил ему ухо [9].

Те, кто уже давно покинул стены приюта — по большей части я их не знал, — свободно общались с нами, как и мы сами свободно общались с нынешними воспитанниками. Всех тех, кто провел какое-то время в приюте, объединяли прочные узы, похожие на родственные. На самом деле, если учесть обстоятельства жизни здесь, мы действительно были одной большой семьей.

---

[9] Примечания: 9

Если вам интересно, оно оказалось на вкус соленым и отделилось на удивление легко.

Люси направилась поздороваться со Старшими сестрами, которые в центре всеобщего внимания величественно восседали на сцене подобно семерым герцогиням, приветствуя гостей. Сестры глупо хихикали над какой-то шуткой; их обычная строгость смягчалась тройным праздником важного события, еды, а для тех, кто не вынашивал ребенка, еще и хереса, самого дешевого, какой только можно найти.

— Наша самая что ни на есть собственная Люси Нэпп, — сказала сестра Плацентия, когда мы приблизились к сцене, обнимая Люси, а на меня обращая внимания не больше, чем на знакомый предмет мебели. — Скажи что-нибудь хорошее.

Люси вежливо рассказала сестрам, что ее перевели в систему быстрого отслеживания лунатиков компании «Гибер-тех», а я молча стоял рядом. Несмотря на свои причуды, сестры в целом были неплохими. Без них я бы не выжил — младенцев, находящихся в гораздо более плачевном состоянии, чем я, регулярно оставляли недокормленными к началу их первой Зимы. Так что были приюты и похуже этого.

– *Очаровательно,* дорогая, — сказала сестра Плацентия, когда Люси завершила краткий рассказ о том, что с ней случилось. — И каковы

шансы, что ты сможешь выделить нам для работы на кухне Эдварда?

— В следующем году работа системы будет совершенствоваться, — сдержанно ответила Люси. — И тогда я посмотрю, что можно будет сделать.

Эдвардами и Джейн назывались преобразованные лунатики. После того как их избавляют своевременными перекусами от склонности к людоедству и кропотливо собирают воедино разрозненные клочки их сознания, они могут выполнять простую работу. Некоторые считают, слишком простую, чтобы их можно было использовать в домашнем хозяйстве. В Приюте Святой Гренеты в Порт-Толботе был Эдвард, умеющий мыть посуду [10], но по большей части их использовали строго для одинаковых повторяющихся действий, таких как открывание дверей, накачивание воды и копка огорода.

— Как дела, Кривой? — раздался мне прямо в ухо голос, настолько внезапно, что я вздрогнул.

Это была сестра Зиготия, которую я любил больше всех, несмотря на — а может быть, как

---

[10] Примечания: 10

Но только тарелки, блюдца, кастрюли, сковородки и столовые приборы. Чашки, кружки и стаканы остаются для него чем-то слишком сложным.

раз вследствие ее эксцентричности. Она обожала арахисовое масло с анчоусами, на зиму заколачивала дверь в свою спальню, «чтобы защититься от рыщущего Зимнего люда», а также требовала, чтобы в пудинг добавляли кусочки острого перца, «чтобы подготовить нас к разочарованиям, которые неизбежно встречаются в жизни».

— Да так, — ответил я. — Бюджет на следующий год туговат, но все будет в порядке, если только компенсационные выплаты не урежут и мясо мы будем есть не чаще двух раз в неделю.

— Хорошо, хорошо, — рассеянно промолвила сестра Зиготия и, положив руку мне на плечо, повела в дальний угол. — Послушай, мне не хотелось тебя огорчать, но у меня плохие новости. Ты должен знать, что мать Фаллопия, прослышав о том, что ты подал документы в «Зиму без страха»… в общем, она переговорила с тамошним кадровиком, и твое заявление… отклонили.

Если честно, я не удивился, но все равно было неприятно. Чувство разочарования имеет собственный запах, чем-то похожий на аромат ириски, смешанной с высушенной на солнце грязью. Я поднял взгляд на сестру Зиготию. Та пробормотала, что очень сожалеет, и я заверил ее, что все в порядке. От дальнейшего меня из-

бавила просьба разобраться с сестрой Зачатией, которая чересчур рьяно взялась за свои обязанности вышибалы у двери. Сестра Зачатия любит пособачиться, поэтому потребовалось не меньше десяти минут, чтобы ее усмирить, подмести с пола выбитые зубы, успокоить тех шестерых, кого она только что выставила вон, и заклеить ей рассеченную бровь. Когда я вернулся, Люси Нэпп рассказывала всем о своей первой зимовке в штате «Гибер-теха», особо подчеркнув то, что своими собственными глазами видела зимнее солнцестояние. В доказательство этого она показала одинокую бронзовую звездочку, приколотую к блузке.

— Ты впадала в ступор от бессонницы? — спросил я, задвигая досаду в дальний угол сознания, где ее уже ждала теплая компания аналогичных чувств.

Всем было известно, с какими опасностями сталкиваются те, кому впервые приходится не спать всю зиму.

— После того как цикл сна сдвинулся на весну, стало довольно терпимо, — сказала Люси, — но первый год был очень жестоким. Единственным плюсом является то, что в то время, пока ты замерзаешь до смерти, пока тебя пожирают или

заставляют заниматься домашней работой, ты можешь воображать, будто нежишься на пляже на полуострове Говер, потягивая дайкири с банановым ароматом [11] и наблюдая за тем, как солнце заходит за гриль-бар «Голова червяка».

Среди выпускников приюта были и другие Зимовщики — просто Люси устроилась на эту работу совсем недавно. Три года назад Билли Дефройда призвали в Службу зимних консулов, и все восторгались им до тех пор, пока его не сожрали с потрохами лунатики, бродящие стаями в Лландейло. Ему повезло больше, чем многим другим. Средняя продолжительность жизни Консула-послушника в первую зиму, когда приходится «ступить в сугроб», составляет чуть больше месяца. Зима — суровая пора; неудивительно, что первую свою Зиму новички проводят в четырех стенах, перебирая бумаги.

— Итак, Люси, — сказал я, — расскажи нам про ступор.

— Ну начнем с того, что это требует очень большого… напряжения, — сказала Люси. — Мне казалось, что ноги у меня из пластилина. Чем сильнее холодало, тем более хрупкими они ста-

[11] Примечания: 11

Одна чайная ложка «Несквик»-банан, в равных частях ром и ячменный отвар с лимонным соком «Робинсон».

новились. Я боялась, что, если появится лунатик, я не смогу от него убежать.

— У меня бывали подобные кошмарные сны, — призналась Мейзи Роджерс, которой довелось не спать Зимой. — Будто я бегу, но не могу спастись.

Сны. У тех, кто представлял из себя хоть что-то, никаких снов *не было.* Те из нас, у кого был доступ к «морфеноксу», с радостью променивали свою подсознательную зимнюю активность на резкое снижение потребностей в запасенной энергии и крайне полезную предсказуемую потерю веса. Впервые за всю историю человек мог *реально* надеяться на то, что доживет до Весны, а не смотреть на каждое новое время года как на непредвиденный дар. Как гласил еще один рекламный лозунг: «Морфенокс» приносит Весну». К этому следовало бы добавить: «но только если у вас есть деньги или общественное положение, чтобы им пользоваться».

— Но только не надо бахвалиться своими чертовыми сновидениями, — с укором заметила присоединившаяся к нам Меган.

Мы согласно закивали. Большинство тех, кто вынужден отказываться от фармацевтических средств помощи пережить Зиму, предпочитает об этом не распространяться. Это все равно что

ходить в бейсболке, на которой большими буквами написано: «Гражданин 3-го сорта».

Но Мейзи, к ее чести, нисколько не смутилась.

— Мне нечего стыдиться, — гневно воскликнула она, — и не надо меня ни в чем обвинять! К тому же Сны — это здорово, и они не повторяются, и по крайней мере так я никогда не стану лунатиком, который всю Зиму вынужден бродить по земле, питаясь жуками, тряпками, людьми и прочим, а дни свои закончит в клинике по пересадке органов.

— Если ты станешь Отсутствующим, то сам этого не поймешь, — заметил я. — В этом и трагедия, и благословение — нет мозгов, нет и угрызений совести.

Неизбежно у «морфенокса» имелись и свои отрицательные стороны: невыносимая головная боль, жуткие галлюцинации, — недаром на каждые две тысячи тех, кто пользовался препаратом, приходился один, который пробуждался после зимней спячки лунатиком. Именно те самые пятьдесят процентов граждан, кто допускался пользоваться «морфеноксом», могли в конечном счете превратиться в пускающих слюни недолюдей с серьезными проблемами по части личной гигиены и пугающей склонностью к каннибализ-

му. И тем не менее никто не сомневался в том, что на такой риск можно пойти.

Внезапно в зале наступило оживление: принесли еду. Мы встали в дисциплинированную очередь за ней, и в радостном предвкушении громкость разговоров нарастала. В ожидании того, когда накормят сестер, детей и слишком худых, мы болтали о той бредовой идее, которую проталкивал светским модницам самозваный светило проблем сна Гэйр Бриллс, а также, неизбежно, кто победит в конкурсе «Не перевелись еще таланты в Альбионе».

— Спать на дереве, укутавшись в дерюгу и вымазавшись гусиным жиром, при минимальном индексе массы тела, — сказала Люси, отвечая на вопрос про Гэйра Бриллса. — Всю Зиму неформалы будут градом сыпаться с веток.

Что же касается конкурса «Не перевелись еще таланты в Альбионе», все терялись в догадках после того, как в прошлом году победу совершенно неожиданно одержал Берти (такса с торчащими изо рта передними зубами), умеющий танцевать чечетку; поэтому разговор вскоре перешел на тему, которая в настоящий момент была во всех новостях: внезапное резкое увеличение зимней смертности. Для сокращения потерь умеренные

предлагали пропаганду воспроизводства потомства и финансовое стимулирование, в то время как сторонники жесткого курса выступали за публичное посрамление бесплодных, снятие всех ограничений по вынашиванию детей и полную отмену выплат Детских компенсаций. Хотя, несмотря на убыль в зимний период, численность населения оставалась стабильной, периодические провалы в демографической ситуации по-прежнему вызывали панику, а правые радикалы стремились раздуть любые страхи.

— Я слышала, что снижение минимального детородного возраста одним махом разрубит проблему убыли, — сказала Меган.

— Для этого потребуется пересмотреть определение понятия «ребенок», — заметила Люси, — а я сомневаюсь, что это желательно или возможно.

— Всегда можно довести соотношение полов до семидесяти к тридцати, — предложил я.

— Подправлять цифры — это *крайне* плохая затея, — вмешалась Люси. — У меня и так хватает проблем с поиском достоверных данных.

— А я говорю, нужно заморозить щедрые государственные субсидии в адрес «Гибер-теха», — тоном пламенной революционерки

заявила Мейзи, — и вместо того чтобы разрешать «морфенокс» немногим избранным, разработать действенную стратегию, обеспечивающую то, что *каждый* гражданин к следующему Засыпанию смог бы набрать минимальный допустимый индекс массы тела. В вопросах зимней спячки нельзя поддерживать только одну элиту, нужно добиваться Равного сна для всех — это справедливо, это позволит повысить выживаемость и уменьшить убыль и в конечном счете освободиться от бремени деторождения.

Мы испуганно притихли. Это была основная доктрина влиятельной в прошлом группы «Кампания за истинный сон», которая когда-то считалась уважаемой оппозицией, но уже давно заняла радикальные позиции и была объявлена вне закона. Группа выступала за то, что единственным настоящим сном является сон естественный, что фармакологические попытки решить проблему убыли неприемлемы в моральном и финансовом планах и что люди должны стремиться к долгосрочному здоровью [12]. В настоящее время только очень мужественный или очень глупый человек мог публично высказы-

[12] Примечания: 12
Неофициальный девиз «Истинного сна» гласил: «Пусть сбудутся сны».

вать подобные взгляды или даже просто заводить разговор на эту тему. На первый взгляд Мейзи была скорее мужественной, чем глупой.

— Субсидии расходуются в основном на исследования, направленные на то, что когда-нибудь *вся* Зимняя спячка окажется под защитным покровом «морфенокса», — с жаром возразила Люси. — Дон Гектор был гением, но даже у него имелись свои ограничения — мы к этому еще придем.

— Мы знаем только то, что нам говорят твои дружки из «Гибер-теха», — ответила Мейзи. — Это механизм общественных уступок. Дон Гектор не сделал нас свободными, он лишь ввел классовые различия между хорошим сном и плохим сном. А нам нужно зимовать в одной глобальной деревне, равными в сне, равными в достоинстве.

Кто-то ахнул. Это было программное заявление «Кампании за истинный сон», своеобразный призыв к сплочению.

— Лучше воздержаться от подобных разговоров, — сказала Люси, внезапно становясь гораздо *более* серьезной. — У меня могут быть большие неприятности, если я не донесу на тебя. А Дон Гектор был великим человеком, спасшим миллионы благодаря «морфеноксу».

— Мой гибернатолог говорил, что уже на подходе новый препарат, — сказала Меган. — «Морфенокс-Б». Это еще что такое?

— А я слышал что-то про проект «Лазарь», — подхватил я, позволяя любопытству взять верх над благоразумием.

— Если бы все слухи про «Гибер-тех» можно было пустить на колесо водяной мельницы, — после неловкой паузы сказала Люси, — этого хватило бы, чтобы перемолоть всю пшеницу в Уэльсе.

— Ты не ответила на вопрос Меган, — строго заметила Мейзи.

Люси и Мейзи враждебно переглянулись, и у Люси задергалось веко. Люси мне очень нравилась, но она была до конца преданным сотрудником «Гибер-теха». Наверное, это качество являлось обязательным при приеме на работу.

— Я не обязана отвечать на вопрос Меган, — медленно и раздельно произнесла Люси.

Эту стычку прервало какое-то оживление у двери. Собравшиеся расступались, освобождая кому-то дорогу, и это могло означать одно из двух: какая-то знаменитость или кто-то важный. Или, как оказалось на самом деле, и то и другое.

Новоприбывших было двое, они шли, любезно беседуя друг с другом. Одной была мать Фаллопия,

высокая, изящная, строгая, в рясе настолько черной, что она казалась дырой в воздухе, имеющей силуэт монахини. Ее спутником был высокий мужчина в белом маскхалате Зимних консулов. На лацкане у него сияла Золотая звезда Солнцестояния, свидетельство того, что он повидал по меньшей мере двадцать Зим. В кобурах висели две «Колотушки» с рукоятками из орехового дерева. Смуглый, высокого роста, с привлекательной внешностью героя-любовника, он всем своим видом излучал строгое достоинство. Также мужчина обладал некоторым внешним сходством с Эйаной, Сианой, Мейзи, Дафной, Билли и Эдом Дуизлом — но на то имелась веская причина.

— Ого! — пробормотала Люси, не скрывая своего восторга, как и все мы — пожалуй, как и все присутствующие в зале. — Это же… Джек Логан!

Джек Логан

«…из всех Зимних служб самой опасной была Служба зимних консулов. Лишь немногие из тех, кто поступал в нее, могли рассчитывать на то, чтобы продержаться десять лет, однако проблем с набором новобранцев никогда не возникало. Как говорится, «не человек искал работу, а работа искала человека». Среди тех, кто поступал на службу добровольно, не было таких, кто не хотел оставить все в прошлом…»

«Двадцать семь солнцестояний и дальше», Зимний консул Макдоузер по прозвищу «Скала»

Большинство Консулов вне зимнего периода стремятся только к тому, чтобы на них не обращали внимания, однако кое-кто по тем или иным причинам жаждет славы. «Дикая кошка» де-Лют из Девятого сектора прославилась своим умением ловить лунатиков живьем — их у нее на счету было четыреста шестьдесят два, отправленных в центры преобразования, маловероятно, что

этот рекорд будет когда-либо побит; «Пахучий» Шнайдер из Девятнадцатого сектора попирал все правила общественного приличия, вне службы живя вместе с Зимней кочевницей, а Старший консул Токката из Двенадцатого сектора подозревалась в пристрастии к зимнему каннибализму в масштабах, выходящих за рамки пристойного и уж тем более необходимого.

По сравнению с ними Джек Логан представлял собой парадное лицо Службы консулов. Конечно, ходили слухи о его излишнем рвении и стремлении извлекать коммерческую выгоду из своего служебного положения, однако послужной список Логана заглушал все подобные пересуды. В объединенном районе Ньюпорт-Порт-Толбот-Кардифф уже длительное время были самые низкие во всем Уэльсе показатели убыли, аварий в «Чугунка́х», нашествия Злодеев и бесчинств, творимых лунатиками. А в физическом плане Логан был Самцом первого уровня — поговаривали, что он мог бы заламывать умопомрачительные гонорары за оплодотворение, но, к своей чести, не делал этого.

Идя по залу, Логан приветственно кивал направо и налево, мельком задерживаясь взглядом на ком-либо из присутствующих, и ставил автогра-

фы на протянутых ему клочках бумаги. Мы знали, что Джек Логан уже давно является покровителем Приюта Святой Гренеты, однако он редко появлялся на общественных мероприятиях.

После того как первое возбуждение улеглось, мы, отстояв очередь, набрали кукурузных початков, с которых капало сливочное масло, затем положили риса с курицей. Порции были большие. Все выглядело чересчур расточительным.

— Что здесь делает Джек Логан? — спросил Брайан, который стоял за стойкой буфета, раздавая еду. — Насколько я понимаю, такое бывает нечасто.

— Он вручает матери Фаллопии двенадцатого Серебряного аиста, — сказал Гэри Финдли, стоявший в очереди в трех людях за нами.

— Она того заслужила, — заметил Брайан.

Сам он был у достопочтенной сестры пятым Серебряным аистом, а Гэри и Люси — совместным восемнадцатым. Сестринская община Непрерывной беременности относилась к своим обетам серьезно. Рекорд принадлежал сестре Вульволии из Пятьдесят первого сектора с тридцатью четырьмя аистами. Все, кроме девятерых, пережили первую Зиму, и все были от разных отцов — но, впрочем, у сестры Вульволии был верный

глаз [13], и она серьезно подходила к вопросу необходимости генетического разнообразия.

— Гм, — сказала Люси, беря куриную ножку, — как вы полагаете, Логан будет сегодня выступать?

Вполне возможно. Нередко военные и сотрудники правоохранительных органов в качестве прибыльной подработки воплощали на сцене свои Зимние подвиги. Представления, которые устраивал Логан, были рассчитаны на искушенного зрителя. В них использовались имитация снега и машины, создающие ветер. Как-то раз он выпустил на сцену настоящего живого лунатика, но представление пришлось прекратить после того, как лунатик вырвался и, пробравшись в партер, покусал сидевших там зрителей. Трагическое происшествие, хотя если бы пострадали зрители галерки, думаю, никто бы не придал этому значения.

Набив себе животы и вытерев пальцы и губы салфетками, мы уселись и стали готовиться к таким же объемам пудинга через час, за которыми через два часа последуют пряники и сахарная

[13] Примечания: 13

По слухам, она частенько подходила к приглянувшимся ей мужчинам прямо в торговых центрах и кинотеатрах, но я не могу сказать, правда это или нет.

вата. Считалось, что те, кто не поглотил порцию калорий, по крайней мере впятеро превышающую норму, подошли к «накоплению жирка» несерьезно.

Мы стали болтать, рассказывая друг другу о том, что произошло с момента последней встречи. Как дела у бывших воспитанников, кто умер, затем долгая череда «а помните, однажды…». По прошествии времени все это казалось уже не таким страшным и даже занятным: случай с Донной Тринкет — неувядаемый хит, или то, как Бетти Симкокс едва не погребли живьем в ходе прикола, пошедшего наперекосяк, или то, как Джоплин подожгла себя ради прикола, на удивление получившегося удачным, чего никто не предполагал, — и, наконец, как обычно, о том, как Дэй Пауэлл исчез в день своего шестнадцатилетия, а возвратился в день двадцатилетия, и никто так и не узнал, где он пропадал все это время.

— Дэй до сих пор сам понятия не имеет, — сказала Люси. — Я спрашивала у него не далее как на прошлой неделе.

— Я так думаю, Злодеи его похитили и заставили прислуживать, — предположила Меган, — а ему стыдно в этом признаться.

После того как был поглощен пудинг с яблочным вареньем, приправленный примерно двумя галлонами заварного крема [14], мать Фаллопия произнесла речь. Это был все тот же самый мусор насчет Обжорного четверга, который мы уже слышали, и не один раз: как мы по мере приближения Зимы должны броситься в объятия обжорства и бездеятельности, памятуя о тех, кто не пережил прошлую Зиму из-за пренебрежительного отношения к своему весу, и о женщинах, которым надо думать о поступлении в общину сестер, и о мужчинах, которым необходимо делать все возможное, чтобы быть плодотворным членом общества, ежедневно восхваляя принцессу Гвендолин, и хранить верность Уэльсу и Северной Федерации, — и так далее и тому подобное. Затем настоятельница объявила о том, что отходит от дел вследствие снижения способности к воспроизводству потомства и передает бразды правления Приютом Святой Гренеты в твердые руки сестры Плацентии, что было встречено несмелыми аплодисментами, а кое-где в задних рядах и стонами.

Затем произнес речь Старший консул сектора

---

[14] Примечания: 14

На всех, а не на каждого, хотя ощущение было именно таким.

Логан, о том, как община сестер прилагает все силы для предотвращения угрозы Зимней убыли, поблагодарил мать Фаллопию за ее многочисленные роды и мудрое и чуткое руководство Приютом Святой Гренеты, поздравил сестру Плацентию с новой ответственной должностью, после чего повторил многое из сказанного матерью Фаллопией. Закончил свою речь Логан короткой скороговоркой, которая в тот момент показалась совершенно не к месту:

Чтобы проводить пригожего прохожего
из ледяного Лланбойдана с кру2жками и стружками
в Чизуик пока Крюгерс и Люгерс палят из пушки по подушкам
этого хватит чтобы сделать мамонта из одного грамма грамоты
и наполнить литую кастрюлю кипятком из Ливерпуля.

Переглянувшись, мы дружно пожали плечами, затем прилежно захлопали, когда Логан вручил матери Фаллопии полагающегося Серебряного аиста. После чего мы вернулись к столу и мятному печенью размером с блюдца, подносам с сыром и тому, что оставалось в чужих тарелках. Традици-

онно в Обжорный четверг не было ничего даже отдаленно напоминающего мытье посуды.

К нам присоединилось несколько бывших воспитанников, и завязался разговор, точнее, говорили они, а я слушал, все еще не в силах собраться с мыслями. Сотрудница криминалистической лаборатории рассказала о том, как исследует рисунок брызг, оставленных в ходе поспешной неряшливой еды во время незаконного проникновения в кладовки и кражи съестного.

— Виной всему этому неизменно голод, поэтому еда поглощается прямо на месте, — объяснила она, — а в такой спешке следить за аккуратностью крайне трудно.

Она рассказала про ограбление кладовой в Дормиториуме «Кэри Грант» [15]. В тот момент Дормиториум не охранялся, поскольку его пришлось закрыть после отключения реактора, однако и тогда, и сейчас кража съестного оставалась преступлением, караемым Замораживанием. Многие винили в случившемся Злодеев, однако власти решили, что это «Кампания за истинный

---

[15] Примечания: 15

Грант, Кэри (наст. имя Арчибальд Александр Лич) (1904–1986) — американский актер британского происхождения, самый романтичный из голливудских супергероев, ставший воплощением остроумия, мужества и лоска для многих американцев 30–50-х годов. *(Прим. переводчика.)*

сон» попыталась накопить достаточно припасов, чтобы действовать на протяжении всей Зимы [16]. Никто в здравом уме в это не верил, и Кики, номинальная глава «Истинного сна», назвала заключение «совершенно вздорным».

— Говорят, сами легавые воровали еду, чтобы выйти на Кики, когда та начнет все отрицать, — сказал кто-то, не помню уже, кто.

— Кстати, а кто такая эта Кики? — спросил я.

— Глава «Истинного сна», — ответила Меган.

— Это я знаю. Не *что,* а *кто.*

— Этого никто не знает, — пожала плечами Люси. — Это не человек, это просто пост. Если убрать Кики, ее место займет вице-Кики.

Это бесспорно было правдой, поскольку везде действовал принцип Гидры, от королевских семей и Зимних консулов до военных и прислуги в «Чайных комнатах миссис Несбит». Уберешь одного, а у него за спиной уже ждет следующий. Тем не менее «Истинный сон» в последнее время попритих, и все же, как и в случае с действующим, но в настоящий момент спящим вулканом на острове Скай, никто не мог сказать, плохо это

---

[16] Примечания: 16

Для того чтобы бодрствовать на протяжении всей Зимы, требуются полная кладовая, большое везение, теплая одежда и несколько десятков хороших книг.

или хорошо.

Увидев, что сгущающиеся сумерки принесли в зал темноту, я оставил компанию беседовать, а сам стал собирать детей, чтобы те начинали наводить порядок и выносить настольные игры и кальяны. Сестра Плацентия за игрой в «скраббл» [17] любила попыхивать кальяном, наполненным малиновой водой, а сестра Зачатия предпочитала неагрессивную разновидность шахмат, в которой нельзя брать чужие фигуры. Сестре Зиготии больше всего нравилась шумная игра «Голодные гиппопотамы». Каждому свое. Но, выполняя поручение сестры Плацентии и проходя мимо кабинета матери Фаллопии, я обратил внимание на людей, сидящих на скамейке перед дверью. Я спросил, в чем дело, и Уильямс, моргая по-совиному, сказал, что Логан проводит открытое собеседование на предмет приема в Зимние консулы.

– *Открытое* собеседование? Без предварительного отбора?

— Похоже на то. Он потерял своего Послушника и ищет ему замену.

Я задумался. Точнее, я нисколько не раздумы-

---

[17] Примечания: 17

«Скраббл» — игра в слова, суть которой заключается в составлении слов на доске в клетку по правилам кроссворда. *(Прим. переводчика.)*

вал. Я просто попросил Уильямса подвинуться и сел на скамейку. У меня гулко колотилось сердце, и на то имелась причина: служба в Зимних консулах опасна — говорили, это мало чем отличается от самоубийства, — но зато она открывает доступ к «морфеноксу» [18].

— И когда ты впервые задумался о карьере Зимой? — спросил Уильямс, на которого напала болтливость.

— О, восемь секунд назад, — ответил я.

Для 99,99 процента граждан, впадающих в спячку, Зима является абстрактным понятием. Заснуть и проснуться через четыре месяца — хотелось на это надеяться.

Осень пришла, и спать я бегу.
Спячку я эту терпеть не могу!
Есть, как свинья, храпеть, как сурок:
Мертвый, живой – какой в этом прок?

Помимо тех, кто работал в системе Трансплантаций и *должен был* бросать вызов Зиме, мало кто осмеливался встретиться лицом к лицу с холодом, грызунами, Злодеями, одиночеством

[18] Примечания: 18
Разумеется, они пользуются препаратом не Зимой, а когда спят — в конце Лета.

и Зимним людом. Однако, поскольку моя абсолютно безрадостная должность управляющего приюта не имела никаких перспектив, а найти работу без специальной подготовки, дающую право на «морфенокс», было практически невозможно, мысль о зимовке внезапно показалась мне весьма привлекательной.

— Как насчет службы Зимним консулом? — спросил Уильямс. — Ты уже давно мечтал о такой?

— О, долгие годы.

На самом деле, учитывая сопряженные с этой службой опасности и обыкновенно крайне жесткий процесс отбора, *никогда.* Я сидел на скамейке, стараясь сохранить спокойствие и гадая о том, что сказать. Собеседования продолжались примерно по десять минут, и на каждого соискателя, выходившего с вытянутым лицом, обрушивался шквал вопросов со стороны дожидающихся своей очереди. На все вопросы неудачники отвечали недоуменными пожатиями плечами, добавляя, что им отказали. Никто понятия не имел, что именно ищет Логан.

После того как Уильямс вошел с воодушевленным видом, а вышел раздавленный, наступил мой черед.

Испытание

«…Гибернационная бессонница, или Зимсонница, имеет различные причины: кому-то заболевание или травматическое расстройство гипоталамуса не позволяет погрузиться в спячку полностью или хотя бы частично, у других виной всему гипнофобия или врожденная склонность к накоплению солей кальция или потере мышечной массы. Большинство тех, кто не впадает в спячку, стремятся найти себе какое-нибудь полезное применение зимой, но некоторые, так называемые «незаслуженно бодрствующие», предпочитают бездельничать, полагаясь на чужие кладовые…»

«Введение в психологию зимней спячки», XXII издание

Мать Фаллопия и Логан находились у нее в кабинете, маленьком, строго обставленном помещении, в котором пахло мебельным лаком, кофе и краской для ксерокса. Посреди кабинета стоял большой письменный стол из темного дерева,

но в остальном обстановка состояла из шкафов с документами и фотографий младенцев на стенах. Когда я бывал здесь, мне всегда становилось несколько не по себе, и не только из-за хозяйки кабинета и ее пронизывающего насквозь взгляда, красноречиво гласящего «чем ты заслужил свое существование»: на стенах висели фотографии тех детей, кто не пережил первую или вторую Зиму. Мы никак не могли взять в толк, то ли это память, то ли приглашение сестрам лучше производить потомство; а может быть, матери Фаллопии просто нравились фотографии детей, а все остальное ее не волновало.

— У тебя есть направление? — спросила мать Фаллопия.

— Нет, — ответил я, — но я слышал, что прошение на службу в Зимних консулах может подать любой.

— У тебя уже есть работа, — произнесла мать Фаллопия голосом, словно прошедшим сквозь оцинкованные трубы, — и другая тебе не нужна. И, поверь мне, ты не продержишься в Консулах и десяти минут.

Должен признаться, что я испытал непреодолимое желание принести глубочайшие извинения и удалиться, но, к своей чести, не сделал этого.

— Я Чарли Уортинг, — дрогнувшим голосом промолвил я. — Мне бы хотелось, чтобы мою просьбу рассмотрели.

— Двигаемся дальше, — сказала мать Фаллопия. — В этом случае мы только напрасно тратим время.

— Нет, Пруденс, — сказал Логан, и я впервые услышал, как матери Фаллопии возразили, а также как к ней обратились по имени. — Мы выслушаем всех желающих. — Он повернулся ко мне. — Стандартный процесс отбора очень муторный, — объяснил он, — однако далеко не идеальный. И я хочу найти зарытые алмазы, пропущенные при предварительном отборе. Я уже присматривался к тебе, Уортинг. Ты один из моих?

— Нет, сэр. Я… меня вынашивала суррогатная мать, но начались осложнения.

— Из-за твоей головы?

— Да, из-за моей головы [19]. Меня перевели в приют Святой Гренеты, выплатив только половину страховки. Остальное в качестве компенсации получили мои биологические родители.

— Страховка Уортинга давно закончилась, —

---

[19] Примечания: 19
Подробно о моей голове ниже.

вставила мать Фаллопия, — и теперь он живет за счет нашей любезности.

— Не согласен, — заявил Логан. — Все это осталось в прошлом. В настоящий момент он кандидат в Зимние консулы. Каждого нужно судить по его заслугам.

Я тотчас же проникся симпатией к Логану, почувствовав, что готов на все, лишь бы работать под его началом, и к черту «морфенокс». Он спросил, хочу ли я и дальше работать управляющим в приюте Святой Гренеты.

— Нет, сэр, — ответил я, усаживаясь на стуле прямо, несмотря на обжигающий взгляд матери Фаллопии, — я недавно подавал заявление на работу в страховой компании.

— И?

— Мне отказали.

— Причина?

— Вмешательство… третьей стороны.

При этих словах я выразительно посмотрел на мать Фаллопию, и та отвела взгляд. Логан обратил на это внимание и, по-видимому, обо всем догадался.

— Вовсе не обязательно, — заметил он. — Навыки?

— Умею читать и писать на уровне 4-А, — пе-

речислил я, — умею оказывать первую помощь, сто ярдов бегаю за 14,2 секунды, плаваю и играю на тубе.

— Уортинг, расскажи Джеку о том, что по Общим навыкам у тебя «Д» с минусом, — напомнила мать Фаллопия, не отказавшаяся от попыток торпедировать собеседование.

— На самом деле у меня «Д» с *плюсом,* — поправил я и добавил: — Хотя разницы особой нет.

— Я не очень-то полагаюсь на результаты экзаменов, — заметил Логан, прежде чем я смог продолжить. — Сам я в классе был одним из худших. На самом деле мне нужен человек с хорошей памятью.

Это было уже более интересно.

— Я был вторым на первенстве Суонси, запомнив шестьсот сорок восемь выбранных наугад слов, после того как прочитал их всего два раза, — с определенной гордостью сказал я. Этот результат по-прежнему оставался в городе третьим. Сестра Зиготия хотела, чтобы я принял участие в первенстве Южного Уэльса, но я, если честно, не люблю, когда на меня таращатся.

— Ты знала об этом? — выразительно посмотрел на мать Фаллопию Логан.

— Как-то выскользнуло из памяти, — сказала

та. — К тому же я никак не предполагала, что у Уортинга хватит наглости подать заявление.

— Мне нужен новый Послушник, с хорошей памятью. Отличные перспективы в плане карьеры. Работа интересная. Приходится постоянно решать сложные задачи. Кое-какие деньги, лишний кусок пудинга. Вероятность погибнуть от средней до высокой.

— Повторите еще раз?

— Лишний кусок пудинга.

— А *после* этого?

— Кофе с мятными пряниками?

— Я имел в виду ваш список.

— А, это — вероятность погибнуть от средней до высокой.

— Понятно, — сказал я. — И как дела у вашего предыдущего Послушника?

— Просто отлично.

— Не совсем, — скрестила руки на груди мать Фаллопия. — В настоящий момент она в сумасшедшем доме, стучится головой о стены и кричит благим матом.

— Кричит о чем?

— О, не знаю, — сказал Логан. — Муравьи, премьер-министр Ллойд-Джордж, пуговицы или что там еще.

— А у ее предшественника?

Ответила мать Фаллопия:

— Тело вернули, но без головы.

— Да, — задумчиво подтвердил Логан. — Я тогда еще подумал, как же это некрасиво.

— Лунатики?

— Злодеи.

Злодеи обыкновенно жили на границе ледников и частенько совершали набеги на расположенные поблизости города, разграбляя кладовые и угоняя прислугу. Они продавали мамонтов в качестве вьючных животных и играли на фондовой бирже, с переменным успехом. У них имелся собственный кодекс поведения, основанный на чести, хороших манерах и вечернем чае. Злодеи с радостью убивали того, кто с ними не соглашался, но затем писали покаянные письма его родственникам. «Хорошие манеры, — говорили они, — ничего не стоят».

— Понимаю, что не должен этого спрашивать, — сказал я, — но почему тело вернули без головы?

Логан пожал плечами.

— Знаешь, я сам точно не знаю. Конечно, можно было бы спросить у Злодеев, когда мы их настигли, но я был не в том настроении, да и на

исход, пожалуй, это никак не повлияло бы. Не нужно обращать внимание на подобные мелочи. По-прежнему хочешь поступить на службу?

Я оглянулся на мать Фаллопию.

— Как это ни странно, *да.*

— Ну хорошо. Вот тест, и он начинается прямо сейчас.

Последовала пауза.

— Я не знаю, что должен сделать.

— В этом и заключается тест.

Тридцать секунд я сидел, тщетно пытаясь сообразить, что хочет от меня Логан.

— Говорила же я, что мы напрасно теряем время, — торжествующим тоном заявила мать Фаллопия.

— Что ж, спасибо за то, что пришел, — сказал Логан, когда истекла минута. — Сколько там еще осталось?

— Я был последним.

Он захлопнул записную книжку.

— Тогда на этом всё.

Чувствуя, как во мне снова поднимается отчаяние, я поднялся на ноги, старательно избегая взгляда матери Фаллопии, поблагодарил Логана и направился к двери. Взявшись за ручку, я остановился и обернулся, осененный внезапной

догадкой.

— Чтобы проводить пригожего прохожего, — медленно начал я, — из ледяного Лланбойдана с кру2жками и… *стружками* из Флитуика в Чизуик пока… Крюгерс и Люгерс палят из пушки по подушкам этого хватит чтобы…

Я остановился, напрягая память. Скороговорку я слышал всего один раз, и не сосредотачивался. Но она звучала складно, и это упрощало задачу. Логан с любопытством смотрел на меня.

— Продолжай.

— …сделать мамонта из одного грамма… *грамоты* и наполнить литую кастрюлю кипятком из Ливерпуля.

Логан кивнул.

— Очень хорошо.

— Ерундовая задача, — недовольно буркнула мать Фаллопия. — К тому же Уортинг добавил в середине «из Флитуика».

— Знаю, — согласился я, — но так лучше звучит.

Логан улыбнулся.

— И то правда. Когда можешь начать?

— Я могу начать прямо сейчас. Можно задать один вопрос?

— Конечно.

— Зачем вам нужна моя память?

Логан смерил меня взглядом.

— Потому что моя недостаточно хороша для того, что, возможно, мне потребуется.

Поднявшись на ноги, он взял мою руку и заключил меня в Зимние объятия. Вблизи я почувствовал исходящий от него запах лосьона после бритья, ужина и коньяка.

— Добро пожаловать в Службу. Держись рядом со мной, делай то, что я говорю, и совершай сколько угодно ошибок — но только не повторяй одну и ту же дважды. Понятно?

— Да, сэр.

Отпустив меня, Логан взглянул на часы и сказал, что ему пора идти. Я изумился, увидев, как они с матерью Фаллопией — Пруденс — поцеловались в губы. Они крепко обнялись и попрощались, и Логан направился к двери.

— Следуй за мной, — сказал он.

Я обернулся к матери Фаллопии.

— Спасибо за все, что сделали для меня, — сказал я, стараясь быть искренним, однако на самом деле в моих словах прозвучал глубокий сарказм.

В ответ та сверкнула на меня глазами.

— Ты вернешься к Весеннему пробуждению, — сказала она, — или поджав хвост, или в цинковом

гробу. Никакой разницы. На эту работу тебя больше не возьмут. Желаю удачи. Тебе она ох как потребуется.

Ничего больше не сказав, я вышел вслед за Логаном.

— Пруденс вовсе не такая плохая, какой себя выставляет, — сказал он по дороге к выходу. — Чем ты ее так разозлил?

— Считалось, что я не переживу вторую Зиму, — сказал я, — и мои перспективы на усыновление были невысоки, поэтому ждать от меня денег было напрасно. И я не знаю, на сколько хватило выплат по страховке.

— Приюты — жестокое место, — согласился Логан, — и все-таки они выполняют важную задачу. Как долго ты максимум не спал?

— Сто восемь часов двадцать шесть минут, когда мы играли по телефону в «спящий теннис».

— Ну и как у тебя получилось?

— Не очень.

Я объяснил, что играл вместе с ныне покойными Билли Дефройдом и Сианом Морганом и услышал их насмешливые телефонные сообщения, когда наконец проснулся спустя шестнадцать недель. Победил Билли, продержавшийся сто сорок два часа, однако победа его была омрачена:

Сиана обнаружили Умершим во сне вследствие осложнений, вызванных недостаточной подготовкой к переходу в спячку, и нас с Билли обвинили — несправедливо, как нам показалось, — в Подстрекательстве к отбиранию еды. Мне дали шесть недель общественных работ, но за Билли заплатил штраф его приемный отец.

— Такое случилось не в первый раз, — усмехнулся Логан, толкнув дверь и выходя из здания, — и определенно не в последний. Знаешь, что Зимой убивает больше всего людей?

— Злодеи?

— Попробуй еще раз.

— Лунатики?

— Нет.

— Холод?

– *Одиночество.* Летом оно просто портит человеку настроение, а вот Зимой оно может привести к летальному исходу. Мне приходилось видеть, как у крепких людей ломалось все внутри. И не образно, я имею в виду, *буквально.* Как будто их покидала душа. Это было видно по глазам. Они стекленели, как у мертвых, как у лунатиков, словно внутри больше ничего не оставалось.

Нельзя сказать, что Логан расхваливал мне Зиму, но я промолчал. Он продолжал:

— Враг — это не Злодеи, кочевники, стервятники, бессонники, Ледяные отшельники, Мегафауна, лунатики, грызуны или разъедающая плоть холодная слизь, враг — это Зима. Для того чтобы выжить, нужно в первую очередь уважать ее. Что нужно делать?

— Уважать Зиму. — Я помолчал. — Сэр?

— Да?

— Что такое разъедающая плоть холодная слизь?

— Пожалуй, лучше об этом не думать.

Мы остановились перед оранжевым «Космо». Логан отпер дверь и сел внутрь, затем опустил стекло.

— Пока что это все. Я на шесть недель отправляюсь на боковую, встретимся за две недели до Засыпания. Явишься в Консульское отделение Кардиффа; мы находимся рядом с Дормиториумом «Черная мелодия» — ты можешь получить там квартиру. Перед тем отдохни пару дней. Отправляйся на курорт в Говер, сходи в кино. Может, тебе захочется дочитать длинную книгу, которую ты начал, доиграть затянувшуюся партию в шахматы по переписке и разобраться со всеми проблемами, которые лучше не оставлять нерешенными.

— А что, вероятность того, что я не доживу до Весны, *настолько* велика?

— Простая мера предосторожности, — ответил Логан. — Я делаю все возможное, чтобы не потерять Послушника в первый же сезон. Будь здоров!

Нельзя сказать, чтобы это заявление наполнило меня уверенностью, но по крайней мере я разделался со Святой Гренетой, сохранив права на «морфенокс». Я проводил взглядом, как «Космо» влился в поток машин и скрылся вдали.

Обернувшись, я посмотрел на старое здание, бывшее мне домом на протяжении последних двадцати двух лет. Я подумал было о том, чтобы заглянуть внутрь и поделиться со всеми своей новостью, а затем отправиться в продолжительное турне по всем ресторанам и кафе побережья — шашлык, рыба с картошкой, гамбургер, соевый творог, снова шашлык, — после чего в три часа ночи свалиться с набитым животом, стеная от несварения, счастливым и без гроша за душой.

Однако теперь об этом не могло быть и речи. Мое вхождение в Зиму впервые будет не таким, как прежде: налегке.

Ночи Кардиффа

«...Любому импульсному оружию для работы требуется резервуар со сжатым воздухом, однако все современные модели используют термальную батарею, включающую в себя детонатор для воспламенения источника тепла, который, в свою очередь, разжижает электролит для генерации электрического тока высокого напряжения. Сила тока значительная, однако длительность импульса ограничивается долей секунды...»

Руководство по эксплуатации ПВО (портативного вихревого орудия)

— Ого! — с восхищением произнесла Люси Нэпп, когда мы шесть недель спустя встретились, чтобы выпить кофе с булочками.

Сдобные булочки с изюмом были просто прелесть, а вот кофе на вкус напоминал песок. Я пригласил Люси в Кардиффское отделение Службы, в первую очередь чтобы произвести на нее впечатление. Она обвела взглядом просторное помещение, разделенное перегородками, аб-

солютно идентичное всем другим отделениям Консульской службы в стране, соответствующим требованиям «Нулевого навыка». Со стен огромного вестибюля при входе на нас взирали портреты Дона Гектора и принцессы Гвендолин XXX–VIII, барографы [20] тихо бормотали себе под нос, указывая на то, что погода, несмотря на внешние проявления, все-таки действительно улучшалась.

— Ого! — повторила Люси, когда мы устроились в холле. — Чарли Уортинг, Послушник Джека Логана. Кто бы мог подумать?

— Только не я.

— И как это — оставаться худым, в то время как все твои знакомые набирают жир?

— Через какое-то время я перестал с ними встречаться.

— Всегда одно и то же, неинтересно.

На самом деле это знакомые перестали встречаться со мной. Полнея на пути к заветному весу, который поможет продержаться Зиму, они видели во мне лишь плохое здоровье, предвещающее трагедию. Через месяц все прекратили со мной общаться. Все, кроме Люси. Она радушно при-

[20] Примечания: 20

Устройство, используемое для записи барометрического давления. Обыкновенно данные записываются на листе бумаги.

няла меня в семью Зимовщиков, не переставая хвалить и давать дельные советы.

— Решающее значение имеет хороший завтрак, — сказала Люси, — а также удобная обувь, носки из шерсти мериноса и запас съестного, чтобы всегда было чем перекусить. Также полезно хорошенько вздремнуть, всегда иметь при себе тюбик согревающей мази — и ни в коем случае не нужно недооценивать ценность подходящих обоев.

— Это еще как?

— Ты удивишься, какое успокаивающее действие может производить правильно оформленная комната. Помогает также неброская обстановка пастельных тонов, а еще собрание приятной камерной музыки — но лучше на восковых цилиндрах, а не на виниле и магнитной ленте. Ненадежность электричества действует на нервы, а от батареек на холоде нет никакого толка.

Люси спросила, как ко мне относятся Зимние консулы, и я объяснил, что занимаюсь для них готовкой, стиркой и глажкой.

— То же самое было и у меня в первую Зиму в «Гибер-техе», — подтвердила она. — Полагаю, это что-то вроде «дедовщины». В армии тебя в

одном белье высаживают в снег в тридцати милях от базы, на гражданке это мытье посуды и штопка. На самом деле это очень сплачивает, да и обращаться с утюгом научишься.

— Мне не нужно учиться обращаться с утюгом.

— *Всем* нужно учиться обращаться с утюгом.

Затем, подумав немного, Люси попросила меня «держать глаза открытыми». Я поинтересовался у нее, зачем, и она ответила, что как представитель «Гибер-теха» обязана иметь широкую сеть осведомителей — а я единственный ее знакомый в Службе зимних консулов, кому она может доверять.

— А что в Консулах такого, что им нельзя доверять? — спросил я.

— Много чего, — ответила Люси, но не стала распространяться, и разговор быстро перешел на другие предметы.

— Пусть Весна примет тебя в свои объятия, — напутствовал я, обнимая ее на прощание.

— И тебя тоже, — сказала Люси.

Логана я в следующий раз увидел только за десять дней до Засыпания. Дни стали уже совсем короткими, температура держалась ниже нуля, давно установился постоянный снежный покров. За всю последнюю неделю не было ни дуновения

ветра, снег опасно скапливался даже на самых крутых скатах крыш. Время от времени слышался приглушенный хлопок, когда очередные полтонны снега срывались вниз на землю. Утопление — не единственный способ, каким вода способна убить человека.

Я стоял, облокотившись на широкие гусеницы Снегохода, с гулко колотящимся сердцем, чертовски волнуясь, стараясь выглядеть настоящим профессионалом в новенькой ладно скроенной форме Зимних консулов. Помимо домашних забот в Службе, я провел две недели в Учебной академии, знакомясь с базовыми навыками выживания и основными понятиями психологии сна и сновидений, Злодеев, климата, коэффициента резкости погоды, радиолокационной станции Х-4С и даже Зимнего люда. Наставники недоуменно разглядывали меня с ног до головы, переговариваясь у меня за спиной относительно уровня моей подготовки. Большинство Послушников напряженно занимались на протяжении всего Лета.

Дверь в Дормиториум «Айвор Новелло» [21] открылась, и вышел Логан. Остановившись, он

[21] Примечания: 21

Новелло, Айвор (наст. имя Дэвид Айвор Дейвис) (1893–1951) — валлийский композитор, актер, драматург.

полной грудью вдохнул холодный утренний воздух. Выглядел Логан посвежевшим и на удивление поджарым — он не собирался носить на себе жирок, который каким-то образом отложился за месяц у меня.

— С возвращением, сэр! — сказал я. — Как спалось?

Логан озадаченно смерил меня взглядом.

— Ваш новый Послушник, — напомнил я, прекрасно понимая, что мозгу требуется какое-то время, чтобы оправиться после зимней спячки. — Меня зовут…

— …так, помолчи, я сам. — Сосредоточившись, Логан улыбнулся и щелкнул пальцами. — Чарли Уортинг. Парень с отличной памятью из заведения Пруденс. Верно?

— Так точно, сэр. Вы так и не сказали, зачем вам нужна моя память.

— Да, — подтвердил он. — Не сказал.

Мы забрались в Снегоход.

— Мои заметки у тебя?

Я повернул ключ в замке. С шипением сжатого воздуха заработал двигатель. Я протянул Логану папку. Тот принялся листать ее содержимое, пока мы ехали по пустынным улицам, заваленным снегом, мимо высоких сугробов, нанесенных

у стен домов. В папке лежали уточненные инструкции «Гибер-теха» относительно политики в отношении лунатиков, список сигналов тревоги, данные на пропавших без вести и разыскиваемых преступников.

— Ну как тебе это нравится, — сказал Логан. — Премия за поимку Счастливчика Неда повышена до десяти тысяч евро.

Нед Фарнесуорт по прозвищу Счастливчик был одним из самых дерзких членов неформального зимнего сообщества. Закоренелый женоненавистник, он промышлял воровством, убийствами и похищениями людей. Кроме того, Счастливчик Нед был страстным коллекционером марок — поговаривали даже, что это увлечение переросло у него в навязчивую одержимость. Благоразумные филателисты на Зиму убирали свои коллекции в хранилища.

— Десять тысяч? Этого достаточно, чтобы его предали собственные соратники?

— Без шансов.

В назидание другим Злодеи набивали снегом еще живых осведомителей и предателей, и этот вид возмездия, хоть и варварский, открывал простор для художественных изысков: еще не закоченевшему на морозе телу можно было

придать практически любую позу. Особенно популярной было воспроизведение микеланджеловского Давида, далее с небольшим отрывом следовали творения Родена [22]. Однажды стычка двух династических групп Злодеев завершилась тем, что из побежденных устроили очень правдоподобную копию «Тайной вечери». Она оставалась популярной туристической достопримечательностью до тех пор, пока не растаяла, а открытка с ее изображением какое-то время лидировала по объемам продаж.

Мы остановились перед воротами Кардиффского отделения Консульской службы. Нас пропустили внутрь, где Главу Сектора уже ждали Прейс, Клаар, Томас, Прайс, Пауэлл и Уильямс. Зимой в Кардиффе будут работать восемь Консулов, включая меня. Всего каких-нибудь десять лет назад штат состоял бы из двадцати человек. Сокращение бюджета ударило по всем отделениям.

Первый день Логан потратил на обустройство и краткое ознакомление с последними известиями, особенно в части долгосрочных прогнозов погоды и состояния отопительной системы и

[22] Примечания: 22

Роден, Рене Франсуа Огюст (1840–1917) — выдающийся французский скульптор. *(Прим. переводчика.)*

термоизоляции Дормиториумов. Я провел с ребятами уже полтора месяца и успел познакомиться кое с какими их заскоками, как хорошими, так и плохими. Они действительно заставляли меня выполнять за них мелкие бытовые работы, однако взамен вознаграждали рассказами, нацеленными на то, чтобы пугать, но в то же время и просвещать: о снежных буранах, более плотных, чем молоко, длящихся по несколько недель кряду, о деревьях, укутанных ледяными коконами, словно завернутых в целлофан. О замерзших каплях дождя, падающих подобно алмазам с нежным позвякиванием колокольчиков, о таких низких температурах, что замерзает ртуть в градусниках, и о тех глупцах, осмелившихся выйти на улицу и замерзающих за считаные минуты. Ребята рассказывали про снежинки размером с тарелки для супа, сугробы глубиной семьдесят футов, на долгие зимние недели засыпающие деревни по самые крыши, про причудливые снежные скульптуры, высеченные ветром, настолько прекрасные, что они кажутся творением богов.

Все эти рассказы я слушал со смесью удивления, страха и недоверия. Однако какими бы суровыми ни были невзгоды Зимы, все говорили о ней с определенной долей любви.

На второй день мы отловили волосатого носорога, забредшего на стоянку перед универмагом, и отвезли его на запад, за ограду, сдерживающую Мегафауну [23]. Покончив с этим, мы перебрали всех зимсонников, начиная с тех, у кого действительно имелись противопоказания к зимней спячке, и до достойных морального осуждения неспящих: симулянтов, лентяев и одурманенных наркотиками сновидцев. Зимсонница считалась общенациональной проблемой, и решение также принималось на общенациональном уровне: зимсонники равномерно распределялись по всей стране, чтобы разделить поровну дополнительные затраты на питание и обогрев. Мы отправили троих в Сент-Дейвидс и еще четверых в Престейн, затем сами получили шестерых из Озуэстри.

— Знаю, — ответил Логан, когда я указал ему на полную бессмысленность этого занятия. — Пусть городское собрание развлекается.

Утром на третий день мы с Логаном отправились в тир, устроенный в приземистом здании

[23] Примечания: 23

Мегафауна оставалась непреходящей головной болью, однако все видели в ней лишь обитателей Северной Европии, таких же, как мы. К тому же пицца будет не такой без сыра носорогелла, а осенний отстрел мамонтов позволял пополнить крайне необходимые запасы продовольствия.

на противоположном берегу реки, напротив кегельбана и «Макдоналдса», уже закрывшихся на Зиму. Мы пришли туда, чтобы посмотреть, насколько хорошо я обращаюсь с «Колотушкой», но в конечном счете перебрали почти все имевшееся в тире оружие — от умещающегося на ладони «Тычка» [24], по силе воздействия сопоставимого с хорошим ударом кулаком, до «Кувалды», использующейся в первую очередь для разгона бунтовщиков. Его максимальным зарядом можно с расстояния двадцать футов сбить с ног десяток человек.

— Случается, лунатик получает несколько серьезных попаданий, прежде чем упасть, — объяснил Логан. — Конечно, лучше, если треснуть его по башке. Тебе доводилось с ними встречаться?

Я рассказал про Отсутствующего, которого мой закадычный друг Билли Дефройд нашел запутавшимся в колючей проволоке ограждения сада, и Логан похлопал по нагрудному карману, в котором должно лежать запасное оружие.

— Всегда держи в кармане два батончика «Сникерс», — сказал он. — Ты удивишься, как их быстро перенастраивает вкусная еда. У меня на

[24] Примечания: 24

Около 2500 ньютонов на дистанции шесть футов, однако сила убывает пропорционально квадрату расстояния до цели.

глазах обезумевший от голода людоед превратился в смирную морскую свинку, съев всего восемь кексов с изюмом.

— Это неплохо было бы использовать в рекламе.

— Пожалуй. А ну-ка, попробуй «Коровий шест».

Положив на место «Кувалду», я взял из шкафчика следующее оружие, загнал мощный заряд, крепко прижал приклад к плечу, щелкнул флажком предохранителя и нажал на спусковой крючок. Раздался пронзительный вой, затем…

Ба-бах!

От этого звука у меня заложило уши, а пустая сорокагаллонная бочка, служившая нам мишенью, отлетела в противоположный конец тира, здорово смятая.

— Хотя нередко самой страшной составляющей Зимы называют лунатиков, — сказал Логан, забирая у меня оружие, — больше половины смертей среди тех, кто не по сезону бодрствует, вызвано паникой.

— Ходячие ночные ужасы, — сказал я.

— Вот почему мы никогда не списываем ночных дев, Домовых, Грымз и прочий Зимний люд на пустые Зимние выдумки и сказки. Для

бодрствующего не по сезону, наполовину рехнувшегося от усталости, воображаемые ужасы могут быть такими же опасными, как и реальные.

— Сестра Пуповиния говорила, что Грымзы питаются стыдом недостойных.

— Сестра Пуповиния много чего говорит, — сказал Логан, однако в его голосе не прозвучало презрения, что меня удивило.

Физические свидетельства существования *любых* представителей Зимнего люда твердо держались в районе нулевой отметки, однако к Грымзам — бесспорно, самым невероятным существам — относились крайне серьезно.

— Вы полагаете, Грымзы существуют? — спросил я.

— Как я уже говорил, ничего не сбрасывай со счетов.

Я кивнул. Мифическая Грымза обладала многими странностями, в частности, необъяснимой любовью к мюзиклам Роджерса и Хаммерстайна [25] и прямо-таки одержимой тягой к домашнему уюту — что по непонятным причинам

---

[25] Примечания: 25

Роджерс, Ричард Чарльз (1902–1979) и Хаммерстайн, Оскар (1895–1960) — американские композитор и либреттист, авторы таких известных мюзиклов, как «Оклахома», «Юг Тихого океана» и «Звуки музыки». *(Прим. переводчика.)*

проявлялось в стремлении аккуратно складывать постельное белье. В качестве отвлекающего маневра суеверные спящие нередко оставляли на Зиму перед домом корзину со скомканным бельем, на всякий случай.

— Как вы думаете, мне нужно попробовать «Молчаливый ужас»? — спросил я, указывая на самое большое оружие в шкафчике.

Первоначально предназначавшееся для разрушения прочных конструкций, оно запросто могло опрокинуть легковую машину, хотя на таком небольшом расстоянии стрелок, скорее всего, сломал бы при этом себе ключицу.

— Если честно, лучше не надо.

— Хорошо. Но подождите! — воскликнул я, указывая на большой серый предмет размером с мяч для регби, лежащий на дне шкафчика с оружием. — Кажется, это ведь «Голгофа»?

Изделие 18-Б компании «Термалайт индастриз», в просторечии «Голгофа», было разработано для того, чтобы пробивать в горах железнодорожные тоннели [26], но военные, услышав о нем, долго упрашивали, умоляли и в конце концов

[26] Примечания: 26

Предположительно, первая импульсная граната, выдававшая усилие свыше одного меганьютона, однако производитель так и не обнародовал технические характеристики.

получили свою модификацию, разработанную специально для армии.

— Да, она самая, но только трогать ее нельзя. Подожди, — добавил Логан, сунув руку в карман. — Вот, возьми.

Он протянул мне Всеключ из вороненой стали на кожаном шнурке. Я должен буду ни при каких условиях не расставаться с ним; незаконное использование или потеря ключа повлечет наказание в виде немедленного увольнения из Службы и тюремное заключение.

— Теперь перед тобой открыты все замки, Чарли. Любая дверь, машина, сейф, навесной замок. Обращайся с этим могуществом мудро.

Я с любопытством уставился на Всеключ. На нем были выгравированы мое имя, а также Гражданский номер.

— Вас понял, сэр.

На следующий день мы изучили Зимнюю кладовую [27], запасы которой измеряются в человеко-днях. Для того количества людей, которым предстояло с нашей помощью продержаться без спячки на протяжении всей Зимы, продо-

[27] Примечания: 27

Не путать с Весенней кладовой, в которой хранятся съестные припасы, чтобы продержаться до нового урожая.

вольствия было более чем достаточно. В других секторах к пополнению кладовой подходили не так добросовестно, поэтому хранилище обыкновенно устраивалось под землей и охранялось. Великое ограбление кладовой остается единственным преступлением, для противодействия которому закон разрешает применение летального оружия, но даже тут не все однозначно. Четыре года назад какой-то бедолага был убит при попытке стащить несколько кусочков песочного печенья, и вонь поднялась страшная.

Еще через два дня в Барри была убита Младшая консул Клаар.

Она погибла рядом с «Ночным ревом», заведением для тех, кто не торопится засыпать. Хотя все оружие, имевшееся у нас, не было летальным, по давней договоренности преступникам с большой вероятностью предстояло стать жертвами «непреднамеренного применения нелетального оружия, повлекшего за собой смерть», посему, как следствие, убийство Зимнего консула рассматривалось не просто как двустороннее соглашение, а как своеобразный спорт. Не составляло тайны, что Клаар незаконно помогала одной криминальной группировке в борьбе с другой, и ее неизбежный конец был только вопросом

времени.

Засунув голову в полугусеничный вездеход Клаар, я лишь мельком взглянул на ее останки, после чего исторгнул почти весь обед в ближайший сугроб.

— Рвота — это бесполезная трата белков, — сказал Вице-консул Прейс, коротышка, любитель язвительных шуток и арахиса в шоколаде. — С точки зрения практичности можно было бы собрать все в пакет и оставить на потом.

— Нет уж, спасибо.

— Если смешать с гуляшом, ты даже ничего не заметишь, — совершенно серьезно сказал он.

— Послушайте, спасибо за совет, но я не стану есть собственную блевотину.

— Это все потому, что ты недостаточно проголодался. А вот будешь по-настоящему голоден, станешь есть мертвечину, лишайник, картон, чужую блевотину — *все, что угодно.* Тебе приходилось слышать о Токкате, Старшем консуле Двенадцатого сектора?

О Токкате слышали практически все. По слухам, она взяла за правило не брать злоумышленников живьем, и смертность среди Младших консулов, служащих под ее началом, в восемь раз превышала среднюю по стране. Также ходили слухи,

что Токката своими собственными глазами видела Грымзу — далеко в огненных долинах, где никогда не ложится снежный покров, а воздух насыщен серными испарениями, словно там приземлился дьявол собственной персоной.

— Я слышал, в одну особенно суровую зиму она съела лунатика, чтобы не умереть от голода, — сказал я.

— Двух лунатиков, насколько я слышал, — уточнил Прейс, — и теперь она к ним пристрастилась.

— Да бросьте вы! — сказал я, уверенный в том, что он меня разыгрывает.

Однако Прейс, похоже, был совершенно серьезен.

— Бывает, что выживание диктует чрезвычайные меры. Говорят, Эйвонский бард [28] ввел сэра Джона Фальстафа во многие свои пьесы именно с этой целью — чтобы Зимним актерам было чем прокормиться, если дела станут совсем плохи.

— Правда? — удивился я.

— Как знать? Но когда муки голода становятся невыносимыми, кладовая пуста, а о том, чтобы

---

[28] Примечания: 28

Эйвонский бард — прозвище У. Шекспира, родившегося и похороненного в г. Стратфорде-на-Эйвоне. Сэр Джон Фальстаф — герой нескольких его пьес, веселый толстяк. *(Прим. переводчика.)*

впасть в спячку, не может быть и речи, всегда нужно иметь в виду Зимние котлеты. Да, кстати, раз уж речь зашла о Токкате, не упоминай о ней нашему начальнику. Несколько лет назад между ними случилась размолвка, и он до сих пор не вполне оправился.

— Что произошло?

— Он влюбился.

— Неужели? Никогда бы не подумал.

— О, наш Логан такой. Но потом Токката послала его к черту, и он, как я уже говорил, все еще зол на нее.

Так получилось, что недавно Токката приходила в отделение, чтобы поговорить с Логаном. Я сказал Прейсу об этом, и тот удивленно поднял брови.

— Что-то личное?

— По службе. В Двенадцатом секторе происходит что-то странное.

— Ну и что тут такого? В Двенадцатом секторе *всегда* происходит что-то странное.

Наводок на то, кто убил Клаар, почти не было. Недавний снегопад замел все следы, но Логан отправил двух Консулов переговорить с осведомителями и выяснить, какая группировка была больше на нее обижена.

— И что дальше? — спросил я у Логана, вернувшись в Консульство.

— Будем ждать, — ответил Старший консул. — Когда наступит голод, кто-нибудь начнет вымаливать съестное в обмен на информацию. Чтобы разговорить человека, ничто не сравнится с хорошим ужином, с ростбифом с подливкой и йоркширским пудингом, с бисквитом со взбитыми сливками на десерт. Как у нас говорят: «Наполнить пузо — развязать язык».

В течение двух последующих дней практически непрерывно бушевал буран, и я под руководством Логана отрабатывал езду на Снегоходе вслепую, с помощью локатора Х-4С. Это было довольно хитрое занятие, однако я предварительно несколько часов позанимался на тренажере, поэтому не слишком облажался.

— Хочешь один совет? — спросил Логан, когда я петлял по Кардиффу, ориентируясь только по картинке на экране локатора.

— Насчет стирки?

— Нет, — сказал он, — дело вот в чем: строить планы хорошо Летом, но Зимой мудрее просто иметь цель.

— Я полагал, мы должны составить план и выполнять его?

— События развиваются быстро, — сказал Логан, — и нужно мыслить на ходу, чтобы заранее составленный план не встал на пути к цели.

Совет показался мне дельным.

— Спасибо, — сказал я.

— Всегда пожалуйста, — ответил Логан, — да, и поменьше крахмаль мои сорочки — а то у меня такое ощущение, будто я надел картон.

Токката наведалась еще раз, когда мы уже вернулись в управление, и Логан почти целый час говорил с ней наедине у себя в кабинете. Насколько я понял, Токката просила Логана помочь ей в одном деле, однако в преддверии Зимы Консулы не покидают свой сектор — судя по всему, таковы требования. И еще, похоже, тут была замешана какая-то женщина по имени Аврора, которая, как показало быстрое расследование, возглавляла службу безопасности «Гибер-теха» в Двенадцатом секторе. Насколько я понял из услышанных обрывков разговора Логана с Токкатой, они оба ее терпеть не могли. Я спросил об Авроре у Вице-консула Прейса, и тот предупредил меня «держаться подальше от всех троих — одни неприятности».

На следующий день мы помогали Санитарам отлавливать Эдвардов и Джейн.

— Мне это занятие никогда не нравилось, — заметил Логан.

На самом деле, насколько я мог видеть, это занятие не нравилось никому — за исключением самих Санитаров, которым наконец предстояло заняться Зимой тем, к чему они готовились все Лето. После того как ограниченная работопригодность Преобразованных, психологически неспособных впасть в зимнюю спячку, закончится, их разделают, как только реципиенты полностью заснут. Если лунатики были непредусмотренными последствиями «морфенокса», то бесплатный физический труд и возможности трансплантации органов можно было считать непредусмотренными последствиями непредусмотренных последствий. Скрининг проводился на протяжении всего Лета, и у каждого Эдварда и Джейн на различных органах уже были клейма с именами предполагаемых реципиентов. Нога, лицо, пальцы, внутренние органы — пересадить можно было практически всё. Состояние зимней спячки особенно благоприятствовало приживлению пересаженных органов [29].

---

[29] Примечания: 29

Это является следствием низкой концентрации белых кровяных телец, одной из физиологических особенностей разжижения крови, свойственной зимней спячке. В тот момент я этого еще не знал.

— Вечно не хватает, да? — заметил один из санитаров, сверившись со списком и пересчитав человек тридцать, собранных нами на рабочих местах.

Эдварды и Джейн тупо стояли, покачиваясь из стороны в сторону. Наконец их загрузили в огромный грузовик и увезли.

— Почему-то это кажется мне неправильным, — сказал я, возможно, чересчур громко.

Консул Томас меня услышала.

— Ты не будешь жаловаться, когда отморозишь себе что-нибудь и захочешь это заменить, — сказала она, похлопав себя по руке, которая, как я заметил, была гораздо более светлой, чем остальное ее тело. — А рано или поздно такое непременно случится. Ты не станешь единым целым с Зимой до тех пор, пока она у тебя чего-нибудь не отнимет.

На четвертый день перед Засыпанием местная полиция официально передала нам свои полномочия. В церемонии приняли участие мэр, начальник полиции и большой имбирный пряник в виде символической снежинки. Меня там не было; кто-то должен был остаться в управлении, чтобы отвечать на звонки и доглаживать форменную одежду.

Через два дня после этого в «Берил Кук» [30] едва не расплавился атомный реактор. И вот тут миссис Тиффен снова возвращается в мое повествование.

[30] Примечания: 30

Кук, Берилл (1926–2008) — английская художница. *(Прим. переводчика.)*

Оливер Тиффен сгорает на работе

«…«Чугунки» заменялись раз в тридцать лет, независимо от того, исчерпан ли их ресурс, неизменно в начале Лета. Устраивались закрытые зоны, работы выполнялись бригадами рабочих, выбранных по жребию из группы тех, кто старше шестидесяти. Поскольку средняя продолжительность жизни составляла шестьдесят четыре года, долгосрочные последствия радиационного заражения оказывались минимальными. Экстренной остановкой реактора, что было крайне опасно, занималась своя собственная команда: «Спасатели»…»

«Семнадцать Зим», Зимний консул Ланс Джонс

На рассвете мы направились через весь город. Чистые гусеницы Снегохода вгрызались в свежевыпавший снег, небо было свинцово-черным. Только тоненькие струйки пара, поднимающиеся над многочисленными Дормиториумами,

намекали на то, что мы находимся в городе с полумиллионным населением.

Несмотря на то что до официального начала Зимы оставалось еще два дня, все затаились по домам, и те, кто еще не заснул, завершали подготовительные ритуалы перед зимней спячкой. Особенно популярными были занятия йогой и григорианские хоралы; йо-йо, танго, мурлыканье себе под нос, карты и акварели получали распространение и исчезали со сцены в зависимости от прихотей моды. Но для большинства подготовка заключалась просто в замедлении деятельности и сознательном избегании любого возбуждения. Это было успокоение, расслабление душой и телом.

Для того чтобы помочь первоначальному погружению в сон и облегчить повторное засыпание в случае случайного пробуждения, по кабельным сетям на протяжении всей Зимы непрерывно крутили «Бонанца» [31]. Жители с Синдромом непреднамеренного пробуждения оставляли у изножья кровати включенный телевизор с приглушенным звуком.

---

[31] Примечания: 31

«Бонанца» — американский телесериал в жанре вестерна, передавался компанией Эн-би-си в 1959–1973 годах. Второй по популярности в истории американского телевидения. *(Прим. переводчика.)*

— Нудный он только оттого, что его повторяют без конца, — объяснил Логан, когда мы обсуждали методы, позволяющие тем, кто случайно проснулся, легче заснуть, — а знакомые наизусть персонажи и ситуации способствуют по большей части трансцендентному блужданию сознания.

Никто точно не мог сказать, почему именно «Золотое дно» было выбрано телевидением для Зимы, однако чем больше люди смотрели сериал, тем лучше тот справлялся со своей задачей. Ну а уж если перипетии семейства Картрайтов не срабатывали, всегда можно было посмотреть повтор «Перекрестка» [32] или отправиться в долгожданное забвение старым проверенным путем: «Одиссей», «Моби Дик» или «Война и мир».

Я остановил Снегоход перед Дормиториумом «Берил Кук», самым большим из двадцати семи Ночлежек [33] на побережье Пенарта. Убедившись в том, что датчик давления сжатого воздуха находится в зеленой зоне, чтобы можно было обеспечить легкий запуск, я заглушил двига-

---

[32] Примечания: 32

«Перекресток» — многосерийный английский телефильм о жизни персонала и постояльцев мотеля в одном из Центральных графств Англии, транслировался с 1964 по 1988 год. *(Прим. переводчика.)*

[33] Примечания: 33

Общага, Ночлежка, Сеновал, Общая спальня — обиходные названия достопочтенных Дормиториумов.

тель и выбрался через заднюю дверь. Выпавший недавно снег частично растаял на утреннем солнце, затем снова замерз и хрустел под ногами, словно рисовые хлопья.

— Регулирующие стержни введены до предела, а температура ядра все равно остается в красной зоне, — с непонятным воодушевлением сказал нам привратник, словно пожар в ядерном реакторе станет желанным развлечением во время Зимней скуки.

Он пригласил нас в маленький центр управления, расположенный сразу же у входа, и мы уставились на циферблат датчика температуры ядра, стрелка которого действительно дрожала у опасного значения.

В настоящий момент на протяжении всей Зимы температуру Нижнего идеала [34] в Дормиториумах поддерживают Урановые ядерные реакторы, пришедшие на смену ненадежным и непредсказуемым «Тлеющим ямам», заполнявшимися перемежающимися слоями торфа, урановой смолки, угля и древесины твердых пород. По сравнению с ними «Чугунки» на основе урана и графита отличались высокой эффективностью

[34] Примечания: 34
Четырнадцать градусов по Цельсию.

и, как правило, не требовали обслуживания, однако иногда — крайне редко, как постоянно подчеркивала Ядерная комиссия Альбиона, — весьма ярко проявляли свой характер.

— Я не могу входить в Зиму, имея на руках потенциальный перегрев реактора с последующей автоматической его заглушкой, — сказал привратник. — Кто заплатит за переселение обитателей «Берила», если в разгар Зимы он отключится? Только не я.

Я озабоченно посмотрел себе под ноги.

— Когда осуществлялось переоборудование «Тлеющих ям» в «Чугунки», была установлена надежная защита, — сказал Логан, почувствовав мое беспокойство. — Между нами и реактором двенадцать дюймов свинца. Только в одной ядерной Ночлежке в Кардиффе однажды возникла чрезвычайная ситуация «оранжевого» уровня опасности, и это случилось в «Кэри Грант».

— Регулирующие стержни заклинило, — объяснил привратник. — Но сработала система безопасности, — с некоторым разочарованием добавил он.

Мы связались с дежурным Ядерной миссии Альбиона, и тот сначала предложил нам ничего не предпринимать и подождать, «пока не станет

совсем плохо». Затем он все-таки уступил под нашим нажимом и, зевая, посоветовал кому-нибудь спуститься вниз и посмотреть, в чем дело, и снова связаться с ним, если мы решим, что «все серьезно».

Логан попросил меня найти по списку «Спасателей» ближайшего техника, но привратник избавил меня от лишних хлопот.

— У нас на десятом этаже живет Оливер Тиффен, — сказал он. — Хороший парень. Я сейчас схожу за ним.

Для экстренных вырубаний [35], наружного осмотра и прочих потенциально смертельно опасных ситуаций существовал список энергичных восьмидесятилетних стариков, знающих толк в реакторах, которым смертельная доза радиоактивного облучения не слишком критично сократит оставшийся жизненный срок. Платили им за работу более чем щедро, а тому, в ком возникала необходимость, полагалась еще и медаль, однако благодаря достаточно надежным мерам безопасности и невысокой мощности реакторов такое случалось крайне редко.

---

[35] Примечания: 35

Процедура быстрой остановки ядерного реактора в случае чрезвычайной ситуации для предотвращения потенциально опасного перегрева, пожара и взрыва.

Мистер Тиффен спустился к нам через десять минут, в неуместном твидовом пиджаке и галифе, выглядящий на удивление молодо — на вид ему можно было дать от силы лет сорок пять. Конечно, вызваться добровольцем можно в любом возрасте, но Спасатели были обязаны постоянно находиться в получасовой готовности. Посмотрев на приборы в центре управления, Оливер Тиффен поморщился, увидев, что температура в реакторе поднялась еще на несколько градусов.

— Похоже, придется немного попотеть, — сказал он, надевая садовые перчатки, очки-«консервы» и примитивные наушники с прикрепленным микрофоном. На шее у него висела старая сумка с противогазом, с привязанным спереди кислородным баллоном, а в руке он держал кожаный саквояж с позвякивающими гаечными ключами.

— Проблемы? — спросил Логан, пока Тиффен листал сервисный журнал, старый, заплесневевший, покрытый пятнами от кофе.

— Если я прав, у нас меньше двадцати минут до того, как взрыв разнесет здание и разбросает горящее радиоактивное топливо в радиусе тысячи ярдов.

— А если вы ошибаетесь? — спросил Логан.

— Ну тогда отказали приборы или меня подво-

дит мой опыт, — усмехнулся Тиффен. — А вам на всякий случай лучше убраться отсюда. Привратник! Будьте готовы затопить реактор, если я не успею вовремя его заглушить.

— Все настолько плохо?

— Все настолько плохо. Вот, — добавил Тиффен, протягивая Логану запечатанный конверт [36], — возьмите на тот случай, если все пойдет вверх тормашками, хорошо?

После чего он сказал привратнику быть наготове, отпер висевшим на шее ключом дверь, ведущую в реактор, и скрылся внутри. Дверь захлопнулась, и мы услышали его торопливые шаги, грохочущие по железным ступеням винтовой лестницы.

— Если хотите, вы оба можете уйти, — сказал привратник, держа руку над большой красной рукояткой с надписью «АВАРИЙНОЕ ЗАТОПЛЕНИЕ РЕАКТОРА».

Как привратник он вначале показался бестолковым и беспечным, но сейчас, когда наступил критический момент, он был готов поступить так, как поступают все привратники — до конца

---

[36] Примечания: 36

Тут нет ничего необычного; как правило, приготовленные загодя прощальные слова. Иногда завещание, иногда стихотворение, признание, оскорбление — иногда просто чистый лист бумаги.

оставаться вместе со своими спящими подопечными и при необходимости погибнуть вместе с Дормиториумом. Я постепенно узнавал, что Зима диктует свои собственные понятия долга и чести.

— Мы останемся здесь, — сказал Логан, уверенный, как мне кажется, в том, что привратник и Тиффен тем или иным способом решат проблему.

Он не спросил у меня, собираюсь ли оставаться я, но в качестве его Послушника я как бы был его неотъемлемой частью. Через несколько минут из хриплого динамика донесся голос Оливера Тиффена, объяснившего, что вследствие какой-то технической неисправности произошла утечка воды из предохранительного бака, и «здесь все сварилось». Мы услышали «о черт», еще несколько отборных ругательств, после чего спокойным и размеренным тоном: «затопляй, затопляй, затопляй».

Не колеблясь ни мгновения, привратник потянул рычаг. Где-то глубоко внизу послышался гул, похожий на плеск жидкого цемента, затем наступила тишина. Стрелка термометра резко дернулась вниз, и остальные датчики так же медленно упали до нуля.

— Ну вот, — пробормотал привратник, — я остался без работы.

В «Берил Кук» находились две сотни постояльцев, и все те, кто еще не заснул, помогли переносить спящих. Ходящих во сне и дремлющих распределили по дежурным комнатам в других Дормиториумах, но всех, кто уже погрузился в елейную бездну спячки, отправили в Ночлежку «Пчелиные соты», прямо на койках, так что они ничего не заметят до тех пор, пока не проснутся. Прибыла мэр собственной персоной с большой свитой широко зевающих чиновников, горевших желанием приуменьшить серьезность происшествия, вероятно, потому, что это означало меньше бумажной волокиты и скорейшее возвращение в постель.

— Полагаю, мы должны присвоить случившемуся Третий уровень — «Серьезное происшествие», — сказала мэр, — а не Четвертый, «Авария с местными последствиями». Вы согласны?

— Строго говоря, пострадавший погиб не из-за реактора — он утонул. Так что это скорее имеет отношение к береговой охране.

— Его погребли под собой двадцать тонн борной суспензии, — напомнил Логан.

— Согласна, — ответила мэр. — Его тело отко-

пают Весной. Его жертва останется в памяти, ему воздадут почести.

После чего она поднялась на ступени у входа, позируя для одинокого фотографа, который прибыл в паре с равнодушным журналистом, задавшим несколько несущественных вопросов. До Засыпания оставалось два дня. Никто не проявляет воодушевления в чем бы то ни было в последнюю неделю перед тем, как отправиться на боковую.

— Пошли со мной, — сказал Логан после того, как мэр, зевая, удалилась обратно в Муниципалитет.

Все Дормиториумы строятся по одному плану, не слишком изменившемуся по сравнению с первоначальным, принятым в четвертом веке императором Константином. Круглое в плане здание, как правило, увенчанное острой конической крышей, двадцать или больше этажей и проходящая посредине шахта центрального отопления. Лестницы или заключены в толстые теплоизоляционные стены, или, как здесь, закручены спиралью в центральной пустоте.

Комната Оливера Тиффена находилась на восьмом этаже, и Логан отпер ее своим Всеключом. Тускло освещенная комната имела стандартную

планировку куска пиццы: сектор в одну восьмую круга, с дверью в усеченном остром углу. Остальное пространство было разделено на ванную, спальню и гостиную. Тепло и свет, удобства, которым придавали большое значение, поступали с двух противоположных сторон: тепло — от центрального ядра, проходящего через все здание, свет — сквозь забранные тройным стеклом щели в наружной стене.

Мы нашли миссис Тиффен в спальне, в окружении пакетов с едой. Она выглядела сытой, но совершенно безучастной, — Оливер Тиффен приютил свою жену у себя после того, как та отправилась в ночное скитание. При нашем появлении миссис Тиффен щелкнула зубами, после чего бойко исполнила переложение «Помоги себе сам» для бузуки.

— А играет она неплохо, а? — заметил Логан.

Для лунатиков было обычным делом демонстрировать навыки, извлеченные из обрывков памяти. Большинство могли произнести несколько слов или выполнить какое-нибудь действие, пусть и такое обыденное, как поход в ближайший магазин или включение радиоприемника. Очень немногие, однако, были способны делать что-то экстраординарное — кататься на конь-

ках или играть в преферанс. К числу последних, или, на жаргоне о лунатиках, «Шутникам», принадлежала и миссис Тиффен. По слухам, более продвинутые из преобразованных — Эдварды и Джейн, например, — создавались на основе именно этих людей. По-видимому, проще перенастраивать тех, кто с приветом.

— Ваш супруг только что утонул под двадцатью тоннами борной суспензии, — сказал Логан, обращаясь к миссис Тиффен, — но он без колебаний и без лишних слов выполнил свой долг. Вы можете им гордиться.

Ничего не ответив, миссис Тиффен продолжала играть на бузуки.

— К чему столько трудов, чтобы сохранить ее? — спросил я, глядя на женщину, с виду вполне здоровую, хоть и немного бледную. — И к чему таким молодым вызваться добровольцем в «Спасатели», потенциально обрекая себя на такую страшную смерть?

Вместо ответа Логан протянул мне конверт, который вручил ему Оливер Тиффен перед тем, как спуститься в «Чугунок». Записка была краткой.

Несмотря на то что внешне мозг моей жены кажется мертвым, он жив, только никак не может проснуться. Наверное, я не могу рас-

считывать на то, что вы продолжите за ней ухаживать, но я буду очень признателен, если ее не разделают и не преобразуют.

— Это весьма распространенное убеждение, — сказал Логан, забирая у меня письмо, — но объяснимое, если учесть, какие сильные чувства поставлены на карту.

— Вы выполните его просьбу и отправите ее на покой? — спросил я.

— Нет, — ответил Логан, погруженный в глубокие раздумья, — я отвезу ее в Двенадцатый сектор для преобразования. Это будет хороший предлог наведаться к Токкате и выяснить, что она хочет.

Логан попросил меня заглянуть в «Справочник Брадшо» [37], и я выяснил, что еще можно успеть съездить в Двенадцатый сектор и вернуться обратно до Зимнего перерыва.

— Чем мне заняться во время вашего отсутствия? — спросил я.

— Ты едешь со мной, Уортинг. Это будет тебе хорошим уроком.

— Да? — с сомнением произнес я.

Мое нежелание ехать было вполне объяснимо:

---

[37] Примечания: 37

«Брадшо» — известный справочник расписания движения на всех железных дорогах Великобритании, издавался ежегодно с 1839 по 1961 год. *(Прим. переводчика.)*

Талгарт, главный город Двенадцатого сектора, является крупнейшим населенным пунктом в районе, примечательном своей безлюдностью, а также высокой концентрацией зимокочевников и Злодеев. Зимой дороги становятся непроезжими, пополнить запасы продовольствия невозможно. Не хотелось бы застрять в таком месте. Не хотелось бы вообще *оказаться* в таком месте [38].

К тому времени как мы пять часов спустя сели в поезд, переселение постояльцев «Берил Кук» было уже завершено. «Гибер-тех» не забирает всех подряд лунатиков-Шутников, поэтому я составил бумаги, отправил запрос по факсу и через десять минут получил ответ: срочно доставить миссис Тиффен в Двенадцатый сектор.

— Можно задать один вопрос? — сказал я, когда мы ждали поезд на Центральном вокзале Кардиффа.

Миссис Тиффен сидела вместе с нами, снова и снова исполняя «Помоги себе сам», которая казалась мне все более нелепой. Перевозка лунатиков — это не ракетные технологии: достаточно

[38] Примечания: 38

Я имею в виду, Зимой. Летом это сказочное место. Пешие прогулки, плавание, велосипед, отличная еда — и дружелюбные люди.

лишь их кормить. Беспокойными они становятся, только когда проголодаются; а когда они *очень* проголодаются, от них можно ожидать *очень* крупных неприятностей.

— Валяй.

— В чем именно Токката ждет вашей помощи и кто такая Аврора?

— Это уже два вопроса.

— Я так думаю, это две стороны одного и того же вопроса.

Посмотрев на меня, Логан улыбнулся.

— Очень… проницательно. Что ж: Токката связывалась со мной по поводу вирусного сновидения, распространившегося по всему Двенадцатому сектору. Судя по всему, обыкновенным, здравомыслящим людям снится сон про синий «Бьюик», после чего они сходят с ума. Психотические случаи, попытки убить людей, бредовые крики про отрубленные руки и раскидистые дубы, про погребенных заживо и тому подобное. Токката хотела узнать мое мнение.

— «Бьюики», отрубленные руки, раскидистые дубы, погребение заживо?

— Это *сон*, Чарли, в нем не должно быть смысла. Во время учебы в Академии вам говорили про вирусные сновидения?

— Сны мы рассматривали только в рамках модуля 6-А: «Психология сна без применения «морфенокса» [39].

Никто и не думал, что нужно давать более обширные знания: сон — это лишь попытка подсознания составить связное повествование из беспорядочного набора мыслей, фактов и воспоминаний, и он только расходует впустую ресурсы, которые должны помочь человеку продержаться до Весны.

— А Аврора?

— Глава службы безопасности «Гибер-теха». Первостатейное дерьмо. Они с Токкатой не ладят между собой. Точнее, все гораздо хуже: они друг друга *ненавидят.* Когда дело доходит до контактов «Гибер-теха» с Консульской службой в Двенадцатом секторе, есть только одно правило: избегать всеми возможными силами.

— Аврора, — задумчиво пробормотал я, — богиня утренней зари.

— Богиня неприятностей, — поправил меня Логан, поднимаясь на ноги, поскольку наш поезд подошел к перрону. — Но я обещал помочь.

Я устроился в купе вместе с играющей на бузуки

---

[39] Примечания: 39
Известен как «Жратва и надежда».

миссис Тиффен и накормил ее батончиком нуги с орехами, и она, насытившись, снова принялась исполнять «Помоги себе сам». Как оказалось, Логан терпеть не может бузуки, поэтому он перебрался в первый класс.

К нам с миссис Тиффен присоединилась женщина, оказавшаяся Зимней актрисой, и поезд тронулся. Тогда я этого еще не знал, но, сопровождая женщину, *лишенную* мечтаний, я направлялся навстречу женщине своей *мечты.*

Мертир

«…Корни традиционного «Зимнего объятия» лежат в стремлении объединить тепло тел, чтобы выжить. Поэтому в то время как Летом люди лишь на мгновение привлекают к себе друг друга, Зимой тела сплетаются в интимной близости, левая рука обнимает за шею, правая лежит на талии, головы отклонены влево и соприкасаются правыми щеками, дыхание звучит друг у друга в ухе. В любом другом контексте, кроме Зимы, подобная поза считалась бы в лучшем случае неприличной, а в худшем – сексуальным насилием…»

«Гибернационная культура человека», Моррис Дезмонд

Зимняя странствующая актриса внимательно выслушала мой рассказ про то, как я за один день из помощника управляющего приютом Святой Гренеты превратился в Послушника Службы зимних консулов. Я не упомянул о том, что моим наставником является Джек Логан, но женщина

отнеслась с пониманием к моему нежеланию раскрывать это. Также я не стал распространяться о подозрениях Токкаты насчет вирусных сновидений, соблюдая следственную тайну, и ни словом не обмолвился о недоброжелательности матери Фаллопии, тут уже не к месту вспомнив о верности. Но я рассказал актрисе о перегреве реактора «Берил Кук» и самопожертвовании Оливера Тиффена, чем, похоже, затронул у нее в душе чувствительную струнку.

— Храбрый человек, — пробормотала она. — У вас кто-нибудь из близких запутывался в «ночном фанданго»?

— В Святой Гренете была сестра Менструария, — ответил я. — Ее выбросили в местную помойную яму, вот только оглушили ее недостаточно сильно, поэтому через три дня она объявилась снова, вся в рыбьих головах, гнилых капустных листьях и обрывках мокрых газет. Сейчас, оглядываясь назад, я нахожу в этом зрелище своеобразный черный юмор: сестра Менструария, шатаясь, входит в ворота, и все с криками разбегаются в стороны. Мать Фаллопия оказалась покрепче и окончательно отправила ее на покой, треснув по голове битой для лапты позади сарая для велосипедов. После этого Люси Нэпп целую

неделю снились кошмары, но в целом, полагаю, все отнеслись к этому нормально. Ну а вы? Вы были знакомы с лунатиками?

Женщина задумчиво потерла висок.

— Мой муж Джеффри. Мы познакомились, исполняя в пантомиме роли передней и задней половины лошади, сблизившись во время «конного гавота». Исполнять этот танец синхронно очень непросто, особенно если учесть, что я поступила благородно и взяла на себя заднюю часть. — Она рассмеялась. — Джеффри сказал, что мне это идет, поскольку я и есть лошадиная задница. Разумеется, мне пришлось выйти за него замуж, и у нас были семнадцать лет необузданного счастья. Джеффри был моим Ромео и моим Макбетом, моим Рочестером и моим Дезмондом. Но мы по-прежнему играли роль лошади на вечеринках, исполняя конный гавот, просто так, ради удовольствия.

Актриса умолкла, и улыбка у нее на лице погасла.

— Пять лет назад после Весеннего пробуждения я сначала подумала, что у Джеффри поутру туман в голове, однако в этот раз в окошко луч света так и не заглянул. Джеффри также исполнял один посмертный трюк: Ромео, сцена с балконом.

Снова и снова. Я тоже думала, что он по-прежнему где-то здесь. Как мне сказали, многие в это верят. Однако пять лет я Джеффри не содержала — в следующий вторник он съел норфолкского терьера моей сестры, и на том все закончилось. Я позвонила на «горячую линию» в «Гибер-тех», и его забрали.

Лучше, пожалуй, умру я во сне,
Чем неприкаянным Зиму шататься,
Сонным и мертвым бродить в тишине,
Зимней котлетой питаться.

— Я сочувствую вам по поводу вашей утраты.

— Джеффри преобразовали в подметальщики дорог, и, по-моему, я видела его один раз в Лина-Соленте. Ну, мне *показалось*, что это был он. У «Гибер-теха» там есть Центр преобразования, так что, полагаю, он мог быть одним из многих. В следующую Зиму его разделали. В настоящий момент на его ногах ходит один садовник из Сторбриджа, а глаза смотрят на пролив Малл, чему Джеффри был бы очень рад. Насчет остальных частей мне неизвестно…

Она умолкла. Лучше не задерживаться на этом, как бы тяжело ни было.

Отвернувшись, я уставился в окно на про-

плывающий мимо ландшафт, который хоть и постоянно менялся в мелочах, в целом оставался одним и тем же: снег и лед, блеклая пустошь, негостеприимный холод. *Зима.* Неудивительно, что почти все мы проводили ее в крепком сне.

Перестав играть на бузуки, миссис Тиффен перешла в характерное для ночных странников оцепенение, по-научному Rigor torpis [40]. Наступившая тишина явилась блаженной; несмотря на то что миссис Тиффен исполняла «Помоги себе сам» довольно неплохо, это была чисто мышечная память — ее душа полностью отсутствовала.

— Слава богу, — с облегчением вздохнула актриса.

Всю оставшуюся часть пути она делилась со мною полезными советами насчет Зимы: в первую очередь не занимать деньги у поручителей [41], избегать любых контактов со всеми, у кого «низкие, сомнительные или продажные моральные принципы», и держаться подальше от сонных.

---

[40] Примечания: 40

Безжизненное окоченение *(лат.)*.

[41] Примечания: 41

Наличные деньги Зимой практически бесполезны, поэтому поручители за определенную мзду выдают займы, договариваются о долгах и кредитах.

— Сто2ит только поддаться чарующему взгляду их широко раскрытых глаз и елейным речам и задуматься о том, как хорошо было бы оказаться где-нибудь в другом месте, — сказала женщина, — и не успеешь оглянуться, как ты уже выплачиваешь долги какому-нибудь Ломбарду, гадая, где же были твои мозги.

— Я буду осторожен.

Поезд замедлился, подъезжая к Мертир-Тидвилу. На фоне вечернего неба вырисовывались заброшенные шахты, на улицах уже зажигались фонари. Это была конечная точка, куда можно было добраться на пригородном поезде; дальше нужно было пересесть на межобластной, оснащенный снеговым плугом, который должен доставить нас «через горб» в Двенадцатый сектор.

Актриса поднялась, доставая с багажной полки свои вещи, а я, окунув палец в банку с арахисовым маслом, обильно смазал нёбо миссис Тиффен, чтобы ей было чем заняться. Открыв дверь купе, актриса шагнула на недавно посыпанный песком перрон.

— Что ж, удачи вам в вашу первую Зиму, — сказала она. — Не теряйте головы и будьте готовы к тому, что в дверь постучит Грымза. Какую бы

роль я ни играла, я всегда учу реплики того, кто говорит следом за мной. Я так получила своего первого Гамлета.

«Принцип Гидры» действует не только для актеров, но и вообще для всех. Женщина удостоила меня Зимних объятий.

— Пусть Весна примет вас в свои объятия.

— И вас тоже.

— Кто это такая? — спросил Логан, возвращаясь к нам с миссис Тиффен из первого класса.

— Имени ее я не знаю, — ответил я. — Актриса, готовится к Зимним гастролям.

— Благородная служительница Зимы, — с уважением промолвил Логан, — как и мы с тобой. А теперь слушай: у нас чуть больше часа до пересадки на другой поезд, а я должен повидаться с одним человеком. Где-нибудь через пятьдесят минут встречаемся в «Миссис Несбит». Закажи мне сандвич с беконом и чашку чая.

— Слушаюсь, сэр.

— Да, и еще, Уортинг.

— В чем дело?

— Не потеряй Отсутствующую.

С этими словами Логан быстрым шагом направился к выходу. Какое-то время я стоял на перроне под мягко кружащимися снежинками. Воздух

был густо насыщен приятным запахом дыма от горящего угля. Вообще-то через две недели после остановки промышленности запах дыма уже не должен чувствоваться, но в настоящее время многие угольные пласты в районе Тредегара, Рондды и Тафф-Велли к северу от Мертира горели под землей, холмы испускали дым сквозь трещины в земле, и нестерпимый жар превращал деревья в обуглившиеся остовы. Ученые мужи уверяли, что теперь лишь вопрос времени, когда парниковый эффект от выброшенных в воздух газов приведет к глобальному потеплению, однако из года в год становилось только холоднее, ледники наступали, вегетационный период укорачивался. Но для нас в этом была и своя положительная сторона: значительную часть доходов Уэльса составляли тарифы на выброс CO_2, установленные давным-давно, когда они были еще в шесть раз выше, чем сейчас.

Не найдя дежурного, я прошел к единственному другому поезду на вокзале. Паровоз еще не подали; к одинокому пассажирскому вагону были прицеплены две грузовых платформы, и их загружал автопогрузчик с вильчатым захватом. У экспедитора был измученный вид бывалого зимовщика: мешки под глазами и дряблая блед-

ная кожа. Зимовка убыстряет процесс старения, по крайней мере, в полтора раза. Связав свою карьеру с Зимой, человек отдает ей и часть своей жизни.

На деревянных ящиках была маркировка «Рис с экстрактом амброзии», «Печенье в шоколаде», «Мини-рулеты» и «Кексы с начинкой и в глазури». Зимой люди, подобно многому другому, на время забывали и правила здорового питания. С моральной точки зрения вкусная еда частично смягчала образ Зимы как холодного чистилища, делая ее больше похожей на детский праздник. Что важно, сбоку на ящиках по трафарету было нанесено «Компания «Зимние технологии» — Сектор 12 — Зима — Срочно». Я понял, что это тот самый поезд, однако все же по испытанной временем традиции спросил у железнодорожника подтверждения.

Его фамилия, как я выяснил, была Моуди.

— Мне бы хотелось тронуться, как только к составу прицепят паровоз, — сказал он, беспокойно поглядывая на небо, откуда широкими, неспешными спиралями падал снег, — однако начальник станции требует строгой пунктуальности, поэтому поезд отойдет строго по расписанию: ровно через пятьдесят восемь минут. Вы

вернетесь или останетесь там?

– *Определенно* вернусь, — ответил я.

— Мудрый шаг. Двенадцатый сектор не для слабых духом.

— А я по виду слабый духом?

— Когда речь заходит о Двенадцатом секторе, *любой* человек слаб духом.

На эти слова ответа не было, и я, сознавая, что мертвая женщина скоро снова проголодается, отвел ее в единственную «кормушку», остававшуюся открытой: «Традиционную чайную комнату миссис Несбит». Согласно последним данным, в Северной Федерации насчитывалось свыше восьми тысяч отделений этого популярного предприятия общественного питания, из которых четыреста шесть работали на протяжении всей Зимы [42]. В заведении царил знакомый уют: логотип компании, в данном случае гордо подсвеченный в витрине, с портретом вымышленной миссис Несбит, основательницы, давшей компании свое имя. С обезоруживающей дружелюбной улыбкой, седые волосы, забранные в тугой пучок, в старомодной блузке и красном платье под кухонным фартуком. Удобство и единообразие —

---

[42] Примечания: 42
Согласно прямому распоряжению Министерства сна.

оба эти фактора безжалостно эксплуатировались корпорацией «Нес-Корп» — обусловили то, что в эти заведения заходили перекусить практически все, независимо от общественной прослойки и культурного происхождения.

Я зашел внутрь с закинутой на плечо бузуки. Мертвая женщина семенила передо мной, все еще поглощенная стараниями слизнуть арахисовое масло с нёба. Воздух в чайной комнате был насыщен ароматом выпечки, дешевого повидла и кофе с добавлением цикория; как и следовало ожидать, народу было мало: всего шестеро посетителей в просторном зале, способном принять вдесятеро больше.

— Мы здесь мертвых не обслуживаем.

Это замечание сделала женщина, судя по практически прозрачной бледной коже и *двум* Золотым звездам Солнцестояния, опытная Зимовщица. Большинством Зимних отделений «Миссис Несбит» заправляют выгоревшие на службе бывшие Консулы, которые обеспечивают бесперебойную подачу чая и свежих булочек до тех пор, пока, наконец, не дает о себе знать недосып в несколько десятилетий.

— Я вовсе не прошу, чтобы вы ее обслужили, — возразил я. — Я прошу, чтобы вы обслужили

меня… а затем уже я сам обслужу ее.

— Ответ — категорическое нет. Ее труп войдет сюда только через мой труп.

— С лингвистической точки зрения весьма… поэтично, — согласился я. — Кажется, это называется хиазм? [43]

— А я думаю, это ближе к полиптотону [44]. А теперь предлагаю забрать этот ужас и проваливать вон.

— Я Зимний консул, — сказал я, предъявляя свой значок.

— Приношу свои искренние извинения, — сказала хозяйка. — Проваливай вон… *при всем моем уважении.*

В ее глазах я был разве что самую малость выше лунатика. Я уже начал подумывать, можно ли на час оставить миссис Тиффен в камере хранения и будет ли это этично, но тут у меня за спиной раздался высокий голос:

---

[43] Примечания: 43

Хиазм — риторическая фигура, заключающаяся в крестообразном изменении последовательности элементов в двух параллельных рядах слов. (Прим. переводчика.)

[44] Примечания: 44

Полиптотон, многопадежие — стилистическая фигура, заключающаяся в использовании одного и того же слова при устойчивости смысла в разных падежах; вид лексического повтора.

— Эта бузуки tetrachordo или trichordo? [45]

Это был голос мужчины, негромкий и уверенный.

— Понятия не имею, — ответил я, по-прежнему смотря на хозяйку заведения. — Это ее бузуки, — добавил я, ткнув большим пальцем в сторону миссис Тиффен.

Хозяйка скорчила гримасу.

— Когда это Шутники, только еще хуже. Они словно притворяются, будто живые.

— Это называется псевдосознательным состоянием вегетативной подвижности, — сказал я, — и такие люди просто неспособны притворяться. Но вы правы, она играет на бузуки. И довольно неплохо, если хотите знать.

Словно в ответ мертвая женщина протянула ко мне руку за инструментом. Как только я отдал ей бузуки, она снова начала играть «Помоги себе сам».

— А почему бы не позволить им остаться? — предложил мужчина, спросивший насчет бузуки. — Мертвоголовая будет развлекать нас музыкой. К тому же ветеран службы в отставке обслужит действующего бойца.

---

[45] Примечания: 45
Четырехструнная или трехструнная? *(греч.)*

Это изречение было основано скорее на надежде, чем на реальности, но мне оно понравилось.

— Ну хорошо, — после долгой паузы сказала хозяйка, — ты можешь остаться вместе со своим Отсутствующим. Но если оно начнет отпугивать моих посетителей, вам придется убираться подобру-поздорову.

Я хотел было возразить, что миссис Тиффен «она», а не «оно», но решил отметить свою маленькую победу проявлением великодушия и промолчал. Я заказал два сандвича с беконом — один себе, второй навынос, два кофе, аналогично, затем сосиски, кексы и пастилу для миссис Тиффен.

— С абрикосовым джемом, — добавил я.

— Джем на что?

— На все, что для нее, и побольше.

Сверкнув на меня взглядом, хозяйка удалилась тяжелой походкой. Затолкав миссис Тиффен в кабинку, я вошел и сел, затем дал ей несколько кексов.

— Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

Это был мой благодетель из противоположного конца зала.

— Пожалуйста, подсаживайтесь, — сказал я, радуясь обществу.

По моим прикидкам, мужчине шел четвертый или пятый десяток. Волосы у него полностью поседели, и на нем была добротно сшитая одежда закоренелого Зимовщика. Нижняя челюсть съехала вбок после плохо сросшегося перелома, а сбоку на голове зияла проплешина — скорее всего, повреждение фолликул от мороза. Больше всего в глаза бросался его Весенний вес. В любой другой обстановке мужчина производил бы впечатление просто преступно тощего. Возможно, когда-то он состоял в Службе консулов, но у меня имелись догадки насчет того, чем он занимается сейчас.

— А она играет довольно прилично, не так ли? — сказал мужчина.

— Если вам нравится слушать короткую инструментальную композицию Тома Джонса середины шестидесятых и больше ничего, — ответил я, — ее исполнение со временем становится вполне терпимым.

— А «Далилу» она играет?

— Все это спрашивают. Нет. И спасибо за то, что поддержали меня.

— Не берите в голову, — по-мальчишески улыбнулся мужчина. — Вы везете ее в «Гибер-тех» на преобразование?

— Да. Вы знаете, как это происходит?

— Даже не представляю. «Гибер-тех» агрессивно оберегает свои секреты. Кстати, меня зовут Хьюго Фулнэп [46].

— Чарли Уортинг, — сказал я, беря протянутую визитную карточку.

Моя догадка оказалась правильной — он был Лакеем. Такой готов делать что угодно для кого угодно, если только платить ему его часовую ставку. Это были наемники, Дормитопаты, разнорабочие, няньки и охотники за сокровищами в одном лице. Они даже могли сыграть с вами партию в «скраббл», если заплатить им за это, но только чтобы победить. Подобно большинству Зимовщиков, Лакеи гордились своей работой.

— Первая Зима? — спросил Фулнэп.

— Неужели у меня такой плохой вид?

— Ага, — подтвердил он, — усталость уже чувствуется.

Я тоже ее чувствовал — тупую боль, гложущую суставы, глубоко засевшую тошноту, свойственную только тем, кто сознательно оттягивает зимнюю спячку.

Хозяйка принесла кофе. Хмуро покосившись на

---

[46] Примечания: 46

Говорящая фамилия: foul nap — испорченный сон. *(Прим. переводчика.)*

меня, она буквально пронзила насквозь взглядом мертвую женщину и молча удалилась.

— На прошлой неделе у меня был заказ от одной женщины, — начал Фулнэп, помешивая кофе, — которая собиралась залечь в спячку в родовом спальном гнезде, в горах за Абергавенни. У них там что-то вроде родового поместья, неподалеку от Кумбрана. В общем, она уложила вещи в машину, но пуховое одеяло не помещалось в багажнике и не давало закрыть крышку. И знаешь что она сделала?

— Что она сделала?

— Подожгла одеяло.

— И как, помогло?

— Помогло по полной. К тому времени как я подоспел, машина полностью сгорела. Вся еда, вся одежда, «морфенокс» — ничего не осталось. Мне пришлось доставать ей заново все запасы.

— Где вам удалось раздобыть «морфенокс»?

— Скажем так: я знаю одну девушку, она знакома с парнем, который знает человека, знакомого с девушкой.

Я отпил глоток кофе. У него был вкус прошлогодних желудей, обожженных парафиновой горелкой.

— Кофе просто *ужасный,* — заметил я.

— Добро пожаловать в Зиму.

Мы поболтали еще немного. Фулнэп рассказал забавную историю о том, как в окрестностях Трехерберта впавших в спячку мамонтов ложно пробудил [47] подобравшийся подземный пожар и как затем все стадо пришлось уводить вверх в горы Хирвауна. Этот героический переход в духе Ганнибала послужил основой сюжета книги, ставшей бестселлером, а вскоре по ней должны были поставить мюзикл с участием кукловодов из «Боевых фантазий».

— На самом деле мамонты справились сами, — закончил Фулнэп. — Шли хобот к хвосту, словно огромное ожерелье из гигантских толстокожих мохнатых бусин.

Мы немного поболтали о политике в ожидании приближения времени отправления нашего поезда. Я спросил у Фулнэпа, где туалет, и он, объяснив, предложил оставить с ним миссис Тиффен.

Поблагодарив его, я вышел из чайной комнаты и направился по перрону к туалетам. Сходив по

---

[47] Примечания: 47

Ложное пробуждение — пробуждение раньше положенного срока, обыкновенно вследствие повышения температуры. Разбудить спящего можно достаточно легко, просто нагрев его, хотя на это требуется от четырех до пяти дней. Десять «кубиков» «кенорбарбидола» действуют значительно быстрее — но при этом риск гораздо выше.

малой нужде, я вымыл руки, сполоснул лицо холодной водой и посмотрел на себя в зеркало. Глаза у меня налились кровью и глубоко ввалились, кожа стала пепельно-серой. В ушах стоял звон, пальцы казались неестественно большими, несколько раз меня пробирала испарина. Меня предупредили, что я могу испытать некоторые или все эти симптомы, указывающие на Опьянение от недостатка сна, но, как и с морской болезнью, не существовало точных способов определить, кто не будет от него страдать, кто будет и с какой степенью тяжести. Но лично я больше всего опасался галлюцинаций. Однажды они уже были у меня, во время сильной лихорадки, я представлял себе, как играю в «передай посылку» [48] — вот она у меня в руках, но сколько бумаги я с нее ни срываю, меньше она не становится.

Радуясь возможности хоть ненадолго отдохнуть от бесконечного дребезжания бузуки, я рассеянно забрел в главный вестибюль вокзала. Это было просторное воздушное помещение под стеклянным куполом, теперь засыпанным сне-

[48] Примечания: 48

Детская игра, в которой под музыку по кругу передают сверток, и тот, у кого он оказался, когда музыка закончилась, имеет право его развернуть. *(Прим. переводчика.)*

гом. Проникающий свет, мягкий и рассеянный, оставлял внутри уютный полумрак. Касса все еще работала, но кассира не было. На стенах висели рекламные плакаты Туристического бюро Уэльса.

Услышав снаружи крик, я нахмурился. Мне показалось, прозвучало слово «кальмар», однако произнести его мог только один человек, и в настоящий момент он должен был находиться в полной безопасности в «Миссис Несбит».

Миссис Тиффен.

Захлестнутый тревогой, я со всех ног бросился к выходу на перрон и толкнул массивную дверь. Морозный воздух ударил мне в лицо ледяной стеной. Смеркалось, усилившийся ветер гонял между зданиями снежные водовороты. На перроне никого не было, но на снегу отпечатались свежие следы, ведущие к стоянке такси.

— Предыдущая машина, — запыхавшись, спросил я у водителя единственного остававшегося на стоянке такси, пожилого мужчины с таким обилием дряблых складок на лице, что, пожалуй, он никогда не видел Лета, — кто в ней уехал?

Водитель уставился на мой Консульский значок.

— Мужчину я не разглядел, но женщина пока-

залась мне какой-то…

— Мертвой?

— Точно.

Попросив водителя выяснить, куда уехала предыдущая машина, и затем ждать меня на стоянке, я бросился бегом в «Миссис Несбит», поскользнувшись на припорошенном снегом мраморном полу и едва не упав. Бузуки одиноко лежала на столе рядом с недоеденным ужином.

У меня внутри все оборвалось. Фулнэп пришелся мне по душе, и я по глупости *доверился* ему. Лакеи подчиняются денежным потокам, и существует несколько способов выручить за лунатика кругленькую сумму. Учитывая относительную молодость мертвоголовой женщины, наиболее вероятным казалась ее разделка на подпольном рынке трансплантаций, но вкупе с ее потенциальной способностью к деторождению открывалась другая возможность заработать на ней: Фулнэп отправит ее на родительскую ферму. Подняв взгляд, я увидел приближающуюся хозяйку.

— Потерял свою подружку? — насмешливо спросила она.

— Куда он мог ее забрать?

Наморщив лоб, женщина уставилась на меня,

силясь понять, что я имею в виду.

— Подожди… ты собираешься ее вернуть?

— Да.

— И каким же образом?

Это был хороший вопрос. Столкнуться с закаленным Лакеем будет в лучшем случае чрезвычайной глупостью, а в худшем — самоубийством; а принимая в расчет крайне ограниченное время и мой опыт, точнее, полное отсутствие такового, это просто невозможно.

— Точно не знаю.

Хозяйка смерила меня взглядом, и ее гнев, растаяв, превратился, как мне показалось, в материнскую заботу. Внезапно она напомнила мне сестру Зиготию.

— Что сподвигло тебя стать Консулом? — тихим голосом спросила она.

— Мне нужна была работа, которая обеспечивала бы меня «морфеноксом».

— Бессмыслица какая-то, — сказала женщина. — Чтобы избежать опасности Зимы без снотворного, ты идешь навстречу всем опасностям, какие только может предложить Зима?

— Теперь, когда вы об этом заговорили, — согласился я, — мое решение действительно кажется мне глупым. Но по крайней мере я вырвался из

приюта Святой Гренеты.

К счастью, именно в этот момент в зал вошел Старший консул Логан.

— Здоро2во, Фран, — сказал он, подходя к хозяйке, чтобы приветствовать ее традиционным Зимним объятием, после чего упомянул о «веселеньких временах», проведенных вместе не знаю в какую Зиму в каком-то там секторе.

Судя по всему, во время первого назначения Логана определили в то подразделение Службы, в котором уже служила Фран. Зимние консулы образуют тесную, сплоченную семью, говорят, более сплоченную, чем в армии. Фран и Логан поболтали друг с другом — вспомнив то, как на них однажды набросился обезумевший от холода глиптодонт, — но в конце концов Логан заметил меня.

— Не забыл про мой сандвич с беконом, Уортинг? — спросил он, после чего задал предсказуемый и досадный вопрос: — А где миссис Тиффен?

— Я… не забыл про сандвич с беконом, — глупо ответил я, — и про чай.

— Очень хорошо. А миссис Тиффен?

— Ее… *украли.* Думаю, ее отправят на родительскую ферму.

Логан болезненно поморщился.

— Чертов идиот, Уортинг, кто ее забрал?

Я как мог быстро объяснил, что случилось.

— Потрясающе, — сказал Старший консул, когда я закончил. — Можешь вычеркнуть «присмотр за лунатиками» из перечня того, чем ты способен заниматься. Перестань ковыряться в носу, Уортинг, иначе ты будешь ворошить навоз для Зимнего скота. Нравится тебе такое?

— Никак нет, сэр, — ответил я.

Уход за Зимним скотом был уделом осужденных и тех, кого… ну, *ненавидели.*

— Но, — добавил я, — мы должны вернуть миссис Тиффен, правильно?

— Нет, не должны. Остановись и подумай хорошенько. Мы потеряли женщину-лунатика, и в «Гибер-техе» будут немного расстроены тем, что им не достанется Шутница, но по большому счету кому тут плохо?

— Миссис Тиффен?

— Миссис Тиффен умерла пять лет назад. Ты потерял ту оболочку, в которой она когда-то находилась. Ее больше нет, дело закончено, ты облажался, движемся дальше. Садимся на поезд.

Я отступил назад.

— Нет.

Я произнес это тоном капризного ребенка и тот-

час же пожалел об этом. Логан молча устремил на меня немигающий взгляд.

— Фран, ты что думаешь? — спросил он. — Грубое неповиновение или юношеский идеализм?

— Юношеский идеализм, — уверенно ответила хозяйка заведения. — Летом он совершенно безобиден, хотя и бывает порядком нудным, но Зимой может убить наравне с переохлаждением и корью.

Шагнув ко мне, Логан понизил голос.

— Слушай внимательно, Послушник. Брось свои высокие этические замашки или проваливай, пока не сделал что-нибудь такое, с чем потом не сможешь жить. И позволь тебе сказать, это неизбежно, как только холод, страх и голод вцепятся в тебя мертвой хваткой. Что-то обязательно пойдет не так, ты попытаешься выбрать лучшее решение из двух плохих, и вот уже Зима прибрала тебя к себе и ты сосулька. Высокие идеалы, друг мой, — это непозволительная роскошь.

Я молча смотрел на него, и он шумно вздохнул.

— Да, ты прав, мы *стараемся* прикрывать родительские фермы, хотя нам это не нравится. Потому что в конечном счете результат всего этого — счастливые родители и десятки детей. А когда это закончится, ее разделают. Согласен,

органы продадут на черном рынке — но *кому-то* они принесут пользу. Мы Консулы, Уортинг. Мы стремимся обеспечить наиболее благоприятный исход, который удовлетворит большинство.

— Но закон…

— Зимой закон — это *мы.* Я повторю еще раз, поскольку ты, похоже, не услышал: хоть это неприятно и уязвляет гордость, так лучше. А теперь мы отправляемся в Двенадцатый сектор, я переговорю с Токкатой и послушаю, что она скажет про весь этот бред с вирусными сновидениями, после чего мы вернемся последним поездом, и я очень постараюсь забыть это, а ты очень постараешься больше так не облажаться. Тут есть что-нибудь для тебя непонятное?

Я молча смотрел на бузуки, чувствуя в груди щемящую пустоту. Неудача имеет свой собственный вкус — что-то вроде горячего липкого теста. Можно будет сказать в «Гибер-техе», что миссис Тиффен умерла в пути. Никто не задаст никаких вопросов. Лунатики умирают сплошь и рядом. Я поступил правильно, высказав свое мнение, однако у меня не было никакого желания растаптывать свою карьеру ради этой Шутницы.

Но тут прозвучал голос, раздельный и четкий, и все изменилось.

Знакомство с Авророй

«…Обмен Услугами и Долгами становится самой распространенной валютой, поскольку в мире беззакония, царящем в разгар Зимы, наличные деньги практически полностью обесцениваются. Усложняет дело то, что Долги и Услуги можно обменивать, делить на части, продавать и даже использовать в качестве финансовых гарантий займа. Вложение это довольно рискованное – после смерти должника все Долги аннулируются. А что касается Консулов, они часто умирают…»

«Введение в зимономику», Наставление Зимних консулов, раздел 9А

— Это было самое дерьмовое нравоучение из всех, какие мне только доводилось слышать! — произнес голос в противоположном конце зала.

Он принадлежал женщине, сидящей вместе с рабочими в форме «Гибер-теха», также дожидавшимися поезда. Ее черные волосы, тронутые серебром, были забраны в свободный хвостик, а

лицо было молочно-бледным. На плече потрепанной камуфляжной формы красовалась нашивка 4-го Пустынного легиона, две «Колотушки» были готовы к тому, чтобы из них вели огонь с обеих рук, а шея была обмотана темно-бордовым платком, который носят те, кто принимал участие в Оттоманской кампании. Однако самым примечательным в женщине был ее левый глаз, отсутствующим взглядом взирающий в сторону и вверх, — но в то же время ее правый глаз смотрел на нас с выводящей из себя пристальностью. Женщина вязала на спицах шапку с помпоном.

Опешив на мгновение, Логан уставился на нее.

— Ну, ну, ну, — наконец сказал он, — если ты *здесь*, Аврора, то кто же сейчас присматривает за вратами ада?

— Едва ли это можно считать оригинальным. — Встав, вязальщица подошла к нам. — Ну как тебе холостая жизнь?

У Логана вытянулось лицо. Я рассудил, что это та самая Аврора, глава службы безопасности «Гибер-теха», которая не ладит с Токкатой и, похоже, с Логаном тоже.

— Аврора, ты не имела права так поступать.

— Залейся слезами, Логан. Ты и Токката? У вас бы все равно ничего не получилось, и мы все это

прекрасно понимаем. Я оказала тебе любезность.

— Ревнуешь меня, да? Тебе не нравится, что кто-то предпочел Токкату тебе?

Фран и остальные, пробормотав отговорки про «стирку» или «важный звонок», поспешно покинули зал.

— Значит, я ревную? — сказала Аврора. — А что ты можешь предложить? Второсортный Консул, разыгравший третьесортный водевиль, выдав четверосортный совет пятисортному Послушнику?

Старший консул молча смерил ее взглядом. В этой перепалке было что-то странное, но я никак не мог это ухватить. Логан сдерживался, обдумывал каждое свое слово. До этого момента я не знал, что Логан и Токката собирались пожениться. Это давало пищу для размышлений.

— Аврора, что ты хочешь? — наконец сказал Логан. — Должно быть, это что-то очень серьезное, раз ты выползла из-под своего камня.

— Я хотела узнать, с какой целью ты направляешься в Двенадцатый сектор. Учитывая недавние события, это весьма безрассудный поступок.

— Я *доставлял* туда лунатика, — сказал Логан. — Я полагал, мой факс все объяснял.

— Ты мог направить туда кого угодно. В Две-

надцатом секторе ничего не происходит, Логан, только обманутая Старший консул пытается раздуть пламя из давно остывших углей обреченной любовной связи.

— С какой стати ты вдруг так заботишься о Токкате?

Аврора задумалась.

— Потому что, несмотря ни на что, она мне как сестра, а сестры помогают друг другу, невзирая на разногласия.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга.

— В любом случае, — продолжала Аврора, — лунатики-Шутники нужны «Гибер-теху» для проекта «Лазарь». *Особенно* такие, как та, которую упустил твой тугоум-Послушник. Вы должны ее вернуть.

— Она тебе нужна, *ты* ее и возвращай.

— Потому что ты не можешь?

— Она мертва, ты мне не нравишься, ты не попросила вежливо, я не люблю, когда меня принуждают, на улице холодно — выбирай сама. В Зимний период твоя юрисдикция на меня не распространяется.

Насчет юрисдикции Логан был прав, однако это не имело значения. Он *действительно* был в от-

вете за миссис Тиффен, а поскольку Аврора могла устроить ему серьезные неприятности, он будет вынужден отправиться на поиски. Логан сверкнул взглядом на меня, затем на Аврору, потом ему пришла в голову новая мысль, и он как-то хитро усмехнулся, что мне совсем не понравилось.

— Отлично, — сказал Логан, — это потрясающая возможность устроить Выпускной экзамен. Вот ему, Уортингу, поручается разыскать твою драгоценную покойницу. Как только это будет сделано — или не будет сделано — и если Чарли к тому времени еще будет жив, мы с ним отправимся в Двенадцатый сектор. Находясь там, я *встречусь* с Токкатой — и ты не сможешь нам помешать.

— Это все чушь собачья, — шагнула к нему Аврора, — а превращать важное задание в испытание для новичка — верх безответственности.

— До Засыпания еще тридцать два часа, — осмелился вставить я, — и я не провел Зимой еще ни одной минуты. Сомневаюсь, готов ли я…

— Ты готов, если я так говорю, — перебил меня Логан, — к тому же ты ее потерял, тебе ее и возвращать. Теперь это *твоя* задача. Выполнишь ее — станешь Младшим зимним консулом, не выполнишь — отправишься ухаживать за скотом. Итак, каким будет твой первый шаг, Ясноокий?

Я словно вернулся назад в приют Святой Гренеты, где мне поручали невыполнимые задания — такие как забраться на крышу Главного зала без лестницы, или приготовить суфле, взяв вместо яиц цветную капусту, или прекратить склоки сестер Форд.

Я сделал глубокий вдох.

— Я… должен идти по следу.

– *Неправильно,* — ткнул пальцем мне в грудь Логан.

Мне не дали высказаться два приглушенных свистка локомотива. Осталось всего пять минут до отправления последнего поезда в Двенадцатый сектор.

– *Вот именно,* — подтвердил Логан. — Ты должен задержать поезд.

— Как это сделать?

— Положить свою голову на рельсы.

— А если серьезно?

— Я не знаю. Но сейчас решим так: если ты *не задержишь* отправление поезда, я пять раз сильно ударю тебя по голове.

— Пожалуй, в качестве наказания достаточно будет и одного раза.

— Я не собираюсь тебя наказывать, тебе нужен стимул. А *не получить* пять сильных ударов — это

потрясающий стимул. Поверь мне на слово.

— Я подам официальную жалобу по этому поводу, — вмешалась Аврора.

— А почему бы и нет? — сказал Логан и, взяв куртку, направился к двери. — Не подведи меня, Уортинг.

— Постараюсь, — пробормотал я, гадая, как избежать *неизбежного* исхода.

Несомненно, Логан изначально был настроен на то, что я потерплю неудачу. Аврора какое-то мгновение пристально разглядывала меня своим единственным глазом, затем села за стойку рядом со мной.

— Не подведи *нас*, — ласково произнесла она, накрывая мою руку своей теплой ладонью. — «Гибер-тех» и я будем очень признательны, если ты выполнишь эту задачу, а наша признательность сама по себе может оказаться весьма ценной. Да, и послушай, я не хотела называть тебя «тупицей» и «пятым сортом» — это был лишь спектакль. Сиюминутный порыв чувств — а этот болван Логан здорово разозлился. Удачи тебе.

— Да… конечно, — пробормотал я. — Спасибо.

Схватив свою сумку и бузуки, я выбежал на третью платформу, где над паровозом в холодном воздухе поднимались клубы пара, выпущенные

машинистом. Я нашел экспедитора во втором вагоне, спящего глубоким сном.

Под сомкнутыми веками Моуди шевельнулись глазные яблоки, экспедитор пробормотал во сне:

— Миссис Несбит, *пожалуйста,* оставьте меня в покое!

Это меня встревожило: нет ничего плохого в том, чтобы спать на людях, однако спать и *видеть сны* считалось неприличным. Я считаю себя очень терпимым, но тут даже мне стало как-то не по себе.

— Эй! — окликнул я, встряхнув экспедитора за плечо.

Он широко раскрыл глаза, и у него на лице появился испуг.

— *Ты не хочешь спускаться с камней!* — заорал он, стиснув мне руку с такой силой, что я едва не вскрикнул от боли.

— С каких камней?

— Спустишься с камней — и до тебя дотянутся руки, — в панике пробормотал экспедитор, вращая глазами вправо и влево с невозможной скоростью. — Ты не хочешь, чтобы тебя погребли заживо и… я Дон Гектор!

— Все в порядке, — успокоил его я, — и, поверьте, вы не Дон Гектор.

— А ты откуда знаешь?

— Вы совсем на него не похожи — и он умер два года назад.

— Он умер только в реальном мире, — возразил Моуди, — но не *здесь*.

Он прикоснулся к виску кончиком пальца.

— Да?

— Проклятие, — пробормотал экспедитор, внезапно приходя в себя. — Прошу прощения. Усталость. Недавно мы кое-кого потеряли, и мне, ну, приходится работать в три смены.

— Что вы имели в виду, говоря про погребение заживо?

— Ничего. Синий «Бьюик».

— Что?

— Что ты хотел сказать: «что»?

— Вы сказали про синий «Бьюик».

— Сказал? И что с того, если сказал? — с вызовом произнес Моуди. — И вообще, кто ты такой, чтобы наводить поклепы на то, где и как я сплю?

Рассказывая про вирусные сновидения, Логан упомянул синие «Бьюики». Если Моуди в самом конце сезона занимается грузовыми перевозками, он определенно прибыл из Двенадцатого сектора.

— Ладно, — хлопнул руками Моуди, — готов

трогаться?

— Нет, — ответил я, мысленно взяв на заметку ни о чем не докладывать Логану. — Мне нужно доставить лунатика, и я хочу, чтобы вы задержали отправление поезда.

Моуди уставился на меня с полуулыбкой на лице. Пунктуальность являлась основополагающим принципом, которому все сотрудники Железных дорог поклялись служить, не щадя собственной жизни. Нередко это случалось в буквальном смысле.

— Вот как, — сказал Моуди, — и как я это должен сделать?

Он знал, как задержать отправление поезда, и мог бы не спрашивать. На самом деле речь шла только о цене.

— Как насчет Услуги?

Если Зимой от кого-нибудь срочно что-то требуется, единственным надежным платежным средством является влияние. Услуга представляет собой просто общее содействие — деньги в долг, данные без лишних споров, аннулированный штраф за неправильную парковку, полцентнера макарон, если ты сидишь на мели и тебе не хватает несколько фунтов до нужного веса — в таком духе. Однако мое предложение не произвело на

Моуди никакого впечатления.

— При всем своем уважении, Послушник консула, — сказал он, — за Услугу с твоей стороны в Двенадцатом секторе свиных шкварок не купишь.

Я подумал было о том, чтобы пять раз ударить его по голове.

— Тогда… *Долг.*

Экспедитор удивленно поднял брови. Долг ценится дороже услуги в пятьдесят раз. Можно на день-два получить Консула в полное распоряжение.

— Похоже, тебе очень нужна эта Отсутствующая, — заметил Моуди.

— Мне необходимо ее найти и вернуть.

— Ну хорошо, — презрительно хихикнул он, и его поведение стало другим, — договорились. Я заново проверю груз; вероятно, на это мне потребуется час.

Поблагодарив его, я выбежал на стоянку перед вокзалом и нашел водителя такси, ждущего меня. У него над лысиной смешно поднимался пар. Миссис Тиффен отвезли в Дормиториум «Джон Эдвард Джонс» [49], расположенный минутах в

---

[49] Примечания: 49

Леннард-Джонс, Джон Эдвард (1894–1954) — видный английский физик- и химик-теоретик. *(Прим. переводчика.)*

десяти езды отсюда.

— Это будет стоить пятьдесят евро, — сказал водитель, когда я попросил отвезти меня туда.

— Я заплачу, когда мы вернемся.

Обернувшись, он смерил меня взглядом.

— Ты Послушник, решивший отобрать Шалунью у Лакея в Дормиториуме на Пепелище?

— Да, и что с того?

— Ты платишь вперед.

Вздохнув, я протянул ему пятидесятку, и мы тронулись.

«Джон Эдвард Джонс»

«…Объединенная компания Электричества и Освещения заботится о своих сотрудниках. Единственная среди Коммунальных служб, она до сих пор с августа по Засыпание предлагает двойные порции пудинга, и от желающих устроиться на работу нет отбоя. Забудьте о пенсиях, премиях и пуховых одеялах; выбор определяет пудинг с джемом и заварным кремом…»

Корпоративная история ОКЭО

По мере того как мы отъезжали от города все дальше на север, запах дыма и гари усиливался, и вскоре вокруг уже простиралась унылая выжженная пустошь. Мы проехали мимо рядов таунхаусов, от которых остались одни остовы, и шахт, почерневших от бушующих десятилетиями пожаров, мимо сгоревшей эстрады и брошенных машин, чьи кузова проржавели настолько, что превратились в бурые вафли. Я обратил внимание на то, что после сугробов высотой восемь футов, наметенных в городе, снежный покров

становился все тоньше и тоньше, и наконец снега и льда не осталось совсем, а деревья лишились листвы не из-за приближения Зимы, а *выгорели.*

— Мы уже в зоне пожара? — с легкой дрожью в голосе спросил я.

— Мы здесь называем это место Пепелищем.

Через пять минут ландшафта в угольно-черных тонах мы остановились перед Дормиториумом, единственным из семи, стоящих рядом, который оставался обитаемым; прочие сгорели и были брошены. «Джон Эдвард Джонс» был выше своих соседей — по меньшей мере сорок этажей, судя по виду, типичный К-14: комбинированная Ночлежка, место, где можно залечь в зимнюю спячку или экономно переночевать. Обслуживающий персонал был готов в любой момент пробудить Зимовщика, опрометчиво провалившегося в бездну слишком глубоко. И здесь, за городом, на Пепелище, расценки должны были быть невысокими. Захватив бузуки, я выбрался из машины, и тотчас же меня ударил горячий воздух. В Кардиффе и Мертире было градусов десять ниже нуля, однако здесь температура приближалась к Нижнему идеалу. Дым, более плотный, чем в Мертире, висел над дорогой сизой пеленой, кое-где пронизанной желтоватыми языками

ядовитых сернистых испарений. Оглядываясь вокруг, я увидел, как внезапно вспыхнуло пламенем мертвое дерево на гребне холма.

Когда я вошел в Зимнюю гостиную, меня встретил хор приглушенных голосов. Хотя я не увидел спящих, чувствовалось, что они где-то рядом. Есть в Дормиториуме что-то такое, что выдает их присутствие. Едва уловимый запах тухлых яиц, привкус, неясный звук — *ощущение.*

Вестибюль был тускло освещен редкими слабыми лампочками, однако это компенсировалось радушным оранжевым теплым заревом от камина. Сидящая за столиком привратница с удивлением подняла на меня взгляд. У нее были роскошные золотисто-рыжие волосы, нос с очаровательной горбинкой и очки.

— Еда, койка, стирка, выпивка, снотворное, рулетка, петушиные бои или покер?[50] — спросила она, быстро перебирая все варианты.

— Ничего, — сказал я. — Я ищу одного Лакея. Лет пятидесяти, среднего роста, в поношенном камуфляже. Пришел сюда с мертвой женщиной.

— Что, притащил ее в мешке для трупов или

---

[50] Примечания: 50

В соответствии с какой-то юридической причудой в зонах пожара законы об азартных играх не действовали в течение двадцати дней до и после Зимы.

как?

— Нет, это была женщина-лунатик.

— В этом уже больше здравого смысла, — сказала женщина, — ненамного, но больше. Дайте-ка я сама догадаюсь: вы хотите ее вернуть?

Я вздохнул. Похоже, Зимой никто не относился с уважением к Зимнему консулу и не оценивал меня высоко. Быть может, все дело было не в форме, а в решительности того, на ком она надета.

— Да, я хочу ее вернуть. Как вы сказали, в каком номере?

— Я ничего не говорила. Хотите совет?

— Вы предлагаете мне убраться отсюда побыстрее?

— Совершенно верно.

— Спасибо, такой совет мне не нужен.

Пока я размышлял над следующим своим шагом, из Зимней гостиной вышел мужчина, направившийся к лифтам, и в легком дуновении переместившегося воздуха я уловил слабый аромат карболового мыла. Запах чистоты прилипает к медицинским работникам так же прочно, как запах дрожжей к пекарю. Если Фулнэп собирается использовать миссис Тиффен для отправки на ферму по воспроизводству потомства, для этого потребуются большие деньги и тщатель-

ный уход, — поэтому первым делом ему нужен врач, чтобы определить, сохранила ли она свои детородные способности. Мне достаточно будет проследить за этим медиком, и он приведет меня прямехонько к Фулнэпу.

— Послушайте, — обратился я к привратнице, — если я не вернусь через тридцать минут, свяжитесь с Консулом Логаном, он в «Миссис Несбит» на вокзале, и сообщите, что ему нужен новый Послушник.

— Может быть, позвонить ему прямо сейчас?

Я сверкнул на нее глазами, однако это не произвело никакого впечатления.

— Ладушки, дружок, — бросила женщина, возвращаясь к своему журналу.

Взяв бузуки, я шагнул следом за медиком в кабину лифта, улыбнулся, извинился и вторично ткнул ту кнопку, которую, как я успел заметить, он только что нажал, — двадцать первый этаж. Двери закрылись, и я поймал себя на том, что у меня гулко заколотилось сердце. Я увидел, что у мужчины под курткой медицинский халат; он подозрительно покосился сперва на меня, затем на бузуки. Наверное, о лучшей маскировке нельзя было и мечтать. Зимние консулы не ходят с музыкальными инструментами. А если и ходят,

то никак не с бузуки. Может быть, с альтом. Или с тубой.

— У меня была тетка, которая играла на гитаре, — сказал медик.

— Это не гитара, — спокойным голосом произнес я, чем удивил самого себя.

Он глубоко вздохнул.

— Это была не моя тетка. Зимний артист?

Я принялся лихорадочно соображать.

— Я участвую… в пантомиме с лошадью.

— И какая у вас роль?

— Я — задница. Наш конский гавот — просто умора.

— Постараюсь как-нибудь посмотреть.

Двери кабины открылись на двадцать первом этаже. Я шел по вытертой ковровой дорожке за мужчиной в белом халате до двери в спальню, где пожелал ему хорошо выспаться, после чего направился дальше, пока меня не скрыл изгиб коридора. Дождавшись, когда щелкнет замок, я вернулся к двери и прислушался. Внутри слышались голоса, и я испытал смесь облегчения и тревоги, безошибочно узнав голос Фулнэпа.

Достав из кобуры «Колотушку», я отметил, что у меня трясется рука, убрал оружие назад и вернулся в холл перед лифтами, где принялся

расхаживать взад и вперед, размышляя над тем, действительно ли высокие идеалы являются *роскошью* — далекой целью, а не чем-то таким, к чему нужно нестись опрометью в свою первую Зиму. Я мог бы развернуться и уйти, сказать Логану, что не нашел миссис Тиффен, и на том бы все закончилось. Я начал бы службу надлежащим образом, живым и усвоившим важный урок.

Я прижался лбом к холодным дверям лифта. Сестра Зиготия была суровым опекуном — а когда она в бане брала в руку мочалку, то становилась просто ужасной, — но она неизменно повторяла, что человек должен идти по пути добродетельности и чести *во что бы то ни стало.* Если я сейчас развернусь и уйду, это будет не началом моей карьеры, а ее концом.

Собравшись с духом, я снова достал «Колотушку» и, стараясь не обращать внимания на тугой комок страха и тошноты в груди, вернулся по коридору назад. Остановившись перед дверью комнаты Фулнэпа, я дрожащей рукой отпер ее своим Всеключом и распахнул настежь.

Фулнэп разговаривал по телефону. Медик, с которым я поднимался в лифте, стоял в стороне; он вздрогнул, увидев меня. На стуле сидел третий мужчина, скандинавского вида, со свежим

следом от обморожения на щеке. Увидев меня, Фулнэп, не обращая внимания на направленную на него «Колотушку», просто сказал своему собеседнику, что «один долбаный козел вздумал тут мешаться» и он ему перезвонит.

— Во имя всей бесполезной храбрости на свете, Уортинг, ты ли это?

Похоже, он был не столько встревожен, сколько удивлен.

— Ты можешь делать то, что хочешь, — дрогнувшим голосом сказал я.

— Могу? — расслабившись, повторил Фулнэп. — Тогда зачем ты сюда заявился?

— Я разговаривал *с собой,* — хрипло произнес я. — Я хотел сказать, что ты *не можешь* делать то, что хочешь.

Я видел, что у меня трясутся руки, чувствовал ползущие по спине струйки холодного пота. Фулнэп был прав. Я действительно долбаный козел. Мне нужно немедленно уходить отсюда.

— Вот так уже понятнее. Итак, почему я не могу делать то, что хочу?

— Потому что…

Ба-бах!

Я не следил за Фулнэпом. Тот выхватил свою «Колотушку» и взвел курок быстрее, чем я успел

сообразить, что происходит. Я только почувствовал ударную волну, разрывающую воздух, и тут меня оторвало от земли и швырнуло спиной на стул, стоявший рядом с дверью, отчего тот превратился в щепки. Я упал на пол, оглушенный ударом головой о стену рядом с выключателем.

— Кальмары, — донесся из ванной голос миссис Тиффен.

Вернувшееся зрение открыло мне Фулнэпа, застывшего надо мной с раздраженным лицом. Отобрав у меня оружие, он печально покачал головой.

— Знаешь, когда тебе дают хороший совет, — сказал он, — гораздо лучше следовать ему.

Напарник Фулнэпа, тот, что с отмороженной щекой, поднялся на ноги и достал из вещмешка оружие. Только это был не пистолет, а «Кувалда» мощностью двадцать килоньютонов, обыкновенно использующаяся для разгона бунтовщиков, а также для пробивания дренажных отверстий в снежных буранах. Младшего консула Клаар долго колотили чем-то подобным рядом с «Ночным ревом». Под мощными ударами все ее внутренности стали жидкими, и к тому времени, как мы ее обнаружили, они вытекли из тела, собрались лужицей у нее под ногами на полу машины и

застыли на морозе. Ее пришлось забирать в морг с примерзшим к ногам ковриком.

Фулнэп помог мне усесться, и я потрогал разбитую в кровь губу.

— Поверь, когда я начинал, я был таким же зеленым, как ты, — ласково произнес он, оттягивая мне нижнее веко, чтобы осмотреть глазное яблоко — простейший способ проверить, остались ли какие-либо последствия шока, — полным восхитительных благих намерений, но глупость моя своей бесконечностью была под стать Зиме.

Лакей долго смотрел на меня, затем взял мою «Колотушку», вытащил штифт освобождения затвора, повернул циклонную камеру и вытащил назад трубку Вентури. Через считаные мгновения мое оружие было разобрано на пять частей. Фулнэп с металлическим грохотом высыпал их мне в карман, в завершение подчеркнуто театральным жестом бросив туда энергетический элемент.

— Я скажу тебе, что я собираюсь сделать, — сказал он. — Ты абсолютно никчемная очень-преочень маленькая рыбешка, поэтому я просто тебя выброшу. Так всем будет хорошо: тебе не придется умирать, а мне не придется тебя убивать. Мы договорились? Естественно, подразумевается, что ты не промолвишь об этом ни слова.

Я молча смотрел на него. У меня во рту стоял привкус крови, голова сильно болела, однако в линзу полного провала внезапно с болезненной нелогичной резкостью я увидел свои дальнейшие действия: раз я не могу уйти отсюда вместе с миссис Тиффен, *я отсюда вообще никуда не уйду.* Моя жизнь завершится здесь, в огненной долине к северу от Мертира, в попытке защитить мертвую женщину, не способную понять, что я пытался спасти ее от участи, которая ее ничуть не беспокоила. Быть может, именно в этом и заключается служба Зимним консулом. Защищать неотъемлемые права тех, кто об этом даже не подозревает.

— Никакой сделки не будет, — хрипло произнес я, чувствуя, что во рту у меня пересохло от страха. — Миссис Тиффен уходит со мной. И да, естественно, мы забудем о том, что это произошло.

Фулнэп уставился на меня, не в силах поверить собственным ушам, а я сделал выдох и открыл рот. Воздействие ударной волны можно ослабить, если открыть для воздуха все пути. Однако этого не произошло.

— Черт возьми, что здесь происходит? — раздался голос у меня за спиной, от двери.

Это был Логан. Внезапно я ощутил недосягаемое облегчение — такое, что на глазах навернулись слезы. Я был спасен.

Но только на самом деле я не был спасен. Ни в коей мере. Ни капельки.

— Джек, я тут не виноват! — оправдываясь, произнес Фулнэп. — Ты же сам говорил, что у твоего нового Послушника кишка тонка.

— Похоже, я недооценил толщину кишок Уортинга, — согласился Логан, взглянув на меня, как мне показалось, с уважением. — Это моя вина — я не должен был позволять Чарли даже *пытаться* искать миссис Тиффен.

Закрыв глаза, я ощутил холодную дрожь страха. В голосе Логана прозвучали какие-то новые интонации. Только сейчас до меня дошло, почему я до сих пор не сдавался: каким-то образом я чувствовал, что Фулнэп не пойдет на убийство. А вот Логан пойдет. Он заранее связался с Фулнэпом, поручив ему выкрасть у меня миссис Тиффен, когда мы будем делать пересадку в Мертире, чтобы тем самым обеспечить себе алиби. Несомненно, они с Фулнэпом вместе участвуют в махинациях с воспроизводством. И все должно было пройти согласно плану — если бы не вмешался я.

— Может быть, этому Послушнику можно до-

верять, — сказал человек с «Кувалдой». Похоже, у него сменилось настроение. — Когда я за это брался, я не подписывался убивать Консулов.

— Тут я на стороне Лопеса, — подхватил Фулнэп, озвучив имя третьего присутствующего.

— Мы не можем рисковать, — сказал Логан. — К тому же Аврора в городе.

Лопес и Фулнэп испуганно переглянулись.

— Вот как? — спросил Фулнэп. — И каким образом она о нас прознала?

— Еще неизвестно. Я разберусь с Уортингом, вы разберетесь с миссис Тиффен. Вставай, Чарли.

Я с трудом поднялся на ноги, и Логан жестом приказал мне выйти из комнаты.

— Тебе следовало послушаться моего совета, — сказал он, когда мы шли по круглому коридору, — и просто не лезть куда не просят.

Мы остановились перед лифтами, и Логан нажал кнопку вызова.

— У меня к вам одна просьба.

— Какая?

— Вы сообщите сестре Зиготии, где мое тело?

— Ты излишне все драматизируешь, Уорт…

Дзинь.

Звякнул колокольчик, двери кабины открылись, и перед нами предстала Аврора. На какое-то

мгновение она совершенно опешила, затем ее руки метнулись к «Колотушкам». Однако у Логана было преимущество, и он успел повернуть оружие в ее сторону. Ничто не мешало ему выстрелить в упор, он уложил бы Аврору наповал — *однако он не был достаточно проворным.*

То, что произошло дальше, растянулось, словно в замедленной съемке: я распластался на полу, и тотчас же сдвоенные ударные волны [51], вырвавшиеся из оружия Авроры, порывом ветра дернули за мою одежду, прежде чем ударить в грудь Логана; я услышал, как с глухим треском весь до последнего атома воздух вытолкнуло из его легких, затем увидел, как его с невероятной скоростью швырнуло в противоположную стену со звуком полена, падающего на влажную листву.

Последовало мгновение паузы. Логан все еще стоял прямо, частично впечатавшийся в штукатурку по дранке, с выражением горькой обреченности на лице. Белки его глаз стали ярко-алыми от лопнувших кровеносных сосудов.

---

[51] Примечания: 51

Опытные стрелки используют одновременно сразу два импульсных оружия, чтобы более точно и действенно сфокусировать вихревые кольца. Однако в руках неопытного новичка такое нередко приводит к смерти или серьезной травме.

Аврора извлекла использованные элементы питания из рукояток своих «Колотушек» и тотчас же перезарядила их; воздух наполнился сладковато-приторным запахом горячего электролита, смешанного с дымом.

— Блин, — пробормотал я, радуясь внезапной перемене своей судьбы и за неимением лучшего указывая на очевидное, — вы только что убили Джека Логана.

— Блин, — пробормотала Аврора, удивленная не меньше меня, — и правда убила. Токката будет просто *в ярости.* — Шагнув к впечатанному в стену Логану, она пожала плечами и добавила: — Ну тут уж ничего не поделаешь.

— С чем ничего не поделаешь? — спросил я, поднимаясь на ноги. — С тем, что Логан мертв, или с тем, что Токката будет в ярости?

— И с тем и с другим. Куда он тебя вел?

— Думаю, он собирался меня убить.

— В таком случае ты обязан мне жизнью. Веди меня к Шалунье, хвастунишка, нам нужно успеть на поезд. И вот что: говорить будешь ты, а я только буду стоять в стороне с угрожающим видом. Да?

Кажется, я был оглушен. В шоке. Мне еще никогда не приходилось видеть смерть. Такое

выпадает немногим. Потому что старых, слабых и больных отсеивает милосердная рука Зимы, и все те, кто на моей памяти умирал Летом, погибали в результате несчастных случаев, чем, вероятно, объяснялся прямо-таки абсурдный общественный интерес к жертвам автомобильных катастроф. Через две недели после того, как я поселился в «Черной мелодии», на улице кого-то сбил мусоровоз. Сквозь толпу зевак невозможно было протолкнуться.

— Ладно, — сказал я.

Подкрепившись бесстрашием Авроры, я направился обратно по коридору. Как только мы вошли в комнату, тип с «Кувалдой» вообразил, что ему нужно действовать, однако выстрел одной из «Колотушек» Авроры оторвал ему руку в плечевом суставе. Не теряя ни мгновения, Аврора шагнула вперед и приставила второе оружие к лицу Фулнэпа.

— Ну хорошо, хорошо, — сказал тот. В голосе его прозвучал непокорный вызов, однако реальность диктовала свои требования. — Что вам нужно?

— Миссис Тиффен, — сказал я.

— Ты совершаешь серьезную ошибку, Уортинг. Авроре нет до тебя никакого дела.

— А вам?

— Ты не поймешь!

— Ты кажешься мне знакомым, — сказала Аврора, обращаясь к Фулнэпу. — Я тебя знаю?

— Нет, — ответил тот, — я простой Лакей, стараюсь заработать себе на жизнь.

— Делай это каким-нибудь другим способом. Например, крась стены домов, чини водопровод или изобрети настольную игру вроде «дженги» или «клуэдо» [52].

Фулнэп направился в ванную, а медик занялся раной Лопеса. Через минуту в комнате появилась миссис Тиффен, как и прежде, совершенно ничего не соображавшая. Я вручил ей бузуки, лежавшую на полу, и она тотчас же начала играть «Помоги себе сам». Мы направились к лифтам.

Когда такси высадило нас у вокзала, поезд все еще стоял у платформы. Моуди затягивал храповики, закрепляя на платформе груз, а стоящий рядом начальник станции с нескрываемой тревогой смотрел на большие карманные часы.

Мы успели вскочить в вагон за считаные секунды до отправления.

---

[52] Примечания: 52

«Дженга» — настольная игра, игроки по очереди достают блоки из основания башни и кладут их наверх, делая башню всё более высокой и всё менее устойчивой. «Клуэдо» — настольная игра, участники которой раскрывают преступление. (*Прим. переводчика.*)

Через горы

«…Зима по необходимости является суровым садовником. Она пропалывает слабых и пожилых, больных и физически неполноценных. Были предприняты попытки с помощью «Проактивной Зимней поддержки» повысить выживаемость тех, кто обладает высоким интеллектом при слабом здоровье, однако для основной массы населения эта методика остается слишком дорогой и неэффективной. Только сильные и богатые могут надеяться встретить Весну…»

Из выступления Джеймса Слипвэлла [53] против выдачи «морфенокса» всем желающим.

Вскоре поезд катил на север в направлении Двенадцатого сектора. Густой дым от горящих угольных пластов просачивался в вагон ядовитым туманом, заставляя нас кашлять. Однако наши неудобства оказались временными, ибо за

---

[53] Примечания: 53

Говорящая фамилия: sleep well — приятного сна. *(Прим. переводчика.)*

пределами Валлийского угольного района дым рассеялся, и поезд снова покатился по пологим холмам среди замерзших озер, каменоломен и рощ чахлых дубов, щедро укрытых снегом.

Однако меньше всего я в настоящий момент думал о красотах пейзажа. Я сидел в углу купе в состоянии полного оцепенения. Пальцы на руках казались огромными, распухшими, грудь была сдавлена такой тяжестью, что мне пришлось расстегнуть куртку и рубашку. Мне было трудно глотать, а сердце никак не желало успокоиться. Миссис Тиффен, как это ни странно, теперь исполняла «Далилу». На самом деле эта песня сейчас звучала к месту. Не стихи, а мелодия Тома Джонса, пусть и исполненная на бузуки, под мерное постукивание колес. Минут десять я пытался успокоиться, однако добился этого только в ограниченной степени, после чего я принялся собирать свою «Колотушку», и как раз когда я закончил, послышался голос:

— Не возражаешь, если я к тебе присоединюсь?

Это была Аврора; не дожидаясь ответа, она села.

— Без вас меня бы убили, — сказал я. — Спасибо.

— О, пустяки, — сказала Аврора, словно она лишь угостила меня батончиком «Сникерс» или отдала ненужный билет в зоопарк. — Знаешь, — добавила она, — меня тревожит, как бы Токката не устроила скандал и не наделала глупостей. Похоже, Логан ей действительно нравился, несмотря на то, что он был заносчивым придурком.

Странно, я не знал, как к этому относиться. Разумеется, последствия будут страшными — нельзя просто так взять и убить одного из ведущих Старших консулов страны, обязательно будут вопросы, — и хотя я уважал Логана и он был мне симпатичен, его причастность к мошенникам, занимающимся воспроизводством, была… ну достойна осуждения; к тому же он собирался меня убить, поэтому я не *слишком* сожалел о его смерти. Однако и не радовался.

— Даже не знаю, создан ли я для этого, — сказал я.

Смерив меня взглядом, Аврора улыбнулась.

— Зимой нет героев, есть только те, кому посчастливилось выжить. К тому же ты сдал Выпускной экзамен. Теперь ты оперившийся Зимний консул.

Это достижение показалось мне пустым.

— Мой наставник едва не убил меня, и если бы не ваше вмешательство, он меня бы убил. Мой вклад в спасение миссис Тиффен был в лучшем случае минимальным. По-моему, едва ли можно считать, что экзамен пройден.

— Цель достигнута, — с улыбкой возразила Аврора, — а по большому счету только это и имеет значение, особенно Зимой. Зачем Логан хотел увидеться с Токкатой?

— Что-то связанное с синими «Бьюиками» и вирусными сновидениями.

— Полная чушь, — презрительно бросила Аврора. — Никаких вирусных сновидений нет и в помине!

— Но…

— Что, — перебила меня она, — у тебя есть какие-либо свидетельства того, что вирусные сновидения *существуют?*

Я рассказал ей про то, как Моуди бормотал что-то о синих «Бьюиках», миссис Несбит и тянущихся к нему руках.

— Моуди из железнодорожной службы?

Я кивнул.

— И, — добавил я, вспоминая учебные курсы, — согласно положению СХ-70 о Преемственности приказов и распоряжений, я должен продолжить

расследование, начатое Старшим консулом Логаном, или по крайней мере навести справки.

— О вирусных сновидениях? Совместно с Токкатой?

— Получается так.

Аврора потрепала меня по плечу.

— Вот тебе мой совет. Сплавь девчонку с бузуки в «Гибер-тех» и сядь на последний поезд домой. Зимние консулы Двенадцатого сектора — это змеиное гнездо, *особенно* Токката. Тебе не нужно связываться с ними.

Я уже слышал это не первый раз.

— А правда, Токката съела лунатиков, чтобы продержаться до конца Зимы?

— Содержала их живыми до тех пор, пока они ей не понадобились, насколько я слышала, и с тех пор пристрастилась к ним. Ты больше ничего не можешь вспомнить о тех двух преступниках, которые собирались пустить на воспроизводство девчонку с бузуки?

— Их было трое, а не двое.

Какое-то время Аврора пристально смотрела на меня своим единственным глазом, в то время пока второй вращался сам по себе.

— Она находилась слева, так?

— Он. Медик.

— Тогда понятно, — сказала Аврора, указывая на свой бесполезный глаз. — То, что слева от меня, я вижу плохо.

Она показала мне набросок в своем блокноте. Как и следовало ожидать, это была половина лица — лица Фулнэпа.

— Тот, кто забрал женщину-лунатика. Это он?

Я кивнул, и Аврора убрала блокнот в нагрудный карман.

— Логан промедлил, — задумчиво произнес я, — как будто не хотел вас убивать. Почему?

— Понятия не имею, — сказала Аврора, — но для тебя очевидный выигрыш, что он так сделал, а для него очевидный проигрыш. Помни, что2 я тебе говорила про Зимних консулов Двенадцатого сектора — особенно про Токкату.

Попрощавшись со мной, она вышла из купе, оставив меня наедине со своими мыслями. Приблизительно через полчаса поезд остановился на верхней станции Торпанту.

Пока железнодорожные работники готовили тормоза для спуска, пассажиры и груз оставались на своих местах, и скоро мы снова тронулись, сначала по тоннелю протяженностью в милю, пробитому через вершину горы, затем мимо потрепанного непогодой указателя, извещающего о

въезде в Двенадцатый сектор, а далее последовал затяжной спуск с небольшой скоростью. По эту сторону от гребня снегопад прекратился, и в сумерках я с трудом различал силуэты высоких гор, вершины которых были покрыты мягким снежным покрывалом. На крутых поворотах можно было отчетливо увидеть впереди за пять вагонов красные отсветы паровоза. Время от времени весь состав вздрагивал, когда снежный плуг врезался в глубокий нанос, а мимо окон светлячками пролетали вырывающиеся из трубы искры.

Я скормил мертвой женщине полдюжины заварных пирожных, и она, к великой моей радости, провалилась в Ступор, что явилось благодатным облегчением. Я встал, чтобы размять ноги, и прошел до конца вагона, где нашел Моуди. Он смотрел в окно, погруженный в глубокие раздумья. Когда я остановился рядом с ним, он поднял взгляд.

— Я должен отдать вам вот это, — сказал я, протягивая ему листок бумаги с описанием характера обещанного мною Долга: имя кредитора, дата, подпись.

— Все чисто, — сказал экспедитор, убирая расписку в нагрудный карман. — Присоединишься ко мне?

Я устроился так, чтобы мне было видно, если миссис Тиффен вздумает куда-нибудь отправиться или начнет жевать обивку сиденья.

— Как тебе удалось вернуть Отсутствующую? — спросил Моуди.

— Наверное, просто доброе старое упорство.

— Нет, серьезно, — настаивал Моуди, успевший меня раскусить, — как тебе удалось ее вернуть?

— В критический момент вмешалась Аврора и спасла меня.

— Тогда понятно, — сказал Моуди. — Это также означает, что ты перед ней в долгу. Плохая привычка Зимой влезать в Долги.

— Я должен *вам,* — сказал я.

— Верно, — согласился он, — и даже это не в твою пользу. Доставив по назначению женщину-лунатика, ты вернешься домой?

— После того как поговорю с Токкатой про вирусные сновидения.

Испуганно вздрогнув, Моуди оглянулся по сторонам. Нагнувшись ко мне, он понизил голос.

— Я могу тебе кое-что рассказать про вирусные сновидения, — сказал он, — но позже, наедине. Я буду в баре в гостинице «Уинкарнис». Найти легко — она на центральной площади. И берегись «Гибер-теха». Все эти разговоры про «спасите-

лей человечества» полный вздор — «Гибер-тех» интересуют только деньги. Дон Гектор по большей части был верен своим идеалам, однако его преемники быстренько запрягли его мечту и превратили ее в кошмар. А проект «Лазарь» только все усугубит.

— Что такое проект «Лазарь»?

— То немногое, что мне известно, я расскажу тебе потом в «Уинкарнисе». Но будь осторожен в Двенадцатом секторе: есть в нем что-то нехорошее.

— Нехорошее?

— Странное. Жутковатое. Помнишь все эти страшные Зимние легенды и сказки, которые ты слышал в детстве? Про Зимний люд?

Я понял, что2 именно он имел в виду; долгие годы я был очарован этими легендами, и не только их странностью, но и разнообразием: от Термозавров, питающихся человеческим теплом, до Зимних сирен, которые поднимают спящих с постели обещаниями песен, танцев и прочих наслаждений, но затем оставляют их умирать от истощения и обезвоживания. Сказками про Домовых, карликов, которые ночью тайком пробираются в спальню и похищают зубы, деньги и пальцы на ногах. Про Игрока, способного прохо-

дить сквозь стены, который пожирает со спящего весь жир, оставляя пустой мешок с костями, и Штуковину, которая проникает человеку в ухо и откладывает там личинки, порождающие червей, питающихся его сновидениями.

Все это было забавно, но самой любимой у меня была Грымза. Питающаяся стыдом недостойных, складывая постельное белье и напевая популярные мотивчики Роджерса и Хаммерстайна, она обладала определенной вдохновляющей непредсказуемостью.

— Да, — подтвердил я, — я слышал про Зимний люд.

Подавшись вперед, Моуди тронул меня за колено, понижая голос до шепота.

– *В Двенадцатом все это становится явью.* Они существуют там в реальности. Центральный Уэльс — колыбель сказок, выкованных погруженным в сон сознанием спящих.

— Хорошо-о, — протянул я.

Очевидно, его опьянение выходило за рамки одних только синих «Бьюиков», отрубленных рук и погребения заживо.

— Я говорю серьезно, — настаивал Моуди. — Привратник Ллойд из Дормиториума «Сиддонс». Слышал о таком?

— Нет.

— Он встретил Грымзу. Или по крайней мере подошел настолько близко, что можно было к ней прикоснуться.

— Продолжайте.

Моуди откашлялся.

— Жил когда-то Зимний фермер по имени Икабод Блок, у него была ферма рядом с Райдером, недалеко от того места, где ледник превращается в талую воду, и вокруг на многие мили нет ни одной живой души. Говорят, этот Икабод был человек неприхотливый, молчаливый, недовольный своей участью, и были у него жена по имени Мария и дочь по имени Гретель. Но однажды, пару лет назад, они ушли неведомо куда, и с тех пор Икабод стал угрюмым и замкнутым, и мало кому хотелось говорить с ним и терпеть его общество.

— Была у нас в приюте одна такая, — вставил я, вспоминая сестру Зачатию [54].

— Однажды Зимой, — не обращая внимания на мое замечание, продолжал Моуди, — Икабод связался с одним своим знакомым по фамилии Ллойд, которому уже на протяжении нескольких

---

[54] Примечания: 54

Сестра Зачатия жила в сарае, где стояла бензокосилка, и держалась замкнуто. Политика Совместной заботы о детях привлекает не только тех, кто любит детей.

лет был обязан своей жизнью, и сказал, что его «страшно донимает» Зимний люд. Ллойд уже лет десять работал привратником, поэтому ужасы Зимы его больше не пугали. Он считал Зимний люд досужими выдумками старых прачек, темой пересудов в пивных.

«С чего ты взял, что это Зимний люд?» — спросил Ллойд при встрече.

«На прошлой неделе кто-то подровнял рога впавшим в спячку лосям и причесал шерсть шести из восьмидесяти девяти мамонтих. А в доме, — продолжал Икабод, — из мюсли выбрали весь изюм, украли любимую пластинку Гретель, а все книги в шкафу переставили».

«В алфавитном порядке?» — спросил Ллойд.

«Нет — согласно художественной ценности».

«А».

На подобную вызывающую дерзость был способен только Зимний люд.

План был прост: привратнику Ллойду предстояло дежурить у сарая Икабода от заката до восхода, сидя в кожаном кресле.

— Икабод хотел использовать его в качестве Приманки для люда? — спросил я.

— Именно, — подтвердил Моуди, — поскольку по давнему обычаю все привратники евнухи,

а Зимний люд славится своей любовью к физически неполноценным. Однако сам Икабод спрятался в десяти ярдах по ветру от Ллойда, за несколькими кипами сена, держа наготове «Кувалду», горя нетерпением расправиться с незваными гостями. Привратник Ллойд должен был быть начеку и чуть что поднять тревогу.

Я обратил внимание на то, что другие пассажиры прекратили разговоры и обступили нас, слушая рассказ экспедитора.

— Но заснуть было невозможно, — продолжал Моуди. — Привратник Ллойд сидел с широко раскрытыми глазами, вслушиваясь в кромешную темноту. Единственным светом были слабые отблески неба, озаренного звездами Зимней ночи. Ни звука не нарушало тишину. Ни шороха, ни треска сломанной веточки, ни даже ворчания вспугнутого мамонта. Укутавшись в теплый пуховик, Ллойд размышлял о своей жизни, о своих чаяниях, неудачах и о том, что ему никак не удается выбросить из головы навязчивую мелодию «Одинокого пастуха» [55].

Умолкнув, Моуди отпил глоток из термоса на поясе и продолжал.

---

[55] Примечания: 55

Первая песня со второй стороны пластинки с музыкой из фильма «Звуки музыки».

— Когда серый рассвет уже гнал перед собой ночную темноту и мир снова начинал шевелиться, пробуждаясь, Ллойд внезапно встрепенулся. Последние два часа он проспал, и сейчас его разбудил крик Икабода. Два слова, совершенно отчетливых, в которых Ллойд не нашел никакого смысла. Зевнув, он потянулся и окликнул Икабода. Однако ответа не последовало, и после недолгих поисков Ллойд обнаружил «Кувалду» Икабода, со снятым предохранителем, но неразряженную, и всю его одежду, аккуратно разложенную на земле, по-прежнему одна вещь внутри другой, словно русская матрешка. Носки были засунуты в ботинки, помочи по-прежнему пристегнуты поверх рубашки, рядом с часами маленькая горка зубных пломб.

— А сам Икабод пропал? — спросил кто-то из пассажиров.

— Бесследно исчез. Ллойд вызвал Зимних консулов, но те прекратили поиски через три дня, найдя лишь шапку Икабода, воткнутую между ветками на вершине дуба в двух милях от дома. Они решили, что ночью ему приснился кошмарный сон, он потерял рассудок и бежал. На смену Икабоду был прислан новый фермер, а его исчезновение остается загадкой и по сей день.

— Какие два слова произнес Икабод? — спросил я, наперед зная ответ.

— Он сказал: «О, Грымза», и при этом… при этом устало вздохнул, словно принимая неизбежное.

В вагоне наступила тишина, воздух был насыщен страхом и растерянностью. Грымза лишь недавно была добавлена в число Зимнего люда, и я еще не слышал о ее первом появлении. Я выглянул в окно. Поезд спустился вниз и теперь мчался по берегу замерзшего водохранилища, славящегося каменной плотиной и фильтровальной башней в готическом стиле. Я обернулся к Моуди, понимая, что рассказ еще не закончен.

— Это ведь еще не все, правда? — спросил я, и Моуди кивнул.

— Прибывший на смену Зимний фермер обратил внимание на то, что в течение нескольких недель вкус воды стал горьким. Поэтому он поднялся по вертикальной лестнице и через квадратный люк размером не больше двух футов забрался на чердак. Икабода обнаружили в баке с холодной водой, совершенно целого, если не считать отсутствующего мизинца.

Моуди помолчал для пущей драматичности.

— Консулы заключили, что это было самоубийство, что у Икабода, вероятно, было «необъяс-

нимое желание подкрепить легенду о Зимнем люде». Но у привратника Ллойда были не только голые сомнения. Во время поисков Икабода он обратил внимание на то, что в доме царил порядок, все белье было выстирано, постели заправлены, на граммофоне крутилась пластинка с «Югом Тихого океана» [56]. На плите даже стоял горшочек с ланкаширским рагу, на крышке записка, выведенная мелким угловатым почерком.

— Что в ней говорилось? — спросил другой пассажир.

— В ней говорилось: «майорана не хватает».

— Икабод мог сам сложить свою одежду, навести в доме порядок и приготовить рагу, — сказала еще одна пассажирка, оборачиваясь через спинку скамьи. — И поставить пластинку на граммофон. Как сказали Консулы, чтобы придать достоверности легенде.

— Такое возможно, — согласился Моуди, — вот только Икабод не отличался особой аккуратностью и предпочитал рок-оперу «Иисус Христос — суперзвезда».

У меня был один-единственный вопрос.

— Икабод был недостойным?

---

[56] Примечания: 56

Очевидно, запись первой бродвейской постановки. Жена и дочь Икабода очень любили этот мюзикл.

Моуди обвел взглядом всех нас.

— В баке с водой нашли не только его. Там также были истлевшие останки его жены и десятилетней дочери, которые, как он утверждал, ушли из дома восемь лет назад.

Когда Моуди закончил свое повествование, его небольшая аудитория, одобрительно переговариваясь, вознаградила его угощениями, как того требует обычай. Меньше чем через минуту у него уже были полбатончика «Сникерса», восемь жевательных конфет, маленький батончик нуги и пакетик леденцов с ментолом.

— Встретимся позже в гостинице «Уинкарнис», — сказал мне экспедитор, откидываясь назад, чтобы немного вздремнуть, — и я расскажу тебе всё про синий «Бьюик» — и про «Гибер-тех».

Я вернулся в свое купе, где миссис Тиффен попрежнему пребывала в целости и сохранности, оставаясь в Ступоре. Поезд сделал короткую остановку в Талибонте, чтобы высадить работника электростанции, и во время стоянки железнодорожники переставили тормоза; и вскоре мы снова тронулись, но теперь уже быстрее, путь был свободен, и поезд набрал большую скорость.

Мы пересекли реку, одетую в кокон льда и снега, затем проехали через заброшенный по-

лустанок, платформы и станционные строения которого были покрыты снегом и льдом. Поезд бежал вперед еще с полчаса и наконец с мягким свистом и приглушенным скрежетом тормозов остановился.

Мое путешествие в один конец закончилось.

Талгарт и «Гибер-тех»

«…Размещение основного комплекса «Гибер-теха» в Центральном Уэльсе было делом случая, однако это обстоятельство оказалось крайне благоприятным, когда для производства «морфенокса» потребовались повышенные меры безопасности. Поскольку Снегодонийский ледник начинается всего в тридцати милях к северу, а водящиеся в окрестностях в больших количествах Злодеи отпугивают путников, с обеспечением надлежащей безопасности никогда не возникало никаких проблем…»

«Краткая история “Гибер-теха”», под редакцией Рональда Фаджа [57]

Пробудив миссис Тиффен из Ступорного состояния куском марципана, сунутым под нос, я скормил ей два ломтя солодового хлеба с фруктовым ароматом и палочку песочного печенья, после чего вывел из купе. Здесь было замет-

---

[57] Примечания: 57
Говорящая фамилия: fudge — вранье; обманщик. *(Прим. переводчика.)*

но холоднее, чем в Кардиффе; снег под ногами не скрипел, а скорее визжал. К этому времени уже совсем стемнело, и городок освещался не электричеством, а газом: дрожащие оранжевые огоньки светильников усиливали ощущение нереальности происходящего, словно мы стали свидетелями искривления времени.

Указатель на платформе извещал, что станция называется Талгарт: этот небольшой городок приютил комплекс «Гибер-теха». Я предупредил дежурную по станции, что доставлю свою подопечную по назначению и вернусь тем же поездом, и та ответила, что у меня есть по крайней мере два часа — времени предостаточно.

Пока Моуди наблюдал за разгрузкой, я повел миссис Тиффен к выходу со станции; там Аврору уже встретил мужчина, высокий, худой, с лицом, похожим на недавно смазанную маслом дыню для регби. Я почему-то подумал о старом трупе, сохранившемся в торфяном болоте.

— Консул Уортинг [58], — сказала Аврора, когда мы с миссис Тиффен подошли к ним, — позволь представить тебе заместителя главы службы безопасности «Гибер-теха» агента Лайонела Хука. Он

[58] Примечания: 58

Впервые меня удостоили почетного звания «Консул», а не «Послушник». Я тогда еще не знал, как к этому относиться.

присматривает за всем в мое отсутствие. *Очень* надежный человек. Был капитаном в армии до тех пор, пока не перешел к нам.

— Вы… тот самый капитан Хук?

— Да, — подтвердил мужчина, и у него дернулось одно веко, — и если ты скажешь хоть слово про крокодилов, будильники и отрубленную руку, я вырву тебе глаз и заставлю его проглотить.

— Ничего подобного у меня и в мыслях не было, — неискренне пробормотал я, поскольку на самом деле все это промелькнуло у меня в голове.

— Насчет глаза Хук пошутил, — успокоила меня Аврора, после чего, повернувшись к своему заместителю, произнесла уже более вопросительным тоном: — Ты ведь *пошутил?*

— Естественно, — после некоторой паузы подтвердил Хук, — совершил маленькую глупость. Чтобы разбить лед, понимаешь.

И он одарил меня улыбкой, у которой был такой вид, словно она сошла прямиком со страниц прочтенного наспех пособия по совершенствованию личного обаяния. Что еще тревожнее, Хук шагнул, чтобы заключить меня в Зимние объятия. От него пахло жевательным табаком, кислотой из аккумулятора и недавно околевшей

лошадью. Воспользовавшись возможностью, он также шепнул мне на ухо:

— Шаг в сторону — и я тебя уничтожу!

— И я тоже рад с вами познакомиться, — запинаясь, выдавил я, осознав, что смысл этого представления заключался в том, чтобы показать меня Хуку, а не наоборот.

— Хочешь, мы тебя подбросим? — предложила Аврора.

Я ответил, что мне нужны физические упражнения, и тогда она пожелала мне всего хорошего, после чего они с агентом Хуком уехали в полноприводной штабной машине, у которой был такой вид, будто она появилась на свет благодаря прискорбному союзу грузовика и семейного «универсала».

Мы с миссис Тиффен шли по пустынному городку, следуя указателям к комплексу «Гибер-теха». Я обратил внимание на повсеместное наличие закрепленных леерных ограждений — шестимиллиметрового стального троса, пропущенного сквозь ушки, привинченные болтами к стенам и фонарным столбам. Хотя в Кардиффе и Суонси предусмотрена возможность установки подобных ограждений, используются они только в чрезвычайных ситуациях. Здесь, судя по виду,

ограждениями не просто пользовались, а пользовались *часто.* Если видимость упадет до нуля, закрепленные тросы не дадут человеку заблудиться — при условии, что он пристегнулся к ним фалом.

К «Гибер-теху» я подходил, полагаю, с трепетным волнением. Трудно было преуменьшить значение «морфенокса». Теперь, если человек доживал до Весны, это воспринималось как должное, а не как счастливая случайность. Сохранение навыков, пониженное потребление продовольствия, а также блага преобразования и трансплантации уже приносили свои плоды в нашей посткризисной экономике. Южный Альянс, сохранивший естественный сон, в прошлом не уступавший Северной Федерации, теперь безнадежно отставал во всех мыслимых общественных и финансовых сферах. С какой стороны ни взять, «морфенокс» был главным призером — если только ты мог заслужить право им пользоваться. Если мог, все хорошо и замечательно. Ну а если не мог, что ж, черт возьми, по крайней мере у тебя было то, к чему стремиться.

В комплексе «Гибер-теха» царили темнота и тишина: никаких признаков человеческого присутствия. Если бы не парад газовых светиль-

ников, освещающих дорогу, ведущую из города, можно было подумать, что он давно заброшен. Я знал, что комплекс площадью шестьдесят акров окружен со всех сторон голой безликой местностью, что было сделано сознательно, и с четырех наблюдательных вышек по углам двадцатиметровой стены открывался отличный обзор во всех направлениях. Большие двустворчатые двери, обитые с обеих сторон сталью, имели по краям узкие амбразуры. Сбоку от входа на стене висел телефон. Сняв трубку, я стряхнул с нее снег, нажал кнопку вызова и назвал себя.

— Младший консул Уортинг, Ч., БДА-26355Ф, — сказал я, — доставил женщину-лунатика. Тиффен, Л., ХАБ-31417Ф.

— Гм, — послышался в трубке голос, — мы ждали Логана, Дж, ДжХК-889521М.

Я объяснил, что Логан погиб и в соответствии с положением СХ-70 о Преемственности приказов и распоряжений я продолжаю выполнение его задания. После этого последовали новые вопросы, и, наконец, по-видимому, удовлетворившись, администратор отпер наружную дверь и впустил нас. Расставшись со своей «Колотушкой», я вошел в просторный, богато оформленный вестибюль с куполообразным потолком, величественной

лестницей в глубине и несколькими широкими коридорами, уводящими в глубь комплекса. Лицом к письменному столу находился большой стенд из матового стекла, рассказывающий историю корпорации «Гибер-тех», а на стене красовалась огромная эмблема «Гибер-теха», зрительно подавляющая портреты Гвендолин XXXVIII и Дона Гектора. Также я обратил внимание на два гольфмобиля, в каждом по лунатику, тупо уставившемуся в пол. Это меня удивило: умение управлять гольфмобилем выходило за рамки навыков тех преобразованных, кого мне доводилось видеть. Что совсем уж не к месту, у лунатиков были бейджики с именами. Какой-то шутник окрестил их Чазом и Дейвом [59].

— Добро пожаловать в «Гибер-тех», — радостным тоном произнес администратор.

По его бейджику я определил, что его зовут Джош. Он был в черной форме с эмблемой «Гибер-теха» на нагрудном кармане, а за спиной у него болтался помещенный в рамку сертификат «Лучшего дежурного администратора недели». Этим было сказано все: или Джош был единственным, или он был единственным, от кого был хоть

---

[59] Примечания: 59

Чаз и Дейв — популярный английский поп-дуэт в составе Чарльза Ходжеса и Дэвида Пикока. *(Прим. переводчика.)*

какой-то толк.

— Всегда рады гостям, — продолжал Джош. — Сам я в каком-то смысле тоже гость, поскольку я из Канады. Вам нужно непременно побывать там. У нас сто сорок восемь горных хребтов, однако почему-то нас в первую очередь знают по нашим деревьям. Вообще-то, почти вся страна занята деревьями.

— Мне бы очень хотелось побывать в Канаде, — сказал я, — но разве там не слишком… как бы выразиться… холодно?

— Ну только в смысле постоянного оледенения и тундры. Да, и давайте сразу уладим все возможные недоразумения: лакросс [60], наша истинная национальная игра, грубая *преднамеренно,* в то время как хоккей получается грубым *неумышленно,* и если только у вас нет массы свободного времени, не спрашивайте меня о поддельном кленовом сиропе. Боже милосердный, это бузуки?

— Да, это бузуки, — подтвердил я, и миссис Тиффен прилежно начала исполнять «Далилу».

Джош вернул мне мои документы.

— Бдительность никогда не бывает лишней, —

---

[60] Примечания: 60

Лакросс — игра в мяч индейского происхождения; две команды, из 10 человек каждая, пытаются забросить мяч в ворота противника с помощью специальной клюшки. *(Прим. переводчика.)*

сказал он. — Лазутчики из «Истинного сна» рыщут поблизости. Вам приходилось с ними встречаться?

— Нет, — ответил я, — или по крайней мере я об этом не догадывался: как они выглядят?

— Как совершенно обыкновенные люди. В этом вся беда. — Он долго пристально разглядывал меня, выгнув правую бровь чуть выше левой. — У вас такой вид, будто вы совсем недавно изрядно подпортили себе карму.

— Можно и так сказать.

— Я просто ненавижу вселенскую скорбь. Чем я могу вас подбодрить?

Я подумал о Логане.

— Как насчет того, чтобы стереть в памяти плохие решения, изменяющие судьбу, как это делают путешественники во времени?

— Тут я ничем не могу вам помочь, но, быть может, в моих силах облегчить вызываемую ими боль. Задержитесь на обратном пути, и я приготовлю вам одно из своих творений.

— Творений?

— Доверьтесь мне.

Черкнув мне разовый пропуск, Джош попросил расписаться в журнале. Я с любопытством огляделся по сторонам. По коридорам ходили люди,

они двигались неторопливо, и никто ничего не говорил. Несмотря на оживление, в комплексе царила неестественная тишина.

— У вас здесь всегда так тихо? — спросил я.

— Руководство считает, что пустая болтовня отвлекает от созидательных мыслей, — сказал Джош, выбирая лучший лимон из дюжины припрятанных под столом и доставая из шкафчика миксер. — Вы играете в «скраббл»?

— Как-то раз я выложил слово «трепанация» по утроенной ставке, получив сразу двести двадцать восемь очков.

Вскоре после этого я перестал играть. И, честное слово, другого выхода у меня не было. С тех пор все мои потуги повторить успех оборачивались сокрушительным разочарованием.

— Ого! — с восхищением произнес Джош. — Этак вы нас без порток оставите. Обычно мы встречаемся по утрам в «Уинкарнисе», с десяти до полудня. Присоединяйтесь к нам.

Я объяснил, что покидаю город ближайшим поездом.

— А жаль, — вздохнул Джош. — Ладно, как-нибудь в другой раз. Можете подождать вон в той комнате, если что, кричите. И не забудьте задержаться на обратном пути.

Комната ожидания была выкрашена в светло-зеленый больничный цвет, и вся ее обстановка состояла из неломающихся стульев и выцветших плакатов на стене. Самый большой изображал двенадцатую миссис Несбит, по-детски непосредственную и нескладную, обещающую «премию наличными за детовоспроизводство сверх установленных норм». Более радушными были плакаты Валлийского туристического бюро. Один рекламировал местные достопримечательности ставшим с тех пор популярным лозунгом: «Посетите Уэльс — дожди здесь идут *не всегда*», а на другом был пейзаж побережья в Розилли, с остовом выброшенной далеко на берег «Царицы Аргентины» и радушным и непоколебимым утверждением:

«Пусть всегда будет Говер».

В помещении стоял присущий больницам запах смеси краски, хлорки и свежевыстиранного белья. Я накормил миссис Тиффен двумя корнишонами и плавленым сырком, и она снова начала исполнять «Далилу», но только тише, словно к этому призывала строгая обстановка.

Минут через десять из-за угла появилась женщина, поглощенная чтением бумаг. У нее были короткие волосы и миниатюрные, заостренные

черты лица. Совсем как у Люси Нэпп, что едва ли можно было считать удивительным, поскольку это *действительно* была Люси Нэпп.

— Люси?..

— Привет, Чарли, — улыбнулась Люси, — я слышала, что ты направляешься в наши края.

Встав, я неловко обнял ее.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я.

— В рамках Системы быстрого управления я получила назначение в Отдел эффективных преобразований. Здесь занимаются поразительными вещами. — Она оглянулась по сторонам. — А где Старший консул Логан?

— Он умер. Ну, точнее, его убили — Аврора.

— Вот как? И почему?

— Он собирался убить меня.

— Зачем кому бы то ни было убивать тебя?

— Долгая история, и мне нечем гордиться.

— Расскажешь, когда созреешь. Это то, что она умеет? — спросила Люси, указывая на миссис Тиффен, продолжавшую исполнять «Далилу».

— В общем, да.

— Впечатляет. Твою девушку с бузуки используют в научно-исследовательских работах: проект «Лазарь» заключается в *эффективном* преобразовании лунатиков для того, чтобы они более

плодотворно трудились на благо общества.

— Значит, *вот в чем* заключается проект «Лазарь», — сказал я. — А что насчет «морфенокса-Б»?

— Тут я не могу ничего подтвердить или опровергнуть, — улыбнулась Люси, — а на тот случай, если это ускользнуло от твоего внимания, бумага, которую ты подписал на входе, это Соглашение о неразглашении тайны. Если ты проронишь хоть одно словечко о том, что здесь видел, мистеру Хуку — ты уже познакомился с мистером Хуком?

Я молча кивнул.

— Мистеру Хуку поручено обеспечивать выполнение этого Соглашения, и у меня такое чувство, что удовольствия это тебе не доставит. Говорят, однажды он вступил в схватку с голодным арктическим барсуком — и одержал верх.

— Это *не слишком* впечатляет.

Арктические барсуки славятся своим злобным нравом, но все-таки размерами они не крупнее средней собаки. Конечно, лично я предпочел бы с ними не связываться, но, если вооружение будет подходящим, скорее всего, для меня все закончится хорошо — разве что барсук отгрызет мне палец или вырвет глаз.

— Ему тогда было всего четыре года, — сказала

Люси. — Он из зимокочевников — кажется, из рода Древнелишений. Это было частью его зимнего испытания [61].

— Хорошо, а вот это уже *очень* впечатляет.

— По крайней мере так говорят. Ладно, давай я отведу вас в крыло «Б».

Кивком пригласив меня к выходу, Люси дважды хлопнула в ладоши. Оба водителя гольфмобилей посмотрели на нее. У них были медлительные, заторможенные движения, свойственные лунатикам. Люси указала на того, которого звали Дейвом, он медленно подъехал к нам и остановился. Он просто сидел совершенно неподвижно, уставившись в стену выше и правее нас.

Люси предложила нам с миссис Тиффен сесть в гольфмобиль, затем села сама.

— Мы стремимся расширить навыки преобразованных лунатиков за рамки сортировки картошки и открывания дверей, — сказала она, — однако пока что эти работы находятся лишь на стадии производственных испытаний — вот почему мы не выпускаем подопытных за пределы комплекса. Правила компании требуют, находясь в гольфмобиле вместе с лунатиком, иметь при

[61] Примечания: 61

«Зимокочевники», или «Зимние кочевники», нередко оставляют своих детей Зимой одних, чтобы отделить слабых от сильных.

себе сандвич с джемом и коробку миндальных печений. Несмотря на свои навыки, они, проголодавшись, по-прежнему становятся кусачими.

Люси назвала водителю место назначения, и мы рванули с места под визг покрышек. Далее последовала гонка с объезжаемыми впритирку препятствиями и безрассудными вхождениями на полной скорости в слепые повороты, от которой у меня волосы встали дыбом, и лишь непрерывный сигнал клаксона предупреждал пешеходов освободить нам путь. Похоже, управление гольфмобилем интересовало Дейва лишь частично, поскольку почти всю дорогу он таращился на мою руку так, как голодная собака смотрит на мозговую косточку.

Люси предупредила, что мне предстоит встреча с Достопочтимой Гуднайт [62], и попросила следить за своим поведением.

— Неужели?

— Да, именно так.

Мое удивление было вполне объяснимым: Достопочтимая Шарлотта Гуднайт оставалась последним ныне здравствующим членом «Гибертеховской пятерки», тесной группы тех, кто был

---

[62] Примечания: 62

Говорящая фамилия: good night — спокойной ночи. *(Прим. переводчика.)*

рядом с Доном Гектором во время разработки «морфенокса». Гуднайт присоединилась к команде, будучи шестнадцатилетним дарованием в области химии, она лично довела до ума «ювенокс», препарат для тех, кому еще нет двенадцати лет. После смерти Дона Гектора именно она, что совершенно естественно, возглавила компанию.

— Что сказала мать Фаллопия, когда ты объявил ей о своем уходе? — спросила Люси.

— Она названа меня неблагодарным мерзавцем, сказала, что я умру в первую же неделю Зимы, а если место моего захоронения будет известно, она придет и спляшет на моей могиле.

— Так прямо и сказала?

— Ну смысл ее слов был такой.

— И все-таки ты поступил правильно.

Мы въехали в автоматически открывшуюся дверь и оказались в другом длинном коридоре, но теперь он уже был открыт с одной стороны. Мне доводилось видеть фотографии комплекса с воздуха, и я знал, что он подобно учебным заведениям построен вокруг квадратной площадки посредине, однако тут речь шла о пространстве площадью двенадцать акров, с деревьями, кустарниками и даже ручьем, который, если бы не промерз насквозь, начинался бы на возвышении

в одном углу, стекал по каменистому руслу, срывался вниз маленьким водопадом и с журчанием исчезал в противоположном углу.

— Весь комплекс изначально возводился как санаторий на четыре тысячи коек для страдающих от Гибернационного наркоза, — объяснила Люси, перехватив мой взгляд, — но когда исследования Дона Гектора и его команды принесли первые значительные плоды, комплекс был передан ему. К тому времени как была разработана первая эффективная версия «морфенокса», все заведение уже занималось исследованиями в области зимней спячки: каким образом обеспечить больший процент выживаемости, как сократить ее продолжительность и как лучше решать психические и физические проблемы, связанные с ранним пробуждением.

— Очень впечатляет, — заметил я.

— А то как же, — ответила Люси. — В программном заявлении «Гибер-теха» говорится о необходимости навсегда избавить человечество от пагубных социальных и экономических последствий зимней спячки.

— Это очень смелое обещание.

— В «Гибер-техе» всегда мыслят большими категориями. Ну вот мы и прибыли.

Гольфмобиль с визгом затормозил перед дверью с табличкой «Проект «Лазарь».

— До-свидания-желаю-вам-всего-хорошего, — произнес Дейв так, словно он заучил эти слова на слух, не понимая их смысла.

Люси отперла дверь, набрав код на клавиатуре, и после нескольких поворотов направо и налево и еще одной двери мы оказались в круглом помещении с письменными столами, креслами на колесах и стеллажами. Из этого круглого помещения во все стороны лучами расходились восемь коридоров, вдоль которых тянулись камеры, где-то по двадцать на каждый коридор. Оттуда доносились звуки — невнятное бормотание и глухие удары, — а также характерный неприятный смрад немытых лунатиков. В глубине одного из коридоров санитар в прорезиненном фартуке поливал из шланга камеру, грязная вода стекала в проходящий посредине коридора слив.

Остановившись, я огляделся вокруг, придерживая за локоть миссис Тиффен. Справа от меня была застекленная дверь, и, не устояв перед любопытством, я подошел ближе и заглянул внутрь. К креслу, похожему на те, что стоят в парикмахерских, был пристегнут лунатик в бледно-зеленом спортивном костюме. Прямо над ним

висело странное медное устройство, похожее на конический столбик, какими пользуются дорожные рабочие, острием всего в одном дюйме от головы подопытного. За операционным столом двое техников возились с несколькими большими приборами, сплошь покрытыми кнопками, рукоятками, шкалами и четырьмя большими экранами. Техники что-то говорили, однако их голоса заглушались толстым стеклом в двери.

— Знаешь, до чего любопытство довело Варвару?

Я обернулся. Это была Достопочтимая Гуднайт.

Она оказалась старше, чем выглядела на рекламных плакатах, — по моим прикидкам, на пороге седьмого десятка. Тело в отличной форме, жировая прослойка, соответствующая середине Лета, немигающие голубые глаза. Гуднайт была в накрахмаленной белой форме, буквально излучающей деловую эффективность. Она смотрела на меня с плохо скрытым презрением.

— Ой, — пробормотал я, пристыженный тем, что меня застигли подсматривающим, — извините.

— Ну так как? — спросила Гуднайт.

— Что как?

— Ты знаешь, до чего довело Варвару любо-

пытство.

— По-моему, ей оторвали нос.

— Извини, я тебя не слышу.

— Оторвали нос, — повторил я громче.

— Вот именно. Смысл этого, разумеется, совершенно понятен… — Остановившись, она задумалась на мгновение и повернулась к Люси. — Люси, дорогая, а *почему* любопытной Варваре нос оторвали?

Люси изучала досье на миссис Тиффен, но как только было произнесено ее имя, она встрепенулась.

— О… э… контекст, в котором были произнесены эти слова, не совсем ясен, мэм, однако *идиоматический* смысл не вызывает никаких сомнений.

— Вот именно, — согласилась Гуднайт, — я сама не смогла бы выразить это лучше. Идиома. Нашу работу невозможно потрогать руками, однако она необходима для общего блага. Выражаясь идиоматически… Люси?

— Лес рубят — щепки летят?

— Довольно близко.

— По-моему, это скорее… *пословица,* а не идиома, разве не так? — спросил я.

Обе женщины молча смерили меня взглядом.

— Так, теряем интерес и двигаемся дальше, — сказала Гуднайт. — Где Старший консул Логан?

— Его убила Аврора.

— Просто так, ради удовольствия?

— А Аврора *убивает* людей просто так, ради удовольствия?

— Не твое дело задавать вопросы, Консул. Токката уже знает о смерти Логана?

— Полагаю, *пока что* не знает, — сказала Люси.

— Кто ей это скажет? — спросил я.

— Только не я, — поспешно сказала Люси.

— И не я, — добавила Достопочтимая Гуднайт, продолжая пристально разглядывать меня. — Что у тебя с головой?

Опешив от ее бесцеремонности, я непроизвольно ощупал правую часть лица, вогнутую внутрь и закрученную влево, отчего правый глаз у меня ниже левого примерно на ширину полутора глазных яблок. Для меня самого, моих друзей и сестер в приюте я просто был такой как есть, и тут не требовалось никаких комментариев — на самом деле никто этого даже не замечал; однако по реакции окружающих я чувствовал, что отношение ко мне находится где-то между «занятно» и «уродливо».

— Врожденная деформация черепа, — сказал я.

— А, — небрежно бросила Гуднайт, показывая, что ее интерес был обусловлен чисто медицинской стороной дела. — Значит, это не отложение солей кальция?

— Нет, мэм.

— Не повезло тебе, — продолжала она. — Мы работаем над уменьшением и даже обращением последствий отложения солей кальция.

— Сам я не считаю это невезением, — сказал я.

— Знаешь что? — сказала Гуднайт. — На самом деле мне это неинтересно.

И без предупреждения она раскрыла английскую булавку и вонзила острие в предплечье миссис Тиффен. Набухла красная капелька. Я оказался единственным, кто вздрогнул; мертвая женщина даже глазом не моргнула.

— Тебя пугает вид крови, Консул? — спросила Гуднайт. — Сострадание, проявленное не к месту, обернется для тебя гибелью.

— При всем глубочайшем уважении к вам, мэм, я думаю, что это было любопытство.

— Возможно, именно из-за этого Варвара лишилась носа, — после недолгого размышления заключила Гуднайт. — Любопытство… по поводу сострадания. — Она посмотрела на Люси в на-

дежде на семантическую поддержку, но та лишь пожала плечами. — Ну хорошо, — продолжала Достопочтимая Гуднайт, протягивая мне акт о передаче опеки. — Распишись на пунктирной линии.

— Много у вас таких? — спросил я, принимая журнал. — Я имею в виду, Отсутствующих, выполняющих действительно хорошие штучки?

Достопочтимая Гуднайт подозрительно покосилась на меня.

— Мы не разглашаем нашу статистику, — сказала Люси.

— Долгосрочная политика компании, — объяснила Достопочтимая Гуднайт, когда я расписался в акте о передаче опеки. — «Истинный сон» любит припирать нас к стенке нашими же собственными данными, поэтому мы их не обнародуем — факты могут сбить людей с толку. Но, отвечая на твой вопрос: у нас была Шутница, которую когда-то звали Доротеей, так вот, она умела переводить все, что говорили вокруг, в азбуку Морзе. Мы так и прозвали ее «Точка-тире». Мы преобразовали ее в оператора коммутатора, и на испытаниях она работала без выходных, шестнадцатичасовые смены, прерываясь только раз в полчаса на то, чтобы сходить в туалет и

перекусить. Ну как вам нравится *такая* производительность, а?

Если честно, мне стало жутковато.

— Ну да, — сказал я, — поразительно.

— Поразительно? — презрительно повторила Гуднайт. — Жуки, воздушные гимнасты, Роден, суда на воздушной подушке и любые творения Брунелей [63] — вот что можно назвать поразительным. А то, чем мы здесь занимаемся, выходит *за рамки* поразительного.

— Потрясающе? — предложил я.

— Беспрецедентно, — сказала Гуднайт и, забрав акт, поставила свою подпись под моей, тем самым сняв с меня ответственность за миссис Тиффен.

— Вот твоя премия, — сказала Люси, протягивая мне расписку на пятьсот евро, подлежащую погашению в «Миссис Несбит». — Извини, — добавила она. — Знаю, обыкновенно расплачиваются наличными, но в «Гибер-техе» сейчас проходит рекламная кампания.

— Да, кстати, — спохватилась Гуднайт, оборачиваясь к нам, — были какие-либо перемены?

— Перемены в чем?

---

[63] Примечания: 63

Имеются в виду отец и сын Марк Изамбард (1769–1849) и Изамбард Кингдом (1806–1859) Брунели, выдающиеся английские инженеры. *(Прим. переводчика.)*

— В *ней*, — отрезала Гуднайт, указывая на мертвую женщину. — Перемены в поведении. В игре на бузуки, в поступках. Она стала хуже, стала лучше, более капризной, менее капризной, что?

— Прежде она играла «Помоги себе сам», а теперь играет только «Далилу». Это нормально?

— Такое бывает. Всё, на этом конец. «Гибер-тех» тебя благодарит.

С этими словами Гуднайт взяла мертвую женщину под руку и повела ее по коридору к камерам. *Без* бузуки, что говорило о многом. Меня охватила леденящая дрожь, но Люси уже повела меня обратно к выходу, и как только мы сели в гольфмобиль, началась та же самая бешеная езда. Мы пронеслись вдоль центрального квадрата; растительность внутри была такой буйной и густой, что с трудом проглядывала противоположная сторона комплекса.

— Когда Дон Гектор только появился здесь, все было тщательно ухоженным, — заметила Люси, перехватив мой взгляд. — По рассказам, целые мили усыпанных гравием тропинок среди многообразия деревьев и подстриженных живых изгородей. Место отдыха, где прогуливались пациенты санатория. Тут были водопад, известный как «Ведьмин пруд», теплицы — и даже грот,

эстрада и храм Морфея. Теперь все это заросло.

Мы вернулись сквозь двустворчатые двери назад в тепло, визжа покрышками по скользкому линолеуму на полу.

— Тебе не жутко от всех этих экспериментов с преобразованиями? — спросил я.

— Конечно, работа требует постоянного напряжения, — призналась Люси, — но перспектива рабочей силы с потенциальной производительностью восемь с половиной миллионов часов — это не шутка. Только представь себе: преображенные обладают навыками, позволяющими им работать на заводах. Себестоимость всех товаров снизится в разы!

— Ну а «морфенокс-Б»? — спросил я.

— Его представят к следующему лету, и он будет доступен всем. Этот прорыв изменит правила игры — но я тебе ничего не говорила.

Улыбнувшись, Люси подняла брови и приказала водителю гольфмобиля остановиться.

Тот послушно повиновался, и она вышла перед отделом фармацевтического производства.

— Ты прямиком обратно? — спросила Люси. — Насколько я слышала, с Консулами Двенадцатого сектора лучше не связываться.

— Прямиком домой, после того как повидаюсь

с одним человеком.

Я выбрался из гольфмобиля, чтобы обнять Люси.

— Пусть Весна примет тебя в свои объятия, — сказал я.

— И тебя тоже. Встретимся в следующий Обжорный четверг. Я припасу для тебя гамбургер.

Я сел обратно в машину, Люси крикнула водителю: «Главный вход», и мы снова понеслись вперед. Вскоре силуэт Люси скрылся за углом, и мы продолжили путь к регистрации в той же опасной манере, что и прежде.

Однако теперь мои мысли были заняты не опасениями погибнуть или получить тяжелые увечья при аварии гольфмобиля, а проектом «Лазарь». Сведения о лунатиках всегда были скудными и отрывочными, однако из сказанного Люси и Достопочтимой Гуднайт следовало, что задача использования труда лунатиков переходит в новую стадию. Еще более досадно то, что мое решение совершить безумно опасное зимнее турне исключительно ради гарантированного права на «морфенокс», возможно, окажется бессмысленным, если препарат будут раздавать всем и каждому.

Ход моих мыслей оборвался, когда гольфмо-

биль резко сбросил скорость и остановился. Я посмотрел на водителя. Тот неподвижно застыл, подавшись вперед, уставившись на пол перед собой. Я протянул было руку, чтобы тронуть его за плечо, но он вдруг обернулся и смущенно посмотрел на меня.

— Вы скажете ей, что я сожалею? — четко и вразумительно произнес водитель.

Я опешил — казалось, он внезапно забыл, что он лунатик.

— Сказать кому?

— Произошла страшная ошибка, — в замешательстве добавил водитель, словно не понимая, что и почему говорит, — и не проходит недели без того, чтобы я о ней не вспомнил.

Его лоб пересекла глубокая складка, будто он пытался ухватить потерянную ниточку. У него на лице отразилось недоумение, затем растерянность, нижняя губа задрожала.

Я положил руку ему на плечо.

— Дейв! С вами все в порядке?

Но водитель ничего не сказал, и мы снова рванули вперед под визг покрышек. Через пару минут мы уже вернулись к регистрации.

— Спасибо-за-то-что-путешествовали-с-«Гибер-техом», — механически произнес Дейв, — и-

счастливого-обратного-пути.

Я подошел к стойке администратора, чтобы вернуть разовый пропуск.

— Чарли! — воскликнул Джош. — Ты только взгляни, что я приготовил для тебя, чтобы поднять тебе настроение, так сказать! Я называю это «Коктейлем полного спектра», в состав входят черничный, мятный и лимонный сиропы и кока-кола. Для того чтобы его приготовить, я выжал сок из семи лимонов и целого арбуза, воспользовавшись новой эффективной и невероятно небезопасной технологией, которую я называю «рука в измельчителе». Если найдешь твердый кусочек, который трудно прожевать, возможно, это будет кончик моего мизинца.

— Правда?

— Да. На переднем крае кулинарных нововведений, — весело добавил Джош, — потери неизбежны.

В доказательство своих слов он поднял забинтованный палец, и я уставился в стакан.

— Можно было процедить сок, чтобы вытащить палец, — пробормотал я.

— В этом случае пропала бы вся мякоть фруктов. Это же всего лишь самый кончик, так, пустяки.

Я попробовал коктейль, оказавшийся чем-то

средним между фруктовым соком и молоком с мятой. На самом деле вкус мне очень понравился, о чем я и сказал Джошу.

— Рад, — улыбнулся тот, — очень рад!

Я допил коктейль, вытащив кончик пальца до того, как его проглотить. Он действительно оказался очень маленький. Я поставил пустой стакан на стойку.

— Спасибо, — сказал я. — Должен доложить о том, что мой водитель хотел извиниться перед женщиной, которую когда-то знал.

— Ты уверен? — спросил Джош.

— Да.

– *Полностью* уверен?

— Да.

— Ты это не сочиняешь?

— Нет.

— Ладно, — помрачнев, сказал он, — как тебе вот это? Я сделаю примечание.

Открыв путевой журнал Дейва, Джош записал примечание. Но только это было не примечание, а черный крестик. Сделав это, он поспешно захлопнул журнал и шумно вздохнул.

— Отголосок из прошлой жизни, — пробормотал Джош, — забытое воспоминание, всплывшее на поверхность. Однако воспоминание, ли-

шенное функционирующего сознания, которое придало бы ему значимость и контекст, представляет собой не более чем бессвязный набор слов на клочке бумаги. Ты не согласен? Понимаешь, на самом деле очень важно, чтобы ты согласился.

Он посмотрел на меня с проникнутым болью выражением.

— Я согласен.

– *Замечательно!* — воскликнул он с буквально осязаемым облегчением. — На обратном пути можешь забрать свое оружие. Загляни к нам, как только сможешь, и не забудь про «скраббл». Бар при гостинице «Уинкарнис», по утрам.

Поблагодарив его, я направился к выходу. Оглянувшись, я увидел, что Джош снимает со стены сертификат «Лучшего дежурного администратора недели». Полностью успокоился я только тогда, когда благополучно покинул пределы комплекса.

Гостиница «Уинкарнис»

«…Профессиональные Зимовщики не очень-то жалуют тех, кто проповедует лживую Дормитологию: самозваных Ночных шаманов, Морфеистов, Пляшущих во сне и гомеодормитологов. Граждане нередко благодарят духов за то, что их спасли от невзгод Зимы, хотя на самом деле они должны благодарить нас: привратников, техников, квартирьеров, консулов…»

Справочник по Зимологии, 9-е издание, издательство «Ходдер и Стоутон» [64]

До отхода моего поезда оставалось еще много времени, поэтому я отправился в город, чтобы встретиться с Моуди, как мы и договаривались. Я свернул направо у аптеки с закрытыми ставнями витринами, затем пересек реку по мосту, по которому неопытный водитель попытался проехать на тягаче с полуприцепом. Полуприцеп развернуло боком, он застрял на узком мосту

---

[64] Примечания: 64

«Ходдер и Стоутон» — крупнейшее британское издательство, в котором, в частности, выходят книги Дж. Ффорде. *(Прим. переводчика.)*

и намертво врос в прочный, как бетон, снег со льдом. За рекой находилась главная площадь скромных размеров, пустынная, если не считать двух припаркованных машин, тумбы с почтовым ящиком, будки телефона-автомата и бронзовой статуи на пьедестале из песчаника.

Прямо передо мной лицевой стороной к площади стояло здание Зимнего консульства, увенчанный куполом бункер с гранитным фасадом, спроектированный человеком, чьи архитектурные вкусы лежали преимущественно среди волноломов. Этот стиль, называющийся «Сверхпрочностью», отражал моду на общественные сооружения, способные противостоять разрушительному воздействию ледников, землетрясений и даже падения метеоритов размером с футбольный мяч. Он отражал настроение Северной Федерации: «мы здесь навсегда».

Справа от меня стояла недавно отремонтированная мельница, закрытая, и общественный туалет под зданием городской ратуши, также закрытый. Напротив находился магазин шерстяной одежды — как это ни странно, *открытый,* а рядом заведение, торгующее едой навынос, — опять же закрытое. Людей на площади было немного, и все они куда-то спешили. Опустив головы, чтобы

защититься от холода, спрятав лица в пуховых куртках с капюшонами.

Гостиница «Уинкарнис» располагалась слева от меня, ее название отсылало к пестро раскрашенной эмалированной табличке, рекламирующей «Восстанавливающие силы напитки «Уинкарнис», высоко над дверью. Изображенная на табличке дама эдвардианской эпохи взирала на мир с жизнерадостной улыбкой, не обращая внимания на лед и снег. В тусклом свете газовых светильников краски на табличке казались неестественно яркими.

Зайдя в фойе, я прошел к стойке администратора. За столиком сидела девушка лет шестнадцати, не старше. На ней было платье из хлопчатобумажной ткани в полоску под двумя застегнутыми на все пуговицы кардиганами, а ее прямые темно-русые волосы были аккуратно подстрижены под миску для пудинга. Девушка рылась в разложенных перед ней раскрытых учебниках и что-то записывала аккуратным мелким почерком в школьную тетрадь.

— Добро пожаловать в «Уинкарнис»! — радостным голосом произнесла она. — Я вас раньше здесь не видела.

— Я проездом, — объяснил я. — Хочу встретить-

ся с мистером Моуди. Он здесь?

— Нет, наверное, где-то распространяется про «Бьюики» и подобную чушь. О чем вы с ним хотели поговорить?

— О «Бьюиках» и подобной чуши.

— Понятно, — сказала девушка, возвращаясь к тетрадке.

— Домашняя работа? — спросил я.

— Вообще-то это моя докторская диссертация, — с легкой обидой ответила она. — «Документальное подтверждение существования форм Зимнего состояния, прежде считавшихся мифическими и вымышленными».

— Что это означает?

— То, что я пытаюсь доказать существование Зимнего люда.

С таким же успехом она могла доказывать существование единорогов или ловить в капканы фей.

— Это очень непростая задача, вы не согласны? — спросил я.

— Граничит с невозможным.

— Потому что на самом деле они не существуют?

— О, они существуют, это точно, — трудно собирать доказательства. Но я поспорила с одним

местным Поручителем, что они существуют, а Джим Трикл [65] любит поспорить.

— И на что вы поспорили? — спросил я, ожидая услышать что-нибудь вроде дюжины Вопросов или тому подобное.

— На пятьдесят «кусков».

– *На пятьдесят «кусков»?* — Мне потребуется двадцать лет, чтобы скопить такие деньги. — Почему так много?

— Долгая история. Как вам нравится вот это?

Открыв сумочку, девушка достала маленькую коробочку, затем, открыв ее с величайшей осторожностью, показала крошечную шляпу, меньше пяти сантиметров в поперечнике.

— Вы видите перед собой, — сказала она, — головной убор домового, одного из зимних карликов.

Я изучил шляпу. Сшита она, бесспорно, была хорошо, однако материал был похож не столько на кожу, сколько… *на пластик.*

— По-моему, это шляпа куклы Барби, — заметил я, — из коллекции нарядов Дикого Запада.

— Да, я тоже так думаю, — вздохнув, согласилась девушка. — Внутри стоит клеймо изготовителя.

---

[65] Примечания: 65
Говорящая фамилия: treacle — слащавость.

Взгляните.

Показав мне клеймо, она положила шляпу в коробочку и убрала коробочку в сумку.

— Крайне важно собирать доказательства, — продолжала она, — даже если они свидетельствуют об обратном. Так делается наука. Ошибаться и двигаться дальше. Если мне часто указывают на мои ошибки, значит, я движусь в правильном направлении, разве не так?

— Тут я не стану спорить, — сказал я, — но ведь Зимний люд — это лишь сказки, правда? Чтобы пугать детей, добиваясь от них послушания, и уговаривать неспящих заснуть.

— У меня более широкий подход к традиционным понятиям «существование» и даже «доказательство», — сказала девушка, — но в здешних краях мне повезет скорее, чем где бы то ни было еще: Грымза, Термозавр и Штучка привязаны к Центральному Уэльсу, а из них самая новая — это Грымза, впервые она была замечена всего двадцать лет назад, под Райдером.

— Икабод и резервуар с холодной водой?

— То самое.

Я передал девушке слова Моуди о том, что эта местность считается колыбелью легенды.

— И на то есть все основания, — подтвердила

та. — Я полагаю, Грымза должна вернуться — чтобы подкрепиться стыдом недостойных.

— Я так понимаю, здесь ей будет чем поживиться?

Девушка закатила глаза.

— В Двенадцатом богатый выбор ее, *конечно,* избалует. Мое мнение — если Грымза вздумает наведаться к нам, в первую очередь ее привлекут Поручители, и в особенности Поручитель Джим Трикл, Консул по совместительству, но по меркам Бремени вины он, пожалуй, даже рядом не стоит с некоторыми из наших чудиков. У нас есть Джонси, потерявшая шестьдесят солдат, бывших у нее в подчинении, есть Токката, половину времени сама не своя, есть Фоддер, который *определенно* что-то скрывает, и среди местных привратников огромные потери, вероятно, вследствие скуки или некомпетентности. И все-таки я ставлю на главную мерзость Двенадцатого, заместителя главы службы безопасности «Гибер-теха» Хука. Да, кстати, меня зовут Лора Строугер.

— Чарли Уортинг, — представился я.

Вместо Зимнего объятия мы пожали друг другу руки; обниматься с несовершеннолетними не принято, если только это не близкий родственник.

— Что ж, — сказал я, — удачи тебе в охоте на Грымзу.

Поблагодарив меня, Лора вернулась к занятиям, а я прошел в кафе «Миссис Несбит», довольно просторный зал, оформленный по-деревенски просто: дубовые балки под потолком, обшитые досками стены, древние медные сковороды и два больших окна, выходящих на площадь. В уютной нише у потрескивающего в камине огня устроилась сонная потенциальная клиентка, обсуждающая живопись импрессионистов — обычная предтеча сознательного погружения в сон. Далее она перейдет к литературе, поэзии, лютне и, если ничего не поможет, к более утонченным методам. В них мало кто нуждался. Учитывая традиционно высокий уровень навыков засыпания, большинство клиентов забывались бесчувствием где-то между Диланом Томасом и Лонгфелло, и лишь немногим удавалось продержаться до У. Х. Одена [66]. Лютни же редко приходилось даже просто извлекать из футляров.

У сонной был отсутствующий, измученный вид

---

[66] Примечания: 66

Томас, Дилан Марлес (1914–1953) — валлийский поэт; Лонгфелло, Генри Уодсуорт (1807–1882) — выдающийся американский поэт; Оден, Уайстен Хью (1907–1973) — американский поэт британского происхождения. *(Прим. переводчика.)*

зимсонника — человека, который уже много лет не проваливался в плодотворную пропасть сна. Она почему-то показалась мне знакомой; ей было под шестьдесят, что было необычно, поскольку завзятые Зимовщики редко живут дольше сорока. Чувствуя себя глупо, я приветственно помахал рукой, и женщина абсолютно равнодушно ответила мне тем же.

Остальные находящиеся в зимней гостиной, человек десять, были зимсонниками. Они развалились в креслах, излучая чувство бесстрастной апатии. Двое играли в шахматы, используя облегченные фигуры, кто-то читал, но большинство просто дремали, приоткрыв глаза и рты с вытекающими на подбородки струйками слюны. При моем появлении они лениво повели глазами в мою сторону, затем так же лениво вернули их назад и продолжили заниматься тем, чем занимались, то есть по большому счету ничем.

— Добро пожаловать в «Миссис Несбит», — сказал ближайший ко мне зимсонник.

Он был в длинном пальто из дерюги и сандалиях на босую ногу, а в бороду были вплетены засушенные Весенние цветы. На добром благочестивом лице с очками в зеленой оправе бессонные Зимы и непогода оставили бесчислен-

ные морщины, переходящие в складки.

— Привет, — ответил я, нарушая главное правило общения с неспящими: не надо с ними заговаривать.

Зимсонник представился Шаманом Бобом.

— Младший консул Чарли Уортинг, — сказал я.

— Проездом?

— Да; я здесь, чтобы встретиться с Моуди.

— От лишайника больше здравого смысла. Что у тебя с головой?

В отличие от разговора с Достопочтимой Гуднайт, когда мне нужно было оставаться учтивым, сейчас я мог оттянуться по полной.

— Это последняя стадия невыносимо болезненного неизлечимого недуга, поражающего половые органы. К счастью, он передается только через кожу. О, простите, я должен был предупредить об этом до того, как пожал вам руку. Какое упущение — примите мои извинения!

Шаман Боб улыбнулся.

— Поделом мне, — сказал он. — Я это заслужил.

— Да, согласен.

Встав, Шаман Боб шагнул вперед и заключил меня в Зимние объятия. В последний раз шаман обнимал меня лет десять назад, и с тех пор мало

что изменилось. От Боба пахло сухой дерюгой, плесенью и вяленым мясом. И еще он был костлявый. *По-настоящему* костлявый. Словно мешок с топорищами. Мы стояли так долго, что я подумал, уж не заснул ли Боб, но тут наконец он меня отпустил.

— Хочешь кофе? — спросил он. — У нас «Несбит» бюджетного помола. Он отвратительно невкусный, но мы уже привыкли. Если смешать его с водой, получится очень эластичный клей для приклеивания плитки.

— Вы очень любезны, благодарю вас.

— Кофеварка вон там, и раз уж ты туда пойдешь, приготовь и мне. Еще кому-нибудь надо?

Весь зал откликнулся слабым согласием. Для зимсонников энтузиазм был ругательным словом. Пройдя к стойке, я приготовил большой кофейник кофе и поставил его на стол посредине. Зимсонники предприняли бессильные неэффективные попытки обслужить себя, и мне пришлось обнести их кружками. Все неспящие такие. Вечно заставляют работать других.

— Это за счет заведения, — сказал Шаман Боб, когда я протянул ему кружку с кофе и взял себе другую.

Кофе имел вкус дегтярного мыла, смешанного с

сажей и ржавчиной.

— Уортинг, ты последователь «Книги Морфея»? — спросил Боб.

— Буду честным, — сказал я. — Я ничего не имею против верующих, но мне кажется, что это опасная ерунда.

— Неверующий — не что иное, как возможность, — с неестественным уровнем оптимизма сказал Боб, — а того, кто окружен изобилием возможностей, можно считать богатым. Что привело тебя в Двенадцатый сектор, Младший? Ты здесь ради… *сновидений?*

И тут до меня дошло, кто это такие. Эти люди были полной противоположностью тем из нас, кто применял «морфенокс». Используя запрещенные усилители снов, которые можно достать только на «черном рынке», они избегали безликого мрака зимней спячки под воздействием «морфенокса» и неслись по Зиме на гребне фармакологически порожденной волны подсознательного бегства от действительности, высасывающего жизненную энергию. И, учитывая правила, предписывающие предоставлять Зимнее прибежище всем, кто его попросит, на законных основаниях бесплатно получали еду и кров.

По сути дела паразиты — худшая разновидность.

— О, — сказал я, особо не стараясь скрыть свои чувства, — так вы *сновидцы.*

— Верно, — слабо усмехнулся Шаман Боб, — но ты не думай, что мы страдаем от своего образа жизни — мы здесь по своей воле. И поверь, — добавил он, понизив голос, — это то самое место, чтобы раздобыть «сно-вид». Стопроцентно чистый, неразбавленный. У нас связи с «Гибертехом», мы меняем его на кексы к чаю, килограмм за грамм.

«Сно-видом» назывался *усилитель*, препарат, стимулирующий сновидения. Молва утверждала, что это классное средство, хотя в действительности все это был полнейший бред.

— Младший, а ты видишь сны? — спросил Шаман Боб.

Он догадывался, что я сижу на «морфеноксе». Сны я не видел. По крайней мере, ничего серьезного. Так, всякий бессвязный мусор во время ночной дремоты.

— Я не видел снов с тех самых пор, как мой возраст еще выражался однозначными числами, — сказал я. — И меня это устраивает.

— Если ты не видел сны, значит, ты по-насто-

ящему не спал. Сны — это то место, где человек может быть самим собой: делать что угодно, быть кем угодно. Сознание освобождается — а «морфенокс» приглушает сознание и подавляет воображение.

— Поверю тебе на слово.

— Ты должен прокатиться на «поезде грез», — с улыбкой продолжал Шаман Боб, — принять дозу усилителя и увидеть собственными глазами, чего ты себя лишил. Конечно, это лишь жалкий бедный родственник «морфенокса», но одного не может быть без другого. День и ночь, друг мой, надежда и отчаяние, Элдон и Маннинг [67], свет и мрак. Мы оборотная сторона крепкого сна, засохшие ночные выделения, которые человек счищает с простыни и смахивает под кровать.

— Кажется, я не совсем понимаю, — сказал я, своим тоном выражая сомнение в том, что *существует* что-либо, заслуживающее понимания.

— Ты знаешь историю вашего Дона Гектора? — спросил Боб, выказав то, что среди ему подобных могло сойти за воодушевление. — Чем добрый доктор занимался на протяжении двадцати лет *до того*, как представил благодарным массам

---

[67] Примечания: 67

Вероятно, имеются в виду английские комики Кевин Элдон и Бернард Маннинг. *(Прим. переводчика.)*

«морфенокс»?

Если задуматься, я этого не знал. Официальная версия гласила, что Дон Гектор потратил два десятка лет, совершенствуя препарат; я не слышал, как именно он это делал.

— «Морфенокс» — это чистое везение, — сказал Шаман Боб, не дождавшись от меня ответа. — Он был открыт совершенно случайно.

Я собирался попросить его объяснить подробнее, но тут появился Моуди. К сожалению, не так, как я рассчитывал и ожидал. Нас прервал крик, и, выглянув в витрину кафе, я увидел бегущего по улице голого Моуди, с вставшим дыбом от холода жестким зимним подшерстком. Размахивая топором, он во весь голос вопил: «Синий «Бьюик»!» Не останавливаясь ни на мгновение, Моуди что есть силы обрушил топор на витрину «Миссис Несбит» — бессмысленный поступок, поскольку закаленное стекло было сертифицировано противостоять шквальным зарядам дождя, мусору, гонимому ураганом, и обезумевшему мамонту. Топор оставил на поверхности царапину, но и только.

— Не лучшая реклама сновидений, — заметил Шаман Боб. — Моуди вот уже несколько дней в полной отключке от реальности.

— Надеюсь, миссис Несбит, Грымза отложит личинки у тебя в мозгу! — крикнул Моуди, снова замахиваясь топором. — И тебя погребут живьем!

В этот момент из-за угла неспешной походкой появился человек. Это был агент Хук, высокий, худой, с лицом словно из выдубленной кожи. В руках он держал «Кувалду», но не старую, какая была у Лопеса в «Джоне Эдварде Джонсе», а современную Модель VII, вдвое более мощную, изготавливаемую в матово-черной и хромированной модификациях.

— Служба безопасности «Гибер-теха», — объявил Хук, остановившись шагах в тридцати от обескураженного железнодорожника. — Брось топор, или я тебя завалю!

Моуди повернулся к нему. По его виду совершенно не чувствовалось, что он в полном сознании и способен выполнять простейшие приказания.

— Синий «Бьюик»! — крикнул Моуди. Он повернулся ко мне, и у него в глазах мелькнула искра узнавания. — Ты сядешь в синий «Бьюик», и миссис Несбит начнет приставать с разговорами и к тебе, — продолжал он. — Ничего ей не говори, и что бы ты ни делал, *не спускайся с камней, иначе*

руки тебя схватят!

С этими словами Моуди поднял топор, развернулся и набросился на Хука.

Ба-бах!

У меня заложило уши. Ударная волна в форме пончика вырвалась из дула оружия и поразила Моуди прямо в грудь. Я успел увидеть, как у него на волосах расцвела красная роза Тюдоров, затем вторичная ударная волна сбила его с ног и отшвырнула назад через всю площадь в непоколебимый камень городской ратуши. Послышался влажный шлепок, и Моуди безжизненной кучкой сполз на землю; утоптанный снег растаял, превратившись в воду под кратковременным воздействием высокого давления, обнажив булыжную мостовую и угол дренажной решетки. За долю секунды давление нормализовалось, и вода тотчас же снова застыла, превратившись в прозрачный, словно джин, лед, приковав тело Моуди к земле.

Раскрыв «Кувалду», Хук извлек стреляную гильзу и вставил новый энергетический элемент, который достал из кармана.

Краем глаза я заметил какое-то движение. Это была Аврора, выбежавшая из-за угла с оружием наготове. Увидев произошедшее, она вскинула

руки.

— Безмозглый тупица! — воскликнула Аврора, увидев труп Моуди. — Что случилось с добрым старым чувством меры?

— Аврора, я действовал строго в рамках своих прав, — невозмутимо произнес Хук. — Моуди представлял угрозу для моей жизни и жизни окружающих. Закон позволяет мне в подобных обстоятельствах использовать разумную силу.

Он произнес это таким тоном, каким описывают любимый сорт сливочного масла.

— Нам *необходим* обслуживающий персонал, — раздраженно доказывала Аврора, — даже те, кто спятил. Кто будет выводить железнодорожную сеть из нафталина, чтобы с Весенним пробуждением она снова заработала четко по графику?

Последовал спор, в ходе которого стороны обменялись заявлениями и возражениями, обилием оскорблений и намеками на понижение в должности. Однако результата в конечном счете не было почти никакого.

Через несколько минут подоспели другие сотрудники службы безопасности, предположительно предупрежденные сигнатурой ударной волны «Кувалды», от которой в радиусе целой мили все барографы выдали сумасшедшие пики.

Только тут Аврора заметила за витриной меня и вошла внутрь.

— Младший консул Уортинг, — сказала она, подходя ко мне вместе с Хуком, — как продвигается расследование вирусных сновидений?

— Один из ваших агентов убил моего главного свидетеля.

— Это была самооборона, — сказал Хук. — Ты же видел, как он набросился на меня с топором.

— Это правда? — спросила Аврора.

— Да, — неуверенно подтвердил я, — пожалуй.

— Вижу, ты познакомился с нашими местными паразитами, — заметил Хук, обводя взглядом кафе. — Добрый вечер, Шаман Боб.

— Добрый вечер, — с вызовом улыбнулся Боб. — Пришли пожелать всем нам медленной смерти?

— Ты читаешь меня, словно раскрытую книгу, — сказал Хук. — Просто жуть какая-то! Но давай взглянем в лицо фактам: из всех нахлебников ты самый омерзительный.

— Для вас я *мистер* Омерзительный Нахлебник, — поправил Шаман Боб, чье вызывающее поведение нисколько не поколебалось от оскорблений Хука, — и я знаю свои права. Вы из службы безопасности *частной* компании, а не из Зимнего консульства. Ваша юрисдикция на меня не

распространяется.

Но, предположительно, памятуя о своей привычке к сновидениям, он все-таки благоразумно предпочел удалиться.

— Мы с тобой еще поговорим, — бросил мне на прощание Шаман Боб, хотя это было маловероятно.

Мой поезд должен был скоро отойти. И все же, несмотря на то немногое, что было мне известно о «Гибер-техе», я был заинтригован словами Боба о том, что «морфенокс» не более чем удачная находка.

— Все они лжецы и мошенники, — заявил Хук. — Ты одалживал ему деньги?

— Нет, — сказал я, — но, наверное, вам следует знать, что они выменивают «сно-вид» у кого-то из «Гибер-теха».

— Нас это нисколько не колышет, — небрежно бросил Хук. — Одним неспящим меньше — не нужно кормить еще один лишний рот.

— На самом деле я очень сожалею, что ты не смог поговорить с Моуди, — сказала Аврора, кивая на сотрудников службы безопасности, которые с помощью тепловых пушек извлекали тело железнодорожника изо льда. Получалось это у них не слишком хорошо: даже в кафе чув-

ствовался запах паленых волос. — Мистера Хука приняли в «Гибер-тех» в первую очередь за его беспощадное стремление всеми силами добиваться процветания компании, поэтому деликатность не является его сильной стороной. Ты принимаешь мои извинения?

— Да, наверное.

— Хорошо. У меня к тебе несколько вопросов. Ничего не имеешь против?

— Спрашивайте.

Достав из нагрудного кармана фотографию, Аврора положила ее на стойку. На фотографии был мужчина лет сорока с небольшим, непримечательное лицо, редеющие волосы, в руках игуана.

— Знаешь этого человека?

— Никогда не видел.

— Это Хьюго Фулнэп. *Настоящий* Хьюго Фулнэп. Бухгалтер, двенадцать лет назад отправился в ночные скитания и был разделан в ту же Зиму. А тот Хьюго Фулнэп, что был в гостинице, никакой не Хьюго Фулнэп.

— А, — сказал я, не зная, куда она клонит и что ей от меня надо. — Почему у него в руках игуана?

— По-моему, это не имеет к делу никакого отношения. У тебя есть мысли, как они собирались

поступить с миссис Тиффен?

— Ее хотели отправить на ферму для воспроизводства.

— Фулнэп прямо так и сказал?

— Ну не прямо, но это было очевидно.

— Он упоминал Кики?

— Нет.

— Фулнэп говорил что-нибудь такое, что намекало бы на его связь с «Кампанией за истинный сон»?

— Ничего подобного не могу припомнить, — сказал я, затем добавил, не подумав: — Если вы подозреваете, что он связан с «Истинным сном», почему вы его не арестовали?

Я осознал свою дерзость, едва эти слова слетели у меня с уст, однако откликнулась не Аврора, а Хук.

— У тебя язык без костей. Еще одно подобное высказывание — и я подправлю тебе физиономию, хотя, судя по твоему виду, кто-то уже это проделал.

Он ухмыльнулся собственной шутке, посчитав ее как смешной, так и оригинальной, однако в обоих случаях он был категорически не прав.

— В таком случае, возможно, вы мне ее *исправите,* ко всеобщему благу, — сказал я, за долгие

годы привыкший выслушивать и гораздо более обидные оскорбления.

Поворотной точкой стала стычка с Гэри Финдли. Гэри на протяжении нескольких лет постоянно насмехался надо мной, однако то, что я откусил ему ухо, было признано «совершенно неадекватной реакцией». Мать Фаллопия не смогла замять это происшествие, и после того как в моем личном деле появилась пометка «Кусачий», даже самые благожелательно настроенные приемные родители стали поспешно проходить мимо.

— Не понимаю, — сказала Аврора, — что такого необычного в лице Уортинга?

До меня вдруг дошло, что она видит вещи только с левой стороны — свидетельством чему ее странный набросок лица Фулнэпа и то, что она не заметила медика, — так что, возможно, она до сих пор не обращала внимания на кривую половину моей головы.

— У меня врожденная деформация черепа, — объяснил я.

— О, — протянула Аврора, поворачиваясь так, чтобы разглядеть меня получше, но, как мне показалось, не преуспев в этом. — В таком случае замечания мистера Хука просто недопустимы

— вы должны немедленно принести свои извинения.

— Я приношу свои искренние извинения, мэм, — безучастным монотонным голосом произнес Хук.

— Не *мне,* болван, — сказала Аврора, кивая на меня.

— О, — пробормотал Хук, после чего повернулся ко мне и принес обильные, хоть и неискренние извинения, добавив, что я при желании могу пошутить над тем, что он потерял левое яичко в результате «одного странного происшествия с вращающейся дверью».

Я отказался, и Хук отступил назад.

— Сожалею, что так случилось, — сказала Аврора. — У Хука особенно хорошо получается изобретать устрашающие методы допросов, и порой он забывается. Ладно, — добавила она, забирая фотографию, — это всё. От лица компании «Гибер-тех» выражаю тебе благодарность за благополучную доставку «капусты» — а если ты увидишь кого-либо из тех, кто был в том номере в гостинице, будет очень хорошо, если ты *незамедлительно* свяжешься со службой безопасности «Гибер-теха». Договорились?

Я заверил ее в том, что непременно так и по-

ступлю, однако все мои мысли были о том, что я должен переговорить со Старшим консулом Токкатой, вернуться домой и больше не иметь никаких дел с Двенадцатым сектором. Аврора протянула мне руку, после чего заключила в Глубокие зимние объятия, с присвистом подышав мне прямо в ухо. Я почувствовал прикосновение к ноге ее плоского бедра, твердая «Колотушка» вжалась мне в грудь.

— Удачи тебе, Чарли, — сказала Аврора, дохнув на меня ароматом кофе, молока с бананом и мятных леденцов. — У меня такое чувство, что из тебя получится хороший Консул.

Она отпустила меня, и я, развернувшись, направился к выходу, по дороге взглянув на часы. До отправления моего поезда оставалось сорок восемь минут.

Консульство и Фоддер

«…Социальная политика Братства, Общности и Деторождения превращается в архаичный пережиток теперь, когда выживаемость Зимой неуклонно повышается. Однако Приюты не спешат отказываться от своей прочно укоренившейся программы перераспределения, подбора детей и благотворительности. И это хорошо для обаятельных милашек, но любой воспитанник, пробывший «невостребованным» хотя бы десять минут, без раздумий раз и навсегда запретил бы весь этот «контактный зоопарк»…»

«Критика общественной заботы о детях», Кейт Пэнкхерст [68]

— Мне нужно встретиться с Токкатой, — сказал я Лоре, вернувшись в фойе «Уинкарниса». — Это ведь напротив здание Консульства, так?

— Я пойду с тобой, — сказала она, и мы наде-

---

[68] Примечания: 68

Аллюзия на мать и дочерей Эмлин, Кристабель и Сильвию Пэнкхерст, активных участников движения за избирательные права женщин в Англии в начале XX века. *(Прим. переводчика.)*

ли куртки и теплые бахилы. — Я работаю там с бумагами восемь часов в неделю. Без этого я превратилась бы в неспящую. Я предпочитаю жить по средствам.

— Что ты можешь сказать про Хука? — спросил я, когда мы вышли на улицу.

— Лучше держаться от него подальше. В прошлом он служил в Военной разведке, но вынужден был уйти в отставку из-за своей необузданной тяги к «психологически инвазивным методам ведения допросов». По сути дела, Хук — наглый тип, получивший власть. Проигрышное сочетание. Или, — добавила Лора, — абсолютно выигрышное. Это с какой стороны посмотреть.

— Ну а Аврора?

— Ее вечно бросает из жара в холод, как и Токкату. Когда речь заходит о службе безопасности «Гибер-теха», по умолчанию следует держаться как можно дальше от всех и вся, и как можно агрессивнее.

Пройдя мимо памятника, стоящего посреди площади, мы поднялись по лестнице и оказались перед главным входом в Консульство. Лора набрала код на клавиатуре. Мы шагнули в первую ударопрочную дверь, прошли по короткому коридору, шагнули во вторую ударопрочную дверь

и очутились в главном зале. Расположение кабинетов было таким же, как и в Кардиффе — на самом деле таким же, как везде. Единственное отличие заключалось в том, что этот зал примерно на четверть был разделен длинной стойкой, заваленной папками, документами, пособиями по процедуре «Нулевого навыка», рекламными листовками для официально зарегистрированных зимсонников и большим отрывным настольным календарем, который показывал, что до Засыпания остался всего один день.

За стойкой находился неотгороженный кабинет с полудюжиной столов, заваленных грудами неподшитых, забытых документов, пустыми бумажными стаканчиками, старыми газетами и прочим хламом. Вдоль одной стены стояли непременные полдюжины сверхчувствительных барографов, а вторая была увешана обилием ориентировок на пропавших без вести. Свежих, старых, древних, древнейших.

— Человек, числящийся пропавшим без вести на протяжении двух сезонов, регистрируется как «предположительно труп» и объявляется умершим, — объяснила Лора, — однако мы сохраняем ориентировки, поскольку хорошо видеть перед собой человеческие лица, независимо от того, кем

были эти люди и каков их нынешний статус.

Какое-то время мы разглядывали лица на стене.

— Мы называем эту стену «Стеной заблудших душ», — добавила Лора, затем, услышав приближающиеся шаги, сказала: — А вот и Фоддер [69].

Обернувшись, я увидел мужчину крепкого телосложения ростом фута на два выше меня и весом, вероятно, вдвое больше, у которого был такой вид, будто он мог запросто съесть меня на завтрак. Короткий «ежик» волос, половина левого уха отсутствовала, а глаза были такими черными, что глазницы казались пустыми. Нос, судя по всему, когда-то был сломан, сросся криво, затем снова был сломан, сросся опять криво, после чего еще раз был сломан и сросся криво в третий раз. В руках у него была «Кувалда» с нарисованным на ней улыбающимся лицом и подписью «Желаю всего хорошего», а к бронежилету было пришито Д-кольцо. Я таких еще никогда не видел, но сразу же понял, что это: если его выдернуть, мгновенно сдетонирует импульсный заряд. Этот человек был Консулом до мозга костей, и если дело будет плохо, он заберет с собой столько Злодеев, сколь-

---

[69] Примечания: 69

Говорящая фамилия: fodder — корм для скота. *(Прим. переводчика.)*

ко сможет. Пусть и не по своему нынешнему роду занятий, но по духу это был настоящий солдат.

— Фоддер, это Чарли Уортинг, — представила меня Лора. — Младший консул.

Я кивнул с уважением, а великан не мигая уставился на меня.

— Я еще не видел бумаг о его переводе к нам, — по прошествии, казалось, целой вечности сказал он.

Я объяснил, что доставил женщину-лунатика, а затем в соответствии с положением СХ-70 о Преемственности приказов и распоряжений представляю Старшего консула Логана в расследовании.

Лора и Фоддер переглянулись, и мне показалось, что на бесстрастном лице великана промелькнула тень тревоги.

— Старший консул Логан погиб? Как это произошло?

— Аврора впечатала его спиной в стену, когда он собирался меня прикончить. Логан использовал лунатиков для воспроизводства, — поспешно добавил я в свое оправдание, — и испугался, что я проболтаюсь.

Какое-то время они хранили молчание.

— Токката не обрадуется, — сказал наконец

Фоддер, — *совсем* не обрадуется. И, мать вашу за ногу, не я буду тем, кто ей об этом доложит.

— И не я, — подхватила Лора. — Это можно поручить Джонси — она бегает быстрее всех.

— Токката здесь? — спросил я. — Я могу сообщить ей это известие.

— Очевидно, ты не знаешь Токкату, и она сейчас отдыхает после дежурства.

— Полагаю, это очень важно и можно прервать ее отдых, — настаивал я.

— Так дела не делаются. К тому же, если Токката решит, что ты хоть *как-то* повинен в смерти Логана, тебе несдобровать.

— Ну же, — сказал я, уверенный в том, что рассказы про Токкату сильно преувеличены, как и почти про все, связанное с Зимой, — не может же она быть *так* вспыльчива.

— Токката с такой силой врезала мне в глаз, что оторвала сетчатку, — сказал Фоддер, — а вся моя вина заключалась лишь в том, что я поставил предлог в конец предложения.

— Этого достаточно для того, чтобы провести расследование, наложить дисциплинарное взыскание, быть может, даже предъявить обвинение, — сказал я. — В отношении Токкаты, — добавил я на тот случай, если Фоддер неправильно

истолковал мои слова, но он лишь покачал головой.

— Ты не понимаешь. У Токкаты крутой нрав, но она за свою команду горой. К тому же меня уже предупреждали трижды.

— Точно, предупреждали, — подтвердила Лора. — И еще Токката помешана на правописании. Частенько без предупреждения проводит диктанты и ловит нас на ошибках. Как-то раз я неправильно написала «алгонкинский», так она две недели со мной не разговаривала.

— Кстати, что ты хотел узнать? — спросил Фоддер.

— Вирусные сновидения. Что-то связанное с синим «Бьюиком».

Фоддер долго разглядывал меня.

— Мы с Джонси копались в этом пару недель назад, — сказал он, — но решили на этом остановиться. Была одна женщина по имени Сюзи Уотсон. Приятная девчонка. Одинокая, лет под тридцать. В конце Лета она спала, как Моуди и Роско, и проснулась две недели назад. Но только она стала другой. Замкнутой. И ей не давал покоя… не давал покоя…

— …всадник без головы?

— Нет.

— Ночная дева, Грымза, поручитель, что?

— Сон, — сказал Фоддер.

— О.

До сих пор я особо не задумывался о снах, поскольку они мне не снились с тех пор, как в возрасте восьми лет я начал принимать «ювенокс». Да и что о них знать помимо очевидного? Рудиментарный пережиток, не имеющий никакого значения и только отнимающий во время зимней спячки старательно накопленный запас жира.

— Она не принимала «морфенокс»? — спросил я.

— Нет, во Вспомогательной железнодорожной службе тарифная сетка окладов группы «Бета» — «морфенокс» им не положен.

— Я этого не знал.

— Это спорный вопрос, — сказал Фоддер. — Так или иначе, эта Уотсон просыпается слегка не в себе, жалуется на свой сон, а дальше вместо выздоровления ей только становится еще *хуже.* Сон возвращается снова, ночь за ночью, и вскоре полностью ее захватывает. Уотсон становится замкнутой и подозрительной, затем у нее начинаются галлюцинации наяву. Проходит совсем немного времени, и она только и говорит что о

своем сне; наконец она заходит в «Миссис Несбит» и набрасывается на случайных посетителей с мачете. Одного убивает, двух других кладут в больницу. Вызывают нас, поскольку это инцидент, связанный со сном, и Токката приказывает ей бросить мачете. Уотсон не подчиняется, и Токката врезает ей по полной.

— Насмерть?

— Консул Токката наносит удар, чтобы убить своего противника.

— А правда, что она ради забавы ест лунатиков? — спросил я.

— Ходят такие слухи, — сказала Лора, — и якобы чтобы улучшить вкус, она приправляет их мятным соусом.

— После Сюзи Уотсон был Роско Смоллз, — продолжал Фоддер, — бормотавший о синих «Бьюиках», камнях и миссис Несбит — а закончилось все Холодным выходом. Мы обнаружили его съежившимся в комок под памятником Гвендолин VII [70] перед музеем, холодным как лед. Он до сих пор там. Затем был Моуди. Ему досталось

---

[70] Примечания: 70

Несмотря на всеобщее распространение фамилий, королевская семья Уэльса по-прежнему использует матронимическую (образованную от имени матери или другой родственницы) систему. Наследную принцессу всегда зовут Гвендолин, вследствие чего не составляет особого труда назвать любого правителя начиная с 1183 года.

хуже всех.

— Хук пристрелил его с полчаса назад, — сказал я. — Моуди кричал про миссис Несбит и синие «Бьюики». Что все это значит?

— Точно не могу сказать, — пожал плечами Фоддер, — но нам все это кажется лишь гремучей смесью Сонной мании преследования, Гибернационного наркоза и Ходячих ночных ужасов — вероятно, подпитанной нарастающим самовозбуждением.

— В панике среди группы «Бета» нет ничего необычного, — сказала Лора. — Одну Зиму все боятся отключения отопления, другую — нашествия грызунов, потом сны, потом пауки, потом кому-то начинает казаться, что он слышал голос ночной девы или за ним охотится Грымза. Это беда всех естественно спящих. Напугать их проще простого, а как только один из них услышит или увидит что-нибудь странное, то же самое происходит и с остальными. Но все-таки здравый смысл берет верх: поймать сны невозможно.

Я изучал это явление в Академии. Зимой паника может распространяться подобно лесному пожару, особенно среди тарифной сетки «Бета», известных болтунов. Самовозбуждение, слухи, передающиеся по кругу, — все это может сыграть

свою роль в том, чтобы усилить плод чистого воображения до уровня реальности, до чего-то смертельно опасного.

— Всем им снится такая пугающая реальность, что она выплескивается за рамки подсознания и вторгается в бодрствование, — сказал Фоддер. — Сон разрастается, овладевает человеком. *Пожирает* его.

— Не хочу показаться дерзким, но почему все эти случаи сочли не заслуживающими «дальнейших действий»?

— Да, согласен, это странно, — сказал Фоддер, не обидевшись на мой вопрос, — однако в прошлом такое уже бывало. На самом деле в том, что касается всяких странностей, вирусные сновидения едва ли попадают в Двенадцатом секторе в первую десятку.

— А где в этом списке Токката?

— На пятой или шестой позиции. Козявка, принеси Младшему консулу Уортингу копию доклада.

Кивнув, Лора удалилась быстрой пружинящей походкой.

— Спасибо за то, что рассказали все это, — сказал я, памятуя о том, что Консульства не обязаны раскрывать информацию. — Токката считает, в

вирусных сновидениях что-то есть?

— Как и мы, она считает это ночными ужасами, порожденными гибернационным наркозом.

— В таком случае почему, как вам кажется, Токката связалась по этому поводу с Логаном?

Фоддер пожал плечами.

— Спроси у нее сам — чего я не советую. Возможно, она просто хотела заманить Логана сюда, чтобы позлить Аврору. У этой парочки сложные взаимоотношения. Ты любишь пастилу?

— Люблю.

— Угощайся, — сказал Фоддер, протягивая мне пакетик.

Вернулась Лора с докладом, который оказался небольшим и, как и говорил Фоддер, был помечен «Никаких дальнейших действий». Вот и вся эпитафия Моуди.

Поблагодарив обоих, я вышел за ударопрочные двери, направляясь обратно на станцию. Снова начался снег, но ленивый — крупные хлопья медленно кружились, спускаясь из темноты.

Оттаявший и снова замерзший пятачок, где встретил свой конец Моуди, покрылся тонким слоем снега, и кто-то уже частично залепил трещину в витрине «Миссис Несбит» силиконовым наполнителем. Я поскорее прошел мимо, раду-

ясь тому, что мой срок в Двенадцатом секторе подходит к концу. Зима оказалась гораздо более бурной, чем я предполагал, и все то, что я узнал от Консулов в Кардиффе и в Академии, было по большей части низвергнуто. Были правила, которым нас учили, и были правила, в соответствии с которыми мы выполняли свою работу. Определенная связь между ними прослеживалась, и все-таки это были скорее дальние родственники, а не родные братья. Мне нужно поскорее вернуться в Кардифф, снова стать Послушником, заниматься стиркой и ксерокопированием. Подальше от «Гибер-теха», «Истинного сна», Двенадцатого сектора, Авроры, ночных ужасов и сновидцев.

Однако этому не суждено было случиться. Когда я пришел на станцию, там меня ожидало еще одно потрясение. Перрон был пуст. Поезд в Кардифф уже отбыл.

Застрявший

«…«Кампания за истинный сон» или просто «Истинный сон» представляла собой сборище опасных раскольников, одержимых стремлением нарушить тонкое равновесие существующих в стране обычаев зимней спячки – или же несправедливо запрещенную группу борцов за гибернационные права. Все зависит от того, с какой стороны посмотреть. Хотя это не имело значения. Любая поддержка финансового, материального или духовного характера каралась пожизненным тюремным заключением…»

«Умереть, или, быть может, заснуть? Взлет и падение «Истинного сна», Софи Троттер

Я попытался развеять панику, отрицая очевидное.

— Поезд на Мертир, — сказал я дежурной по станции, отыскав ее в крохотном кабинете, пахнущем дымом, старыми носками и готовкой, — просто отошел, чтобы заправиться водой

и углем?

Дежурная посмотрела на меня, затем на огромные карманные часы, которые достала из маленького кармашка.

— Я отправила его на пятнадцать минут раньше расписания, — сказала она. — Ему нужно было поторопиться, чтобы успеть проехать через Торпанту.

— Вы же сами говорили, что у меня есть в запасе два часа!

— Я неправильно выразилась. Но вы всегда можете сесть на следующий поезд. Он отходит через два дня после Весеннего пробуждения, в 11.31, до Мертира остановки по всем пунктам, в пути пассажирам предлагаются легкие закуски, на спуске Дисконтная карточка не действует — да, и никаких велосипедов.

— Но я не могу ждать шестнадцать недель. Я должен *немедленно* вернуться домой!

— Наверное, вам следовало подумать об этом, прежде чем задерживать отправление поезда из Мертира. Во всей этой истории глубокая мораль, друг мой. Если ты наплюешь на наше расписание, мы наплюем на твое. Наслаждайся своим пребыванием в Трясине. Тебе здесь понравится. Нет, подожди, постой, я ошиблась — не понра-

вится. Если тебя не прикончат какой-нибудь несчастный случай, Злодеи, Токката, холод или Зимний люд, это практически наверняка сделает плохая кормежка.

И она улыбнулась.

Я не нашелся, что ответить, поэтому просто сказал ей, куда пойти и что там сделать с собой, когда она туда попадет, — бесполезная трата слов, и мы оба прекрасно это понимали, — после чего вышел из здания вокзала и остановился под мягко падающим снегом, сжимая и разжимая кулаки и пытаясь разобраться в том, что сейчас произошло. Мне хотелось пнуть что-нибудь ногой, но вокруг не нашлось ничего такого, что не было бы твердым, неподатливым и крайне болезненным, поэтому я просто стоял, внутренне кипя, а на плечах моей теплой куртки безмолвно собирался снег, похожий на большие хрустальные слезинки.

Я простоял в маринаде жалости к самому себе минут десять или около того, пока холод не заставил меня поежиться, и тогда на первый план вышел более насущный вопрос: как остаться в живых. Я поднялся на пешеходный мостик через пути, чтобы лучше оценить местную географию. Город не раскинулся вокруг центральной пло-

щади, как я сперва предполагал, а вытянулся в неширокую полосу, которая начиналась у комплекса «Гибер-теха» на холме у меня за спиной, затем тянулась вдоль главной дороги, уходящей на северо-запад, где в двух-трех милях на противоположном конце неглубокой долины возвышались рядами штук сорок Дормиториумов. Единственным светом были окошки комнат привратников да газовые фонари, освещавшие дорогу. Стояла полная тишина, и создавалось ощущение, будто Зима уже в самом разгаре, хотя формально еще двадцать девять часов должна была продолжаться Осень.

— Уортинг! — послышался голос снизу. — Какого черта ты до сих пор торчишь здесь?

Под переходом стояла Аврора. Она была одна, наглухо застегнутая, чтобы защититься от холода. Должен признаться, ее вид принес мне огромное облегчение.

— Поезд отправили раньше расписания, — ответил я.

— Почему?

— Сейчас я спущусь к вам.

Я спустился с мостика к ждавшей меня Авроре.

— Я вызвал недовольство дежурной по станции, задержав поезд в Мертире, — объяснил

я. — И она вот так расквиталась со мной.

— Досадно, — сказала Аврора, — но, впрочем, этого следовало ожидать. И что ты намереваешься делать?

— Не знаю. Я собирался возвратиться в Консульство и узнать, смогут ли меня вернуть в Кардифф.

— Пожалуй, не самый мудрый шаг, особенно если учесть, что рано или поздно тебе придется объяснить свои действия Токкате. Знаю, это я нажала на спусковой крючок, но это ты вляпался в историю, поскольку настоял на том, чтобы вернуть девчонку с бузуки. Этот поступок, хоть и храбрый, можно также считать безрассудным, и — ты *действительно* ослушался приказа, что привело к гибели Старшего консула.

Выраженная такими словами, ситуация стала выглядеть еще хуже.

— Который занимался противозаконной деятельностью.

— Хотелось бы, чтобы все было так просто, — сказала Аврора, — но там, где замешана Токката, логика становится… как бы получше выразиться… *переменчивой.* — Она смерила меня взглядом. — Слушай, я вроде бы *тоже* виновата, поэтому я раздобуду тебе Снегоход, и ты сможешь

добраться до Херефорда; оттуда по Зимнему расписанию ходит Рельсоплан [71]. Дорога размечена на всем протяжении, так что не заблудишься. Но только не выезжай на ночь глядя, поскольку в последнее время заметно активизировались Злодеи — я найду тебе ночлег. Как тебе это нравится?

— Да, — сказал я, — очень нравится. Спасибо.

Аврора одарила меня очаровательной улыбкой.

— Ну хорошо. А теперь, если ты не имеешь ничего против убогости, в «Саре Сиддонс» [72] есть место, где ты сможешь грохнуться на пару дней, это если завтра будет плохая погода. Это Дормиториум для тех, кто получает по тарифу «Бета», так что спать тебе придется с теми, кто засыпает естественным образом, без препаратов, но там тепло, мышей и крыс нет, чего нельзя сказать про «Хоуэлл Гаррис». Там пару лет назад завелись крысы, сожравшие трех постояльцев. На самом деле это было очень весело, учитывая

---

[71] Примечания: 71

Однорельсовая подвесная железная дорога, поезд приводится в движение установленным на крыше воздушным винтом и может проплывать над снежными заносами. Зимой таким сообщением связаны только основные центры.

[72] Примечания: 72

Сиддонс, Сара (1755–1831) — выдающаяся английская трагическая актриса. *(Прим. переводчика.)*

то, какие заоблачные цены там заламывают. Ну что скажешь?

— Вам решать, — сказал я, радуясь тому, что наконец у меня появился хоть какой-то план — и крыша над головой.

Аврора сказала, что прогулка пешком пойдет нам на пользу, и мы направились по дороге к скоплению Дормиториумов в противоположном конце города. Голоса наши звучали приглушенно, дыхание образовывало белые облачка в морозном воздухе. Низкие крыши окрестных домов, накрытые ровным снежным покрывалом, казались высеченными из пенопласта, а дорожный знак ограничивал уровень шума 55 децибелами [73] — добиться такой тишины в Кардиффе было нереально. Мы начинали задерживать только тех нарушителей, которые превысили порог в 62 дБ [74], и даже кратковременный всплеск выше 75 дБ [75] еще не считался преступлением.

— Мне стыдно, что мистер Хук показал себя таким кретином, — сказала Аврора. — Не я на-

---

[73] Примечания: 73
55 дБ — обычный разговор.

[74] Примечания: 74
62 дБ — шум в зале ресторана.

[75] Примечания: 75
75 дБ — пылесос, работающий на полную мощность.

нимала его на службу, но порой приходится работать с тем, что тебе дают.

Услышав позади шум, мы оба обернулись. Это была сонная, которую я уже видел в «Уинкарнисе», бредущая по снегу. Она была укутана в огромную дорогую шубу из барсучьего меха, который смотрелся бы гораздо лучше — и свежее — на барсуке.

— Добрый вечер, — сказала Аврора. — Заза, ты знакома с Младшим консулом Уортингом?

— Нет, — ответила сонная. — Рада познакомиться.

Она улыбнулась мне, вместо того чтобы заключить в объятия, после чего снова повернулась к Авроре.

— Передайте мистеру Хуку, что я не развлекаю на халяву тех, кто не спит, а если он и дальше будет настаивать на том, чтобы я декламировала на людях «Озимандий» [76], я ему в глаз врежу.

— Непременно передам, — сказала Аврора.

— Вот и замечательно, — сказала Заза.

Двинувшись в сгущающиеся сумерки, она споткнулась о занесенный снегом бордюрный камень, выругалась и пошла дальше.

---

[76] Примечания: 76

«Озимандий» — стихотворение английского поэта П. Б. Шелли. *(Прим переводчика.)*

— Почему лицо Зазы мне так знакомо? — спросил я, когда сонная удалилась достаточно далеко.

— Она была третьей миссис Несбит, между Джиной Лоллобриджидой и Брендой Клаксон [77].

Очевидно, Заза была не той миссис Несбит, которую я знал в детстве, но помнить всех предыдущих миссис Несбит — это все равно что помнить всех актрис, игравших Джейн Бонд, в том числе единственного актера, что в свое время считалось весьма спорным [78].

— Во имя всего святого, как она очутилась здесь? — спросил я.

— Четыре неудачных замужества и крайне опрометчивые финансовые махинации.

Актрисы, игравшие в рекламных роликах роль добродушной простоватой старушки, символа гиганта пищевой промышленности, периодически возрождались, торжественно и с большим шумом. Бывшие миссис Несбит обыкновенно продолжали карьеру, публично поддерживая

---

[77] Примечания: 77

Лоллобриджида, Джина (род. 1927) — знаменитая итальянская актриса; Бренда Клаксон — вымышленный персонаж. *(Прим. переводчика.)*

[78] Примечания: 78

Как выяснилось, он в этой роли был на удивление очень хорош, хоть и излишне женственен.

знаменитостей, продвигая новинки на книжном рынке, а затем посвящая себя пантомиме или политике — иногда и тому и другому сразу. Тем более было странно, что Заза Лешá, если называть ее полным именем, скатилась до того, что с трудом зарабатывала на жизнь, будучи сонной в забытом богами секторе.

— Закрепленный леерный трос спасет тебе жизнь в снежный буран, — по дороге объяснила Аврора, указывая на проходящий вдоль дороги трос, пропущенный через ушки, привинченные к белым столбикам. — Все стрелки указывают в направлении главной площади, так что если заблудишься, лучше всего вернуться туда и начать заново.

— Полезные сведения, — согласился я.

Мы прошли мимо салона, торгующего автоприцепами, с древней эмблемой «Бритиш петролеум» перед выставочной площадкой, и случайно наткнулись на человека, прислонившегося к фонарному столбу. Спасаясь от холода, он укутался в Вончо, пончо из плотного валлийского одеяла, и курил трубку с длинным чубуком из стержня кукурузного початка, вышедшую из моды добрых тридцать лет тому назад, которую нужно было выбросить еще шесть пачек табаку назад.

— Идете в другой конец города? — спросил мужчина.

Аврора подтвердила это, и незнакомец сказал, что присоединится к нам, поскольку «чем больше народу, тем безопаснее».

Он представился как Джим Трикл, поручитель и консул по совместительству. Это был моложавый мужчина с темными волосами и изящными чертами лица. Кашлянув дважды, он улыбнулся и, схватив меня за протянутую руку, привлек к себе, заключая в Зимние объятия. От него пахло заплесневелыми веревками, лакрицей и чернилами.

— Добро пожаловать в Трясину, — слабо усмехнулся Трикл. — Отъезд — это самая лучшая часть посещения нашего города, а оставаться здесь не пожелаешь и злейшему врагу.

Он снова закашлял хриплым кашлем, напоминающим погребальный звон. Такой мне уже приходилось слышать от зимсонников, но продолжался он всегда недолго.

— Давно вы уже зимуете, мистер Трикл? — спросил я, когда мы двинулись дальше.

— Двенадцать лет, — ответил тот, — из них четыре последних года в этой забытой богом дыре. Я наделал кое-каких плохих Долгов и взял

взятку — на самом деле совсем крошечную, но ее раздули до небес, — ну и, в общем, вопрос встал так: сюда или в тюрьму. Естественно, я выбрал в тюрьму, но судья принял решение, не считаясь с моим мнением. Сказал, что тюрьма для меня недостаточно суровое наказание.

— А что может быть суровее тюрьмы?

— Допускаю, кормежка здесь, может быть, и получше, однако невыносимым этот город делают всяческие побочные прелести. За последние четыре года я насмотрелся самых разных ужасов. Стычка с бандой Счастливчика Неда, обморожения, разгневанные кредиторы, Токката в ярости и массированное нашествие лунатиков.

— Ну, малыш, на самом деле последнее — это совсем не страшно, — вставила Аврора. — Двигаются лунатики не так уж и быстро, а если их хорошенько накормить, они становятся совершенно безобидными.

— Я имел в виду, какое жуткое зрелище они собой представляют, — поежившись, сказал Трикл. — Сплошная бессмысленная злоба.

— Я слышал, вы заключили пари с Лорой, — сказал я.

— Да, было такое дело, — неприятно ухмыльнулся он, — насчет существования Грымз.

— Можешь считать пари выигранным, — сказала Аврора. — Никаких Грымз нет; Зимний люд — это чистые выдумки, сказки для детей и тупоголовых идиотов.

— Мне кажется, происходит что-то *странное,* — сказал я, вспоминая рассказы про Грымз, которые слышал на протяжении многих лет. — Шесть лет назад на железнодорожной ветке к югу от Торпанту в безлунную ночь была похищена бригада рабочих из четырех человек — больше их никто никогда не видел. Все пуговицы, все молнии остались застегнуты, нижнее белье, рубашки, ремни, свитера лежали *внутри* комбинезонов — аккуратно сложенные.

— У меня в конторе одежда тоже аккуратно сложена, — возразил Трикл. — Но это еще не значит, что там где-нибудь притаилась Грымза.

Поговаривали, что рабочих похитили, так как они были *недостойны.* Все четверо были признаны виновными в физическом насилии и направлены на общественные работы, до того как с Весенним пробуждением начать отбывать тюремное заключение.

— Я слышал, — продолжал я, — что Грымза *отнимает* у человека стыд, а затем, в тот самый момент, когда тот осознает сокрушительные мас-

штабы своих поступков и понимает, что дальше будет только хуже, она забирает его душу. Говорят, когда человек испускает последний вдох, его стыд и чувство вины стираются, и с души снимается груз всех грехов. К создателю он отправляется прощенным и чистым.

— Какая брехня! — презрительно бросил Трикл.

— Полностью согласна, — рассмеялась Аврора. — Чарли, напрасно ты забиваешь себе голову разными упырями и привидениями.

Я почувствовал себя глупо, однако в Приюте телевизора не было, и страшные истории занимали значительное место в наших развлечениях.

— Мистер Трикл, и все-таки вы придаете этой легенде какую-то веру, — сказал я, — иначе почему вы в споре ограничились пятьюдесятью тысячами? Почему не поспорили на миллион?

— Потому что ставка должна быть приемлемой для обеих сторон.

Мы с Авророй переглянулись. По виду Лоры никак нельзя было предположить, что у нее могут быть такие деньги.

— Джим, — спросила заинтригованная Аврора, — а что поставила на кон Лора?

— Своего второго ребенка, рожденного в рас-

цвете сил.

Мы ошеломленно умолкли.

— Ради всего святого, Джим, — наконец пришла в себя Аврора, — ей же всего *шестнадцать!* Это делает тебя уже не столько поручителем, сколько торгашом, разве не так?

— Я прощаю вам вашу вопиющую дерзость, — ровным тоном произнес Трикл, — но Лора сама спровоцировала спор. *Умоляла* меня принять пари. Все строго по закону. Вы бы и глазом не моргнули, если бы Лора за наличные заложила свое репродуктивное будущее в ломбард.

Это была правда, и какое-то время мы шли молча. Неподвижный воздух был озарен теплым оранжевым свечением газовых фонарей. Мы миновали городской парк развлечений Талгарта и пруд с лодочной станцией, почти полностью скрытые снежными наносами. За чугунными воротами виднелась статуя Гвендолин VII и фонтан, который замерз, еще когда работал, превратившись в ледяную хризантему неправильной формы.

— Видишь тот бугорок в сугробе перед памятником? — указала Аврора. — Это Роско Смоллз. Совершил Холодный выход из-за этой чепухи, связанной с вирусными сновидениями. Ты не

узнал от Фоддера ничего нового?

— Почти ничего.

— Роско мне нравился, — сказал Джим Трикл, — и Сюзи, хотя Моуди бывал… ну, *угрюмым* [79]. К счастью, никто из них не был застрахован, поэтому страховая компания не понесла убытков.

Похоже, Джим Трикл не только предлагал займы.

Позади памятника Гвендолин VII и поставленного на зимнюю паузу фонтана стояло большое здание из темного камня, все в подтеках от дождя. Вход обрамляли четыре массивные дорические колонны, уходящие вверх к треугольному фронтону, а дальше возвышался крытый медью купол, зеленый от патины. Темное и безмолвное, здание уже было стиснуто ледяной хваткой Зимы.

— Это местный музей, — объяснила Аврора. — Очень хороший. В нем есть кроссовки Боба Бимиша [80], платье, в котором Сильвия Симс [81]

---

[79] Примечания: 79

Непереводимая игра слов: moody — угрюмый. *(Прим. переводчика.)*

[80] Примечания: 80

Аллюзия на выдающегося американского спортсмена Боба Бимона, который в 1969 году установил рекорд по прыжкам в длину, продержавшийся 22 года. Beamish — улыбающийся. *(Прим. переводчика.)*

[81] Примечания: 81

Симс, Сильвия (род. 1934) — известная английская актриса, ее сценическая карьера началась только в 1958 году. *(Прим. переводчика.)*

была в 1959 году на церемонии «Оскара», множество памятных вещей Дона Гектора, а также то, что осталось от первого велосипеда, вдвое превысившего скорость лошади. Также там много марок, в том числе так называемая «Англси», лиловая с портретом Ллойда-Джорджа второго [82]. Во всем мире такая всего одна. А прямо за музеем парк развлечений.

Она была права. В сгущающихся сумерках еще можно было различить спиральный желоб, парашютную вышку и американские горки; прочные деревянные каркасы аттракционов были покрыты толстым слоем снега.

Мы двинулись дальше, и как только пересекли замерзший ручей, справа от нас показался первый Дортуарий. Он отстоял от дороги довольно далеко, и трудно было разглядеть какие-либо детали помимо того, что он был круглый, возведенный из камня, с остроконечной конической крышей, крытой шифером. Наверное, в нем было этажей шестнадцать — по современным меркам крошечный, — и единственным признаком жиз-

[82] Примечания: 82

Марка с портретом Ллойда-Джорджа второго ценится только потому, что на ней есть штемпель почтового отделения города Бомариса на острове Англси, которое было открыто в 1921 году и успело отправить три письма до того, как было закрыто из-за надвигающегося ледника.

ни был одинокий огонек керосиновой лампы в каморке привратника у главного входа.

— Geraldus Cambrensis [83], — сказала Аврора. — Построен в 1236 году, старейший из непрерывно действующих Дормиториумов Уэльса. Только ради одного этого сто2ит посетить эти края.

Мы продолжили подниматься вверх по склону.

— Много у вас здесь неприятностей Зимой? — спросил я.

— Самое серьезное — это стычки со Злодеями, — сказал Джим Трикл. — В наших краях орудует Счастливчик Нед, но он предпочитает воровать по-тихому, а не нападать в открытую — я так понимаю, Токката заключила с ним на этот счет сделку. Были на его совести и похищения людей, но не в нашем Секторе, как это оговорено в сделке.

— Ради выкупа или чтобы сделать из них прислугу? — спросил я, вспоминая похождения Дэя Пауэлла.

— Чтобы сделать прислугу. Стирка, готовка, работа по дому и тому подобное. Еще у нас есть домушники, притворяющиеся, будто они впадают в спячку, — продолжал Трикл, — по крайней

---

[83] Примечания: 83

Геральд Камбрийский *(лат.)*. Камбрия — древнее название Уэльса. *(Прим. переводчика.)*

мере два безбилетных «зайца», встречается Сопение и Хлюпанье. Есть один серийный квартирный вор, которого окрестили «Лланигонским бездельником», ну и обычное пестрое сборище зимсонников и лунатиков, а помимо этого почти ничего.

— Человека здесь убивают скука и погода, — добавила Аврора, — особенно когда температура резко падает, снегопад становится гуще супа, а ветер наметает сугробы размером с мамонта. Даже на Снегоходе на то, чтобы добраться до нужного места, уходит целая вечность, а буран может приковать к месту на несколько недель. Тебе когда-нибудь приходилось бывать в белой мгле? Жуткая штука. Ты человек храбрый?

— Не знаю.

— Скоро узнаешь.

Следующую сотню ярдов мы прошли молча.

— Моя остановка, — сказал Трикл, когда мы подошли к перекрестку, у которого большой и слегка обтрепанный плакат рекламировал «Гараж Эшбрука — все виды ремонта машин, специализируемся на «Ленд-Роверах».

Трикл вручил мне свою визитную карточку. Телефона на ней не было, только время, когда он бывает в «Уинкарнисе».

— Это если тебе срочно понадобятся наличные. Если вляпаешься в беду — зови Трикла. Также я покупаю отсрочки платежей — Услуги, Долги и прочее, так что расплачиваться необязательно тем же, что занимал.

Я сказал, что уезжаю в самое ближайшее время, но пообещал иметь это в виду.

Усмехнувшись, Трикл направился к Дормиториуму, на котором висела вывеска «Хоуэлл Гаррис».

— Ты с ним держи ухо востро, — сказала Аврора, когда он отошел достаточно далеко. — Для поручителя единственным мотивирующим фактором являются деньги. Но он берет взятки, что делает его полезным.

Мы двинулись дальше, у рекламного плаката свернули налево, прошли мимо заправки, также закрытой, и, повернув направо, очутились, как мне показалось, в парке заброшенного особняка. Мы поднялись вверх по пологому склону, мимо летней веранды с заколоченными окнами. Теперь мы уже находились в противоположном от «Гибер-теха» конце долины, и хотя комплекс виднелся россыпью мерцающих огоньков, разглядеть в темноте очертания зданий было уже невозможно. Пока я размышлял над этим, с неба

на дорогу позади нас свалилась сова, слабо трепещущая крыльями на снегу. Сов не было среди тех семи видов птиц, что зимовали на Альбионском полуострове.

Мы углубились в спальный район. Вокруг нас лесом гигантских поганок поднимались Дормиториумы. Все до одного были больше Cambrensis, но все имели традиционную форму: круглые крошечные окна, остроконечная коническая крыша.

Я обратил внимание на то, что по мере того как мы продвигались от башен, обращенных к солнцу, к более дешевым на северной стороне, качество Дормиториумов непрерывно снижалось. Шесть строений до третьего этажа представляли собой груды строительного мусора, а от двух-трех остались лишь стоящие на поверхности пустые железобетонные кольца; упрятанные глубоко под землю Чугунки едва теплились, выделяя ровно столько энергии, чтобы не замерзли расположенные над ними плиты. Но когда я уже начал опасаться, что Аврора собирается поместить меня в сарай для Зимнего скота, она остановилась и указала кивком на большой Дормиториум, маячащий перед нами в наполненном кружащимся снегом полумраке.

— Добро пожаловать в «Сару Сиддонс», — сказала она.

«Сара Сиддонс»

«…Профессией ночных сторожей, из которых вышли привратники, издревле традиционно занимались евнухи. Хотя теперь это требование уже не является обязательным, Почтенная гильдия ночных сторожей упрямо цепляется за старинный обычай, что по-прежнему встречает в обществе понимание: большинство людей считают, что задачу шестнадцать недель кряду расхаживать по коридорам лучше доверить тому, кто в самом прямом смысле полностью отдался этому призванию…»

Справочник по Зимологии, 6-е издание, издательство «Ходдер и Стоутон»

«Сиддонс» имела в высоту не меньше тридцати этажей и была необычайно широкой — безошибочное свидетельство престижного в прошлом жилища. Фасад был сначала отштукатурен, а затем покрыт насечками, под портлендский камень; декоративный вход украшали зевающие ночные сатиры и снежные нимфы. Дормитори-

ум выглядел внушительным, но убогим, чему не способствовало его местоположение: дешевый район вдали от центра города был застроен небольшими промышленными зданиями, что придавало ему бедный и запущенный вид.

— Да, знаю, — сказала Аврора, словно прочитав мои мысли, — та еще дыра. Когда его только построили, он стоял на солнце, и ничто его не заслоняло, но с годами перед ним появились другие, более современные Дормиториумы.

После того как мы развесили верхнюю одежду и сменили теплые сапоги на тапочки, я огляделся вокруг. Кто-то предпринял попытку вдохнуть свежие силы в грязную обстановку, но у него ничего не получилось. Плохо сочетающиеся ковры и предельно простая модернистская мебель только придали когда-то выразительному вестибюлю дешевый и запущенный вид, а многочисленные слои неуклюже наложенной краски отняли своеобразие у лепнины. Я принюхался. Как и в «Джоне Эдварде Джонсе» в Мертире, в воздухе присутствовал тонкий, но безошибочный запах сна — липкий пот и неприятное дыхание зимней спячки, смешанное с затхлым воздухом, выдыхаемым сквозь нечищеные зубы.

Привратник уже ждал нас. Безукоризненно

одетый, почти совершенно лысый, в маленьких очках в золотой оправе на носу, с головой по форме настолько близкой к правильной сфере, насколько только может быть человеческая голова. Мне сразу же вспомнился доктор Бунзен [84] из «Маппет-шоу», и я издал непроизвольный смешок. Прищурившись, привратник пристально посмотрел на меня.

— Ты ведь подумал о докторе Бунзене, так?

— Нет.

Он молча поднял бровь.

— Да… ну самую малость. Извините.

— Младший консул Уортинг, — спросила Аврора, — я могу представить тебе привратника Ллойда?

Должно быть, у меня на лице отразилось удивление, потому что привратник вздохнул и сказал:

— Да, *тот самый* привратник Ллойд. Худшее, что я сделал в своей жизни, — это когда по просьбе Икабода служил приманкой для Зимнего люда.

— Потому что было очень страшно?

---

[84] Примечания: 84

Он работает в лаборатории «Маппетс», если это выскользнуло у вас из головы. Его помощник Биккер. (Прим. автора.) «Маппетс» — англо-американская телевизионная юмористическая программа. Основными действующими лицами были куклы-маппеты, созданные американским кукольником Джимом Хенсоном. (*Прим. переводчика.*)

— Нет, меня выводит из себя то, что приходится бесконечно повторять эту историю. У меня в голове двадцать лет непрерывно крутятся слова «Одинокого пастуха» [85], но хотя это порой раздражает, из плюсов то, что когда я в подавленном состоянии, при мысли об этой истории моя походка становится бодрой.

Исполнив припев песни, Аврора улыбнулась.

— Она самая, — добродушно произнес привратник, подходя ко мне, чтобы заключить в объятия.

От него пахло мылом с ароматом лимона, мешками для пылесоса и нафталиновыми шариками, и он был на целую голову ниже меня.

— Добро пожаловать в Трясину, — сказал он. — Здесь не так плохо, как говорят. Я тут слышал про мистера Моуди — очень жаль. Кто нажал на спусковой крючок?

— Мистер Хук, — сказала Аврора, — и, опережая твой следующий вопрос, это была самооборона.

— М-да, известия разносятся быстро, — заметил я.

— В нашем Секторе семьдесят шесть привратников, — сказал Ллойд, возвращаясь на свое

---

[85] Примечания: 85

«Одинокий пастух» — популярная песня из мюзикла «Звуки музыки» Роджерса и Хаммерстайна. *(Прим. переводчика.)*

место за стойкой регистрации, — и никто из нас не осмеливается Зимой выйти на улицу. Вот тут приходится очень кстати постоянно открытая линия в телефонной сети. Достаточно просто снять трубку и говорить. Обязательно найдется кто-нибудь, кто слушает, а если не найдется, то скоро он непременно появится. Ну а если и из этого ничего не выйдет, всегда можно поговорить с самим собой или послушать треск статического электричества. Если честно, треск статического электричества успокаивает лучше, чем слушать разглагольствования многих моих коллег — особенно мистера Рубукона из «Джорджа Мелли» [86]. Чем я могу вам помочь?

— Место, чтобы остановиться на три дня, — сказала Аврора, — счет выставите «Гибер-теху».

— Вы обратились куда нужно, — радостно произнес Ллойд. — Начиная с 1990 года у нас было всего девять незаконных проникновений в спальни: три мелких кражи, один Дормитоцид и пять случаев Посягательств — три зрительных, один тактильный и один не передаваемый словами. Очевидно, гордиться тут нечем, и все же это самый низкий уровень гибернационных

[86] Примечания: 86

Мелли, Джордж (1926–2007) — английский джазовый и блюзовый певец. *(Прим. переводчика.)*

преступлений в Секторе. Также вы будете рады узнать, что вот уже почти тридцать семь лет у нас не был съеден во сне ни один постоялец.

Свет моргнул, погас, затем снова зажегся.

— На Двенадцатой гидроэлектростанции недавно случилась авария, — объяснил Ллойд. — Какую комнату желаете? Ячейку, Эконом, Улучшенную, Люкс или Суперлюкс?

— Тебе сны снятся? — вдруг спросила Аврора, вопросительно уставившись на меня.

Подобные вопросы обыкновенно не задают, но она возглавляла службу безопасности «Гибер-теха».

— Не снятся с тех пор, как мне исполнилось восемь лет.

Аврора смерила меня взглядом.

— Сюзи Уотсон недавно отправилась в ночь, — сказала Аврора, — почему бы не дать ему ее комнату? Позитивная энергия спящего юноши изгонит оттуда плохие сны.

— Хорошо, — согласился привратник.

— Почему вы спросили, вижу ли я сны?

— Просто так. Также Уортинг возьмет в аренду ваш Снегоход, — сказала Аврора, обращаясь к Ллойду. — Мы его вернем, как только сможем. И еще один деликатный момент: нам бы хотелось,

чтобы о присутствии Уортинга не распространялись за пределами нашего маленького круга. Уортинг отчасти повинен в гибели Джека Логана, а ты знаешь, что можно ожидать от Токкаты.

— Ну, — начал было я, — на самом деле я…

— Я уже слышал про Логана в Открытой сети, — перебил меня Ллойд, — большая утрата. Пожалуй, мудро будет помолчать об этом. Больше вам ничего не нужно?

Я задумался.

— Я бы хотел отправить факс в наше отделение в Кардиффе, предупредить о том, что задерживаюсь.

— Предоставь это мне, — сказала Аврора. — Я скажу, что ты вернешься через три дня, максимум через пять. Мне в любом случае придется доложить насчет Джека Логана — и снять с тебя любые потенциальные обвинения. Это меньшее, что в моих силах. Хорошенько выспись — первые несколько дней Зимы могут стать очень суровыми.

Я поблагодарил ее, она пожелала мне всего хорошего, помахала нам с Ллойдом рукой и ушла.

Как только за ней закрылась дверь, Ллойд попросил меня написать расписку за ключи от Снегохода.

— Он стоит в подземном гараже, — сказал он. — Тебе он нужен прямо сейчас?

— Аврора сказала, что выезжать на ночь глядя неблагоразумно, — сказал я.

— Верно, — согласился Ллойд, внезапно забеспокоившись, — но… как бы это сказать… в Двенадцатом секторе положение дел очень быстро может измениться к худшему. Так что еще под большим вопросом, что лучше — рискнуть ехать ночью или остаться здесь.

— Вы полагаете, мне следует уехать?

Оглянувшись по сторонам, Ллойд понизил голос.

— Решать исключительно тебе.

Я всерьез задумался над тем, не тронуться ли в путь прямо сейчас, но затем выглянул на улицу. Ветер заметно усилился, и видимость, хоть еще и не упавшая до нуля, существенно усложнит управление Снегоходом — а у меня не было никакого желания застрять где-нибудь в безлюдной глуши.

— Лучше посмотрю, как будут обстоять дела утром.

— Замечательно.

Ллойд снял с доски ключ от моей комнаты, и мы направились к лифту. Проходя через по-

лукруглый вестибюль под бдительным оком вездесущих портретов Гвендолин XXXVIII и Дона Гектора, я всмотрелся в погруженную в полумрак Зимнюю гостиную, обитую деревом, и разглядел там с полдюжины человек, читающих, играющих в настольные игры или разговаривающих вполголоса. У всех были дородные фигуры здорового Зимнего веса и неторопливые, ленивые движения.

— Что-то много у вас зевающих [87], — заметил я Ллойду. — Что их удерживает?

— Эти слухи о вирусных сновидениях напугали постояльцев, и никто не хочет спать из страха увидеть во сне синий «Бьюик», после чего отправиться следом за Уотсон, Смоллзом и Моуди. Но, должен сказать, эти ребята ведут борьбу, заранее обреченную на проигрыш.

Словно в подтверждение его слов самый откормленный из готовых ко сну постояльцев зевнул. Когда человек отъедается до таких размеров, а окружающая температура опускается до пятнадцати градусов по Цельсию или ниже,

---

[87] Примечания: 87

Человек, находящийся «на грани того, чтобы впасть в зимнюю спячку».

требуются геракловы [88] усилия, чтобы оттянуть сон.

Многокабинный подъемник тронулся, как только мы в него зашли, и медленно пополз вверх под журчание воды из системы автоматического балласта. Дверей в кабине не было, и нам открывался вид на унылые, однообразные коридоры. Почти перед всеми дверями лежали подношения Морфею, вместе с только что зажженными свечами сладких снов. Свечей также было много — коридоры оживали сотнями маленьких огоньков, мерцающих в дуновениях слабого сквозняка, время от времени пробегающего по зданию.

В «Черной мелодии» в Кардиффе ничего подобного не было, но тот Дормиториум рассчитан на тех, кто зарабатывает по тарифу «Альфа» и может позволить себе «морфенокс» — не имея возможности прибегнуть к фармацевтическим средствам, ослабляющим яростное сжигание жиров, свойственное Состоянию спячки, постояльцы «Сиддонс» сохранили свои суеверные предрассудки. Те же, кто пользовался «морфеноксом», больше не нуждались в божестве, которое помогало бы погрузиться в сон и присматривало

---

[88] Примечания: 88

Как в шестом подвиге Геракла: «Остаться бодрствующим, когда Зима прибирает по свое крыло твоих товарищей».

бы за спящим, и посему препарат превратил Бога в ненужный пережиток. Поклонение из духовного стало фармацевтическим — и если то, на что намекала Люси, соответствовало действительности, уже к следующей Зиме от всего этого ничего не останется.

— Скажите, — спросил я у Ллойда, когда мы проезжали мимо четвертого этажа со скоростью, лишь незначительно превышающей скорость подъема пешком по лестнице, — неужели зевающие в Зимней гостиной *действительно* считают, что заразятся вирусным сновидением?

— Да, считают — и я склонен с ними согласиться.

— Почему?

— Потому что мне самому снились отрывки этого сна. Руки, раскидистый дуб, наваленные камни, синий «Бьюик». Но вот что странно: когда я сравнил свой сон с тем, что видели Моуди и Смоллз, обнаружились и *другие* совпадения, общие детали, которые мы никогда не обсуждали. Тут *явно* что-то происходит.

— Тогда почему вы не спятили, как Моуди, Роско и Сюзи? — спросил я. — Есть какие-нибудь мысли?

— Абсолютно никаких. Но, как я уже говорил,

мне снились лишь отрывки. У меня такое ощущение, будто мне снится больше, чем я помню, и что я никогда не покидал камни. Если тебе снятся сны, я посоветую тебе то же самое.

— Но я не вижу сны.

— Знаю, но если начнешь видеть. Это наш этаж.

Мы вышли из кабины. Лифт продолжал двигаться еще пару секунд, затем чуткая система балансировки уловила, что нагрузки больше нет, и он остановился.

— Ну хорошо, — сказал Ллойд, сплетая руки, — в случае чего я в 801-й комнате, прямо под тобой, одним этажом ниже. Да, и еще, раз счет оплачивает «Гибер-тех», надеюсь, ты закажешь полное обслуживание в номер?

Я пообещал непременно сделать это. Пожелав мне спокойной ночи, Ллойд шагнул в лифт, следующий вниз, тот пожурчал немного, затем тронулся, увозя его прочь.

Комната 901 находилась в середине коридора с южной стороны здания, напротив лестницы. Перед дверью лежали фотографии молодой женщины вместе с записками соболезнования. Мне уже приходилось пользоваться комнатой, постелью, даже обувью и лучшим другом умершего

— как и всем нам, — однако на этот раз я ощутил неприятное чувство и поежился.

901-я комната

«…«Сара Сиддонс» имеет тридцать три этажа в высоту, восемьдесят ярдов в диаметре, высота потолков три ярда, по восемь комнат на этаже. Центральный полый канал, по которому поступает тепло, имеет в диаметре ровно пять ярдов, включая лестницы. Построенный в 1906 году Дормиториум является типичным для своего периода…»

«Дормиториумы Центрального Уэльса», издательство «Стрэнд»

Я толкнул дверь, сдвигая небольшую горку почты. По большей части это были открытки de bon hiber [89] от тех, кто еще не знал о смерти Сюзи Уотсон, а также счета и рекламные листовки. Положив все на стул, я огляделся. Комната в плане напоминала стандартный «кусок пиццы», и хотя арматура и фурнитура, ковры и обои были *не совсем* уж древние, определенно, лучшая их пора давно миновала. Я прошел в кухонный

---

[89] Примечания: 89
С пожеланием хорошей зимней спячки *(фр.)*.

уголок. В холодильнике не было ничего, кроме пакета молока, которое уже прошло через стадию сквашивания и перешло в состояние, неизвестное науке, и несколько съежившихся кусочков чего-то, не поддающегося идентификации. На стене висела фотография Дона Гектора, а рядом с телевизором стоял фонограф с большим набором валиков. Я перебрал их. Пестрая смесь старых хитов — «Битлз», «Пинк Флойд», «Иисус Христос — суперзвезда», а также джаз и немного Пуччини [90].

Квартира была бы абсолютно непримечательной, если бы не одно: господствующее положение на стене в спальне занимало полотно, изображающее Клитемнестру [91] сразу после того, как она убила своего супруга. Картина была примечательна не только своим сюжетом, но и *размерами:* она занимала всю стену от пола до потолка, заключенная в массивную резную позолоченную раму, которую пришлось подпи-

[90] Примечания: 90

Пуччини, Джакомо (1858–1924) — выдающийся итальянский композитор. *(Прим. переводчика.)*

[91] Примечания: 91

Клитемнестра — жена Агамемнона, царя Микен, предводителя ахейского войска во время Троянской войны. По возвращении мужа домой после десятилетней осады и взятия Трои убила его вместе со своим возлюбленным Эгисфом, после чего ее, в свою очередь убили ее сын Орест и дочь Электра. *(Прим. переводчика.)*

лить снизу, чтобы она поместилась в комнате. Клитемнестра, обнаженная по пояс, усмехалась, вскинув голову с кровожадным злорадством.

История не сообщает, когда *именно* во время Зимы Клитемнестра убила Агамемнона, и это оставляет широкое поле для догадок. Если убийство было совершено во время Весеннего пробуждения, скорее всего, оно явилось импульсивным порывом, и его можно было списать на mal dormir, туман сна. Более великодушные живописцы изображали Клитемнестру тощей и растерянной. Напротив, на этом полотне она представала упитанной и уверенной в себе. Художник намекал на то, что убийство было преднамеренным; Клитемнестра осталась бодрствовать, убила Агамемнона сразу же после того, как тот заснул, затем погрузилась в спячку, рядом со своим медленно разлагающимся супругом. Такая интерпретация в корне меняла представление о ее характере и побудительных мотивах — неудивительно, что она вызвала много споров в академической среде.

— Кто эта полуголая куколка с кинжалом?

Вздрогнув от неожиданности, я резко обернулся.

Посреди комнаты стояла женщина в перепач-

канных краской штанах и мешковатой мужской рубашке. Ее иссиня-черные волосы были забраны в высокий неаккуратный пучок, скрепленный карандашом, и она вытирала кисти о тряпку. Женщина смотрела не на меня, а на полотно с Клитемнестрой.

— У меня вопрос получше, — сказал я. — Что вы делаете в моей квартире?

Женщина повернулась ко мне, и меня поразила ее смуглая задумчивая красота. У нее были проницательные фиолетовые глаза, во внешности чувствовалось что-то оттоманское, выразительные брови изгибались вверх. Лет на десять старше меня, она была, без каких-либо вопросов, необычайно красивая. Однако притягательной в ней была не одна только красота; женщина обладала силой духа, умением держать себя, *внутренней мощью.*

— Дверь была открыта, и мне стало интересно, — сказала она. — К тому же это не ваша квартира, — добавила она. — Это квартира Сюзи.

— Да, да, — смущенно пробормотал я, — правда.

Ответ был не лучшим, но я был заворожен не только внешностью незнакомки, но и ее *манерами,* пьянящей смесью обаяния и уверенности. Я

чувствовал, что до конца жизни больше никогда не встречу такую поразительную женщину.

— До сих пор не спите? — спросил я.

— Мне нравится засиживаться допоздна, — сказала незнакомка. — Я живу четырьмя этажами ниже. Однако сюда никогда не поднималась. Итак, кто же эта куколка?

— Это Клитемнестра, — сказал я, подходя ближе.

— А, — протянула женщина, внезапно проникаясь пониманием, — версия о преднамеренном убийстве.

Какое-то время мы молча разглядывали полотно.

— И еще, — добавил я, постаравшись изобразить знатока, — это урок того, как осмотрительно следует подбирать напарника по зимней спячке.

— Мы с мужем никогда зимой не спали вместе, — рассеянно промолвила незнакомка, — с тех самых пор, как посмотрели «Зима подстраивает козни» Дзефирелли [92].

Она имела в виду ту сцену, в которой Ромео,

---

[92] Примечания: 92

Аллюзия на фильм 1968 года выдающегося итальянского режиссера театра, оперы и кино Франко Дзефирелли (наст. имя Джанфранко Корси, род. 1923) «Ромео и Джульетта». В прологе трагедии говорится о влюбленных, которым «*судьба* подстраивает козни». *(Прим. переводчика.)*

проснувшись, обнаруживает рядом с собой Джульетту, однако от его возлюбленной осталась только кожа, туго обтянувшая кости, и темное пятно гниения на простыне. Я смотрел этот фильм в возрасте девяти лет, и этот образ навсегда остался в моем сознании. Много лет спустя Баз Лурман [93] обыграл эту сцену совершенно иначе, полностью сосредоточившись на лице Ди Каприо. Ему больше не нужно было показывать зрителю останки Джульетты: Дзефирелли уже вселил ужас в его сознание.

— Ей это помогло? — спросила темноволосая незнакомка. — Я имею в виду, то, что Клитемнестра убила своего мужа?

— Она вместе со своим любовником семь лет правила в Микенах.

Женщина одобрительно кивнула, по-прежнему разглядывая картину, но меня больше интересовала она сама. Изгиб шеи, непроколотые уши и иссиня-черные волосы словно излучали неброскую роскошь. Обернувшись, женщина перехватила мой взгляд, и я поспешно отвернул-

---

[93] Примечания: 93

Баз Лурман (наст. имя Марк Энтони Лурман, род. 1962) — известный австралийский кинорежиссер, сценарист, актер и продюсер. Речь идет о его фильме «Ромео + Джульетта» 1996 года с Леонардо Ди Каприо в роли Ромео. *(Прим. переводчика.)*

ся, затем сообразил, что это слишком очевидно, и снова уставился на нее — и поймал себя на том, что проваливаюсь в ее глаза — так, как можно провалиться в очарование выдающейся картины.

— Вы Зимний консул, — объявила женщина.

— Что, так заметно?

— Это надето на вас плотным плащом. Вы точно хотите быть Зимним консулом?

— Я… точно не могу сказать.

— Я всегда считала, что в жизни нужно быть твердо уверенным по крайней мере в одном.

— И в чем уверены вы? — спросил я, стараясь поддержать разговор.

— Я больше не уверена *ни в чем*, — ответила женщина, внезапно впадая в меланхолию.

Склонив голову набок, она задумалась, затем предложила написать мой портрет за пятьсот евро, один холст, без рамки. У меня не было ни времени, ни средств на то, чтобы с меня писали портрет, однако мне очень понравилась мысль провести больше времени в обществе незнакомки, особенно если при этом та будет пристально на меня смотреть, по какой бы то ни было причине.

— Вы можете найти сюжет и получше, — про-

бормотал я, указывая на свое лицо.

Я смирился со своей внешностью вскоре после того, как откусил ухо Гэри Финдли. Все мое отчаяние выплеснулось в этом яростном порыве. Гэри лишился уха, но я приобрел ясность мышления и стал сам хранителем своей внешности.

— Вы воспитывались в Приюте или росли в семье? — спросила женщина.

— Воспитывался в Приюте.

— Мой муж воспитывался в Приюте.

И тут, совершенно неожиданно, она положила мягкую ладонь на изуродованную половину моего лица. В этом месте меня трогали только сестра Зиготия и Люси, всего один раз, по пьяни. У меня дернулся глаз, я почувствовал, как по всему телу пробежала дрожь страха. Незнакомка не имела права вести себя так дерзко, однако интимность этого жеста, пусть и лишенного чувств, почему-то сильно взволновала меня, что не поддавалось объяснению. Однако я обманывал себя: незнакомка старше меня, она красавица, находится далеко за пределами профиля потенциальной спутницы жизни. Я поступил неописуемо глупо и постарался поскорее прогнать эти мысли из головы.

— Да, я могла бы найти сюжет получше, —

согласилась незнакомка, мягким нажатием указательного пальца на кончик моего носа повертывая мою голову профилем, — но только не такую… *вдохновительную загадку.*

Это был самый утонченный комплимент, какого когда-либо удостаивалась моя внешность [94], и я часто заморгал, чтобы скрыть нахлынувшую к глазам влагу.

— В таком случае я согласен.

— Тогда пошли.

Когда незнакомка развернулась на каблуках и прошла мимо меня, я уловил исходящий от нее аромат, приятную смесь масляных красок, свежевыстиранного белья и мускуса. Мы прошли по круглому внутреннему коридору к комнате в противоположной части здания, и женщина кивком пригласила меня внутрь. Каждый дюйм пространства был покрыт холстами, и все то, что не висело, стояло у стен.

Доминировало одно полотно: пейзаж в стиле импрессионизма, изображающий побережье Розилли на полуострове Говер, добрых четыре фута в ширину и три фута в высоту. На заднем плане виднелся выброшенный на берег остов

---

[94] Примечания: 94
Таковым он и остается.

морского лайнера «Царица Аргентины», проржавевший насквозь и близкий к полному развалу. Голубая окраска корпуса лишь кое-где пробивалась сквозь неумолимо наступающую бурую ржавчину. На переднем плане на обширном и пустынном пляже стоял оранжево-красный зонтик от солнца впечатляющих размеров. Под зонтиком устроились на полотенце в синюю и белую полоску двое отдыхающих.

Картина была замечательная, о чем я и сказал вслух.

— Терпимая, — бесстрастно поправила женщина. — Я назвала ее: «Пусть всегда будет Говер».

— Я много раз бывал там, — сказал я, зачарованный полотном, — когда остов был еще примерно в таком состоянии.

— С тех пор его утащило море, — сказала она. — Неизбежный результат воздействия ветра и приливов. Вы, случайно, не заглядывали на причал Мамбл, чтобы отведать моллюсков и лепешек из красных водорослей?

— Как же без этого?

Посреди комнаты стоял забрызганный красками мольберт с незаконченным портретом обнаженного мужчины, сидящего лицом к зрителям. В картине было что-то необычное — голая

энергия, сквозящая из напряженной накачанной мускулатуры. И в портрете не было показной скромности — все детали тела были тщательно прорисованы. Каждый волосок, каждая мышца. Художница не оставила без внимания ни одну часть тела — *за исключением лица.* Черты полностью отсутствовали. Полотно буквально излучало энергетику, а вот отличительных черт не было, если не считать формы подбородка. Он почему-то показался мне знакомым, как будто я его уже видел, и совсем недавно.

— Это ваш знакомый? — спросил я.

— Это мой муж.

— Лицо вы собираетесь написать в последнюю очередь?

— Портрет закончен, — ответила женщина. — Муж исчез однажды вечером, прямо перед тем, как впасть в спячку.

— Что с ним произошло? — спросил я.

Женщина сердито сверкнула глазами.

Должен признать, ее реакция меня удивила. Люди исчезают сплошь и рядом, посему эта тема не считается бестактной. Когда наступила оттепель, останки Билли Дефройда нашли разбросанными по автостоянке, и сестра Плацентия с радостью рассказывала об этом всем, кто спра-

шивал, — вплоть до того, какие части тела так и не были обнаружены.

— У меня есть кое-какие подозрения, — наконец сказала женщина, внезапно успокоившись, — и хотя я не знаю *достоверно,* что он мертв, прошло уже слишком много времени, чтобы можно было надеяться на иной исход. — Умолкнув, она снова посмотрела на картину. — Хотя черты мужа начинают стираться в памяти, тело его я буду помнить всегда. То, каким его чувствовали мои пальцы, то, с какой тяжестью он давил на меня. Он исчез накануне той Весны, когда мы планировали завести семью. Я специально отъелась к родам.

— Ну-у, — протянул я, смущенный ее откровенностью. — Я вам очень сочувствую.

Женщина задумчиво уставилась на полотно.

— Муж любил снег, но не Зиму, — тихо промолвила она, — ценил восхождение на гору больше, чем вид, открывающийся с вершины. Улыбался он нечасто, но когда такое происходило, весь мир улыбался вместе с ним, и мы сливались в экстазе так, словно это был первый раз и последний.

— Я не знал таких людей, — сказал я. — Все мои знакомые… ну… просто *обыкновенные* люди.

— Не сто2ит недооценивать посредственность, — сказала женщина. — Как я успела вы-

яснить, продолжительное счастье предпочитает одних только серых и безликих. Присаживайтесь.

Она указала на стул с высокой спинкой и взяла моментальную фотокамеру. Открыв ее, она вставила в держатель фотовспышки новую лампу, взвела затвор, направила на меня объектив и навела резкость.

— Смотрите вниз, — сказала женщина, наполовину скрытая за фотокамерой, — мне нужны одни только глаза.

Я сделал так, как она просила.

— Вам когда-нибудь приходилось заниматься сексом?

— Да.

— Сам с собой не считается.

— Тогда нет.

— А теперь представьте, — сказала женщина, — что это происходит с необыкновенным человеком. Который не в голове, а в сердце. К которому обращаются все мысли, когда чувствуешь, как внутри поднимается тепло, требуя интимной близости. И вот когда эти мысли наполнят сознание, поднимите взгляд.

Я мысленно перебрал почти всех, кто мне когда-либо нравился на протяжении всех этих лет,

но отверг их, после чего помимо воли стал думать о художнице, стоявшей передо мной, с черными волосами, окутанной мраком, полной темной силы. Я представил себе, как мы с ней тесно переплетаемся в клубок страсти, и поднял взгляд.

— Через пару дней я уеду из Сектора, — сказал я, протягивая свою визитную карточку. — Вы сможете найти меня здесь.

Взяв карточку, женщина выждала еще десять секунд, затем открыла дверцу в задней части фотокамеры и отделила отпечаток от негатива. Взглянув на отпечаток, она одобрительно кивнула и положила его сохнуть на рабочий стол.

— У вас есть право на «морфенокс»? — спросила художница.

— Да.

— Но раз вы не собираетесь засыпать, он ведь вам не понадобится?

— Да, пожалуй.

— В этом году я отнеслась к набору веса спустя рукава, — призналась женщина, — и без посторонней помощи зимнюю спячку не перенесу. Отдайте мне свою дозу, и я сброшу со стоимости картины двести евро.

Теперь, когда я об этом задумался, я действительно заметил, что она выглядит чересчур

худой. Разумеется, передача ей моего «морфенокса» была делом противозаконным, но у меня *имелась* при себе доза, и, желая сделать все возможное, чтобы повысить шансы незнакомки на выживание, я согласился.

— Только при том условии, что вы мне ничего не платите. Ни скидки с цены картины — ничего. Если все это всплывет, я и так не оберу неприятностей.

Признав справедливость моих объяснений, женщина поблагодарила меня и перешла к другому большому полотну, на котором была изображена Гвендолин IX, верхом, ведущая войска. На самом деле она ничего подобного не делала, однако излишне драматичные портреты этой великой женщины давали хлеб насущный вольнонаемным художникам — они, а также философские картины, напоминающие о бренности бытия, натюрморты с цветами в вазе [95] и изображения дородных мамонтих. Взяв палитру, художница обмакнула кисть в краску и рассеянно провела ею по холсту. Я словно куда-то делся из комнаты.

— Ну хорошо, — сказал я. — Тогда я пойду.

---

[95] Примечания: 95

Этот сюжет неизменно оставался главным фаворитом, почему — понятия не имею.

Женщина ничего не сказала, и я направился к выходу, но когда уже был у двери, она заговорила:

— Мудрые люди говорят: не покидай камни.

— Какие камни?

— Те, которые под раскидистым дубом, — сказала женщина, не поднимая взгляда, — рядом с синим «Бьюиком».

— Вам снился этот сон?

— Отрывки.

— Со мной все будет в порядке, — заверил ее я. — Мне сны не снятся.

— Сны нужны всем, — коротко сказала она. — Если снов нет, они не могут сбываться.

Мне хотелось расспросить ее подробнее, но она вернулась к работе и начала негромко напевать себе под нос. Разговор закончился, и я вернулся к себе в комнату.

Усталость стала практически невыносимой, и я решил лечь спать. Полностью закрутив пружину фонографа, я выбрал сверхдлинную «Симфоническую прелюдию», вставил валик в проигрыватель и нажал «Воспроизведение с повтором». Покончив с этим, я положил «Колотушку» под подушку, разделся, забрался в кровать и натянул на себя одеяло, уставившись в потолок

и подложив руки под голову, слушая доносящиеся из соседней комнаты успокаивающие звуки музыки.

Если честно, я ожидал совсем другого. Я находился в чужом незнакомом городе в приграничной зоне, мне предстояло завалиться на боковую в квартире женщины, ставшей жертвой Гибернационного наркоза, приправленного ночными кошмарами. Я потерял своего наставника, пользующегося уважением Консула, отчасти вследствие собственной бескомпромиссности. Причем следует уточнить, что если бы Логан не промедлил мгновение, когда открылись двери лифта, убит был бы не он, а Аврора — и, скорее всего, я тоже.

Сознавая, что мне следует лишь немного вздремнуть, а не катиться вниз по крутому склону глубокой зимней спячки, я поставил свой будильник-тазер [96] на ранний подъем утром следующего дня и прикрепил электроды к мочке уха, после чего погасил свет. В тусклом полумра-

---

[96] Примечания: 96

Походный вариант под названием «Лаззи-таззи». Я захватил его с собой на всякий случай, для поездки на поезде. *(Прим. автора.)* «Тазер» — специальное оружие, используемое полицией. В тело преступника выпускаются две небольшие стрелки с зарядом в 15 тыс. вольт, которые временно парализуют его, не вызывая отдаленных последствий. *(Прим. переводчика.)*

ке я с трудом различал контуры Клитемнестры, радующейся убийству своего мужа. Я думал о художнице и о том, о чем та попросила меня думать, когда делала фотографию, и постепенно благодатный сон все больше спутывал мои мысли. Мысли об Авроре, о мертвой женщине с бузуки, о Хьюго Фулнэпе, который на самом деле им не был, о привратнике Ллойде, Джеке Логане и, наконец, Моуди, говорящем мне о том, что я должен найти синий «Бьюик» и не покидать камни.

Однако я знал, что все будет в порядке. Никаких сновидений я не увижу.

Но, разумеется, я их увидел.

Поездка на Говер

«…Среди Ранних пташек доля сбоев при пробуждении колеблется в районе тридцати процентов, даже с учетом тех, кто проделывает это уже не один десяток лет. Приблизительно треть просто выдергивает электроды тазера, переворачивается на другой бок, кряхтит и продолжает лежать не шелохнувшись до тех пор, пока не сгорят запасы жира на непредвиденный случай и чувство голода не вернет к действительности. Раннее пробуждение не для слабых духом…»

«Зимняя физиология для Консульской службы», доктор Рози Пателла [97]

Вспышки света, бессвязное мельтешение, крик, затем темнота. Но темнота *необычная.* Не та темнота, как когда ничего нет, не гибернационная темнота, сплошная, неподатливая, бесконечная, а темнота плотных бархатных штор. Я слышал и чувствовал запах того, что находилось за ними,

---

[97] Примечания: 97

Говорящая фамилия: patella — коленная чашечка. *(Прим. переводчика.)*

но их еще не раздвинули. Раздался шепот непонятных слов, затем шорох деревьев и сладкий аромат Лета из детства: запах свежескошенной травы, грязи в высыхающих лужицах, в которой ковыряешься палкой, запах урожая, лугов.

Затем темнота стала… *глянцевой.* Каскад несвязанных образов. Джек Логан, впечатанный в стену, частично замазанный свежей штукатуркой. Моуди, миссис Тиффен, «Сиддонс» и привратник Ллойд, напевающий «Одинокого пастуха». И вдруг, с внезапным коротким треском статического электричества, я уже сидел на пляже Розилли в тени оранжево-красного зонтика внушительных размеров. Центральное место занимал остов «Царицы Аргентины»; пассажирский лайнер проржавел и готов был вот-вот обрушиться, в корпусе зияли дыры, проделанные многими десятилетиями набегающего прибоя.

Оглядевшись по сторонам, я увидел, что я здесь не один: на полотенце рядом со мной сидела художница, которую я встретил в «Сиддонс». На ней был идеально сидящий закрытый купальник цвета свежей Весенней листвы, ее большие пытливые глаза пристально смотрели в мои глаза, а иссиня-черные волосы трепетали в порывах легкого бриза, приносящего запахи-воспоминания о

летних каникулах: лосьона для загара, мороженого и сухих водорослей. Теперь я уже знал, что художницу зовут Бригитта; она обворожительно улыбнулась, затем смахнула за ухо выбившуюся прядь. Я испытывал пьянящее чувство неразделимого единения, которое до сих пор никогда не ощущал, — сознание того, что кто-то тебя любит, а ты, в свою очередь, отвечаешь такой же крепкой любовью, что мы принадлежим друг другу, что мы слились воедино.

— Я тебя люблю, Чарли.

— Я тебя люблю, Бригитта.

Шумели волны, маленькая девочка, заливаясь смехом, гоняла по берегу большой мяч.

И тут до меня дошло: впервые за много-много лет мне *снился сон.* Детские сны мне запомнились смутными и неясными, однако этот сон казался более реальным, чем сама действительность: я чувствовал зернистую фактуру песка, видел на гребнях волн хлопья пены, чувствовал запах соли в морском воздухе.

Опустив взгляд, я увидел, что также одет для пляжа: закрытый черный купальник и контрастирующие белые тапочки. Это была не моя обувь, и ноги были не мои. И даже тело было не мое. Другое, упругое, восхитительно непохожее.

Это было тело как у пропавшего мужа Бригитты.

Я мысленно поправился. Я не был *как* пропавший муж Бригитты. Я *был* пропавшим мужем Бригитты. Любящий ее, любимый ею. Вместе, одно целое.

— Это действительно я? — спросил я, чувствуя себя довольно глупо.

Бригитта улыбнулась.

— Ты теперь Чарли, *мой* Чарли, — хихикнула она. — Постарайся не думать о Зимних консулах и службе безопасности «Гибер-теха». Только сегодня и завтра, сорок восемь часов. Ты и я. И пусть сбудутся сны.

— Пусть сбудутся сны, — ответил я, озираясь вокруг. — Что это за место?

Бригитта снова рассмеялась. Ей можно было ничего мне не говорить: я и так все знал. Мы находились на полуострове Говер. Я неоднократно бывал здесь в детстве; образы островка Голова червяка и ржавеющего пассажирского лайнера накрепко засели у меня в голове, словно приклеенные.

Посмотрев на меня снова, Бригитта улыбнулась.

— Что бы ни случилось, Говер будет всегда.

Мы оба рассмеялись над этим замечанием,

броским и полностью соответствующим действительности.

Шумели волны, кричали чайки, мяч прокатился мимо, и та же самая девочка пробежала следом за ним, заливаясь тем же самым смехом. Я точно знал, где и когда это происходит. Я нашел наивысшую точку в отношениях Бригитты и Чарльза, то самое мгновение, когда все было прекрасным, замечательным, нетронутым и *правильным*, до того как сгустились сумерки и пришла Зима. Каникулы, проведенные там, стали незабываемыми — крошечным оазисом радости в гнетущей атмосфере приюта.

— Не желаете запечатлеть счастливое мгновение? — окликнул нас фотограф с моментальной фотокамерой в руках. — Качественный снимок, и по умеренной цене, такую…

…внезапно я проснулся, мокрый от пота. Сердце колотилось так быстро, что я испугался, как бы не разорвалась грудь. Усевшись в кровати, я щелкнул выключателем, но ничего не произошло; лишь тускло светились лампы аварийного освещения, включившегося автоматически. Похоже, Двенадцатая гидроэлектростанция, на которой недавно произошла авария, снова вышла из строя.

Мне показалось, что в комнате что-то не так, но я не сразу сообразил, в чем дело: *Клитемнестра пропала.* Я застыл, боясь издать малейший звук, чтобы она не почувствовала, где я. Холст в резной раме стоял на месте, фон тоже оставался — написанные маслом занавески, написанные маслом ступени, даже капли написанной маслом крови на написанном маслом полу. Но от царицы Клитемнестры ничего не осталось. Казалось, она просто сошла с полотна.

Достав из-под подушки «Колотушку», я осторожно взял с ночного столика фонарик и прошлепал босиком в гостиную, также оказавшуюся пустой. Я проверил спальню, все узкие щели, куда она могла спрятаться, за шкафом и под кухонной мебелью, но тщетно. Я подошел к двери, по-прежнему запертой, и какое-то мгновение пребывал в полном недоумении, но затем заметил узкую щель под дверью и рассудил, что Клитемнестра, вероятно, выбралась через нее.

Открыв дверь, я выглянул в коридор, по-прежнему освещенный мерцающими огоньками свечей сладких снов, но он также оказался пуст, поэтому я бесшумно прокрался к винтовой лестнице, проходящей по стене тепловой шахты в середине здания, и остановился, услышав тихие

шаги по камню. Я постарался вспомнить, были ли у Клитемнестры на ногах сандалии, но не смог, поэтому дождался того, когда шаги достигли моего этажа, и шагнул вперед, зажигая фонарик.

Это был Чарльз, такой, каким его написала Бригитта. Полностью обнаженный, но без лица. Как это ни странно, в руке он держал кружку с горячим шоколадом. Чарльз вздрогнул от неожиданности, и какао пролилось на ступени.

— Почему вы выбрались с холста? — спросил я.

— Выбрался откуда? — спросил Чарльз, что было невозможно, поскольку у него отсутствовал рот.

Но тут я сообразил, что это вовсе не Чарльз, а привратник Ллойд, со всеми чертами, обыкновенно присущими лицу. И он был одет. Я опустил «Колотушку».

— Простите, — сказал я, — я принял вас за тонкий слой масляной краски.

— Тонкий слой *чего?* Впрочем, это неважно. Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Я искал Клитемнестру. Величественная осанка, высокого роста, обнаженная грудь, густая зимняя шерсть — да, и в руке окровавленный кинжал.

— Нет, я ее не видел, — усмехнулся Ллойд.

— Вы уверены?

– *Полагаю,* такую я бы запомнил.

— Заметить ее может быть непросто, — настаивал я, — потому что если посмотреть на нее сбоку, она будет иметь толщину листа бумаги, а это уже не так бросается в глаза.

— Понятно, — с понимающим видом произнес Ллойд, и, если честно, его не в чем было винить. — Не поймите меня превратно, — добавил он, — но, похоже, у вас последствия наркоза.

Это было нелепо, о чем я и сказал.

— Выслушайте меня до конца, — продолжал Ллойд. — Исторические персоны, обнаженные по пояс, не отслаиваются от полотен, а вы бродите среди ночи по Дормиториуму голый, и это не очень-то разумно, вы не согласны?

— Я не голый, — поежившись от холода, возразил я.

— Если вы не голый, — медленно промолвил привратник, — то как же я могу видеть ваши хи-хи и ха-ха?

— А вы не можете.

— Они такие же отчетливые, как нос у меня на лице.

— Просто *ужасное* использование идиомы.

— Согласен — но вы посмотрите на себя.

Я опустил взгляд, и действительно, как и сказал Ллойд, я был *голый* — если не считать одного-единственного носка, в прошлом принадлежавшего Сюзи, коричневого цвета. Я снова поежился, и тут зажегся свет, электроснабжение восстановилось, и до меня постепенно дошла реальность.

— Блин, — пробормотал я, — я в отключке, да?

Ллойд снисходительно кивнул. Одно дело слышать про наркоз, и совершенно другое — его ощутить. Взяв за руку, Ллойд проводил меня вверх по лестнице в мою комнату. Теперь я с абсолютной четкостью увидел всю глупость своих действий. Клитемнестра находилась именно там, где и была все время, заключенная в позолоченную раму, и застывшее у нее на лице кровожадное выражение нисколько не изменилось. Моя одежда, которую, как я готов был поклясться, я надел, висела на спинке стула, там, где я ее оставил.

— Кажется, мне приснился сон, — вздохнул я.

— Про синий «Бьюик», раскидистые дубы, руки и все такое?

— Вообще-то, нет.

— Тогда, вероятно, это последствия наркоза. Вот, выпейте горячего шоколада, я приготовлю себе еще.

Я заверил его в том, что все в порядке, но он настаивал, потому что я до сих пор еще не заказал ничего в номер. В конце концов я согласился, Ллойд пожелал мне спокойной ночи и удалился.

Выпив горячий шоколад, я вернулся в кровать, чувствуя себя бесконечно глупо. Наркоз — это нечто такое, что, как тебе кажется, уж с тобой-то никогда не случится, однако когда это происходит, становится страшно — но только потом. Когда такое случается, это лучшая реальность, какая только может быть, за исключением, возможно, сна о пляже на Говере с Бригиттой. Мне хотелось по возможности поскорее вернуться туда, поэтому я лег в кровать, снова закрыл глаза и вскоре заснул крепким сном.

Заснуть, проснуться, повторить

«…Происхождение хранящегося в Лувре портрета Моны Лизы было наконец установлено Весной 1983 года, когда были обнаружены записки ее современника Агостино Веспуччи, объявившего о том, что «Леонардо пишет замечательный портрет Лизы дель Джокондо, готовящейся к спячке». Поскольку находящаяся в Лувре Мона Лиза бесспорно слишком худая, в настоящее время считается, что на самом деле полотном работы да Винчи является «Толстая Лиза», выставленная в музее Айлуорта…»

«Искусство и спящий художник», сэр Трой Бонг [98]

Сначала это был сон без сновидений и темнота. Но не *совсем* такая, какой я помнил темноту как просто бесформенный, бесконечный эбонит, а темнота неосвещенного зала — полная воспоминаний, людей, мест, предметов — верстовых

---

[98] Примечания: 98

Говорящая фамилия: bong — бонг, водяная трубка, устройство для курения конопли и табака.

столбов пережитого за жизнь. Затем пропасть, подобная разрыву ткани, но воспринимаемая как зрением, так и слухом, и через мгновение я вернулся: Бригитта на пляже, сине-белое полотенце, купальник цвета свежей зелени и оранжево-красный зонтик внушительных размеров. День был тот же самый, пляж был тот же самый, «Царица Аргентины» была той же самой. Я был тем же самым — не Чарли Уортингом, а другим Чарли: тем, который принадлежал Бригитте, сидел рядом с ней на полосатом полотенце, в черном купальнике и белых тапочках.

Посмотрев на меня, Бригитта улыбнулась, и я непроизвольно улыбнулся в ответ. Сон, насколько я видел, был идентичен предыдущему во всех подробностях. Высоко в небе кричали чайки, ветерок приносил запах прилива. Обворожительно улыбнувшись, Бригитта снова смахнула за ухо прядь волос. Я был Чарльзом, а она была Бригиттой, и для них это было мгновение наивысшего блаженства.

— Я тебя люблю, Чарли.

— Я тебя люблю, Бригитта.

Шумели волны, и маленькая девочка, заливаясь смехом, снова гоняла по берегу большой мяч. Как и в прошлый раз.

— Это действительно я? — спросил я, повторяя собственные слова, прежде чем осознал это.

Бригитта улыбнулась.

— Ты теперь Чарли, *мой* Чарли, — хихикнула она. — Постарайся не думать о Зимних консулах и службе безопасности «Гибер-теха». Только сегодня и завтра, сорок восемь часов. Ты и я. И пусть сбудутся сны.

— Пусть сбудутся сны, — ответил я.

Сознавая, что я могу скоро проснуться, я огляделся вокруг, жадно стремясь впитать мельчайшие подробности.

Позади нас начиналась дорожка, ведущая к автостоянке, где должно быть кафе из побеленных досок, в котором продают лучшее фисташковое мороженое в стране. Мы находились недалеко от того места, где жила мать Бригитты, и нам предстояло остановиться в комнате над гаражом, с двуспальной железной кроватью, обивкой из самшита и кружевными занавесками. Мы должны были выехать рано утром в воскресенье и остановиться на причале Мамблс, чтобы позавтракать моллюсками и лепешками из красных водорослей, под музыку из радиоприемника. Я знал все это, не представляя себе, откуда мне это известно, и, что еще более странно, я вспоминал

не назад, а *вперед.* Пляж был лишь воспоминанием о лучших временах, о том, что случилось много лет назад. Следом за этим мы с Бригиттой по отдельности перебрались в Двенадцатый сектор. Она писала картины, а я работал в «Гибертехе» санитаром в Отделении научного сна, где работали над проектом «Лазарь». Наши встречи были редкими, но страстными, а затем мы расстались, теперь уже навсегда.

— Не желаете запечатлеть счастливое мгновение? — окликнул нас фотограф с моментальной фотокамерой в руках. — Качественный снимок, и по умеренной цене, такую вы больше нигде не найдете.

В первый раз я дошел только до этого, и сейчас я ожидал, что снова проснусь, однако этого не произошло. Мы согласились, он сделал снимок, отдал его нам и сказал, что вернется за деньгами, если «мы будем полностью удовлетворены». Мы смотрели, как появляется изображение, цементируя мимолетное мгновение. Я впервые получил возможность увидеть, как я выгляжу. Чарльз Бригитты оказался невозможно красивым, с тонкими чертами лица и темными вьющимися волосами, наполовину скрывающими глаза. Но несмотря на это, он казался каким-то потерянным, лишенным

надежды и в конечном счете обреченным…

…я сидел под древним дубом и смотрел вверх. Раскидистые ветви перекрывали все поле зрения, сквозь листву пробивался свет свежего Летнего утра. Моргнув несколько раз, я встал. Сон о пляже резко оборвался. Никакого затухания или плавного перехода, а просто *разрыв.* Теперь я находился в совершенно другом месте, в совершенно другом сне — в том самом, как быстро сообразил я, в котором уже побывали до меня Уотсон, Смоллз, Моуди, Бригитта и Ллойд.

Я сидел на груде булыжников, наваленной у дерева. Это были крупные глыбы голубоватого песчаника, плоские и гладкие, лежащие вокруг ствола искусственным островом. Над головой простиралось лазурное небо, кое-где усеянное облачками, похожими на куски ваты, а зеленая трава уходила во все стороны до самого горизонта.

Этот сон, как и непосредственно предшествовавший ему сон с Бригиттой, казался явью. Я чувствовал все детали окружающего — фактуру коры, прожилки в листьях, желтые подтеки лишайника на камнях. Единственным свидетельством того, что все это не происходило наяву, было то, что *я это знал.* И только. Если так, те-

перь я понял, как Моуди и Уотсон спутали одно с другим.

Я посмотрел на свои руки. Это по-прежнему были не мои руки. Но это не были и руки Чарльза.

Они были старые. Добрых семь десятков лет, сморщенные, покрытые старческими пятнами и трясущиеся. И я чувствовал слабость, а по всей левой половине тела разливалась тупая боль. Как это ни странно, а может быть, в этом как раз не было ничего странного, если учесть его присутствие в жизни каждого из нас, теперь мне снилось, что я Дон Гектор. Его старческий возраст, его чувство собственного достоинства, его манеры. Но я был им не полностью, а только частично. Я, видящий во сне, что я — это он, или он, видящий во сне, что он — это я, — я мог сказать точно только то, что я *не* Дон Гектор, поскольку тот умер два года назад.

Я рассмеялся вслух. Не только над смелой игрой своего воображения, но и над *отчетливостью.* Если все сны такие, тогда я был лишен очень занятного и зрелищного развлечения. Ну да, конечно, дополнительная энергия, потраченная на их создание в подсознании, потребует дополнительные фунты веса при Засыпании, но по тому, что я успел увидеть, дело того стоило. Это была

новая волнующая реальность.

Это было бегство от реальности.

Я сделал глубокий вдох, и мои легкие наполнились сладостным ароматом Лета, едва уловимыми запахами нагретой на солнце травы на заливных лугах. Я огляделся по сторонам, высматривая, нет ли где-нибудь поблизости Клитемнестры, подкрадывающейся ко мне с кинжалом в руке, и с облегчением убедился в том, что ее нет. Но зато было что-то другое, предсказанное вместе с раскидистым дубом и камнями.

Синий «Бьюик».

Машина относилась к более сдержанной и изящной эпохе американского автомобилестроения, предшествующей господству хрома и острых «плавников» на задних крыльях. Она была не новая, и это сразу чувствовалось. Ржавчина покрывала веснушками хромированные бамперы, плохо покрашенная вмятина на переднем крыле шелушилась, а стекло в водительской двери, молочно-белое, застряло на середине. Рядом с «Бьюиком» на красной скатерти были накрыты яства, в ведерке охлаждалась бутылка вина, стоял складной стул. Приблизительно в полумиле позади машины я увидел Морфелей, храм бога Морфея, одиноко стоящий посреди бескрайнего

зеленого ковра. Старый, заброшенный, какой-то совершенно неуместный, но почему-то своим видом вселяющий спокойствие.

Можно было с высокой долей вероятности предположить, как эти два сценария сна возникли у меня в сознании. Сначала мне приснилась женщина, с которой я недавно познакомился, которая мне понравилась, и к этому примешались ее картины и воспоминания о моих каникулах, проведенных на Говере, затем сон, о котором мне рассказывали, с добавлением вездесущности Дона Гектора и «Гибер-теха». Общие очертания у меня уже имелись; мое сознание дополнило основное, подобно строительной штукатурке. Это была серьезная работа — неудивительно, что сны сжигают много энергии.

Я уже собирался спуститься с камней, как вдруг застыл на месте. Бригитта, Моуди, привратник Ллойд — все они предостерегали меня: «оставайся на камнях».

Мое любопытство было возбуждено. Спустившись на камень внизу, я осторожно прикоснулся к земле пытливым кончиком пальца ноги. Практически тотчас же из земли взметнулась рука, стиснувшая мою щиколотку стальной хваткой. Вскрикнув от ужаса, я покачнулся и едва не сва-

лился с камней, но затем пришел в себя и изо всех сил потянулся назад, хватаясь за камни и ломая о них ногти. Наконец, после продолжавшейся несколько секунд борьбы, рука разжалась, освобождая меня, и быстро скрылась из вида, а я поспешно забрался на самый верх груды камней. Невзирая на то что я сознавал нереальность происходящего, меня трясло, дыхание вырывалось судорожными порывами. Только тут я заметил, что рук *много* — десятки, если не сотни. С нарастающим ужасом я смотрел, как они медленно движутся вокруг дерева подобно хищникам, кружащимся вокруг добычи, лишившейся надежды на спасение. Время от времени руки останавливались, чтобы потеребить пучок травы, обнюхать воздух и изредка поскандалить между собой, прежде чем продолжить свое бдение. Теперь я понимал, что имел в виду Моуди, говоря о руках с таким *ужасом* в голосе.

Нет, подождите-ка, вернемся чуток назад. Хорошенько подумав, я сообразил, что *не мог знать* о том, чего именно испугался Моуди. Он просто упомянул про «руки, которые до него дотянутся». Должно быть, я просто придумал этот сценарий, подстроив его под деревья и камни. Общий план оставался одинаковым, но сон получился другой.

И тут, совершенно внезапно, ход моих мыслей прервал резкий женский голос, прозвучавший у меня за спиной, что было странно, так как когда я недавно оглядывался вокруг, рядом никого не было.

— Мы знаем одну укромную ферму в Линкольншире, — медленным убедительным тоном произнес женский голос, — где живет миссис Бакли. В июле там созревает горох.

Я обернулся. Рядом с «Бьюиком» стояла женщина, дружелюбно улыбающаяся, с седыми волосами, забранными в пучок, она была в белой блузке и красном платье, с надетым поверх кухонным фартуком. Это была миссис Несбит, какой она появлялась на бесчисленных эмблемах и рекламных роликах, — но не *нынешняя* миссис Несбит: это была гораздо более молодая Заза Леш, выступавшая в этой роли восемью миссис Несбит раньше. Судя по всему, она не понимала, где находится, и в ней присутствовало мерцающее ощущение чего-то *другого* — словно она не являлась частью сна, а вторглась в него извне.

Я понял, что добавил к сну и более молодую Зазу.

— Привет, — сказал я.

Раздался треск статического электричества, и

она заговорила снова. Однако хотя звуки голоса вроде бы доносились со стороны миссис Несбит, слова не соответствовали движению ее губ. Заза была той, из кого исходил голос, но говорила не она. Это *была* миссис Несбит, и в то же время *не была,* точно так же как я был одновременно и самим собою, и Доном Гектором.

— Младший консул Уортинг? — спросила она, и ее голос словно раскаленной докрасна иглой прожег дыру в моем сознании.

Я почувствовал, как поднимаюсь из Сонного состояния, подчиняясь боли, которая подвела меня вплотную к пробуждению, и на какое-то мгновение увидел смутные очертания Клитемнестры, открытую дверь в гостиную и часы на ночном столике, после чего снова провалился в Сонное состояние.

— Спокойно, Чарли, ты нужен нам спящий. Итак: как ты думаешь, кто ты такой?

— Я думаю, что я… Дон Гектор.

— Весьма самонадеянно с твоей стороны, ты не находишь? Опиши «Бьюик».

— Он синий, цвета неба, — сказал я, — не новый, на корпусе много повреждений, ржавчины, на решетке радиатора наклейка «Автомобильной ассоциации», наклеена криво.

Миссис Несбит снова улыбнулась. Она смотрела на меня, однако ее глаза меня не видели. Она не воспринимала то, что наблюдал я. По сравнению с окружающей обстановкой миссис Несбит казалась более ярко окрашенной, и ее полностью окружала тонкая искрящаяся аура.

— Расскажи о своем детстве.

— С рождения Приют, — сказал я, — страховку не выплатили. Меня не усыновили из-за моей башки, а также потому, что я откусил ухо Гэри Финдли.

— Не *ты* — другой ты. Я хочу узнать о Доне Гекторе.

— Тут я ничего не могу сказать, — возразил я, — мне только снится, что я — это он.

Однако *что-то* все-таки было, как и тогда, когда я был мужем Бригитты. Смутное, туманное, затаившееся на задворках моего сознания, подобно сидящей на ветке скопе: я совсем маленький, несусь со всей скоростью на трехколесном велосипеде по застеленному ковровой дорожкой коридору в большом сельском особняке, пытаясь удрать от чего-то — думаю, от горя.

— Я катался на детском велосипеде, — сказал я. — Это случилось через неделю после Весеннего пробуждения, и я помню ощущение того, что

мамы нет. Я чувствую утрату.

И это действительно было так — воспаленный комок пустоты упрямо не желал покидать мою грудь. Ту же самую пустоту я испытывал в Приюте, когда предполагаемые родители проходили мимо не моргнув глазом, спеша к другим детям, к тем, кого не выделило, не обособило прикосновение асимметрии.

— Хорошо — ты включился. А теперь слушай внимательно. Здесь где-нибудь поблизости есть валик?

— Какой еще валик?

— Восковый валик.

— С записанной на нем музыкой? В квартире таких много.

— Нет — во сне. *Нам нужен валик* — и ты должен его найти. Поройся в укромных уголках сознания Дона Гектора.

Я огляделся вокруг. Помимо дерева, скатерти с яствами и машины виден был только Морфелей, возвышающийся у самого горизонта.

— Тут стоит храм Морфея. Примерно в полумиле.

— Хорошо. Попробуй попасть туда. Как мы уже выяснили, самое лучшее — проехать это расстояние на «Бьюике».

— Вы уже пробовали?

— Можно и так сказать.

Я оценил взглядом пустое пространство, отделявшее меня от машины. Не больше десяти шагов, но прямо у меня на глазах между мною и «Бьюиком» над землей на мгновение вынырнула рука и тотчас же погрузилась обратно.

— Я не могу, — сказал я.

— Руки?

— Да, руки. Они меня схватят.

— Они тебя схватят *в любом случае,* Чарли. Если ты попытаешься проехать к храму и не сможешь сделать это. Все, что угодно, только чтобы помешать тебе найти валик, помешать добраться до Морфелея. Но валик *должен* где-то быть. И начать лучше всего с храма. Время идет — предлагаю тебе тронуться в путь, и немедленно.

Я уже собрался сделать так, как она говорит, но затем с ужасом заметил, что из земли торчат не просто отрубленные конечности, а маленькие *твари*, похожие на руки; кисть заканчивалась куполообразным наростом, похожим на зажившую культю, в ней не было ничего человеческого. Сунув руку в карман, я достал связку ключей с брелоком в виде кроличьей лапы, приносящим удачу, и рванул к «Бьюику».

Я не смог бежать так быстро, как хотел. Я ослаб, ноги казались ватными. Всего через несколько шагов я почувствовал, как руки вцепились мне в брюки, затем поползли вверх по ногам, утяжеляя их, затрудняя продвижение вперед. Добравшись до «Бьюика», я попытался забраться внутрь, однако вес и размеры рук не позволяли мне двигаться, не говоря уж о том, чтобы вести машину. Я лягался, тянул, стараясь оторвать руки, но даже если мне удавалось избавиться от одной, ее место тотчас же занимали две новых, вырвавшихся из земли. Тяжело упав на сиденье, я вставил ключ в замок зажигания. Вспыхнули лампочки низкого давления масла и разрядки аккумулятора, двигатель затарахтел. Не имея ноги, чтобы управлять сцеплением, я просто двинул рычаг, включая первую передачу. Коробка передач заскрежетала, машина дернулась, и двигатель заглох. Я закричал, увидев, как появившаяся из земли волна рук хлынула в машину, облепляя мне лицо, вытаскивая меня наружу. Я успел мельком увидеть переливающуюся миссис Несбит, но тут меня уже увлекло под землю, я почувствовал во рту вкус почвы, толща земли сверху надавила мне на грудь всем своим весом, и все вокруг затянул непроницаемый мрак. Я попробовал кричать, но

мой рот был забит сухой землей и…

…голос. Но не голос миссис Несбит.

— Что ты до сих пор делаешь здесь?

— Прошу прощения?

— Перефразирую свой вопрос так: во имя всего холодного, мертвого и гниющего, что ты до сих пор здесь делаешь?

Джонси

«…Утеря навыков вследствие гибернационной смертности может иметь катастрофические последствия для сложных производственных процессов, инфраструктуры и систем управления, поэтому рабочие места создавались с учетом протоколов «Нулевого навыка». Любой, кто получил 82 процента и выше по Общим навыкам, может работать где угодно, начиная от предприятия быстрого питания и до Графитового реактора…»

Справочник по Зимологии, 6-е издание, издательство «Ходдер и Стоутон»

Я не узнал голос, но рассудил, что это Консул, которого прислал Старший консул Логан, проверить, что я не провалился в зимнюю спячку — опасность, которой подвергаются те, кто остается зимовать впервые. Я был рад возвращению в Кардифф. Перспектива провести свою первую Зимовку в каком-то забытом богом Секторе, в Дормиториуме «Сара как там ее» меня совсем

не радовала, хотя я не помнил, как мне удалось вернуться.

Наверное, на Рельсоплане.

— Уортинг, ты меня слышишь?

— Я вас слышу, — прохрипел я пересохшим горлом, чувствуя, что связки затекли от долгого неиспользования.

— Точно?

— Нет.

Я поймал себя на том, что застонал. Голова моя казалась комком грязи, глаза были наглухо заклеены чем-то липким, а в голове оставалась всего одна мысль: мне срочно, отчаянно, до боли хотелось снова заснуть.

— Там было полотенце в полоску, — сказал я, чувствуя, что ко мне начинает возвращаться память, — и большой надувной мяч. Ребенок, девочка, смеющаяся. Женщина в купальнике, остов океанского лайнера — «Царица Аргентины»…

— Это называется Смятением пробуждения, — донесся из темноты женский голос. — Ты еще пару минут не будешь ни хрена соображать и будешь нести полную ахинею.

— Она сделала моментальный снимок, — продолжал я, — а оранжево-красный пляжный зонтик имел внушительные размеры…

— Как я уже говорила, — заметил голос, — полную ахинею. Твое сознание спало, памяти требуется какое-то время, чтобы восстановиться. До тех пор твои мысли будут раскиданы где попало. Ты помнишь, как тебя зовут?

Я еще несколько минут лежал в полной темноте, с наглухо залепленными глазами, стараясь собраться с мыслями.

— Чарли Уортинг, — выпалил я, как только этот факт всплыл у меня в сознании, — БДА-26355Ф. Мне исполнится двадцать три года на девятый день после Весеннего пробуждения, я обитаю в пятьсот шестой комнате в «Черной мелодии», в Кардиффе.

— Уже лучше, но все равно чушь, — продолжал голос. — Однако вернемся к моему первому вопросу: ты сказал Лоре и Фоддеру, что уезжаешь последним поездом. Итак: что ты до сих пор делаешь здесь?

Мне пришлось *очень* напрячь мысли. Был разговор о том, чтобы куда-то ехать на Снегоходе… Нет, опять ускользнуло.

— Хорошо, — раздался голос, — похоже, пришло время отдернуть занавес.

Женщина вложила мне в ладонь что-то влажное, и я осторожно протер коросту, слепившую

во сне мои глаза. Я потянул за верхнее веко, короста лопнула с буквально различимым на слух треском, и тотчас же ко мне вернулось зрение — сначала очень яркое и искаженное, но по мере того как кора больших полушарий мозга оживала после длительного сна, окружающий мир постепенно приходил в некое подобие порядка.

Первым делом я увидел Клитемнестру, точно такую же, какой она была, когда я видел ее в последний раз. Однако вместе с Клитемнестрой пожаловало нежеланное осознание того, что я не возвратился в Кардифф.

— «Сара Сиддонс», — вздохнул я, — Двенадцатый сектор.

— Он облепляет человека подобно плесени и нуждающимся родственникам, — сказала женщина, сидящая на стуле рядом с кроватью. — Мы называем его «Двенадцатым» или чаще «Трясиной». Быть может, когда-нибудь он тебе понравится. Такое маловероятно, но возможно.

У нее были коротко подстриженные мышино-серые волосы, она была одета в грязно-белый Зимний комбинезон, какой любят Консулы, Лакеи и военные, и смотрела на меня с насмешливой улыбкой. Возраст ее был от очень нездоровых двадцати до крайне здоровых сорока, в чертах

лица сквозило что-то южное, а над нашивкой с фамилией красовалась пара серебряных аистов. На поясе висели две «Колотушки», а к бронежилету, как и у Фоддера, было пришило Д-кольцо.

— Привет, — сказал я, усиленно моргая, чтобы прогнать клейкую липкость.

— Я Вице-консул Бронвен Джонс, — сказала женщина, — но все зовут меня просто Джонси. Прозвище слишком очевидное, и я от него не в восторге. Я бы предпочла что-нибудь в духе «Ледяной девы», «Черной вдовы» или «Замороженной оладушки», однако в таких делах не выбирают.

— «Замороженная оладушка»?

— Это у меня стоит на третьем месте, — призналась Джонси, — мне самой тоже не очень-то нравится.

— А меня называли «Кривым», — сказал я в надежде выставить себя в лучшем свете за счет самой призрачной общности пережитых ощущений. — Думаю, это очевидно.

— Я только сейчас заметила.

Джонси протянула мне левую руку. Правая ее рука почти полностью отсутствовала, а то, что оставалось, зажило плохо: Зимние заплатки всегда выглядят кое-как.

Где-то засвистел чайник, Джонси встала и

скрылась в соседней комнате, а я потянулся, чувствуя, как мышцы дрожат от усилия и тотчас же сжимаются в судорогах. Я предпринял несколько попыток встать, с разной степенью успеха, и к тому времени как вернулась Джонси с двумя кружками в руках, я уже мог самостоятельно держаться на ногах. Как оказалось, Джонси принесла горячий шоколад, сладкий и густой, и как только я его выпил, температура моего ядра поднялась. Туман у меня в голове стал рассеиваться гораздо быстрее, и вместе с этим вернулись нежеланные воспоминания. Аврора врезала Логану с такой силой, что впечатала его в стену, я застрял в Двенадцатом секторе и поселился на несколько дней в «Саре Сиддонс», перед тем как двинуться в путь на Снегоходе. У меня также возникло неуютное ощущение того, что мне приснилось возвращение на Говер, порожденное памятными детскими впечатлениями, к которым добавились несколько картин и художница, по какой-то необъяснимой причине названная мною Бригиттой, что было довольно странно, поскольку единственной Бригиттой, какую я знал, был кусачий спаниель с вонючими ушами, живший когда-то давно у сестры Плацентии.

Все это было тревожно. Не сам сон, бесспорно,

приятный, пусть и представляющий собой беспорядочный набор чепухи, но то *обстоятельство,* что он мне приснился. Сны снятся только тем, кто зарабатывает по тарифу «Бета». Если всплывет то, что я вижу сны, в социальном отношении со мной будет кончено, и, что хуже, получится, что я зазря пошел на риски, связанные со службой Зимним консулом. Но сказать это можно будет только тогда, когда я определю, что есть что.

Я потянулся и почувствовал, как снова сразу же свело мышцы.

— Для начала не торопись, — сказала Джонси, открывая ставни. — Тише едешь — дальше будешь.

В комнату хлынул серый свет. Я уселся в кровати и откинул одеяло, и тут меня ждало новое потрясение, третье за это утро.

Я был худой. *Очень* худой. Прямо тощий.

Джонси вопросительно подняла брови.

— Плывешь против ветра? — спросила она, оглядывая мое тощее тело. — Только очень храбрый или бесконечно глупый человек отправляется навстречу первой Зиме, не подготовив путь к отступлению. Ни в коем случае не показывай это Токкате. Она очень серьезно относится к безрассудной беспечности по отношению к

индексу массы тела. На самом деле, — подумав немного, добавила Джонси, — она, в общем-то, относится серьезно *ко всему*. Она относится серьезно даже к тому, чтобы относиться серьезно.

В настоящий момент точка зрения Токкаты меня не слишком интересовала. Потом — это другое дело, но только не сейчас. У меня оставался всего один вопрос.

— Какой сегодня день?

— Засыпание плюс двадцать семь.

– *Что?*

— Плюс двадцать семь. Ты провел в отключке четыре недели.

Мне потребовалось какое-то время, чтобы переварить этот факт. Я бросил взгляд на будильник, остановившийся вскоре после того, как я заснул. Без него я непредумышленно скатился в зимнюю спячку. Мне стало стыдно. Заснуть во время первой зимовки — удел дилетантов.

— Итак, — сказала Джонси, — начнем сначала: что ты здесь делаешь?

Я постарался все объяснить как мог быстро и правдиво. Рассказал, как Аврора спасла меня от Логана, как я разговаривал в Консульстве с Лорой и Фоддером, как застрял в Двенадцатом секторе, как снова встретился с Авророй, как должен был

уехать, как поселился в этой комнате.

— И прежде чем я успел что-либо сообразить, вы меня разбудили.

— Переспал, да? — усмехнулась Джонси. — Не слишком хорошее начало.

— Да, — согласился я, — *совсем* плохое начало. Но почему вы разбудили меня сейчас, — добавил я, — а не четыре недели назад?

— Из кардиффского отделения звонили несколько раз, — объяснила Джонси, — и спрашивали, где ты, поскольку требовалось подтвердить слова Авроры о том, что произошло с Логаном. Мы отвечали, что ты отбыл последним поездом, но когда четыре недели спустя этот недоумок Трикл заявил, что шел вместе с вами с Авророй в этом направлении, там настояли на более тщательном расследовании. Мы прочесали Дормиториумы и нашли тебя. Тебе повезло.

Она была права. Если бы запас жира был у меня только на две недели вместо четырех, сейчас меня, по всей вероятности, уже не было бы в живых.

— А теперь, — продолжала Джонси, — ты должен все объяснить Токкате. Она занята до часу дня. Хочешь позавтракать?

Я кивнул. Сказав мне продолжать разминаться,

Джонси вернулась в кухонный уголок. Сдвинувшись на край кровати, я ухватился за спинку и с трудом поднялся на ноги. Постояв немного, я сделал несколько шагов, покачнулся, удержал равновесие, затем нетвердой походкой прошел в ванную, где исторг из себя нечто такое, что пахло перепрелым силосом, выглядело как яхтный лак и чему пришлось словно прожигать себе дорогу.

Покончив с этим, я шагнул в душ, чтобы смыть со своей шерсти неприятную липкую коросту, и там снова подумал о художнице. Странно, сновидение не было беспорядочной смесью разбитых образов, неопределенным туманом сна, а чем-то таким же сильным и явственным, как и все то, что *действительно* произошло наяву: дорога сюда, смерть Логана, Фулнэп — даже болтливый администратор на стойке «Гибер-теха» и блестящая влага на булыжной мостовой в том месте, где Хук пришил Моуди.

После того как я дважды намылился и отскоблил свое тело, я прошелся машинкой для стрижки волос по своим спутанным космам и выбросил беспорядочное месиво в мусорную корзину. Мне приходилось то и дело прерываться, чтобы потянуться, прогоняя из конечностей гложущее окоченение, и, вычесав из волос яйца вшей, во-

семь ночных червей и полдюжины гнид, я встал под восхитительно горячей водой [99] и постарался заглушить нарастающее чувство паники и провала. Через десять минут, без каких-либо положительных мыслей о моем нынешнем затруднительном положении, я вышел из душа, взглянул в зеркало на свое тощее тело, после чего подстриг ногти, ощупал зубы в поисках характерных признаков того, что они раскрошились или начали шататься, и натянул спортивные штаны и футболку Сюзи. Затем я подошел к окну и посмотрел на Зиму, которую до сих пор никогда не видел.

Местность за окном была абсолютно бесцветной. Низкое серое небо простиралось до самых гор, город и окрестности были укрыты белизной, прямые углы зданий скривились и смягчились наметенными сугробами. Никакого движения; единственным признаком жизни было с полдюжины стервятников, низко кружащихся над мусорной кучей позади «Сиддонс».

— Они кружатся над свалкой, — объяснила Джонси, приближаясь ко мне. — Несколько дней назад мы выбросили туда двух зимсонников;

[99] Примечания: 99

Еще одно огромное преимущество обогрева ядерным реактором: можно не экономить горячую воду.

органика замерзает не так быстро, как распространяются запахи.

— Оттепель? — спросил я.

— Нет, просто конец более мягкой передышки. Надвигается ухудшение погоды, в ближайшие пару дней станет совсем плохо: говорят, морозы за минус пятьдесят. Привратники готовятся к тому, чтобы в любой момент поднимать регулирующие стержни. Когда такое начнется, лучше находиться в четырех стенах. Завтрак готов.

Мы сели за стол. Здесь было все: ветчина, фасоль, две копченых селедки, тосты с маслом, грибы, колбаса и картофельное соте. Несмотря на отрадное изобилие, все кушанья были или сушеными, или консервированными. Говорят, Зимой нет ничего свежего — кроме ветра.

Мы принялись за еду; Джонси наложила себе почти столько же, сколько и я.

— Очень хорошо, — одобрительно произнесла она.

Посмотрев на меня, она улыбнулась, затем тепло потрепала меня по руке, задержав свою руку на моей. Это была ее изувеченная рука, багровая ткань шрамов и здоровенные стежки швов. Я не стал убирать руку, не желая обидеть Джонси, дождался, когда та сама отняла руку, чтобы

передать мне соль, и мысленно взял на заметку впредь не класть руки на стол.

— Такое ощущение, будто мы давно работаем вместе, — добавила она.

— Прошу прощения?

— Будто мы давно работаем вместе, — повторила Джонси, — сидим за столом, наслаждаемся жизнью на пенсии, объединенные общим прошлым — теплое уютное чувство близких отношений.

Зазвонил тревожный колокольчик.

— Кажется… я не совсем вас понимаю. Пенсия — это, конечно, хорошо, но едва ли можно сейчас об этом говорить.

— В том-то все дело. Поскольку Консулы редко доживают до старости, я подумала, что мы могли бы насладиться сладостным старческим слабоумием прямо *сейчас,* пока у нас есть такая возможность. Можно было бы встретиться после работы и посидеть вдвоем в дружеской тишине. Пока я буду читать, ты будешь штопать носки, время от времени замечая: «Да, дорогая» или: «Очень интересно», когда я скажу что-нибудь умное, что ты не поймешь. Мы даже сможем играть в «Клуэдо», но только если я буду мисс Скарлетт,

а не убийцей [100].

— «Клуэдо» устроена не совсем так, — сказал я.

Джонси нахмурилась, и тогда я вкратце объяснил ей правила игры.

— Похоже, ты настоящий эксперт, — сказала она.

Я бы сам ни за что не использовал это определение — «Клуэдо» не настолько сложная игра.

— Сестра Зиготия играла в нее с нами в Приюте, — сказал я.

Мало кто хочет говорить о Приюте. Но как только я упомянул об этом, у Джонси проснулось любопытство.

— Ты долго пробыл там?

— Выпустился последним.

— Ну и как там было?

Приюты, подобно кушаньям, терьерам и обещаниям, бывают самыми разными — есть Приюты, пригодные разве что для домашней скотины, и есть престижный «Уэкфорд и компания» с отделениями в Париже, Лондоне и Нью-Йорке.

— Каждое учреждение имеет простор для совершенствования, — сказал я, — но в целом, думаю, было неплохо — просто я задержался там

---

[100] Примечания: 100

Мисс Скарлетт — один из персонажей игры «Клуэдо». *(Прим. переводчика.)*

слишком долго. Послушайте, — добавил я, — ни в коем случае не хочу показаться неблагодарным, но мне было бы значительно лучше, если бы я сейчас отправился домой, прямиком в Кардифф.

— Не получится, Кривой. Токката хочет тебя видеть, так что произойдет именно это. Передай мне кетчуп.

— Его нет.

— Точно, — грустно усмехнулась Джонси. — Мы разбавили его водой и сказали зимсонникам, что это томатный суп.

Какое-то время мы молчали, но Джонси, как я понял, находиться в тишине долго не могла. Полагаю, она постоянно болтала, чтобы заполнить мертвый воздух, а зимой мертвого воздуха полно. Я выяснил, что она переселившийся Гастарбайтер в первом поколении, ребенок родителей из разных полушарий. Ее мать, уроженка Аргентины, работала горничной, влюбилась и переспала с предметом своей любви. В те времена это был настоящий скандал, сейчас на подобные мелочи не обращали внимания.

— Я поступила в Службу после нескольких командировок в Оттоман, — объяснила Джонси, затем снова немного помолчала. — Там погибли несколько человек, служивших под моим нача-

лом. Несколько *очень* хороших человек.

— Поэтому вас направили в Двенадцатый сектор? — спросил я.

— Думаю, это своеобразная форма расплаты, — сказала Джонси, сама не до конца уверенная. — Могла бы выйти в отставку, но работа под началом Токкаты не бывает скучной. К тому же, возможно, я делаю что-то хорошее. Конечно, порой приходится рисковать, но то же самое можно сказать про любого, кто ведет себя достойно.

Покончив с завтраком, Джонси сказала, что ей нужно бежать по делам и она встретится со мной в полдень, чтобы отправиться к Токкате.

— А ты мог бы придумать какие-нибудь «А помнишь, как…», — сказала Джонси, — воспоминания о нашем прошлом, понимаешь?

— Да, наверное, мог бы.

— Вот и попробуй.

— Если честно, сочинитель из меня неважный…

— Тебе понравился завтрак? Тот, который я приготовила?

— Да.

— Тогда давай послушаем рассказ о том, как мы познакомились.

Она очень опасно посмотрела на меня. Легко-

мысленная, болтливая — на самом деле это была только одна ее сторона, более здравомыслящая.

— Ну хорошо, — сказал я, тщетно стараясь придумать что-нибудь оригинальное. — Мы с вами… э… играли в пантомиме, исполняли роли задней и передней половин лошади.

— Классно, — сказала Джонси, воодушевляясь сильнее, чем я рассчитывал. — И как такое произошло?

— Мы участвовали… в конкурсе Зимних талантов?

— Отлично.

— Сначала мы не очень-то поладили друг с другом…

— Это еще почему?

— Потому что ты настояла, чтобы я был задней половиной.

— Вполне возможно. Продолжай.

— Но поскольку нам нужно было выступать, а «конский гавот» требует синхронных движений, мы забыли былые обиды, много занимались вдвоем и в итоге одержали победу на конкурсе… и полюбили друг друга.

— Замечательно! — просияла Джонси.

— Правда? А мне это показалось *слишком* банальным.

— По моему опыту, лучшие отношения всегда начинаются как плохая романтическая комедия. Я найду тартановый походный коврик и набор для пикника, и Снегоход, — добавила она, полностью воодушевленная этой идеей. — Тебе мыть посуду, но если хочешь, ты можешь поспорить со мной на этот счет — что-нибудь вроде «в прошлый раз мыл я».

— Вы приготовили завтрак, — заметил я, — так что это будет справедливо.

Встав, Джонси натянула куртку и открыла входную дверь.

— Я оставила на столе в кухне корзину с едой. Встречаемся на улице в полдень.

После чего она пожелала мне всего хорошего, посоветовала сильно не тужиться, когда я в первый раз пойду в туалет по-большому, поскольку иначе я *определенно* об этом пожалею, и добавила, что в коридоре за дверью лежит пакет.

— Спасибо, — бросил я вслед ее удаляющейся фигуре.

Не оборачиваясь, Джонси помахала рукой и скрылась за поворотом изогнутого коридора.

Большой плоский пакет был завернут в коричневую бумагу и перевязан бечевкой. Я внес его в комнату, перерезал бечевку перочинным

ножиком и обнаружил, что внутри портрет, мой. Поставив полотно на книжный шкаф, я отступил назад.

Это была картина, которую я заказал у художницы. Но она была оригинальной не полностью. Эту картину я уже видел у нее в студии четыре недели назад — лишенный лица портрет ее мужа. Но только теперь это уже был не ее муж, и он больше не был обнаженным. Это был *я*, со своими чертами лица, в закрытом купальном костюме, написанном поверх тела. Художница даже добавила белые тапочки на ноги, бывшие босыми, и полотенце в сине-белую полоску, чтобы мне было на чем сидеть.

Что-то в картине меня встревожило. Не то обстоятельство, что художница повторно использовала холст, изобразив на нем вместо своего пропавшего без вести супруга совершенно постороннего человека, которого едва знала, а совсем другое: она написала меня на Говере, как это было в моем сне, и, что совсем уж странно, для всего окружающего мира картина выглядела так, будто художница изобразила меня со своего ракурса, словно сидела рядом со мной на пляже. Во сне она говорила, что любит меня, и в этом портрете сквозило ее признание в любви. Что бросало

вызов логике: все должно было произойти наоборот. *Сначала* реальность, и *только потом* сон. Я смотрел на полотно добрых десять минут, стараясь разобраться в нем, но тщетно. В любом случае сходство, на мой взгляд, было полным. Теперь я был должен художнице пятьсот евро, что, если хорошенько подумать, было для меня неподъемной суммой; но по крайней мере у меня будет возможность снова встретиться с ней.

Я несколько раз прошелся по комнате, с трудом выполнил два отжимания и какое-то время сидел на кровати, чувствуя усталость и зуд, затем взял свой портрет и поставил его рядом с Клитемнестрой, чтобы смягчить ее психопатический взор. После чего отправился на кухню и заварил чаю, еще раз принял душ и уставился в окно.

Примерно через час это мне надоело, и я решил навестить привратника Ллойда. Я надел форму, закинул на спину рюкзак и вышел в коридор, но, проходя мимо комнаты художницы, остановился. Я быстро черкнул записку со словами благодарности и своим адресом, чтобы художница смогла после Весеннего пробуждения прислать мне счет, и уже собирался опустить ее в почтовый ящик, как вдруг застыл. Под кнопкой звонка было указано имя Бригитта, и меня охватило недоумение.

Я не знал ее имени. Она мне его не говорила. *Я его услышал во сне.* Сделав глубокий вдох, я заверил себя в том, что видел имя на двери, но это не зарегистрировалось у меня в сознании, и, по-прежнему сбитый с толку, спустился вниз по лестнице.

Голодая в подвале

«…В принятом в 1815 году календаре «Виктуар», которым пользуются все члены Северной Федерации, 118 дней Зимы значатся как один месяц с зимним солнцестоянием посредине. Остальные 252 рационально разбиты на девять месяцев по 28 дней в каждом, каждый девятнадцатый год високосный, чтобы компенсировать орбитальное расхождение…»

«История небесного времяисчисления», Брайан Гномон [101]

— Мне очень, очень неловко, — сказал привратник Ллойд, когда я разыскал его в фойе. — Я понятия не имел, что вы до сих пор здесь.

— Я же не брал Снегоход, — напомнил я, — поэтому вы *должны* были знать, что я здесь.

— Я редко спускаюсь в подвал, — сказал он, — поэтому не могу знать, на месте ли Снегоход. На сколько вы опоздали на работу?

---

[101] Примечания: 101

Говорящая фамилия: gnomon — столбик — указатель солнечных часов. *(Прим. переводчика.)*

— На четыре недели, — сказал я, — наверное, это в определенном смысле рекорд.

Ллойд рассмеялся, и я присоединился к нему, чувствуя себя глупо. Затем я спросил про ту ночь, когда мне показалось, будто Клитемнестра отслоилась от холста.

— Это случилось в первую ночь, — сказал Ллойд, — потом я вас больше не видел. Я могу только еще раз принести свои извинения. Я работаю с той информацией, которую мне дали.

Я выглянул в окно, чтобы узнать погоду. Небо было затянуто низкими тучами, однако снег не шел. Внезапно меня осенила дерзкая мысль: мне вовсе не обязательно оставаться здесь и дожидаться Токкаты. Формально она не может мне приказывать: я подчиняюсь Кардиффскому отделению.

— Думаю, мне лучше тронуться в путь, — сказал я. — Вы говорите, Снегоход стоит в подвале, так?

— Хорошо, — согласился Ллойд, — я вас провожу.

Он достал из стола палку ловца бродячих собак и профессиональную фотовспышку, такую, в которую можно вставить импульсную лампу размером с мячик для настольного тенниса. Мы пересекли вестибюль и прошли в маленькую

дверь, затем спустились по лестнице в недра Дормиториума. Когда мы достигли второго подземного уровня, стало заметно теплее, поскольку мы приблизились к Чугунку. Медные трубы теплообменника время от времени издавали булькающие звуки, по мере того как клапаны автоматически открывались и закрывались. Я обратил внимание на то, что железный поручень был теплый.

— А здесь, внизу, жарковато, — заметил я.

— Сюда идут морозы, — объяснил Ллойд, — и в преддверии этого регулирующие стержни выдвинуты.

— Готовитесь к неприятностям? — спросил я, указывая на фотовспышку и палку для ловли собак.

— «Сара Сиддонс» заполнена всего на шестьдесят процентов, — признался привратник, — поэтому я за определенную мзду беру постояльцев в подвал.

— В *подвал?*

— Речь идет о лунатиках из Дормиториумов в этой части города. Другие привратники собирают их и оставляют у меня до тех пор, пока не вмешаются Консулы или «Гибер-тех». Сейчас у меня их шесть. Насколько мне известно, все необычайно

возбуждены. У «морфенокса» ведь тоже есть свои недостатки, правильно?

Он имел в виду то, что «скитаться» начинают только те, кто принимал препарат. В среднем из каждых трех тысяч тех, кто ощутит на своем лице Весеннее тепло, один станет лунатиком, однако все находили такое соотношение приемлемым.

— Я подкармливаю их, даю в день по репе и три батончика прессованных пшеничных хлопьев, поэтому — постучим по дереву — они еще не докатились до того, чтобы пожирать друг друга.

У меня и в мыслях не было, что я буду вынужден пройти сквозь строй лунатиков, потенциально склонных к каннибализму, о чем я и сказал Ллойду.

— Не беспокойтесь, — сказал тот, — от них сможет убежать даже ребенок. Просто убедитесь в том, что у вас в карманах нет шоколадки или бульонных кубиков. Этот запах они чувствуют за целую милю; он буквально сводит их с ума.

Мы остановились перед железной дверью с написанными мелом шестью именами, вместе с датами заключения в подвал. Выудив из кармана пиджака импульсную лампу, Ллойд вставил ее в фотовспышку.

— Я включаю ее вручную, — объяснил он. — Яр-

кий свет на какое-то время лишит их последних крох рассудка, этого хватит, чтобы при необходимости удрать. — Ллойд постучал костяшками пальцев по последней фамилии на двери. — Берегись Эдди Танджирса. Здоровенный верзила, сильный как бык — я заманил его сюда всего неделю назад. Если вам интересно, разложил цепочку из фруктовых жевательных конфет. Конечно, это не *так* действенно, как пастила, но удобнее носить — и дешевле.

— Дельный совет. Спасибо. Как я его узнаю?

— О, вы его ни с кем не спутаете: он большой, он мертвый, он из тех, кого следует избегать. Удачи вам. Снегоход стоит слева, в пятидесяти ярдах от входа.

Прислушавшись за дверью, Ллойд оттянул подпружиненную щеколду замка, распахнул дверь и включил вспышку. Яркий свет, к счастью, *не* выхватил ни одного лунатика; из полумрака нам в лицо пахнуло теплым воздухом, в котором чувствовался запах разложения. Ллойд поспешно извлек использованную лампу и вставил вместо нее новую.

— Один или двое определенно скопытились, — пробормотал Ллойд, зажимая нос. — Наверное, я их недостаточно кормил.

Шагнув в подвал, я включил фонарик. В тусклом свете, проникающем через узкие окна под потолком, я разглядел общую планировку: пончик вокруг центральной шахты, прочные кирпичные своды, чтобы выдержать вес опирающегося на них здания. Сомкнутые ряды легковых машин, мотоциклов, грузовиков, телег и сельскохозяйственного оборудования, накрытых брезентом, окружающие шахту двумя кольцами. Я помедлил мгновение, а вот Ллойд — нет: я услышал, как хлопнула дверь, затем раздались его шаги, быстро удаляющиеся вверх по лестнице.

Снегоход я отыскал без труда, вот только ему не суждено было куда-либо поехать. Кто-то не закрыл баллон со сжатым воздухом, и весь воздух вышел — завести двигатель было нечем. Я постоял, размышляя, как быть, затем решил подняться наружу по пандусу и оглядеться по сторонам. Я бесшумно двинулся вдоль застывших машин. Не потому, что не хотел предупредить мертвоголовых о своем присутствии; просто я хотел первым их услышать. Преодолев приблизительно треть пути, когда вдалеке уже показался выход, я наткнулся на первого лунатика, от которого остались одни кости, чисто обглоданные.

— Один готов, осталось еще пять, — пробормо-

тал я, двигаясь дальше.

Несмотря на то что в подвале было тепло, я ежился от холода, в висках гулко стучало сердце. Второго и третьего лунатиков я нашел неподалеку: кучка костей и хрящей, втиснутые между машинами. Не было ничего необычного в том, чтобы найти их вместе. Лунатики, отдыхая между кормежками, обыкновенно собираются вокруг какого-либо центра притяжения. Луч света, проникающий в окно на потолке, труба отопления, что-нибудь такое, что издает умиротворяющие звуки, вроде радиоприемника, настроенного на эфирный треск, колеса водяной мельницы, колокольчиков, звонящих в порывах сквозняка, или птицы в клетке. До меня вдруг дошло, что ничего этого в подвале нет. Только машины, накрытые брезентом, кирпичные стены, сводчатые потолки и толстые провода на ржавых кронштейнах.

У меня в груди появилось какое-то неуютное чувство. Машина, вокруг которой собрались мертвецы, была больше остальных. Большая, плавные обводы…

Я сорвал с нее брезент.

Это был синий «Бьюик».

Я уставился на него с нарастающим смятением. Это была та самая машина, которая мне снилась.

И не просто той же самой модели и того же самого цвета — это была *в точности та же самая машина* — отсутствующие колпаки на колесах, криво висящая наклейка «Автомобильной ассоциации», ржавые бампера, помятое крыло, наполовину опущенное стекло в водительской двери. Поежившись, я потер виски, оглянулся, снова посмотрел на машину, потрогал ее. Она была настоящая. Мне приснилось то, что я никогда не видел.

Я провел пальцами по капоту. Мне стало жарко, меня охватила паника. Не было никаких рук, никакой миссис Несбит, никакого дуба, никаких камней — только одна машина. Я медленно обошел вокруг нее и открыл водительскую дверь. Внутри стоял затхлый, заплесневелый запах, словно в редко проветриваемой кладовке. Там не было ничего особенного, кроме банки леденцов «Миссис Несбит» и нескольких неоплаченных штрафов за неправильную парковку, но в кармашке в двери я нашел документы на машину. Согласно им, она была зарегистрирована на Дона Гектора, что только повысило мое беспокойство. Я заглянул за козырек от солнца, и мне в руку упали ключи.

К связке был прикреплен брелок в виде кроли-

чьей лапы. Это мне тоже приснилось.

Непроизвольно отступив назад, я ощутил жаркое, неуютное предчувствие возвращения сна, агрессивно вторгшегося мне в сознание. Я увидел на полу пятна света, проникающие сквозь крону дуба, и внезапно «Бьюик», стоявший передо мной, превратился в «Бьюик» из сна, а вокруг на бетонном полу появились руки, живые, извивающиеся, подобно здоровенным паукам, покрытым кожей.

– *Руки!* — ахнул я, охваченный дрожью отвращения, и тотчас же поймал себя на том, что говорю совсем как Моуди.

Поддавшись внезапному порыву, я окликнул вслух, не сестру Зиготию, Люси, Джонси или Аврору, а *Бригитту*. Я не ждал никаких последствий, однако они наступили: совершенно внезапно поле, деревья и руки исчезли, и я снова оказался в замкнутом пространстве подземного гаража.

Я выждал немного, когда дыхание успокоится и сердце перестанет колотиться.

«Это гибернационный наркоз, идиот!»

Наиболее опасные последствия аномального пробуждения в разгар Зимы имели не физиологический, а *психологический* характер: в самой слабой своей форме наркоз приходил в виде зуда или онемения, а дальше проходил всю

гамму от сонливости до опьянения и галлюцинаций, в которых обрывки не подавленных своевременно сновидений вызывали раздвоение действительности, что могло привести к мании преследования, диссоциативному поведению и, в крайних случаях, насилию по отношению к себе самому и окружающим.

Но не все было так плохо: положительным можно было считать то, что, как я был уверен, Бригитта своими мыслями могла вытащить меня из галлюцинаций. Это был очень удобный ход. Надо будет снова им воспользоваться. Что же касается отрицательной стороны, я испытывал тот же самый наркоз, что и Уотсон, Смоллз и Моуди. И если не считать сон, связанный с Бригиттой, о чем они не упоминали, *я видел все то, что видели они.* Быть может, не в точности то же самое, но достаточно близко, — и всем им пришлось несладко.

Я всмотрелся в пустынную парковку. Угрюмая и безрадостная, и лишь изредка падающие капли воды нарушали тишину. Фонарик выпал у меня из руки и закатился под машину, осветив левое заднее колесо. Дотянуться до него я не смог, поэтому мне пришлось лечь на бетон и протиснуться под «Бьюик». Протянув руку, я кончиками паль-

цев дотронулся до фонарика, и он, откатившись дальше, осветил еще одного лунатика, мертвого, лежащего под машиной. Это была женщина с черными спутанными волосами.

Я прополз дальше, схватил фонарик и уже собирался выбираться, но тут вдруг почувствовал, как чья-то рука стальной схваткой стиснула мое предплечье. Вздрогнув от неожиданности, я развернул луч фонарика. Я ошибался: лежащая под машиной женщина-лунатик была совсем не мертвая. У нее были желтые зубы, одежда порвалась и испачкалась, ногти были обломаны. Она уставилась на меня с приводящим в замешательство отсутствием осмысленности, отчасти так, как голодный ребенок может вожделенно смотреть на мороженое. Опасения Ллойда оказались обоснованными: трех батончиков пшеничных хлопьев и репы в день *действительно* было недостаточно. Также я отметил, что мне не угрожает немедленная опасность быть укушенным. Одной подтяжкой рабочего комбинезона женщина зацепилась за проушину для домкрата.

Я уже собирался податься назад, но тут женщина издала низкий свистящий вой, вырвавшийся из глубины ее стиснутого горла. Я застыл, но не потому, что она заговорила. Лунатики нередко

помнят несколько слов: это настолько распространено, что не считается чем-то необычным. Нет, причиной моей остановки было то, что короткая фраза оказалась до боли знакомой.

— Чарли, — сказала женщина, — я… тебя люблю.

Я всмотрелся в фиолетовые глаза со смесью ужаса, изумления и чувства утраты — и понял, кто это.

— Бригитта?

Она не ответила, и я ткнул ей в щеку фонариком, убеждаясь в том, что мне не мерещится. Это *действительно* была она: более исхудавшая по сравнению с тем, какой я видел ее в последний раз, и гораздо более безжизненная. Я протянул руку, чтобы ее потрогать, но она с такой силой вцепилась мне в кисть, что я почувствовал, как ее ногти протыкают мне кожу.

— Чарли, — повторила Бригитта, — я… тебя люблю.

— Нет! — воскликнул я, когда смысл ее слов полностью дошел до меня. — Нет, нет, это невозможно!

Это произошло опять: сначала ее имя, затем машина, ключи с брелоком в виде кроличьей лапы, слова Бригитты о том, что она любит Чарли,

как это было во сне. Так не должно быть. Так *не может* быть.

Сначала реальность, и только *затем* сон. Причина, *затем* следствие.

Женщина снова щелкнула зубами. У меня был батончик с орехами, она съела его без промедления, вместе с последним печеньем и половиной шоколадного пряника, который я захватил на крайний случай.

— Вот почему ты забралась под «Бьюик»? — спросил я. — Тебя сюда привел сон?

Вопрос был бессмысленный, поскольку Бригитта начисто лишилась способности вести разумную беседу. Но, как это ни странно, несмотря на грязь и спутанные волосы, равную одежду и паутину, ее глаза оставались в точности такими, какими я их запомнил: фиолетовыми, необычайно яркими и прозрачными.

Пока я размышлял над ее внешностью, над тем парадоксом, что она явилась мне во сне, над тем практически немыслимым фактом, что именно я дал ей «морфенокс» и теперь ее придется отправить на покой, рядом послышались шаркающие шаги. Посветив фонариком, я увидел две толстенных мужских ноги, от лодыжки и ниже, предположительно принадлежащие Эдди Тан-

джирсу, новичку, относительно которого меня предостерегал Ллойд. Я быстро перекатился в противоположную сторону, но тотчас же заметил, что и здесь тоже стоит женщина-лунатик, в войлочных тапочках.

У меня на глазах сильные пальцы ухватились за нижний край крыла, и на меня уставилось перевернутое лицо, абсолютно равнодушное. Женщине было лет двадцать с небольшим, бледная, с выбитым глазом, в растрепанных светлых волосах застряла диадема. Я встревожился тем, что меня окружила превосходящая числом группа из трех человек, видевших во мне лишь сытное блюдо, однако в мою пользу были два обстоятельства: во-первых, лунатики двигались медленно, и, во-вторых, они были очень-очень глупые.

— Похоже, с замужеством все кончено, — сказал я, заметив у Блестящей диадемы на грязном пальце обручальное кольцо.

Она протянула ко мне руку. Я отпрянул назад, уклоняясь от Бригитты, и посмотрел в противоположную сторону, где Эдди Танджирс мускулистой рукой пытался схватить меня за щиколотку. Это уже было серьезно. Здоровенный, сильный, и в головном мозгу не осталось ни одного функционирующего уголка, чтобы чувствовать боль,

сострадание или здравый смысл. Выстрел из моей «Колотушки» отбросит его назад, но ударная волна может пробить бензобак или, что хуже, отразиться от колеса и оглушить *меня*, что, возможно, станет моим концом.

Танджирс вцепился мне в щиколотку и потянул что есть силы. Я ухватился за заднюю ось «Бьюика», чтобы обрести упор и лягнуть лунатика по руке, но только ободрал подбородок о рычаг амортизатора. Не обращая внимания на Бригитту, которая крепко цеплялась за мою руку, лязгая зубами, я выхватил из кобуры «Колотушку», неловко щелкнул предохранителем и…

Ба-бах!

Воздух внезапно наполнился пылью, я на мгновение ослеп. Сперва мне показалось, что я разрядил свою «Колотушку», однако это было не так: оружие оставалось холодным. Тем не менее Танджирс отпустил мою ногу и теперь лежал бесформенной массой на капоте машины напротив, оглушенный ударной волной. Заморгав, я выглянул из-под машины. Рядом появилась еще одна пара ног, но эти уже двигались не шаркающей походкой лунатика, а сохраняли полный контроль над двигательными функциями. Зимовщик. Вот кто сделал выстрел.

— Эй, кто там! — раздался звонкий женский голос. — Мы что, развлекаемся?

— Вообще-то, я бывал и не в таких переделках, — постарался произнести как можно более уверенным тоном я, — и, послушайте, понимаю, это может показаться довольно глупым, но я Младший консул, и я полностью контролирую ситуацию.

— Полностью контролируешь ситуацию? Ха! — послышался голос, затем уже тише: — Подожди-ка, это Чарли?

Я подтвердил, что да.

— Это Аврора. Ты не поможешь мне с этим типом? В нем по меньшей мере сто двадцать кило, и все до одного они страстно желают пообедать мною.

Ситуация требовала слаженной работы команды.

— Слева от вас еще одна с диадемой на голове!

Ба-бах!

На этот раз выстрел был направлен в противоположную от меня сторону, и лишь совсем немного грязи залетело под машину. Я увидел, как стоявшая перед «Бьюиком» Блестящая Диадема отлетела к «Остину» напротив, беспорядочным сплетением ободранных ног и рук.

Выкатившись из-под машины, я поднялся на ноги. Внешне Аврора оставалась такой же, как и прежде: невидящий левый глаз, потрепанный Зимний комбинезон, но с добавлением панги [102] в ножнах на спине.

— Спасибо за предостережение, — весело сказала она. — Итак, зачем ты вернулся?

— Вернулся? Я никуда не уезжал.

— В таком случае, чем ты занимался четыре последних недели?

Я вздохнул.

— Я… заснул.

Аврора едва сдержала улыбку.

— Ты шутишь?

— Нет. Вырубился. У меня сломался будильник.

— Уортинг, ты болван, но, знаешь, такое действительно случается. Джек Логан славился этим, когда был Послушником. Проспал и опоздал на рейд на целую неделю. — Она помолчала. — Что там произошло с Джеком Логаном?

Я изумленно уставился на нее. Таким небрежным тоном спрашивают: «Ну, где он сейчас?»

— Вы же… его убили?

---

[102] Примечания: 102
Это что-то вроде мачете, но только более тяжелое.

— Ну убила, — щелкнув пальцами, подтвердила Аврора. — Сколько шума. Токката совсем не обрадовалась, это я точно говорю. Я *так* счастлива, что не я сообщила ей эту новость.

Я решил перевести разговор на другую тему.

— Никто не знал, где я нахожусь, до тех пор, пока Джонси не отправилась меня искать. Разве вы не должны были отправить факс в мое отделение, объяснив, каким образом я должен вернуться?

Аврора задумалась.

— Я поручила это агенту Хуку. Неужели в Кардиффе ничего не получили?

— Похоже на то.

— Я выясню у Хука, в чем дело. Черт, — она вопросительно ткнула в меня пальцем, — от тебя почти ничего не осталось.

Я заверил ее в том, что целую неделю буду есть без остановки, в буквальном смысле, и Аврора сказала, что постарается выбить для меня дополнительный рацион. Затем мы перешли к более насущным делам: лунатик пытался подняться на ноги. Оглушить мертвоголового гораздо сложнее, чем человека, полностью сохранившего умственные функции, и находиться в бессознательном состоянии он будет не так долго. Как метко выразился Логан, ему меньше подниматься вверх по

лестнице. Однако вдвоем мы без особых усилий скрутили лунатику руки, и, покончив с этим, Аврора привязала его к бамперу «Фольксвагена Жука», хотя он и пытался вырваться, словно собака, жаждущая спугнуть белку.

— Ты знаком с Эдди Танджирсом? — спросила Аврора таким тоном, каким представляют незнакомого человека на вечеринке.

— Вообще-то… нет, — смущенно пробормотал я, ибо Танджирс не просто обладал отменным телосложением и привлекательной внешностью, но и был еще совершенно голый — и демонстрировал свое хозяйство значительных размеров, твердое как камень.

— Танджирс был Самцом первого уровня, — продолжала Аврора, — он занимался своим ремеслом в Двенадцатом и застрял здесь. Когда Эдди был жив, мысли у него по большей части были заняты одним — теперь же он *вообще* ни о чем другом не думает. Если у тебя есть пробирки и жидкий азот, мы могли бы сделать заготовку — этот парень сидит на сокровищах.

Должно быть, у меня на лице отобразилось потрясение, ибо Аврора состроила гримасу.

— Это *шутка,* Уортинг. Зимой они нужны не меньше, чем еда и тепло. Теперь хозяйство Тан-

джирса можно использовать только как вешалку для шляп. Отступи влево.

Пока мы говорили, Блестящая Диадема поднялась с пола и, шатаясь, двинулась к нам. Ее вытянутое лицо было перепачкано грязью, плечо вывихнулось при падении. Шагнув вперед, Аврора вправила ей плечо, мастерски и в то же время небрежно, после чего привязала ее на безопасном удалении от Танджирса.

— Работа сделана, — ухмыльнулась Аврора. — «Сникерс»?

— Спасибо.

Достав из внутреннего кармана несколько шоколадных батончиков, она дала один мне, затем скормила по два лунатикам, прямо в обертке.

— Блестящая Диадема хочет поговорить, — сказал я, ибо женщина-лунатик, жуя батончик, шевелила губами, беззвучно произнося какие-то слова.

— Ты прав, — согласилась Аврора. — Выясним, что она хочет сказать?

Достав из рюкзака бутылочку с водой, она плеснула немного в горло женщине-лунатику. Блестящая Диадема закашлялась, проглотила воду, и когда горло у нее смочилось, я разобрал, что у нее дребезжащий акцент уроженки Кармартен-

шира. Судя по всему, она непрерывно говорила с тех самых пор, как испарились высшие функции ее головного мозга, ибо речевой аппарат у нее успел порядком износиться.

— Консервированный томатный соус «пастетта», потереть моцареллу на терке… добавить муки, — сказала она. — Сладкий перец всех видов, анчоусы.

— Похоже на рецепт пиццы, — заметила Аврора. — Хочешь еще «Сникерс»? Меня угостил спонсор. У меня в машине их несколько сотен.

— Ну тогда давайте.

Она протянула мне упаковку из пяти батончиков.

— Наверное, я снова должен вас поблагодарить, — сказал я.

— Нет, — ответила Аврора, — это я отчасти виновата в том, что ты застрял здесь. Мне нужно было бы проследить, как у тебя дела.

— Свежая цветная капуста, — продолжала бормотать Блестящая Диадема, — и немного чая улун.

— Не похоже, чтобы она направлялась в ближайший супермаркет, ты не согласен? — спросила Аврора. — А эта имеет к тебе какое-либо отношение?

Она указала на торчащие из-под «Бьюика» ноги Бригитты, беспомощно шевелящиеся.

— Да, — сказал я, — она попыталась меня укусить, когда я отвернулся.

— Она проделывает какие-нибудь фокусы?

— Она ест мертвецов.

— Едва ли это можно считать фокусом, ты не находишь? — заметила Аврора, опускаясь на корточки и заглядывая под машину.

— Да, — согласился я, — скорее это инстинкт самосохранения.

— Так, подожди-ка, — сказала Аврора, — кажется, это Бригитта.

— Мандерлей, — не задумываясь, подсказал я.

Я нигде не слышал и не читал эту фамилию; я просто ее знал. Также я не понимал, но почему-то не удивлялся, откуда мне известно, что Бригитта Мандерлей служила в Оттомане, что ее любимый цвет — желтая охра, она любит собак, Уильяма Теккерея, а также гулять в Скалистом крае [103], что день рождения у нее девятого числа после Весеннего пробуждения, как и у меня.

— Как это грустно, — сказала Аврора, глядя

---

[103] Примечания: 103

Скалистый край — живописный холмистый район в северо-западной части графства Дербишир и северной части графства Стаффордшир; известный национальный парк. *(Прим. переводчика.)*

на жалкие остатки того, что когда-то было Бригиттой.

На самом деле это было очень мягко сказано.

— Минуточку, — спохватилась Аврора, — кажется, Бригитта получает жалованье по тарифу «Бета». Значит, кто-то продал ей свой «морфенокс». Тот… кому препарат Зимой не понадобится.

При этом она выразительно посмотрела на меня. Мне хотелось надеяться, что приливший мне к щекам жар был не слишком заметен.

— Не переживай, — продолжала Аврора, — я не скажу ни единой живой душе, хотя если бы ты не продал ей «морфенокс», у нее не завяли бы мозги.

Честное слово, мне не нужно было напоминать об этом.

— Я не продавал ей свой «морфенокс», — возразил я, и мои слова были в каком-то смысле правдивыми.

— Вот как? Ну на самом деле это не имеет значения.

Достав из кобуры «Колотушку», она направила ее на Бригитту. Лунатиков, не являющихся Шутниками, обыкновенно отправляют на покой.

— Нет! — поспешно воскликнул я. — Я хочу ска-

зать, я обо всем позабочусь. Мне нужно к этому привыкать.

— Справедливо, — согласилась Аврора, убирая «Колотушку» в кобуру.

— Как вы оказались здесь, в подвале? — спросил я, желая переменить тему. — Если, конечно, вы не имеете ничего против того, чтобы мне ответить.

Аврора кивнула в сторону Отсутствующих.

— Собираю лунатиков для «Гибер-теха». Проекту «Лазарь» постоянно требуются новые Шутники, вот я и заглянула сюда. Производителя, скорее всего, отправят на ферму, а вот Блестящую Диадему, пожалуй, возьмут. Я постараюсь привести сюда наших людей до того, как вмешается Токката. У нее старомодные представления о том, чем мы занимаемся в нашем комплексе. Она просто отправляет всех без исключения лунатиков на покой, а затем требует обычную премию, показывая большой палец левой руки Управлению по контролю за грызунами.

Аврора собралась было уходить, но тут заметила большую синюю машину.

— Подожди-ка, это ведь синий «Бьюик», так?

Я кивнул.

— Тот самый, о котором болтали Уотсон и Моуди?

— И не только они.

Остановившись, Аврора посмотрела на машину, затем на останки лунатиков, затем на брелок в виде кроличьей лапы, который я все еще сжимал в руке.

— Уортинг, а каков твой интерес в этой машине?

Мне пришлось лихорадочно соображать. В Двенадцатом секторе я практически никого не знал. Бригитта видела во мне ходячий обед, Джонси и Фоддер были преданы Токкате, а первоочередной задачей привратника Ллойда было поддержание бесперебойной работы Дормиториума. У Лоры голова забита легендами и сказками, а Трикл — рецидивист, торгующий краденными детьми. Мне был остро нужен друг. Аврора спасла мне жизнь — уже дважды — и уже на основании одного этого являлась моим другом.

— Все это очень сложно, — вздохнул я, понимая, что мне придется рассказать Авроре то, что никому не рассказывал, — поскольку, хотя я впервые ступил ногой на эту стоянку, я уже видел синий «Бьюик» и брелок в виде кроличьей лапы.

Аврора изогнула бровь над невидящим глазом.

— Во… *сне.*

Я понурил плечи, захлестнутый волной воспо-

минаний, однако теперь это была лишь текстура — листья, подтеки лишайника на камнях, зернистая структура почвы, ржавчина на бамперах «Бьюика», облупившаяся краска корпуса. Чтобы прогнать все это, я представил себе Бригитту на пляже, и под звонкий смех девочки с большим мячом воспоминания испарились.

— Поэтому мне нужен Дормитолог, — подавленно добавил я.

Аврора рассказала мне, что до службы в «Гибер-техе» у нее были проблемы со сном и что в ближайший час у нее нет никаких дел.

— Можно выпить кофе в «Уинкарнисе», — предложила она.

Я взглянул на часы. Джонси будет ждать меня только в полдень.

— У нас есть время, чтобы я забрал Бригитту?

— У нас есть столько времени, сколько тебе понадобится.

Забравшись под машину, я заглянул в фиолетовые глаза Бригитты, надеясь увидеть там хоть искорку узнавания, но она лишь тупо уставилась на меня.

— Я тебя люблю, Чарли, — прошептала она.

— Я тоже тебя люблю, — с гулко колотящимся сердцем прошептал в ответ я.

Я понимал, что говорю это искренне — и я имел в виду не только тот момент, когда был в роли ее мужа, но и себя самого, сейчас. Да, это было странно, нелогично и, признаться, жутковато, но кто на моем месте поступил бы иначе? Бригитта умная, целеустремленная, талантливая и, в качестве дополнительного бонуса, необычайно привлекательная. По большому счету в ней есть всё — но только она неживая, и не любит меня и никогда не сможет полюбить.

— Кики нужен валик, — сказала Бригитта, в каком-то смысле отражая аналогичную просьбу миссис Несбит из моего сна.

Я скормил ей два «Сникерса», после чего помог выбраться из-под машины. Поднявшись на ноги, Бригитта выпрямилась, покачиваясь на ногах и бессмысленно озираясь вокруг. Наконец ее взгляд упал на меня, и она пристально всмотрелась мне в глаза. На какое-то мгновение мне показалось, что она в сознании, — но тут ее взгляд скользнул дальше, и ощущение исчезло.

— Итак, — сказал я, когда мы прикрепили к лунатикам поводки и направились к пандусу, — панга в ножнах у вас за спиной. Это действительно полезная штука?

— Не слишком, — сказала Аврора, демонстри-

руя, как одетому по-зимнему человеку практически невозможно быстро выхватить нож, — но в настоящий момент он то, что надо. Да, и послушайся моего совета: не пользуйся пангой, когда имеешь дело с лунатиками. Грязи будет *очень* много.

Блестящая Диадема бормотала что-то про упаковки туалетной бумаги и мудрость рекламных предложений «Купи один — получи второй бесплатно», а Эдди Танджирс по дороге пытался совокупиться со всеми машинами, мимо которых мы проходили, а один раз даже с железобетонной опорной колонной. Возможно, это было бы смешно, если бы не было так печально.

— У меня в машине есть лейкопластырь и йод, — сказала Аврора, ибо действия Танджирса сопровождались телесными повреждениями.

— Да, — согласился я, — будет больно.

Бар «Уинкарнис»

«…На главной площади каждого города стояла большая каменная глыба с вкрученным в нее бронзовым кольцом. Преступников, приговоренных к смертной казни, раздевали донага, приковывали к кольцу и оставляли. При температуре ниже минус десяти градусов, порога выживания, осужденные оставались в живых от двух до шести часов. Страх, сонливость, ступор, смерть…»

«Закон и порядок в Зимних странах», Идрис Робертс

Транспортное средство Авроры оказалось бывшей военной штабной машиной светло-песчаной камуфляжной раскраски, колеса высотой мне по грудь. Пока Аврора счищала с лобового стекла свежевыпавший снег, я привязал поводки лунатиков к задней части машины. Мы забрались внутрь, с громким шипением сжатого воздуха заработал двигатель, и мы поехали к центру города со скоростью пешехода. Я пытался разобраться в том, что сейчас произошло. Не существовало

никакого рационального объяснения того, каким образом Бригитта могла в жизни говорить то самое, что мне приснилось накануне ночью. В этом просто *не было* смысла. Логика требовала, чтобы человеку снилось то, чему он уже был свидетелем, — сны следуют за действительностью, а не наоборот.

— Как хорошо ты знаком с Чугунками? — спросила Аврора, когда мы у рекламного плаката свернули направо.

— Только в рамках Общих навыков.

— Неделю назад у Чугунка «Камбрии» случился необъяснимый перегрев, — объяснила Аврора, указывая на Дормиториум, мимо которого мы проезжали. — К счастью, регулирующие стержни тотчас же опустились в активную зону, и реактор заглушился. Токката распорядилась оставить «Камбрию». Одной из переселенных постояльцев была Кармен Миранда.

— Что — та, с фруктовой шляпой и прочим? — удивился я.

— Она самая.

— Но Кармен Миранда — она же… *древняя.*

— Она приписывает свое долгожительство занятиям латиноамериканскими танцами, — сказала Аврора, — но лично я считаю, что это

просто статистический выброс в процессе старения.

— Ого, — сказал я, удивленный тем, что Кармен Миранда до сих пор жива, и еще больше удивленный тем, что она живет где-то рядом. — Чем она сейчас занимается?

— Особо ничем, — сказала Аврора. — Когда вскрыли дверь ее комнаты, выяснилось, что она отправилась скитаться. Джонси пришлось удалить ее на покой.

Под покрышками хрустели комья растаявшего, а затем снова замерзшего снега. Проехав мимо железнодорожной станции, мы наконец добрались до главной площади. Аврора оставила там свою машину с тремя привязанными лунатиками.

При свете дня площадь показалась мне более просторной; за прошедшие четыре недели она нисколько не изменилась, если не считать того, что снега и льда стало больше. Мы остановились рядом с бронзовой статуей, и теперь я рассмотрел, что это проповедник, сидящий на постаменте из песчаника. В руках он держал раскрытый молитвенник; его контуры были скрыты коркой снега, который превратился в лед, растаял и снова замерз, отчего фигура казалась одновременно плавящейся и тающей. У постамента сидел че-

ловек, съежившийся в зародышевый клубок, обхватив посиневшими руками колени.

— Кто это? — спросил я.

— Хоуэлл Гаррис, — сказала Аврора, — проповедник, живший в этих краях. В честь него назван Дормиториум. Умер в прошлом столетии. Вообще-то здесь должен был бы стоять памятник Дону Гектору или Гвендолин — какая там у нас сейчас?

— Кажется, тридцать восьмая. Нет, не статуя — замерзший человек.

— А, он, — сказала Аврора. — Это Джеддая Блум, Лакей Сектора.

— В чем он провинился? — спросил я, присматриваясь внимательнее.

— Его поймали на краже медицинских препаратов из «Гибер-теха», а это наказывается Морозокуцией — даже если лекарства предназначались для зимсонников.

Глядя на Блума, я подумал, что это все равно чересчур сурово.

— У меня тогда был выходной, — продолжала Аврора, вероятно, подумав то же самое, что и я, — и Службу безопасности возглавлял Хук. У него множество замечательных качеств, однако чувство меры среди них отсутствует.

Опустившись на корточки, я уставился на труп, повинуясь какой-то странной зловещей любопытности. Блум промерз насквозь. Его мертвенно-бледную синюшную кожу припорошил снег, все до одного волоски зимнего пуха встали дыбом в отчаянной попытке оттянуть неизбежное. Он был прикрыт тонким слоем свежих снежных хлопьев, придававших ему пушистый вид, а его широко открытые молочно-белые глаза умиротворенно смотрели невидящим взором в пустоту. Ближе к концу человек чувствует тепло, у него начинаются галлюцинации и он теряет весь страх.

— Судя по виду, он умер только прошлой ночью, — заметил я.

— Совершенно верно, — подтвердила Аврора, — свежий, словно замороженный горошек.

Я поспешно выпрямился. Сознание того, что Блум умер совсем недавно, потрясло меня до глубины души. Я воочию увидел мрачную реальность Морозокуции.

— В этом вся Зима, — философски произнесла Аврора. — Она забирает тех, кто преступил закон, так же, как больных, недостаточно откормленных и старых. Общество очищается к Весне, избавляясь от тех, кто недотягивает до стандарта,

прежде чем они становятся обузой.

Аврора направилась к «Уинкарнису», и я последовал за ней. На вывеске с Восстанавливающим силы напитком над дверью дама эдвардианской эпохи все так же улыбалась Зиме, непогода и холод никак не отразились на ее лучезарной улыбке и ярких красках.

Дремавший за стойкой Шаман Боб встрепенулся.

— Вернулся, чтобы отправиться на ночном поезде в Город сна? — спросил он.

— Нет, — сказал я.

— Как поживает ваша гнусная компания неспящих? — спросила Аврора. — Здорово поредела?

— Я передам им ваши теплые пожелания, — язвительно произнес Шаман Боб.

Мы прошли в бар. За одним столиком сидели четверо, играющие в «скраббл»; они не заметили нашего появления. Я узнал администратора по имени Джош из «Гибер-теха», но остальные были мне незнакомы. Кроме них, в зале были сонная по имени Заза, заинтриговавшая меня теперь, после того как ее молодая копия сыграла главную роль в моем сне, и с дюжину дремлющих мечтателей, не обративших на нас никакого внимания.

— В настоящее время в Секторе пятьдесят четы-

ре зимсонника, — сказала Аврора, усаживаясь за столик и стягивая перчатки, — и вот уже почти пять дней не было никакой убыли. Я оставила Токкате записку с предложением сказать им, что в «Капитане Мейберри» хорошая подборка видеофильмов. Потери от истощения во время перехода составят не меньше тридцати процентов, быть может, все сорок, если подгадать к бурану.

— Разве это законно? — спросил я.

— Главная задача заключается в том, чтобы подтолкнуть зимсонников добровольно заняться чем-то потенциально смертельно опасным, с полным пониманием рисков. Мы называем это этическим сокращением [104].

— Если только в «Мейберри» *есть* хороший выбор видео, — уточнил я.

— И тут проблема, — ответила Аврора. — Конечно, ужасным выбор назвать нельзя. В основном комедии из серии «Полицейская академия», бесконечные продолжения «Крепкого орешка» и полные собрания «Эммердейла» и «Дина-

[104] Примечания: 104

Другими эвфемизмами являются «проактивное прореживание» и «субсидированный отсев».

стии» [105]. Эй, Шаман Боб, принеси два кофе.

Промычав что-то нечленораздельное, Шаман Боб двинулся со скоростью улитки к кофеваркам.

Аврора достала свое вязание. Теперь это была не шапка с помпоном, а носок с рисунком из разноцветных ромбов. Мы сели у окна, чтобы было видно лунатиков. Поскольку формально нельзя владеть другим человеческим существом, обладание — и вытекающая из него премия — оценивается по тому, насколько близко к Отсутствующему находится опекун. Но, хорошенько подумав, я усомнился в том, что кто-либо попытается похитить нашу добычу, учитывая положение Авроры.

— Итак, — сказала она, — позволь мне стать твоим Дормитологом. Расскажи мне всё или не рассказывай ничего, как тебе будет лучше.

Я помолчал, собираясь с мыслями, после чего рассказал о сне про синий «Бьюик», гуляющем по «Саре Сиддонс». Про то, что я сначала не придал этому значения, решив, что эти страхи

---

[105] Примечания: 105

«Эммердейл» — популярный английский многосерийный телевизионный фильм о повседневной жизни жителей одноименной фермы на севере Англии. «Династия» — телесериал американской компании Эй-би-си, одна из самых популярных «мыльных опер». Герои сериала — нефтяные магнаты Кэррингтоны и Колби, действие происходит в г. Денвере, штат Колорадо. *(Прим. переводчика.)*

порождены «Бета»-уровнем, не позволяющим рассчитывать на «морфенокс».

— Такого же мнения придерживаемся мы и Консульство, — сказала Аврора, — хотя мы не знали о том, что в гараже *действительно* стоит синий «Бьюик». Какие именно сны тебе приснились?

— Я представлял себе сны совершенно другими, — начал я. — А это были какие-то полузабытые образы, разрозненные и бессвязные — но сильные, живые, изобилующие подробностями. Понимаю, это звучит глупо, но мне приснилось, что я Дон Гектор, со всеми его чувствами и воспоминаниями.

— Продолжай.

Я как можно подробнее рассказал всё, сознательно умолчав только о Бригитте, поскольку эта часть показалась мне сугубо личной, и о странной амальгаме своих детских воспоминаний о каникулах на берегу и картин Бригитты. Я рассказал Авроре только о синем «Бьюике», рассчитывая распространить любые ее советы и на другой сон.

— Почему мне снились камни, машины и отрубленные руки? — спросил я.

— Спроси что-нибудь полегче, — сказала Ав-

рора. — На первый взгляд это все просто чушь собачья, но я вот что думаю: те части сна, о которых тебе говорили другие, объяснить легко, это простое самовнушение. Ты об этом услышал, тебе это приснилось. Ты что-то видел, знал про Зазу, это тоже включено. А остальной сон — ты просто заполнял пробелы.

— Согласен, — сказал я, — но что насчет брелока в виде кроличьей лапы и машины, которая в действительности оказалась абсолютно такой же, какой была во сне? *Сначала* мне это приснилось, а *затем* я обнаружил, что сон основан на реальности.

— Тут я в затруднении, но я могу только предположить, что воспоминание о сне по-прежнему находится для тебя на стадии отложенного внушения. После пробуждения память какое-то время остается пластичной; вполне возможно, что все то, что, как тебе *кажется,* было во сне, на самом деле вовсе не было сном.

— Вы хотите сказать, — медленно произнес я, — что детали моего сна были перетасованы во времени? Что мне *не снились* кроличья лапа и наклейка на бампере «Бьюика»?

— После пробуждения памяти требуется перестроиться, — сказала она, — и заново задейство-

вать миллионы нервных окончаний. С точки зрения физиологии процесс сна абсолютно понятен: именно таким образом человек как личность и его память восстанавливаются после депрессии работы синапсов на холостом ходу, что является величайшей загадкой гибернации. И я думаю вот что: возможно, более свежие воспоминания заполняют место старых, стершихся. Самый подходящий термин для этого — острый случай «уже виденного». Не просто ощущение того, что нечто уже происходило в прошлом, а *твердая* уверенность — и в этой уверенности сомнение, смятение, страх, мания преследования.

— То есть на самом деле мне не снилось, что я Дон Гектор? Я только сотворил все это в мыслях, когда узнал, что это его машина?

— Я об этом не думала, но ты прав, это действительно разумное объяснение.

— А, — пробормотал я, переваривая все это.

Вошедший в зимнюю гостиную Шаман Боб поставил перед Зазой большую тарелку картофельных чипсов, затем принес нам два кофе.

Это был настоящий кофе, и я с наслаждением втянул его мягкий аромат.

— Это не было «уже виденное», — сказал я, по-прежнему терзаясь вопросами. — Взять, к при-

меру, синий «Бьюик». Что он делает в гараже?

Аврора была вынуждена хорошенько задуматься.

— Возможно, машина стоит там уже много лет. Сюзи Уотсон случайно натыкается на нее, а затем в Состоянии сна строит на этом целый кошмарный сон. Она рассказывает об этом всем, в том числе Моуди, тот пересказывает сон тебе — вот и все.

— Но конкретная модель?

— От Сюзи ты узнал только то, что машина была синяя и это был «Бьюик», — сказала Аврора. — А действительность…

— …добавилась тогда, когда я сам ее увидел. Хорошо, теперь я понял.

Я подумал о Бригитте. Если все действительно обстоит так, пластичность сна создала и весь сценарий, связанный с ней. Ее фамилия была написана мелом на двери в подвал, образ сочно-зеленого купальника возник у меня в сознании, когда я мысленно представлял, как она смотрит на меня, рисуя мой портрет. Даже ее слова о том, что она любит Чарли, возможно, впервые прозвучали под машиной и были обращены к ее мужу, а не ко мне.

Я умолк.

— Понимаю, принять это нелегко, — сказала Аврора, — но таков наркоз. Все это крайне интересно, так что если тебе приснятся новые сны, непременно расскажи мне. Но вот совет: если ты ценишь свою карьеру, *больше никому не рассказывай про свой сон.*

— Я никому не рассказывал и не собираюсь рассказывать.

Улыбнувшись, Аврора разжала кулаки и протянула ко мне руки. Я вложил свои руки в ее ладони, она их крепко сжала — урезанная форма Зимних объятий. Эти объятия оказались крепкими, доверительными, в отличие от полных, по-настоящему теплыми. Только тут я заметил, что потери Авроры не ограничивались одним только глазом. У нее отсутствовали безымянные пальцы — на обеих руках.

Жалобно зажужжал будильник на ее часах.

— Мне пора уходить отсюда, — сказала она, борясь с зевотой и часто мигая невидящим глазом. — И еще одно: скоро ты встретишься с Токкатой, а у нас с ней… довольно натянутые отношения. Для нас обоих будет лучше, если эта встреча останется между нами. Ты можешь сказать, что я спасла тебя от лунатиков на подземной стоянке и мы расстались на улице перед

«Сиддонс» — так?

Мне это не очень понравилось, и моя сдержанность не укрылась от Авроры.

— Чарли, мне нужна твоя клятва. Не забывай, я дважды спасла твою задницу.

— Хорошо, — согласился я, — клянусь.

— Отлично. А теперь, хоть я и не хочу никого оскорбить и действовать исподтишка, но Токката — ядовитая, коварная рептилия, думающая только о себе, с серьезным психическим расстройством и пугающей склонностью к каннибализму.

— Ваши слова оскорбительны и сказаны исподтишка — и это чистой воды клевета.

— Справедливое замечание. Предоставляю тебе самому разобраться с Бригиттой. Неподалеку от «Сиддонс» есть мусорная яма, можешь оглушить Бригитту и сбросить ее туда. Когда начнется оттепель, неплохо будет пересыпать ее известью. И еще один совет: пусть она сама туда дойдет. Это избавит тебя от перетаскивания тяжестей. Да, и не забудь отрезать ей большой палец, чтобы претендовать на премию.

Я попытался сглотнуть подступивший к горлу комок, но не смог.

— Точно, — выдавил я, — совет дельный, спа-

сибо.

— Всегда пожалуйста. Кстати, ты больше не видел Хьюго Фулнэпа?

— Нет, но я ведь проспал все это время.

— Ну конечно. Ладно, держи ухо востро, и если увидишь его, сначала переговори со мной. Да, и передай от меня Токкате следующее: «Ферзевой конь берет слона, надеюсь, тебя во сне сожрет слизь». Запомнил?

— Ферзевой конь берет слона… и все остальное. Да, запомнил.

Аврора улыбнулась и без какого-либо предупреждения подалась вперед, обняла меня теплой мягкой рукой за шею и поцеловала в губы. Я опешил, но прежде чем успел что-либо сказать, Аврора встала и вышла из зала. Я обвел взглядом зимнюю гостиную, пытаясь понять, заметил ли кто-либо что-нибудь, и увидел, что Шаман Боб, ухмыляясь, моет чашки.

Я прикоснулся к губам там, где меня поцеловала Аврора. Она не просто мимолетом чмокнула меня, случайно попав в губы; при прикосновении ее губы чуть приоткрылись, и я ощутил вкус ее теплого рта. От нее пахло чистым бельем, отдушкой и туалетной водой «Лудлов», и рубашка была застегнута только на нижние пуговицы.

Когда она подалась вперед, я успел увидеть левую грудь, и под мягким зимним подшерстком отчетливо было видно родимое пятно в форме острова Гернси.

Подойдя ко мне, Шаман Боб сел напротив.

— С какой стати ты так быстро вернулся?

— Я никуда не уезжал.

— Работаешь под прикрытием? — заговорщическим тоном спросил он.

— Под *одеялом*, — грустно поправил я. — Я был в «Саре Сиддонс». Проспал.

— Я бы не стал об этом распространяться, — усмехнулся Шаман Боб, — но первая Зима может быть настоящей стервой. Ты лучше расскажи мне про Аврору: ты давно с ней знаком?

После Засыпания тем для сплетен остается совсем мало. Для тех, кому до смерти надоела однообразная скука Зимы, сплетни становятся жизненно необходимой потребностью, стоящей на четвертом месте и уступающей только белка́м, теплу и преданности. Но до меня вдруг дошло, что контакт с Авророй может обернуться мне на пользу, поскольку большинство людей, похоже, до смерти ее боятся.

— Четыре недели, — не покривив душой, сказал я.

— Ладно-о, — медленно протянул Шаман Боб, — и что — прости мне эту дерзость — говорит по этому поводу Старший консул Токката?

— Это так важно? — спросил я.

У Шамана Боба отвалилась нижняя челюсть. Не могу сказать точно, чем именно это было вызвано, но или он был шокирован, или это произвело на него впечатление, или он был взбешен, — или все это вместе.

Я собрался уходить, но тут вспомнил нашу последнюю встречу. Он тогда сказал что-то про то, что «морфенокс» якобы был открыт совершенно случайно, и сейчас я спросил у него, что он имел в виду.

Шаман Боб усмехнулся. Зимсонники любят теории заговора почти так же, как и пожрать за чужие деньги.

— Первоначально «морфенокс» представлял собой не что иное, как добрый старый Ф-652, — начал он, — разработанный в качестве мощной Блокады сна, созданный для того, чтобы в свернутом проекте под названием «Пространство сна», в рамках которого Дон Гектор стремился заставить людей видеть сны не реже, а лучшего качества, была контрольная группа тех, кому ничего не снится. Но затем кто-то обратил внимание на

то, что те, кто не видел сны, за зимнюю спячку теряли значительно меньше веса, и это явилось поворотной точкой: до этого момента никто не представлял себе, сколько энергии сжигают сны. Если их блокировать, можно впадать в спячку с меньшим весом. Все так просто.

Мне потребовалось какое-то время, чтобы впитать смысл его слов.

— Ты шутишь?

— И не думаю.

— Революция в Гибернетике, — медленно произнес я, — богатство, власть, влияние и нынешнее геополитическое устройство, и в корне всего этого неожиданные результаты тестов у контрольной группы?

Шаман Боб ухмыльнулся.

— Все так просто, да? Вся беда в том, что никак не получается производить «морфенокс» в достаточном количестве. Если бы я был циником, я бы предположил, что существует определенный социальный контроль в отношении его ограниченного распределения.

То же самое говорила Мейзи Роджерс. Критерии были достаточно очевидные — финансовое благосостояние и общественное положение. Общая гибернационная деревня, где все равны во

сне и все равны в общественном положении, не более чем миф.

— И, — продолжал Шаман Боб, — к любым сообщениям об улучшенном «морфеноксе», которым можно будет обеспечить всех нуждающихся, нужно относиться крайне осторожно. «Гибертех» интересуют деньги, а не сон.

— Этого разговора не было, — сказал я. — Расскажи мне про проект «Пространство сна». Что ты имел в виду, сказав: «заставить людей видеть сны не реже, а лучшего качества»?

Но с таким же успехом я мог бы разговаривать сам с собой. Шаман Боб, истощенный усилиями, которые требовались ему для поддержания разговора, заснул прямо на столе и громко храпел.

Консульство

«…Нед Фарнесуорт по прозвищу «Счастливчик» и его шайка повсюду считались олицетворением Злодеев. Их ненавидели так сильно, что мишени в Академии были выполнены в виде Неда. Фарнесуорт побывал биржевым брокером, фермером, выращивающим мамонтов, торговцем гербовыми марками и профессиональным шулером. Высокоинтеллигентный, но совершенно безжалостный, он пользовался безграничной преданностью своих последователей – и внушал страх Консульской службе…»

«Зимние Злодеи», Самый веский довод, приблизительно 1994 год

Трое лунатиков, привязанных сзади к штабной машине, медленно покачивались из стороны в сторону в преддверии Ступора, но самой Авроры нигде не было видно. Отвязав Бригитту, я скормил ей две оладьи.

— Я тебя люблю, Чарли, — сказала она.

— Не надо, — тихо произнес я, — так только

хуже.

— Кики нужен валик, — добавила Бригитта.

— И этого тоже не надо. Какая Кики? Из «Истинного сна» или другая?

Бригитта не ответила, и мы молча направились пешком обратно в «Сиддонс». Я старался свыкнуться с мыслью о том, что мои сны были подправлены задним числом. Я попытался понять, присутствовали ли в сновидении с Бригиттой подробности, опровергающие эту гипотезу, но ничего не нашел. Все произошедшее во сне было лишь следствием того, что мое одурманенное наркозом сознание заполняло трещины в воспоминаниях чем-то вроде штукатурки. Я молча шел по заснеженным улицам, держа Бригитту за руку, что, пусть и в одностороннем порядке, доставляло необъяснимое удовлетворение.

Джонси уже ждала меня у входа в Дормиториум, перед красно-белым Консульским Снегоходом. Двигатель работал практически совершенно бесшумно, единственным звуком было мерное постукивание крышки наверху выхлопной трубы. Снегоход стоял рядом с телефонной будкой, наполовину занесенной снегом, а Джонси читала затрепанный экземпляр «Чудо-женщины и малыша из Зимнего люда», фыркая от смеха.

У ее ног стояла корзина для пикника, накрытая аккуратно сложенным тартановым походным ковриком. К игре в «давнее знакомство» она отнеслась серьезно.

— Уже поймал одну? — спросила Джонси, увидев нас. — Быстро сработано. Господи, это же Бригитта!

— С точки зрения закона это лишь та оболочка, которую она прежде занимала.

— Мы вместе пели в хоре, — продолжала Джонси. — Бригитта очень прилично исполняла партию царицы пиратов в прошлогодней постановке «Пиратов Пензанса» [106]. Хорошая девчонка, хоть и немного обидчивая. Она отказалась от контракта на двух детей на пятизначную сумму, предложенного агентами компании «Уэкфорд».

— У нее были бы очень красивые дети.

— Отсюда пятизначная сумма. На деньги «Уэкфорда» Бригитта смогла бы выбраться из Трясины и перебраться куда-нибудь не в такое мрачное место — никто не мог взять в толк, почему она отказалась.

Мне показалось, я знаю ответ. Бригитта говори-

---

[106] Примечания: 106

«Пираты Пензанса» — комическая опера английских композитора Артура Салливана и либреттиста Уильяма Гилберта, впервые поставлена в 1879 году. *(Прим. переводчика.)*

ла мне, что была замужем, но почему-то все это нужно было хранить в тайне. Возможно, l'union d'amour [107] — связь, не признанная законом.

— Ну что, наша Бригги умеет делать какие-либо штучки? — спросила Джонси.

— Она активно занималась людоедством, но теперь перешла на «Сникерсы», песочное печенье и бессвязное бормотанье.

— Тем больше оснований для немедленной отправки ее на покой, ты не согласен?

— Да, пожалуй.

Джонси взглянула на часы.

— Токката еще не вернулась, но нам нужно быть готовыми двинуться в путь. Хочешь, я сделаю тебе одолжение и сама отправлю Бригги на покой?

Я посмотрел на Бригитту, полностью безучастную к окружающему, и тщательно все взвесил. Почему-то мне не хотелось избавляться от Бригитты — даже несмотря на то, что ее самой уже давно не было. И не только потому, что она мне нравилась, а по той простой причине, что я сам, пусть и отчасти, был в ответе за ее нынешнее состояние. В конце концов, это ведь я снабдил ее

---

[107] Примечания: 107
Союз по любви *(фр.)*.

«морфеноксом».

– *Возможно,* она будет делать какие-нибудь штучки, — неуверенно начал я. — Наверное, нам следует…

— Ты не задумывался над тем, как я получила вот это? — спросила Джонси, демонстрируя свою изувеченную культю. На правой руке у нее остались лишь указательный и большой пальцы.

Если честно, я не придал этому особого значения. Консулы нередко оставляют части своего тела разбросанными по всей Зиме, и того, кто к пятому сезону не потерял ни одного кусочка себя, можно считать чрезмерно осторожным. Но раз Джонси упомянула об этом, у нее были на то причины.

— Вообще-то, у меня были такие мысли, — послушно сказал я.

— На меня набросились лунатики, — небрежным тоном произнесла она, — сбившиеся в стадо в окрестностях Билт-Уэлса. Такое редко, но случается. Вцепились во все неприкрытые участки тела. Я сейчас была бы дерьмом, исторгнутым из кишечников лунатиков, если бы не вмешалась Токката. Так что я с ними теперь не церемонюсь. Я даже, — с восторженным блеском в глазах добавила Джонси, — замочила одну знаменитую

женщину-лунатика. Догадайся, кого именно.

— Это была Кармен Миранда?

— О, — разочарованно пробормотала она, расстроенная тем, что мне уже известно о ее сомнительном предмете гордости, — ты уже об этом слышал. — Джонси кивнула на Бригитту. — Но так или иначе: я ничего не имею против, чтобы отправлять их на покой. Больше того, я стремлюсь установить новый региональный рекорд по отправке на покой. Пока что у меня на счету шестьдесят один Отсутствующий. Так что отдай мне ее, пожалуйста!

Поблагодарив ее, я сказал, что займусь всем сам.

Я вернулся через полчаса. Джонси уже сидела в Снегоходе, слушая прогноз погоды по коротковолновому радио. Открыв заднюю дверь, я забрался в кабину. Обычно Снегоход рассчитан на перевозку восьми человек, не считая водителя, однако этот был предназначен для транспортировки груза. Не очень быстроходный, но надежный и, что самое главное, оснащенный современной радиолокационной станцией Х-4С.

Однако в настоящий момент меня интересовали не технические характеристики Снегохода.

Я положил на комингс завернутый в носовой

платок большой палец с левой руки Бригитты. Наверное, мне за всю жизнь не было так плохо, и меня до сих пор трясло. Но я сделал то, что нужно было сделать.

— Кривой, с тобой все в порядке? — спросила Джонси, почувствовав мое возбуждение.

— Да, все в порядке — но я был бы рад, если бы ты не называла меня Кривым.

— По-моему, мы уже выяснили этот вопрос. — Она указала на сверток. — Первый?

Я молча кивнул.

— Первый всегда дается очень тяжело, но, поверь мне, тошнота скоро пройдет. Токката вернулась, ты садишься за руль.

Дорога до Зимнего консульства была бы простой, но Джонси настояла на том, чтобы ехать кружным путем с односторонним движением, что обернулось лишними пятнадцатью минутами на мучительно маленькой скорости, обусловленной пределом уровня шума в пятьдесят пять децибел. Джонси показала на театр, мимо которого мы проезжали.

— Через две недели сюда заглянет Андрэ Превью [108], а еще через неделю тут будет выступать

---

[108] Примечания: 108
Говорящая фамилия: preview — анонс. *(Прим. переводчика.)*

«Волчья стая». В прошлом году Неполная Шекспировская труппа ставила «Основные вехи самой полной истории сжатых драматургических произведений (в сокращении)».

— Ну и как?

— Все было слишком уж кратко — даже для сокращенного варианта. Слушай, ты больше не придумал никаких приятных воспоминаний, которые мы могли бы обсудить?

— Я… если честно, не думал об этом.

— А я сейчас как раз сочиняю отличный сюжет про спуск в Чугунок в Суиндоне *много-много* лет назад и последнее выступление Холройда Уилсона [109]. После концерта мы в первый раз поцеловались, но я была жутко пьяная, и меня вырвало прямо тебе под ноги.

— Я до сих пор храню эти ботинки, — сказал я.

— Ты их *сохранил?* — воскликнула Джонси. — Да ты просто сентиментальный щенок, Кривой!

— Сентиментальность тут ни при чем, — поправил я, — все дело в экономии. О чем Токката хочет со мной поговорить?

— Полагаю, она хочет узнать про Логана, и дальше ей нужно решить, как с тобой быть.

---

[109] Примечания: 109

Холройд Уилсон — персонаж нескольких произведений Дж. Фордде, пианист. *(Прим. переводчика.)*

Возможно, ты присоединишься к нам. У нас не хватает народа, поскольку мы недавно потеряли двух Консулов: один замерз в буран, второй погиб по собственной глупости — это был Коттон, мой бывший напарник. Его обнаружили Умершим во сне.

— Прискорбно это слышать.

— Вздумал устроить Дормиториум в шалаше, накрытом шкурами и лапником. Очень романтично, но не слишком умно. Мы спарились раза два, но только для развлечения, конечно.

— Конечно, — согласился я, уже открытый для разговоров на эту тему. — Итак, двух вы потеряли; сколько же Консулов у вас осталось?

Джонси стала считать, загибая пальцы:

— Начальник, я, Фоддер — мы служили вместе в Оттомане. Несмотря на грубую внешность, он просто милашка. Мы с ним никогда не спаривались, но теперь, после гибели Коттона, такое возможно. Я всегда считала, что одновременно можно спариваться только с одним собратом-Зимовщиком, ты не согласен?

— Да, пожалуй, это здравый подход.

— Также в списке Дэнни Покетс, вольнонаемный из Суонси, которого пригласили помочь в деле Охраны кладовых. Он получает Днев-

ной тариф, что несправедливо по отношению к остальным. Лора Строугер работает с бумагами, но она гражданская, так что ее можно не брать в расчет, и последний — поручитель Джим Трикл, безнадежный болван, лишенный даже крупицы обаяния, зимних навыков и порядочности. Он думает, что я выйду за него замуж.

— А ты?

— Да я скорее выйду замуж за агента Хука, но дело тут непростое: моя мамаша щедро одалживала у Трикла, чтобы подцепить одного вдовца из Пятнадцатого сектора. У них не срослось, и тогда Трикл перевел долг в женитьбу на мне. Точно не могу сказать, *как* такое произошло. В общем, мы пытаемся как можно дольше тянуть с Категорическим отказом, иначе мамашу объявят банкротом и отнимут у нее дом. Если сможешь заставить Трикла списать Долг и обратить свой взор куда-нибудь в другую сторону, тебе будет причитаться пятьсот евро. Ставь Снегоход где хочешь.

Я остановился и перед тем, как заглушить двигатель, проверил, что баллон со сжатым воздухом полон.

— Один совет насчет Старшего консула Токкаты, — предостерегла Джонси. — *Единственная*

тактика общения с ней — это искренность, и говори только тогда, когда тебе зададут вопрос. Токката, вообще-то, неплохая, просто ее бросает из стороны в сторону. Но не суетись. Если она будет уважать тебя как человека, все остальное будет в порядке.

— Можно один вопрос?

— Валяй.

— Правда Токката ест лунатиков, приправленных мятным соусом?

— Абсолютная ложь.

— Отрадно это слышать.

— Да, насколько я знаю, она заранее в течение нескольких недель *откармливает* их мятными конфетами — чтобы улучшить вкусовые качества.

— Она держит их живыми до тех пор, пока они ей не понадобятся?

— Зимой с нуждой не поспоришь, Кривой. Поверь, с голодухи ты съешь полуразложившуюся ногу своей мертвой матери. Чем, по-твоему, питался личный состав Консульства Северного восьмого сектора зимой семьдесят шестого года? Снегом?

Я промолчал.

— Ну же, — с улыбкой добавила Джонси, стара-

ясь хоть как-то разбавить самые неприглядные истины о Зиме, — на твоем месте я бы не говорила о поедании лунатиков с Токкатой. Это очень деликатная тема.

Полноприводная машина Авроры по-прежнему стояла перед Консульством, там же, где я видел ее в последний раз. Эдди Танджирс и Блестящая Диадема, привязанные сзади, скатились в неподвижный Rigor torpis, защищаясь от холода.

— Так-так, — сказала Джонси, — еще двое для пенсионной программы Двенадцатого сектора.

— Это добыча Авроры, — возразил я, возможно, излишне поспешно. — Она собирается забрать их в «Гибер-тех».

— Ей следовало бы поторопиться. Трикл дежурит на входе. Я тебя найду.

Потрепав меня по плечу, Джонси забралась в машину Авроры.

Меня впустили в ударопрочные ворота. Внутри мало что изменилось. Отрывной календарь на столе показал мне, что до Весеннего пробуждения остается девяносто один день. В дальнем конце я заметил Лору, перебиравшую бумаги. Вопросительно посмотрев на меня, она приветливо помахала рукой, и я ей ответил. За столами стояла перегородка из матового стекла, за которой

находился кабинет. На застекленной двери было выведено краской:

Мисс А. Токката
Глава Консульской службы 12 сектора

Сквозь матовое стекло Токката была видна как смутный силуэт, судя по всему, ведущий оживленный разговор по телефону. Я употребил слово «разговор», но на самом деле это скорее был гневный монолог. Стекло было звуконепроницаемое, поэтому голос звучал приглушенно и неразборчиво, и все же чувствовалось, что Токката кричит на своего собеседника, обвиняя его в некомпетентности, время от времени приправляя свою речь цветистыми ругательствами. Я внутренне напрягся. Предстоящая встреча вряд ли доставит мне удовольствие.

За столом стоял Джим Трикл, говорящий по телефону более сдержанным тоном. Он показался мне более жирным, чем при предыдущей встрече; только поручители могут позволить себе набирать вес Зимой. Подняв взгляд, Трикл улыбнулся и показал жестом, что скоро закончит.

— В настоящий момент у нас сорок четыре лишних зимсонника, что значительно превышает наши возможности размещения, — сказал он

в трубку, — поэтому, если мы к концу недели не получим по крайней мере двести человеко-дней продовольствия, Старший консул придет к вам и стальной пикой лично выразит свое недовольство. — Последовала пауза. — Да, это ее *точные* слова, и я полагаю, что она, вне всякого сомнения, выполнит свою угрозу. Всего хорошего, сэр.

Положив трубку, Трикл хрипло откашлялся и повернулся ко мне.

— Итак, Уортинг, — усмехнулся он, — по словам Джонси, ты проспал по-крупному.

— У меня были проблемы с будильником.

— А то как же. — Он подался вперед. — Джонси что-нибудь говорила про меня?

— Нет, — солгал я, — ничего.

— Я собираюсь жениться на ней и пригласить производителя, но, похоже, в последнее время она передумала. Что скажешь?

Джонси не сказала, что Трикл заложил в брак контракт на генетические права. Это было очень спорное требование. Женщины нуждаются в широком генетическом разнообразии, и один только выбор партнеров не может это обеспечить. Ходили разговоры о том, чтобы закрепить это право на законодательном уровне. Я тоже понизил голос.

— Это очень серьезное решение.

— Знаю; был тут Консул, с которым она спала, но теперь, когда Коттона больше нет в живых, я надеюсь на то, что Джонси забудет про беспорядочные развлечения и прочно свяжет свои чувства со мной.

— Это… только один из многих вероятных сценариев, — осторожно заметил я.

— Согласен, — сказал Трикл, — но ты здесь, ты молод, и хоть видок у тебя не ахти, только без обиды…

— Я не обижаюсь.

— …вот я и опасаюсь, что твое самое привлекательное качество поднимет тебя в рейтинге Джонси.

— А *какое* мое самое привлекательное качество? — спросил я, охваченный любопытством.

— Ты — это не я. Обещай, что откажешь Джонси, если она станет с тобой заигрывать? И определимся сразу, под «заигрывать» понимается все, что выходит за рамки обычных отношений между коллегами: ужин вдвоем, гуляние под ручку по снегу, игра в «Клуэдо» и сочинение прошлых приключений. *Особенно* сочинение прошлых приключений. Ты согласен?

— Хо… хорошо.

— Отлично. Токката освободится, как только закончит разнос. Кофе вон там. Если у тебя есть какие-либо вопросы, выкладывай.

Трикл занялся бумагами, а я налил себе то, что он великодушно назвал словом «кофе». Я осторожно понюхал напиток. От него пахло сгнившими грибами, смешанными с керосином, и на вкус он был примерно таким же.

— Я еще не пью кофе, — раздался голос у меня за спиной, — и, если судить по внешнему виду и запаху, вряд ли когда-нибудь начну.

Это была Лора Строугер, заглянувшая, чтобы поздороваться со мной. Она уже слышала о том, что я проспал и про меня забыли, однако, в отличие от всех остальных, отнеслась она к этому с сочувствием, без издевки, что было приятно. Хотелось надеяться, что реакция Токкаты будет такой же.

— Грымза не появлялась? — спросил я.

— Пока что нет, — сказала Лора, — но у нас еще остается девяносто один день. Я собираюсь разложить по всем стратегическим местам в окрестности скомканное белье и внимательно присматривать за ним. Что скажешь об этом?

Достав из сумки моментальный снимок, она показала его мне. Я разглядел лишь занесенный

снегом бугор рядом с газовым светильником. Я долго рассматривал фотографию.

— Она много двигалась?

— Почти совсем не двигалась, — ответила Лора, радуясь тому, что я проявил хоть какой-то интерес. — Морозогоблины славятся своим умением часами выжидать неподвижно, прежде чем наброситься.

— Наброситься на *кого?*

— Никто не знает, — широко раскрыв глаза, призналась Лора. — Именно этому и посвящены мои исследования.

Я вернул ей снимок.

— Это ведь пожарный гидрант, разве не так?

— Да, — убитым голосом подтвердила Лора, печально разглядывая фотографию, — практически наверняка. Трикл согласился принять в качестве доказательства фотографию, — добавила она. — У тебя есть фотокамера?

Я сказал, что фотоаппарата у меня нет, и тогда Лора вручила мне «Кодак», какой выдают Консулам, со свежим комплектом из четырех фотовспышек плюс еще два комплекта в коробке. Устройство грубое, но без батареек и аккумуляторов, что повышает надежность при отрицательных температурах.

— Снимай сколько хочешь, но только потом вернешь камеру мне. И еще: перематывай пленку осторожно, на холоде она становится ломкой.

— Разве Грымзу *можно* сфотографировать? — спросил я, запихивая фотоаппарат в рюкзак.

— Понятия не имею, — призналась Лора. — Я прихожу к выводу, что Зимний люд чем-то сродни нарастающим ночным страхам, которые придают физическое воплощение кошмарным образам, существующим в сознании. Поэтому мне будет гораздо сложнее представить Триклу доказательства. Первым делом нужно понять, эквивалентен ли экзистенциальный страх страху осязаемому, и если это так и он способен убить человека, будет ли это считаться доказательством?

— Тебе *точно* только шестнадцать? — спросил я. — Ты такая… *смышленая.*

– *Очень* снисходительное замечание, — обиженно надулась Лора, — но я тебя прощаю. У меня генетическое расстройство гипоталамуса, не позволяющее мне погрузиться в зимнюю спячку. На протяжении всего года я сплю по восемь часов в сутки. В то время как все мои знакомые совершенно бесполезно давили подушку, я расширяла свои знания и набиралась опыта. Мой интеллектуальный возраст ближе к двадцати

двум годам. Это еще не делает меня мудрецом, но я уже определенно не подросток.

— Такое часто случается? Я никогда не слышал ни о чем подобном.

— Редко, — вздохнула Лора, — отсюда спор.

— Понимаю, это не мое дело, — сказал я, — но зачем соглашаться ставить на кон своего первого ребенка ради чего-то такого туманного, как Грымза? По-моему, это просто безрассудная глупость, прости за резкость.

Лора молча смерила меня взглядом.

— Не первого ребенка, — наконец медленно произнесла она. — *Второго.*

— И чем это лучше?

— А вот чем: когда мне было два года, родители продали опцион на моего первого ребенка ассоциации «Партвуд», чтобы расплатиться со своими игорными долгами. Опцион перепродавался несколько раз, пока в конце концов вместе с другими субстандартными условиями не попал к Джиму Триклу как часть облигации, обеспеченной обязательством деторождения. Мое генетическое расстройство сна означает, что я обладаю геномом, к которому проявляет большой интерес «Гибер-тех». Я предпочла не лицензировать свои генетические права, и мой

неродившийся ребенок также будет обладать этим правом. Я не хочу, чтобы мои дети попали в «Гибер-тех», где из них сделают… даже не знаю… подопытных крыс.

— Сколько стоит опцион на первого ребенка?

— Трикл сказал «Гибер-теху», что хочет два миллиона евро, когда мне исполнится восемнадцать.

— Ты получишь половину. Таков порядок.

— Дело не в деньгах, и меня не могут заставить рожать детей — но я сама этого хочу, и если дети у меня будут, я… я хочу, чтобы они не были с рождения обременены всякими юридическими обузами.

— Хорошо, но у тебя же должно быть право обратного выкупа. С точки зрения закона право обратного выкупа должно быть *всегда.*

— *Совершенно верно,* но суд установил размер выкупа в пятьдесят тысяч, а у меня и одной тысячи нет.

— Значит, если ты проиграешь спор, — медленно промолвил я, — ты потеряешь генетические права на двух детей, вы с Триклом заработаете целое состояние, но «Гибер-тех» получит легальный доступ к двум детям, потенциально обладающим ценным геномом?

— Примерно так. Но если я *выиграю,* — доба-

вила Лора, — никаких денег я не получу, зато сохраню права на своих детей.

— Ты очень храбрая.

— Нет, — печально произнесла она, — я просто девушка, у которой не осталось выбора и у которой были никчемные родители.

— Все могло бы быть гораздо хуже, — сказал я. — Они могли бы выставить тебя на продажу и продать все твои яйцеклетки на следующий день после того, как тебе исполнится шестнадцать, чтобы заплатить — не знаю, за новую крышу, пристройку к кухне и микроавтобус.

— Наверное. Но Трикл согласился только на такие условия. Грымза где-то рядом. Мне просто нужно получить какие-нибудь доказательства. Держи фотокамеру наготове, хорошо?

Спрыгнув со стойки, на которой она сидела, Лора жизнерадостно улыбнулась и вернулась к работе. Формально она была зимсонницей, но она честно зарабатывала свой хлеб. Существует огромная разница между достойными и недостойными бодрствующими.

Мой взгляд сам собой упал на стену, увешанную фотографиями пропавших без вести. Море лиц, и всех этих людей больше нет. Всех возрастов, обоих полов, никакой закономерности. Я раз-

глядывал портреты, и мое внимание привлекла одна пара глаз, погребенных в нахлестнутой друг на друга пучине потерянных душ. Это были те самые глаза, которые смотрели на меня во сне с моментальной фотографии, на которой фотограф запечатлел нас с Бригиттой на Говере. Чарльз. Чарльз *Бригитты.* Протянув руку, я открепил фотографию от стены.

Пропавший мужчина работал санитаром в «Гибер-техе», и звали его, прочитал я, Чарльз Уэбстер. Он пропал без вести три года назад, вскоре после начала Зимнего сезона — приблизительно то же самое рассказывала о своем муже Бригитта.

И это было невозможно.

Я не мог узнать этого человека, поскольку не знал, как он выглядит. *Сначала реальность, потом сон.* Я почувствовал, как у меня снова начинает кружиться голова, и сквозь дверь в контору проникает пятнами солнечный свет, пробивающийся через крону раскидистого дуба. Я ухватился за стол, чтобы устоять на ногах, и постарался дышать размеренно и глубоко. Трикл не заметил случившийся у меня приступ наркоза, Лора погрузилась в бумаги, а Токката продолжала бушевать за стеклянной перегородкой. Я пытался успокоиться, повторяя: «Бригитта,

Бригитта, Бригитта, Бригитта», чтобы унять нарастающую панику. Это сработало, и, несколько успокоившись, я мысленно прокрутил наиболее правдоподобный сценарий: я придал своему сну облик и имя Чарльза Уэбстера задним числом. И то, что его имя совпадало с моим, было чистой случайностью — и только.

— Что там у тебя?

Я вздрогнул от неожиданности, но это оказался всего-навсего Трикл.

— Какой-то тип по фамилии Уэбстер, — сказал я, протягивая ему ориентировку, — пропал без вести три года назад.

Посмотрев на фотографию, Трикл кивнул.

— Это произошло в мой первый сезон здесь. Его так и не нашли. На самом деле, — добавил он, — никто его и не искал. Персонал «Гибер-теха» — это проблемы «Гибер-теха». Чем вызван твой интерес?

Я принялся лихорадочно соображать.

— Мы воспитывались в одном Приюте, хотя между нами была разница в десять лет. Сестры очень любили Уэбстера и хотели знать, что с ним сталось.

— А, — сказал Трикл, — если хочешь, забирай себе.

— Спасибо, — сказал я и, сложив ориентировку, убрал ее в карман.

— Привет, Трикл, — сказала Джонси, входя в ударопрочную дверь и садясь на стул, чтобы стянуть сапоги. — Занеси вот это в реестр Контроля за грызунами и подправь мой личный счет, хорошо?

Она бросила на стол пакет для улик с двумя свежеотрубленными большими пальцами.

— Будет сделано, — весело заявил Трикл. — Значит, у тебя уже шестьдесят два, да?

— Шестьдесят три.

За матовым стеклом раздался еще один взрыв приглушенной ругани.

Переглянувшись, Трикл и Джонси улыбнулись, словно подобное происходило постоянно; затем мы услышали, как телефонную трубку швырнули на аппарат, потом что-то с грохотом пролетело через весь кабинет, пнутое ногой или брошенное.

— А Токката… *любит* ругаться, — заметил я.

— Послушал бы ты ее, когда она действительно разозлится!

Спохватившись, я достал из кармана отрезанный большой палец Бригитты. Он по-прежнему был завернут в носовой платок, запекшаяся кровь стала бурой. Почувствовав поднимающуюся в

груди тошноту, я поспешно протянул сверток Джонси.

— Вот, — сказал я, — не хочешь записать на свой счет?

— О, ты просто *прелесть!* — воскликнула Джонси, с готовностью хватая добычу и аккуратно укладывая ее рядом с двумя другими пальцами.

С сияющим лицом она прошла к своему столу. Трикл сверкнул на меня взглядом, словно я только что вручил ей цветы, шоколадку и открытку.

— Мне казалось, ты обещал, что у меня не будет с тобой никаких проблем? — сказал он так, чтобы Джонси не услышала.

— Это же всего-навсего палец, — прошептал я в ответ.

— С Коттоном у них все начиналось так же, — проворчал Трикл, — сначала палец, потом подарок, потом как бы настоящий кофе в «Уинкарнисе». Не успеешь опомниться, как окажешься первым в списке тех, с кем она хочет спариться. Если такое случится, ты за триста евро опишешь, на что это похоже?

— Нет.

— А Коттон описал, — проскулил Трикл.

— Я не Коттон.

Джонси ничего этого не видела и не слышала,

полностью поглощенная печатаньем отчета на пишущей машинке, больше похожей на старинный орга́н. Трикл взял палец Бригитты.

— Кстати, чей он?

— Бригитты, — сказал я, — из «Сиддонс».

— Бригги пустилась странствовать? — пробормотал Трикл. — Жаль — она была по-своему привлекательной, хоть у нее вечно был недовольный вид. Поразительные глаза, и она потрясающая художница. Как-то раз у меня с ней было свидание.

— Неужели? — спросил я, вовсе не собираясь выразить своим тоном сомнение.

Трикл вздохнул.

— Если хочешь знать, — сказал он, — я купил свидание с ней на благотворительном аукционе в пользу Приюта Двенадцатого сектора. Мои шутки и анекдоты не показались Бригитте даже отдаленно смешными, а когда при расставании я попытался ее поцеловать, она пригрозила, что укусит меня за нос. Уточнять она не стала, но я рассудил, что о втором свидании нечего и думать.

— Очень проницательно с твоей стороны.

Взяв два отрезанных больших пальца, Трикл уставился на них.

— Тот, что покрупнее, принадлежит бродячему

производителю по имени Эдди Танджирс, — сказал я, — а маленький — женщине, тоже из «Сиддонс», лет двадцать с небольшим, недавно вышла замуж.

— Я позвоню Ллойду, — пробормотал Трикл, — он должен знать.

Он записал на клочке бумаги «Танджирс», «Мандерлей» и «Новобрачная» из «Сиддонс» и ушел, чтобы подтвердить происхождение пальцев.

— Ну что ты думаешь? — спросила Джонси, которая, закончив печатать отчет, тщетно искала степлер.

— Что я думаю о чем?

— О Трикле.

— Раз он владеет опционом на ребенка Лоры, он большой мерзавец.

— Для поручителя это выгодная сделка — и совершенно законная. Когда Лоре стукнет восемнадцать, они оба станут миллионерами. Однако я понимаю Лору. В том, что не относится к деньгам.

— Трикл очень запал на тебя.

— Знаю, — обреченным тоном произнесла Джонси. — Как ты думаешь, может, мне убить его и представить все как нападение Грымзы? И Лоре

так будет лучше.

— Ты можешь выплатить обратно выкуп, — предложил я.

— Да, точно — вот только у кого мне одолжить деньги? У самого Трикла?

— Нет, ты могла бы…

Я не договорил, поскольку дверь в кабинет Токкаты распахнулась. Я обернулся, ожидая увидеть Старшего зимнего консула Токкату. Но это была не она — это была Аврора. Я открыл было рот, чтобы поздороваться с ней, но остановился. Хотя внешне женщина выглядела так же, ее поведение было совершенно другим. Аврора держалась расслабленно и дружелюбно, в то время как эта женщина была резкая, возбужденная и начисто лишенная юмора. Агрессивно целеустремленная, она решительным шагом прошла в помещение. Единственным внешним отличием, которое я увидел, была одежда — теперь это была форма Консульской службы. И еще глаза. В отличие от Авроры, у этой женщины *правый* смотрел невидящим взором в сторону, а *левый* со стальным блеском вперился в меня.

Но я понял, что это не близнецы. Аврора и Токката были одной и той же женщиной.

Токката

«…Барограф записывает атмосферное давление в виде линии, выведенной чернилами на бумажной ленте, рассчитанной на двенадцать часов наблюдений. Эти данные полезны не только для предсказания погоды; барограф позволяет засечь разряд импульсного оружия на расстоянии до километра – меньшего в условиях снежного бурана. Опытный оператор может определить по форме горба или пика на графике не только мощность оружия и вихревой градиент, но и дистанцию…»

Справочник по Зимологии, 1-е издание, издательство «Ходдер и Стоутон»

— Так-так, — сказала Токката, — забытый спящий из «Сары Сиддонс». Чарли Уортинг, не так ли?

Сбитый с толку внезапным поворотом событий, я выпалил первое, что пришло в голову:

— Вам это прекрасно известно.

Брови Токкаты угрожающе взметнулись вверх.

— Я никогда не задаю вопросы, на которые уже

знаю ответы. Напрасная трата моего времени, и твоего тоже. Итак, повторяю: ты…

Не договорив, она прищурила глаз и поочередно посмотрела на Трикла и Джонси.

— Так, поняла, — сказала Токката. — Двое клоунов. Вы не предупредили Уортинга о том, что мы с Авророй внешне отдаленно похожи, так?

— Поскольку Уортинга нашла Джонси, — сказал Трикл, тыча обвиняющим пальцем в Джонси и красноречиво демонстрируя, почему та не желает иметь с ним никаких дел, — она могла бы ему это сказать. Больше того, я был уверен в том, что она ему это сказала. Вот почему я этого не сделал.

— Я хотела увидеть потрясение у него на лице, — бросив на Трикла испепеляющий взгляд, призналась Джонси. — Зимы долгие, и нам приходится развлекаться кто как может.

— Придумайте какой-нибудь другой способ, — прорычала Токката. — Не знаю, займитесь резьбой по дереву или ледяными скульптурами. — Она повернулась ко мне. — Но ты *действительно* Чарли Уортинг, насколько я понимаю?

— Он самый, мэм.

— Чарли предпочитает, чтобы его звали Кривым, — вставила Джонси.

— Я *сильно* в этом сомневаюсь, — сказала Токката, — но пусть будет Кривой. Ты присутствовал при том, как Джек Логан… был убит?

Она едва не произнесла «умер», но в последний момент решила использовать слово «убит». Нетрудно было понять, как Токката относится к случившемуся и кого в конечном счете в этом обвинит.

— Да, присутствовал.

Теперь я понял, почему Логан промедлил: он не мог убить Аврору, потому что при этом убил бы и Токкату. Я нашел странным то, что Логан со спокойной душой мог отдать на ферму по воспроизводству женщину-лунатика — но предпочел умереть, чем убить женщину, которую когда-то любил.

— Он мог бы без труда завалить Аврору, — тихо промолвил я, — но промедлил. И тогда та с ним расправилась.

— Промедлил? — удивилась Токката. — Это еще почему?

Я посмотрел на Джонси в поисках поддержки, но та спокойно выдержала мой взгляд.

— Не знаю, — сказал я.

— Я прочитала рапорт Авроры, изобилующий орфографическими ошибками и неправильно

составленными предложениями, — сказала наконец Токката после того, как молча смотрела на меня в течение нескольких секунд. — В нем утверждается, что Логан намеревался тебя убить, и Аврора выстрелила в него, «чтобы спасти жизнь Послушника Консула». Почему Логан собирался тебя убить? Что ты сделал?

— Я *ничего* не сделал, — сказал я, — но у Логана возникло подозрение, что я доложу о том, что они с Фулнэпом собирались отдать миссис Тиффен на ферму по воспроизводству.

— Тебе это достоверно известно? Логан *говорил,* что собирается тебя убить?

Я задумался.

— Вообще-то, — медленно произнес я, — возможно, они не хотели меня убивать.

— Объяснись.

Я собрался с духом.

— Разговор начался с того, что Лопес сказал: «Когда я за это брался, я не подписывался убивать Консулов». После чего Фулнэп заявил, что тут он на стороне Лопеса, и Логан сказал: «Мы не можем рисковать разоблачением. К тому же Аврора в городе».

Джонси и Токката переглянулись.

— Продолжай.

— Затем Фулнэп спросил: «Каким образом она о нас прознала?», на что Логан ответил: «Это еще неизвестно. Я разберусь с Уортингом, вы разберетесь с миссис Тиффен». После чего он жестом приказал мне покинуть комнату, и когда мы вышли в коридор, сказал: «Тебе следовало послушаться моего совета и просто не лезть куда не просят». Тогда я спросил у него, не может ли он передать сестре Зиготии, где та сможет найти мое тело, и он посоветовал мне не драматизировать ситуацию. И как раз в этот момент открылись двери лифта и появилась Аврора. А через пять секунд Логан умер.

Закончив свой рассказ, я умолк. Токката внимательно разглядывала меня, но когда она наконец заговорила, к Логану это не имело отношения.

— Ты пересказал дословно?

— Очень близко.

— Должно быть, у тебя очень хорошая память, Уортинг.

— Вторая премия на первенстве Суонси. Шестьсот сорок восемь выбранных наугад слов, прочитанных всего два раза.

— Логану это было известно?

— Полагаю, именно поэтому он и взял меня в Послушники.

Токката и Джонси снова переглянулись. Тут что-то явно было не так, но я понятия не имел, что именно. Хотя догадаться об этом я мог бы еще в Кардиффе.

— Итак, — сказала Токката, — почему ты просто не держал язык за зубами, как просил Логан?

— Потому что я присягнул поддерживать соблюдение закона.

— Нет, неправда: ты присягнул поддерживать неприкосновенность состояния сна и обеспечивать наиболее благоприятный исход для большинства.

— Разве это не одно и то же?

— Вовсе нет. Что, если Логан занимался чем-то значительным? Настолько значительным, справедливым и важным, что твоя смерть явилась бы лишь неизбежной побочной жертвой, необходимой потерей, о которой не стоит даже сожалеть, на пути к наиболее благоприятному исходу?

— Это действительно было так?

— Я рассуждаю гипотетически, Уортинг. Помоги мне в этом.

— В таком случае, — сказал я, — да, я мог бы сделать то, о чем он просил. Позволить Фулнэпу забрать миссис Тиффен и сделать вид, будто ничего не произошло. Но я этого не сделал. Я поступил

так, как считал правильным.

— Дорога к Весне усеяна глупцами, полными благих намерений, — заметила Токката. — Но я удовлетворена. Ты правда поступил так, как подсказывала совесть. — Она снова пристально посмотрела на меня. — Ты сегодня снова встретил Аврору, не так ли?

— Да, мэм, — ответил я, испытывая облегчение относительно того, что мы оставили тему гибели Логана, — она помешала трем лунатикам сожрать меня. Да, и она просила передать вам сообщение: «Ферзевой конь берет слона».

Я решил опустить вторую часть: «надеюсь, тебя во сне сожрет слизь».

— Ферзевой конь берет слона? — Единственный глаз Токкаты вспыхнул огнем энтузиазма. — Невероятно глупый ход, если только… *если только* Аврора не задумала мужественную, рискованную и в то же время безумную Жертву ферзя и двух ладей, впервые предложенную Уиллом Френсисом [110]. Тебе лучше пройти ко мне в кабинет.

Она провела меня в свой кабинет, в котором царил беспорядок, переходящий в полный разгром. Стопки бумаги и папки громоздились почти до

---

[110] Примечания: 110

Френсис, Уильям (род. 1982) — американский рок-музыкант. *(Прим. переводчика.)*

самого потолка в таком опасном равновесии, что, казалось, могли рухнуть в любую секунду, похоронив нас под собой. Токката кивком пригласила Джонси присоединиться к нам, указала мне садиться, затем прошла к шахматной доске с партией в самом разгаре. Передвинув коня, она сняла с доски слона. Я обратил внимание на то, что она играет черными и вынуждена перед каждым ходом несколько раз разворачивать доску, чтобы увидеть все фигуры.

— Это и *есть* стратегия Уилла Френсиса, — пробормотала Токката себе под нос, затем передвинула ладью.

Не для того, чтобы взять совершенно беззащитного ферзя Авроры, а чтобы съесть пешку и объявить шах королю Авроры.

— Но ей может противостоять, — продолжала Токката, — безрассудная атака одинокой пешки.

Я оглянулся на Джонси, но та лишь пожала плечами.

— Когда снова увидишь свою безмозглую корову, — сказала Токката, не отрываясь от доски, — скажешь ей, что ферзевая ладья берет пешку на Ц-два, и добавь от меня: я надеюсь, что она подхватит плесень и у нее отвалятся сиськи.

— Да, мэм, — ответил я, по-прежнему сбитый

с толку.

Не самой шахматной партией, в которой игру обеих сторон можно было описать как «эксцентрично вдохновенную», а тем, что Аврора и Токката играли *друг с другом.*

— Ну а теперь, — сказала Токката, садясь за письменный стол, — за работу. — Она подняла взгляд, собираясь что-то сказать, но остановилась. — Уортинг, куда ты пропал?

— Я здесь, — ответил я, продолжая сидеть там, где сидел все это время.

Токката повернула голову, чтобы я оказался слева от нее.

— Ну разумеется. Джонси, объясни.

— Уортинг, тебе лучше переместиться в другую половину кабинета: Старший консул видит только то, что находится слева.

Встав, я сделал так, как меня просили, попутно отметив то, что на левой половине письменного стола царил полный порядок, в то время как правая представляла собой беспорядочную свалку смятых бумажных стаканчиков из-под кофе, грязного нижнего белья и забытых огрызков. Башня покрытых пылью документов также возвышалась справа, так что Токката, скорее всего, даже не догадывалась о ее существовании, а рядом

стояло чучело ленивца, много повидавшее на своем веку. Я должен был бы сам обо всем догадаться, учитывая то, что Аврора не видит *слева* от себя. И я также должен был бы предвидеть то, что произойдет дальше.

— Вот так лучше, — сказала Токката, внимательно изучая меня. — А теперь, что у тебя с лицом?

— Врожденная деформация черепа.

— С *обеих* сторон? Такого серьезного уродства я еще не видела.

— Нет, только слева.

У нее затрепетало веко. Раз она никогда не видит правую сторону предметов, участок коры головного мозга, отвечающий за зрительное восприятие, восполняет нехватку информации экстраполяцией. Таким образом, моя левая сторона стала мерилом для *обеих* сторон. Наверное, для Токкаты я представлял собой весьма захватывающее зрелище. Дважды кривой Чарли Уортинг. Но плюсом можно было считать то, что по крайней мере оба моих глаза оказались для нее на одном уровне — просто чуть ниже, примерно на уровне носа. Для Токкаты лоб у меня, должно быть, был размером с гору Вермонт.

— Уортинг, что тебя так развеселило?

— Ничего — просто мне в голову пришла одна забавная мысль о горе Вермонт.

Токката сверкнула на меня своим единственным глазом: сильным, немигающим, проникающим мне прямо в душу. Мне на память пришел придирчивый взгляд матери Фаллопии. Его мощь превращала самолюбие даже самых непослушных воспитанников Приюта в нечто, напоминающее мексиканский соус из авокадо.

— Если хорошенько подумать, — поспешно добавил я, — вы правы: это действительно большое уродство.

Аврора-Токката, Старший консул Двенадцатого сектора, а также глава службы безопасности «Гибер-теха», была Располовиненной. В последнее время это становилось все менее популярным вследствие повышения критериев отбора и снижения смертности, однако некоторые убежденные Зимовщики по-прежнему приучали свой головной мозг спать поочередно по разным полушариям. Это позволяло им более полно сосредотачиваться на работе, расходовать меньше продовольствия и в целом предлагать Консульской службе двух работников по цене одного. По большей части Располовиненные демонстрировали весьма схожие личные качества, но по

крайней мере они обладали общими сознанием и памятью. Но то, что я видел перед собой сейчас, встречалось редко — *крайне* редко: похоже, Токката и Аврора понятия не имели о том, что делает их другая половина.

— Итак, Кривой Уортинг, — сказала Токката, — с этого момента ты поступаешь на службу в Консульство Двенадцатого сектора. Присягни на верность и приступи к исполнению своих обязанностей.

— У меня есть выбор?

— Абсолютно никакого.

— В таком случае я согласен, — сказал я.

— Мудрое решение. Ну а теперь, после того как мы установили, что я твоя начальница, просвети меня насчет того, как ты попал в Трясину.

Я повторил то, что уже говорил Джонси: что после смерти Логана доставил миссис Тиффен в «Гибер-тех» и передал Достопочтимой Гуднайт, а поскольку Токкаты не было на месте, я рассказал Фоддеру о вирусных сновидениях, после чего благодаря дежурной по станции застрял в городе. Аврора нашла мне комнату в Дормиториуме и предложила воспользоваться Снегоходом.

— А следующее, что у меня в памяти, — это то, как Джонси меня будит, — закончил свой

рассказ я.

Кажется, я ни словом не обмолвился о своих снах и о разговоре с Авророй в «Уинкарнисе». Нехорошо было начинать службу на новом месте со лжи своему начальнику, но мне требовалось соблюдать осторожность.

— Хьюго Фулнэп? — переспросила Токката. — Ты больше его не видел?

— Нет, но Аврора полагает, что он, возможно, вовсе никакой не Лакей и каким-то боком связан с «Кампанией за истинный сон».

Токката пристально посмотрела на меня.

— Абсолютно нелепое обвинение. Аврора не признает правду, даже если та вскочит и вцепится ей в задницу. У меня есть кое-какие мысли насчет того, зачем Логан привез тебя сюда, но я не могу взять в толк, с какой целью ты нужен здесь и Авроре.

— Прошу прощения?

— Как ты думаешь, зачем она подстроила так, чтобы ты застрял здесь?

— Аврора тут ни при чем, — возразил я. — Во всем виновата дежурная по станции.

— Связь отсутствовала от Засыпания минус два до плюс восемь, — сказала Токката. — Дежурная по станции могла узнать о том, что ты задержал

поезд в Мертире, только если об этом ей сказала Аврора. И дальше она так кстати появилась сразу же после того, как ты опоздал на поезд, так? Словно по волшебству?

— Ну… да, — согласился я.

— Она предложила не говорить нам о том, что ты здесь?

Я молча кивнул.

— Вот именно. Итак: почему Аврора заинтересована в том, чтобы ты остался в Двенадцатом секторе?

Я даже не знал, что думать. Аврора предупреждала, что общаться с Токкатой будет крайне нелегко — и она вряд ли будет со мной искренна. Однако теперь я начинал подозревать, что Аврора *сама* пыталась использовать меня в собственных целях.

— Я не знаю, — повторил я.

Токката молча смотрела на меня почти целую минуту, прежде чем заговорила снова.

— Где ты встретился с Авророй сегодня?

— В подвале «Сиддонс».

— Там ты также наткнулся на нее совершенно случайно, так?

— Ну да…

Я осекся. Возможно, и та встреча тоже не была

случайной. Аврора предвидела, что я спущусь к Снегоходу, и разрядить баллон со сжатым воздухом было проще простого.

— Нет, я…

Я уже был готов сказать: «собирался взять Снегоход и уехать отсюда», но в последний момент передумал.

— Да или нет? Что ты там делал?

— Мы оба оказались в подвале «Сиддонс». Я там… выполнял одно поручение привратника Ллойда, а Аврора искала лунатиков-Шутников, чтобы забрать их в «Гибер-тех».

Проворчав что-то себе под нос, Токката вопросительно посмотрела на Джонси.

— Мы кого-то упустили?

— Шестерых, — пожала плечами Джонси. — Ллойд прислал докладную, но она затерялась. Троим удалось остаться в живых, Кривой отправил на покой Бригги, а с остальными двумя разобралась я.

— Мне не нравится то, как поступают с Отсутствующими в «Гибер-техе», — сказала Токката. — Их расчленяют, затем слепляют заново, наобум, используют их как лишенных сознания роботов. Поступать так неприлично, даже с мертвоголовыми. Что еще произошло? Не упускай ни одной

мелочи.

Я задумался о своей клятве. Аврора *особо* подчеркнула никому ничего не говорить. Я не мог точно сказать, относится ли клятва, данная одной из Располовиненных, к обеим. Возможно, нет. Но поскольку клятва, данная Авроре, началась в тот момент, когда мы привязали лунатиков к машине у «Сиддонс», я рассудил, что имею полное право поделиться всем тем, что было известно мне до этого.

— Аврора дала мне дельные советы относительно раннего пробуждения, — сказал я, чувствуя себя неуютно под зловещим взглядом единственного глаза Токкаты. — Много есть, быть в тепле, остерегаться лунатиков, избегать Джима Трикла и сонных — в таком духе, затем мы расстались перед «Сиддонс».

— И все?

— И все.

Она молча смерила меня взглядом.

— Я много чего не люблю, но знаешь, чего я не могу терпеть больше всего?

— Нет, мэм..

— Пробелов. Я *ненавижу* пробелы. Щели в дверях, щели в окнах, щели между плитками в ванной, длинные промежутки между книгами

и продолжением. Но знаешь, какие пробелы я ненавижу больше всего?

— Нет, мэм.

— Пробелы в своих знаниях. Ты покинул «Сиддонс» в половине одиннадцатого в штабной машине Авроры и встретился с Джонси в полдень. — Она постучала себя по голове. — Мне не нравятся секреты, и мне не нравится Аврора. Я собиралась выйти замуж, завести семью. Вмешалась Аврора, и Логан, поджав хвост, бежал из Сектора. Этого ей показалось мало, и не успела я опомниться, как она его убила — защищая твою никчемную костлявую задницу. Поэтому когда у Консула, только что прибывшего в Трясину при более чем странных обстоятельствах, есть полуторачасовой пробел, меня это *серьезно* бесит. Поэтому начнем сначала: о чем вы говорили?

— Мы ни о чем не говорили.

— Ты не сказал ни слова, наслаждаясь кофе с сандвичем в «Уинкарнисе»?

У меня внутри все оборвалось. Отказываться бесполезно. Токката все знает — скорее всего, от Шамана Боба или кого-либо из игроков в «скраббл». Я был наивным глупцом, полагая, что в Двенадцатом секторе могут быть какие-то тайны. Вероятно, известие о нашей встрече уже

разошлось по всей Открытой телефонной сети. Дважды.

— Так… ни о чем, — пробормотал я. — Сплетни, советы.

— О, подожди, — встрепенулась Токката, — значит, ты *говорил* с ней. А всего секунду назад ты утверждал обратное. Ты лживое дерьмо, Уортинг. Знаешь, какое наказание ждет того, кто солгал Старшему консулу Сектора?

Меня прошиб горячий пот. Едкий жар покалывал мне спину, на лбу выступила испарина. Меня еще никогда так не распекали. Я заметил, что даже Джонси начала неуютно озираться по сторонам, испытывая желание провалиться сквозь землю.

— Увольнение, — сказал я.

— Извини, я тебя не слышу.

— Увольнение.

— Нет, сначала удар в глаз, и только потом увольнение. Строго говоря, речь идет только об увольнении, удар в глаз я добавила чисто для собственного удовольствия. Итак, начнем сначала. О чем вы говорили?

Я посмотрел на Токкату, затем на Джонси.

— Ты должен все ей рассказать, — сказала Джонси.

Я сидел, сгорая со стыда, чувствуя себя жалким и никчемным, с искаженным от боли лицом.

— Замерзшая моча Грымзы тебе на голову, — воскликнула Токката, — она взяла с тебя клятву?

— Нет, — сказал я, лихорадочно соображая.

В период спячки преданность нередко решала всё, и я определенно не собирался нарушить слово, данное тому, кто дважды спас мне жизнь. И тут меня осенило. Раз Токката видит меня кривым с обеих сторон, Аврора должна считать меня внешне привлекательным. Быть может, именно поэтому она поцеловала меня в «Уинкарнисе». Она нашла меня красивым. Мне пришла в голову одна мысль. Дерзкая, не спорю, но мысль.

— Я не знал, что она — это вы…

Грохнув кулаком по столу, Токката поднялась на ноги.

— Она — это не я. Не смей даже думать, будто она хотя бы просто похожа на меня!

— Прошу прощения, я не знал, что вы с Авророй… не ладите между собой. В противном случае мы бы не…

— Что вы бы не?

— Мы бы не… переспали.

Джонси шумно поперхнулась кофе, разбрызгав его на ковер, а Токката лишь рассмеялась.

— Оба мы прекрасно сознаем, что ничего этого и в помине не было, — сказала Токката. — Аврора никогда особенно не заморачивается с тем, кто и что, но она неизменно выбирает красавчиков. Поверь, ты к их числу не относишься. Мне нужна правда, иначе ты до самого Весеннего пробуждения будешь драить сортиры. Без зубов и со сломанными пальцами, — добавила она на тот случай, если подобный вариант показался мне хоть сколько-нибудь привлекательным.

Я долго смотрел на нее, затем перевел взгляд на Джонси. Как это ни странно, издевки по поводу моей внешности неизменно придают мне ясность мыслей и укрепляют веру в себя.

— Она любит снег, но не любит Зиму, — заговорил я, вспоминая бесстрастное описание своего мужа, сделанное Бригиттой, — ценит восхождение на гору больше, чем вид, открывающийся с вершины. Улыбается она нечасто, но когда такое происходит, весь мир улыбается вместе с ней. Она пользуется туалетной водой «Лудлов», — тихо добавил я, — и у нее родинка, формой напоминающая остров Гернси, вот здесь.

Я прикоснулся пальцем к своей груди. В комнате наступила тишина. Токката зловеще сверкнула на меня глазами.

— Сознаю, что это была большая ошибка, — продолжал я, — однако мне еще никогда не представлялась такая возможность. Я был… польщен.

Токката уставилась на меня, перевела взгляд на Джонси, снова повернулась ко мне.

— Я никак не мог предположить, что это разозлит вас. Обещаю, впредь такое больше не повторится.

— Уж постарайся, иначе лишишься языка — причем крайне болезненным способом. — Токката долго смотрела на меня, полагаю, стараясь определить, как ей быть. — Ну хорошо, — сказала она наконец, — две вещи: если снова встретишь Фулнэпа, *немедленно* придешь сюда и доложишь мне, и — ты меня слушаешь?

— Да.

— Я хочу знать, что задумала Аврора. Ты говоришь мне не всё — я даже не могу сказать, известно ли все тебе самому, — но мне нужно знать больше. Почему ты ее интересуешь. Можно сказать точно, дело не в твоем обаянии или внешности. Аврора бесцеремонно использует всех в своих целях; тебя она либо уже использует, либо собирается использовать в ближайшее время.

— Вы хотите, чтобы я *шпионил* за ней?

— Очень проницательно с твоей стороны. Да, и вздумаешь вести двойную игру — на следующий же день станешь кормом для зимних стервятников. Добро пожаловать в Трясину. Итак, какая наша задача?

— Поддерживать неприкосновенность состояния сна и обеспечивать наиболее благоприятный исход для большинства.

— Хорошо. Может, за Зиму ты чему-нибудь и научишься. Возможно, тебе это понравится; блин, быть может, ты даже *останешься в живых.* Но если будешь считать нас за дураков, вести свою игру или работать против нас, я обрушу на тебя тонну первоклассного дерьма глиптодонта. Ты думаешь, я говорю образно?

— Никак нет, мэм.

— Хорошо. А теперь проваливай.

Встав, я отдал честь и вышел из кабинета. Моя одежда насквозь промокла от пота, вызванного нервным возбуждением. Отыскав раздевалку, я снял куртку и прислонился к холодным шкафчикам, стараясь унять бешено колотящееся сердце.

«Гибер-тех»

«…Зимние поручители не пользуются любовью, по очевидным причинам. Порожденные отчаянием опрометчивые обязательства на чрезмерно жесткий Зимний долг являются главной причиной личных банкротств. Многие называют поручителей Холодными акулами, но сами они говорят про свое ремесло как про «неоценимую услугу Проснувшимся»…»

Справочник по Зимологии, 4-е издание, издательство «Ходдер и Стоутон»

— Мне следовало бы предупредить тебя, что Аврора и Токката — одно и то же лицо, — сказала Джонси, застав меня сидящим в комнате отдыха, уронившим голову на сплетенные руки. — Извини.

Я поднял взгляд. Она попыталась скрыть улыбку, и не очень успешно.

— Если честно, — добавила Джонси, — у тебя было *очень* смешное лицо, когда ты ее увидел. Как тогда, когда мы с тобой были в Гластонбери и Пиано Клавиши свалился со сцены. Помнишь?

— Нет.

— Что нет? Было не смешно, когда он упал со сцены, у тебя лицо не было смешным или ты не помнишь, как мы ездили в Гластонбери?

— Что-то, всё, не помню. Ладно, ну хорошо, *немного* смешно, — добавил я, натянуто улыбаясь, чтобы показать Джонси, какой я клевый чувак.

Однако сейчас мне было не смешно. Совсем не смешно. И мы никогда не ездили вместе в Гластонбери, с Пиано Клавишами или без него. Джонси сочиняла ностальгические воспоминания, и получалось это у нее не слишком хорошо.

— Можно задать вопрос? — спросил я.

— Вываливай.

— Как Токката может возглавлять Консульство с расщепленным сознанием?

— С таким же успехом можно спросить, как Аврора с той же самой проблемой может возглавлять службу безопасности «Гибер-теха». Главное правило Зимой — иметь дело с Авророй *или* с Токкатой, но не с обеими сразу. Полагаю, ты догадался, что здоровый глаз меняется в зависимости от того, кто дома. Правый — это Аврора, левый — Токката.

— Обязательно запомню.

— Это может спасти тебе жизнь.

Я помолчал.

— Зачем Токкате нужно, чтобы я шпионил за Авророй и «Гибер-техом»?

— Имея дело с этой парочкой, ни в чем нельзя быть уверенным на все сто. Я искренне советую тебе молчать и выполнять приказы.

— Да, — угрюмо промолвил я, — пожалуй, это лучшее, что я усвоил из фиаско с Логаном.

— Ну вот, теперь ты уже начинаешь осваиваться, понимать, что к чему. Да, и еще один совет: если Аврора *правда* хочет, чтобы ты был ее жахарем, не сто2ит болтать об этом направо и налево.

— Я считаю, что тут больше подошел бы термин «партнер по спариванию».

— Нет, — подумав, сказала Джонси, — на мой взгляд, в данных обстоятельствах больше подходит «жахарь». — Она указала на кого-то за моей спиной. — Ты уже знаком с Фоддером?

Позади нас возвышался колосс Двенадцатого сектора. Он выглядел так же, как и тогда, когда я видел его в прошлый раз, но только теперь он был одет в теплую одежду и казался еще более высоким и мощным.

— Привет, Кривой, — сказал Фоддер.

— Пожалуйста, вы не могли бы забыть про

Кривого? — сказал я. — Честное слово, меня это нисколько не задевает.

— Джим Трикл душу бы продал за прозвище, — заметил Фоддер.

— Вот уже три сезона он прозрачно намекает на то, что мы могли бы называть его «Липким», — заметила Джонси, — однако мы не собираемся оказывать ему такую честь.

— А что сделал я, что заслужил прозвище?

— Ты вернулся за миссис Тиффен.

— Верно — но из-за этого погиб Логан.

— Его смерть явилась непредвиденным последствием мужественной мотивации и верности долгу, — тихо произнес Фоддер. — Несмотря на то что произошло потом, в стойкости тебе не откажешь. Ты согласна, Джонси?

— Согласна, — подтвердила Джонси.

— В таком случае принимай оказанную тебе честь, Кривой. Лелей похвалу и впредь больше не жалуйся.

И он заключил меня в крепкие Зимние объятия. От него пахло дымом костра, проплесневевшей одеждой и использованными обогревателями. Фоддер продержал меня в объятиях долго, так, что мне стало неуютно, и дважды мягко поцеловал в ухо.

— Итак, Кривой, — сказал он, отпуская меня, — как тебе наш кофе?

— Это худшее пойло, какое я только пробовал.

— Замечательно — после двенадцати зимовок ничего другого я больше пить не могу. Будь другом, налей мне кружечку.

Я выполнил его просьбу под пристальным взглядом его черных пустых глаз.

— Какое прозвище у этого бестолкового мешка с дерьмом? — послышался из-за перегородки голос Токкаты.

— Кривой, — хором произнесли Фоддер и Джонси.

— Спасибо, удружили, — тихо промолвил я.

— Кривой! — крикнула Токката. — Через пять минут чтобы стоял перед входом!

— Садись за руль, — сказала Токката, забираясь на пассажирское сиденье полноприводной машины Авроры, теперь уже без привязанных сзади лунатиков.

— Разве это не машина Авроры? — спросил я, послушно заводя двигатель.

— А мне на это наплевать, — сказала Токката. — Мы отправляемся в «Гибер-тех», встретимся там с Авророй.

— Хорошо, — сказал я, гадая, как такое возмож-

но. — С какой целью?

— В основном для пополнения запасов кладовых, но также чтобы выяснить, с какой целью тебя здесь задержали. И еще я хочу узнать, как к тебе там отнесутся. Держи глаза и уши открытыми и докладывай обо всем, что услышишь. *Особенно* о любых деталях, связанных с проектом «Лазарь». Посмотрим, насколько хороша твоя хваленая память.

Сдав задом со стоянки, я проехал через центральную площадь, мимо памятника Хоуэллу Гаррису и полуприцепа, по-прежнему перегораживающего мост. Токката все это время пристально смотрела на меня, затем протянула руку и потрогала мое костлявое запястье.

— Ты очень тощий, — заметила она. — Во время четырехнедельного пребывания на «обратной» стороне тебе что-нибудь снилось?

— Нет, мэм.

— Хорошо, — сказала Токката. — Еще больше, чем зимсонников, я терпеть не могу только сновидцев. Ноги на земле, голова в облаках. Согласен?

— Да, мэм.

— Мне не нравится, когда подчиненные во всем со мной соглашаются, — сказала она. — В моем

управлении нет места подхалимам. Когда этого требуют обстоятельства, ты должен выкладывать все начистоту.

— Как я это узнаю?

— Я тебе скажу. Поставь машину здесь.

Мы подъехали к комплексу «Гибер-теха», который при свете дня выглядел более жизнерадостным, но ненамного.

Как и в прошлый раз, мы позвонили, нас пропустили внутрь, и за стойкой сидел все тот же Джош, но только теперь у него за спиной висели уже четыре сертификата «Лучшего дежурного администратора недели». Я отметил, что Дейва, водителя гольфмобиля, сменил другой перепрограммированный лунатик, на этот раз женщина. Волосы у нее были коротко острижены, что обычно ассоциируется с преобразованными лунатиками. Она время от времени моргала, тупо уставившись в пол, но в остальном взгляд у нее был совершенно отсутствующий.

Джош нервно кивнул нам, и Токката сообщила ему, что желает видеть Аврору.

— Что, прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас.

— Кажется, ее здесь нет.

— Почему бы тебе это не выяснить?

— Хорошо.

Токката прошла и села на скамью. Джош снял трубку.

— Дейва, водителя гольфмобиля, перевели в другое место? — спросил я у Джоша.

— Более простые обязанности, — ответил тот. — В настоящее время выполняет функцию термостата в блоке «Ф». Узнаёте его замену?

Лишь только после того как Джош упомянул об этом, я узнал миссис Тиффен. Я шагнул было к ней, чтобы поздороваться, но остановился. Она все равно меня не узнает, а судя по ее виду, она также потеряла способность играть на бузуки. Я решил, что для меня миссис Тиффен была предпочтительнее тогда, когда еще умела играть на бузуки, пусть это и действовало на нервы. Я обернулся к Джошу, который озабоченно смотрел на меня.

— Не нравится мне здесь, — тихо произнес он. — Не нравится то, что здесь происходит, что произойдет. Я имею в виду проект «Лазарь».

— Что ты хочешь сказать?

— У стен есть уши, — пугливо промолвил Джош. — Но послушай, предположим чисто гипотетически, что я знаю одного человека, который хочет связаться с «Истинным сном», ты сможешь

установить контакт?

— Нет, — ответил я, гадая, искренняя ли эта просьба, или же это часть проверки, которую мне устроил «Гибер-тех», — и я не знаю, подобает ли тебе спрашивать об этом.

— Справедливо, — согласился Джош, — но давай остановимся вот на чем: если ты можешь выбраться из Двенадцатого сектора, как угодно, в любом виде, форме или состоянии, уноси отсюда ноги.

— Совет не слишком оригинальный.

— Согласен, — вздохнул Джош, — и я жалею о том, что не прислушался к нему, когда впервые его услышал. — Он указал карандашом на Токкату. — Ты знаешь, что это одна и та же женщина?

— Да, и выяснил я это на собственной шкуре.

— Она угрожала вырвать тебе язык, если ты сделаешь хоть шаг в сторону?

— Да, причем болезненным способом.

— Насколько нам известно, это блеф, — сказал Джош, — но сказать наверняка трудно. Тебе от этого стало легче?

— Не очень.

Сделав звонок, Джош выдал нам гостевые пропуска и проводил к гольфмобилям, чтобы проинструктировать одного из преобразован-

ных водителей. Однако это оказалась не миссис Тиффен, а другой, судя по бейджику, «Чаз». Джош помог нам сесть в кар, показал преобразованному план, и мы тронулись, но уже не так рискованно, как в прошлый раз.

— Другим преобразованным водителем гольфмобиля была миссис Тиффен, — сказал я Токкате, — та женщина, которую я доставил сюда четыре недели назад.

— Быстрая работа, — ответила та. — Знаешь, сколько денег зарабатывают на преобразованных?

— Нет.

— Уйму, — сказала Токката, судя по голосу, сама не зная точно. — Но можно было бы зарабатывать в кучу раз больше, если бы делали из Отсутствующих более искусных работников. Хотя в этом случае возмутятся профсоюзы. Мятную конфетку? — Она протянула маленький белый пакетик. — Возьми две. Блин, забирай весь пакет.

Мне вспомнились слова Джонси о том, что Токката кормит лунатиков мятными конфетами, чтобы те стали вкуснее.

— Нет, благодарю.

— Ну же, не стесняйся, — настаивала Токката. —

Судя по твоему виду, тебя нужно откармливать.

— Быть может, как-нибудь потом, — сказал я, но пакетик взял.

Мы проехали по нескольким коридорам, круто повернули влево и остановились перед большими двустворчатыми дверями, где нас ожидал мистер Хук.

— Я-буду-ждать-вас-здесь, — сказал водитель гольфмобиля.

Я обернулся к нему, собираясь его поблагодарить, и поймал себя на том, что не могу оторвать от него взгляд. Бейджик по-прежнему указывал на то, что это Чаз, однако на самом деле это был *Чарльз*, чей образ украшал мой сон — хорошо, пусть и в ретроспекции — и также был на ориентировке на человека, пропавшего без вести, лежащей у меня в кармане. У него отросла борода, а волосы были коротко подстрижены, но это был тот же самый человек. Если он пропал в Двенадцатом секторе, далеко уйти ему не удалось.

— Так-так, — сказала Токката подошедшему к нам мистеру Хуку, — возвращение живых мертвецов. Ты сегодня уже пожирал младенцев?

— Не смешно, как обычно, — ровным тоном произнес Хук, не обращая на меня никакого внимания. — Не желаете пройти внутрь?

Он открыл дверь, и мы вошли в обшитое деревом помещение размером со спортивный зал. Сотрудники сидели, опустив головы, работая или разговаривая вполголоса по телефону. Один в дальнем конце печатал на телефаксе.

— Я бы хотела увидеть Аврору, — сказала Токката, когда мы прошли к отдельным кабинетам сбоку.

— Это невозможно, — ответил Хук.

— Вот так она поступает каждый раз, — упавшим голосом произнесла Токката. — Но она не сможет прятаться от меня вечно.

Я мысленно отметил, что на самом деле, пожалуй, сможет.

— Пока Аврора занята другими делами, — сказал Хук с таким видом, словно ему уже много-много раз пришлось пройти через это, — все ее обязанности принимаю на себя я как заместитель главы службы безопасности. Итак, чем я могу вам помочь?

Токката указала на меня.

— Я хочу знать, почему Аврора взяла на себя ответственность за застрявшего в Двенадцатом Младшего консула Уортинга, а затем, забыв про него, оставила его на целых четыре недели спать без задних ног.

Мистер Хук посмотрел на меня, затем снова на Токкату.

— Понятия не имею, — бесстрастным тоном промолвил он.

— А вы выдвиньте какие-нибудь догадки.

Хук пожал плечами.

— Я не строю догадки.

— А вы попробуйте. Сделайте мне одолжение. Всего один раз.

— Возможно, — начал Хук, — Аврора сочла себя в какой-то степени виновной в том, что Уортинг застрял здесь. Возможно, она просто заботилась о человеке, попавшем Зимой в затруднительное положение. Возможно, она просто проявила великодушие.

— Аврора не испытывает никаких человеческих чувств. Ею движет только то, что от нее просит «Гибер-тех».

— По этому поводу мы могли бы спорить целый день, мэм, — произнес Хук таким тоном, словно им уже приходилось это делать, и не раз, — но лично мне кажется, что произошла ошибка. Младший консул Уортинг просто проспал. Такое бывает. Почему бы вам не переговорить с Авророй?

— Я стремлюсь к этому, но она старательно

меня избегает.

— То же самое Аврора говорит про вас. Итак, больше я ничем не могу вам помочь?

— Продовольствие, — сказала Токката. — У вас его до фига, а мне нужно кормить неспящих.

— Будь моя воля, я утопил бы их всех, а потом приготовил бы из их останков компост, чтобы удобрить землю под Зимнюю свеклу, — сказал Хук. — Но мы, судя по всему, живем в более просвещенную эпоху. Предлагаю пройти в кабинет.

Он указал на кабинет сбоку. Я обратил внимание, что на двери краской написано имя Авроры. Хук пригласил Токкату в кабинет, а мне указал на стул в коридоре.

Я сел. Вскоре послышался голос Токкаты, нарастающий по силе. Она спрашивала, почему «Гибер-тех» не может поделиться продовольствием с остальным Сектором, а голос Хука хладнокровно объяснял, что частные компании не обязаны исправлять упущения правительства.

— И часто такое случается? — спросил я у молодого рабочего, сидящего рядом.

Тот испуганно встрепенулся, словно у него была надежда на то, что я его ни о чем не спрошу.

— Постоянно. Это похоже на повторяющуюся хохму в комедийном сериале, но только совер-

шенно несмешную.

— Комедийный сериал, — сказал я, — точно. Кстати, тут где-нибудь поблизости есть туалет? Я держусь на кофе с тех самых пор, как проснулся.

Рабочий указал мне дальше по коридору и налево, и я, поблагодарив его, ушел. В туалет мне было не нужно; я хотел присмотреться поближе к нашему водителю, который по-прежнему сидел неподвижно, тупо уставившись перед собой. Я не ошибся: это *действительно* был Чарльз Уэбстер. Лицо полностью совпадало с портретом на ориентировке на пропавшего без вести: под правым глазом была родинка.

— Привет, Чарльз, — сказал я.

Никакой реакции не последовало. Я напомнил себе о том, что связь Чарльза с Бригиттой была очень слабая. Я располагал только заявлением Бригитты — сделанным до того, как она пустилась в ночное странствие, — о том, что ее муж исчез. И только. Ни имени, ни намека на то, где он пропал или хотя бы когда. У меня не было никаких подтверждений того, что это тот самый человек, помимо сна, что вряд ли можно было считать подтверждением.

— Бригитта передает привет, — продолжал я, однако по-прежнему никакой реакции не

последовало. Я попробовал подойти с другой стороны: — Пусть всегда будет…

— …*Говер,* — сказал Уэбстер, или по крайней мере мне показалось, что он произнес что-то вроде «Говер». Впрочем, если задуматься, это могло быть просто невнятное бормотание.

Услышав в глубине коридора голоса, я обернулся и увидел, как из-за угла появилась Достопочтимая Гуднайт в сопровождении шумной толпы помощников, среди которых была Люси. Я успел услышать что-то насчет повторного овладения глубинной памятью, прежде чем помощники заметили меня и умолкли.

— Так, — сказала Достопочтимая Гуднайт, бросив на меня повелительный взгляд, — Чарли Уортинг. Что ты здесь делаешь?

— Я здесь по делам консульской службы, мэм.

— Вот как?

— Да. Нам нужны дополнительные запасы продовольствия для зимсонников. Их у нас пятьдесят четыре.

— А вы не пробовали морить их голодом? Перемрут мигом, как мне говорили.

Люси шепнула что-то ей на ухо.

— Меня попросили сказать, что это была шутка. Черный юмор. Смешно, правда?

— Да, — сказал я. — Очень.

Достопочтимая Гуднайт пробормотала что-то себе под нос, и все двинулись дальше, за исключением Люси.

— Рада тебя видеть, Чарли, — сказала она, когда мы стукнулись кулаками. — Говорили, ты проспал. Это правда?

Закатав рукав, я показал предплечье, больше напоминающее палку, обмотанную покрытой шерстью кожей.

— Ого, — сказала Люси, — ты потерял вес всего за четыре недели?

— Сны, — сказал я, — и я до сих пор не могу от них избавиться.

Я рассказал ей о ретроспективном характере своих сновидений, и Люси понимающе кивнула.

— Наркоз творит с сознанием странные штуки, — сказала она. — Как тебя приняли в Консульстве?

— Более или менее.

— Вообще-то я не должна тебе это говорить, но ты *должен* остерегаться Токкаты. Ненависть, которую она питает к Авроре, лишает ее способности здраво мыслить, порождая у нее в голове бредовые теории о заговорах. «Гибер-тех» уже несколько лет пытается избавиться от нее, од-

нако сделать это нелегко, поскольку Аврора представляет большую ценность. Токката может быть непредсказуемой, а нам в проекте «Лазарь» не нужны неприятности. Больше я ничего не могу сказать, но говорят, что «морфенокс-Б» будет доступен всем желающим.

— Очень хорошо, — сказал я.

— Это просто *потрясающе.* Будь осторожен, Чарли. Знай, если тебе что-либо понадобится, можешь обращаться ко мне. Я всегда в первую очередь буду тебе другом, и лишь потом сотрудницей «Гибер-теха».

Обняв меня, Люси помахала рукой и поспешила следом за остальными. Как раз в этот момент открылась дверь кабинета, и появилась Токката.

— Мерзкий тип, — пробормотала Токката, садясь со мной в гольфмобиль. — Если бы мне представилась хоть половинка возможности, я бы с радостью отравила его и сплясала у него на могиле. Услужливый подхалим, безропотно соглашается с Авророй во всем.

Она приказала Чарльзу отвезти нас обратно к регистратуре, что тот и сделал, без задержки, не сказав ни слова.

— Желаю вам приятной Зимы, — сказал Джош на прощание. — Пусть Весна примет вас в свои

объятия.

— И тебя тоже.

— Очень интересно, — сказала Токката, когда мы, получив назад свое оружие, возвращались к оставленной у входа штабной машине.

— Что именно?

— То, что всем, похоже, нет никакого дела.

— Нет никакого дела до чего?

— До *тебя.* «Гибер-тех» видит в любом необычном лице потенциального члена «Истинного сна», человека никчемного, неудачника. А на тебя никто не обратил внимания и тебе даже позволили отлучиться — кстати, куда ты ходил?

— В сортир.

— Правильно — и у меня возникает подозрение, что всем было приказано оставить тебя в покое. С какой стати?

— Сомневаюсь, что полное игнорирование можно считать основанием для подозрений, — сказал я.

— Ты не знаешь эту братию так, как ее знаю я. Говорил с кем-нибудь о проекте «Лазарь»?

Я сообщил Токкате, что у меня в «Гибер-техе» есть знакомая — мы вместе воспитывались в Приюте — и она сказала, что грядет решающий прорыв, который в корне изменит правила

игры.

— Это еще какой?

— Судя по всему, всеобщая доступность «морфенокса-Б». Это же здорово, правда?

— Все так говорят, — сказала Токката, — и это втрое увеличит количество лунатиков, которых можно будет отправить на преобразование. Да, конечно, выживаемость увеличится, но также появится большое число дешевых рабочих рук. Я всегда относилась с большим подозрением к решающим прорывам, — добавила она. — Иногда правила игры не нужно менять, если никто не имеет четкого представления о том, правила какой игры будут меняться и на что именно.

— Не понимаю.

— Да, — сказала Токката, — и я тоже не понимаю.

— Произошло нечто странное, — подумав, сказал я.

— Что?

— Мимо прошла Достопочтимая Гуднайт.

— И?

— Она назвала меня по имени. Мы с ней встречались всего один раз, четыре недели назад. У нее хорошая память на имена?

— Да она мое-то вспоминает с трудом, — сказа-

ла Токката. — С чего это она тебя запомнила? Ты произвел на нее впечатление?

— Никакого.

— Как я уже говорила, — задумчиво пробормотала Токката, — в тебе есть что-то такое, что заинтересовало «Гибер-тех». И речь идет о какой-то беспринципной эксплуатации — или я не Токката.

Мы сели в штабную машину и медленно поехали обратно в город. В Двенадцатом секторе я находился исключительно из-за Авроры. Сначала она отправила раньше расписания последний поезд в Мертир, затем устроила меня в квартиру на девятом этаже «Сиддонс», никому не сказала о том, что я там, и сама не проведала, как у меня дела. Возможно, встреча в подвале «Сиддонс» также была подстроена, чтобы дать Авроре возможность прийти мне на помощь.

— Разрешите задать вопрос, мэм?

— Давай.

— А *вы* как думаете, почему «Гибер-тех» заинтересовался мною?

Токката несколько секунд пристально разглядывала меня своим единственным здоровым глазом.

— Понятия не имею, Кривой. Но поверь мне,

это нечто нетривиальное.

Фоддер

«…Зимой привратники никогда не выходят на улицу, в первую очередь потому, что должны присматривать за своими подопечными. Даже при возникновении чрезвычайной ситуации – пожаре, нападении Злодеев, вторжении лунатиков, перегреве Чугунка, голоде, – ни один привратник не покинет здание, если в нем остается хотя бы один спящий. Привратник погибает вместе со своим зданием…»

«Древнейшая профессия», Портер Фабрисио [111]

Вернувшись в Консульство, я первым делом встретил Джонси.

— Так, дай-ка я сама догадаюсь, — сказала та. — Аврору вы не нашли?

— Тут особого ума не требуется. Можно задать один вопрос?

— Валяй.

---

[111] Примечания: 111

Говорящее имя: Porter Fabrisio можно перевести как «привратник здания». *(Прим. переводчика.)*

Достав из кармана ориентировку на Чарльза Уэбстера, я показал ее Джонси.

— И что?

— Он в «Гибер-техе», преобразован в водителя гольфмобиля.

— И что?

— Он числится пропавшим без вести, однако оказывается в «Гибер-техе»?

Джонси посмотрела на меня, затем на ориентировку, после чего повела меня в архив, расположенный в дальнем конце Консульства.

— Это данные по всему Двенадцатому сектору, — объяснила она, когда мы вошли. — Здесь есть каждый, кто когда-либо сюда приезжал, каждый, кто отсюда уезжал. Умершие, женившиеся и вышедшие замуж, родившие детей. Архивы гибернации, архивы рабочих мест, реестр специальных навыков, школьные журналы, отчеты о деторождении, генетическое сканирование, Дормиториумы, личный автотранспорт, данные о вылеченных зубах и съеденных продуктах. Абсолютно всё. Обожди секундочку.

Порывшись в большой и очень обшарпанной картотеке, Джонси вручила мне дело Уэбстера. Его адрес был «Геральд Камбрийский», комната 106, работал он в «Гибер-техе», «Отделение

научного сна, санитар второго разряда». В деле имелась копия свидетельства о рождении, несколько справок из Дормиториума «Томас Карлейль» [112] в Северном пятьдесят восьмом секторе, сертификат Общих навыков и рекомендательные письма с предыдущих мест работы водителем автобуса, инженером по обслуживанию аквариума и страховым агентом. Было также свидетельство о «Частичной смерти» — «Гибертех» занес Уэбстера в свой каталог, указав, что его доставили в Отделение научного сна через двенадцать недель после того, как его объявили пропавшим без вести.

— Судя по расписке, его передал Достопочтимой Гуднайт агент Хук, — сказал я, ознакомившись с документом о передаче ответственности. — В этом есть что-то необычное?

— Да нет, — ответила Джонси.

В деле не было никаких данных о браке с Бригиттой, но я, в общем-то, и не ожидал их найти. Помимо моих снов, единственным указанием на то, что это может быть один и тот же человек, было то, что оба пропали без вести, а также то, что они *могли* иметь одинаковое имя. Вот и все.

---

[112] Примечания: 112

Карлейль, Томас (1795–1881) — шотландский публицист, историк и философ. *(Прим. переводчика.)*

Я вздохнул. Уэбстер был лишь тем, кого я выбрал наугад, чтобы придать обличье безликому образу из своего сновидения — не больше и не меньше. Возможно, он вовсе не сказал «Говер» — а просто пробормотал что-то невнятное.

— Ты счастлив? — спросила Джонси.

— Возможно, все дело в моем мягком наркозе, — сказал я, — в чрезмерном воображении. Да, и еще, полагаю, тебе следует знать, если ты собираешься спариться с Фоддером: заключив в Зимние объятия, он нежно поцеловал меня в ухо.

— Да, я слышала, что он так поступает.

Зевнув, я тотчас же извинился.

— У тебя усталый вид, — сказала Джонси. — Лучше первые два дня особо не напрягаться. Пошли со мной.

Я вышел следом за ней из архива и направился в кабинет. Там мы застали Фоддера, удерживающего охотничий нож на кончике пальца.

— Эй, Фод, — сказала Джонси, — ты не покажешь Кривому город, пока еще не стемнело? Оба вы живете в «Сиддонс», так что имеет смысл завершить путь там.

— С превеликим удовольствием, — согласился Фоддер.

— Также неплохо будет, если вы присмотрите

за посторонними, — добавил Трикл, сидевший за столом у входа. — Поступили донесения о возможном вторжении в дальнюю часть города неизвестных людей или существ.

Когда мы вышли на улицу, я почувствовал, как холодный ветер буквально вспорол открытые участки тела. Ветер сменился на северный, и первые снежинки уже предвещали сильный снегопад, который начнется в течение ближайших сорока восьми часов. Вместо того чтобы взять один из стоящих у входа Снегоходов, Фоддер предпочел пойти пешком.

— Транспорт не возьмем? — спросил я, следуя вплотную за ним.

— Когда есть возможность, я хожу пешком, — ответил Фоддер. — Когда человек заключен в кокон Снегохода, у него притупляются все чувства. Здесь, на границе, необходимо чувствовать воздух, ветер, окружающую среду. ЗОЛ могут нанести удар без предупреждения.

— ЗОЛ?

— Злодеи, Отсутствующие и Люд. Слышишь?

Мы остановились. Я прислушался, но не услышал ничего, кроме слабого шепота кристаллов льда, гонимых ветром по снежным наносам.

— Нет.

– *Вот именно.* Здесь ничего нет. Но когда-нибудь непременно появится — и нужно учуять их, прежде чем можно будет их увидеть — прежде чем они увидят тебя.

— Я так понимаю, — сказал я, — что ты веришь в существование Зимнего люда?

— Мне довелось повидать очень странные вещи, — сказал Фоддер, — но ничего такого, что позволило бы поверить в существование Грымзы — а жаль. Мне бы хотелось, чтобы Лора выиграла спор.

Мы шли вперед. Кружился снег, видимость упала до тридцати шагов, дневной свет стал тусклым, мягким и рассеянным. Фоддер натянул вязаную шапку в форме пингвина, очень нелепую. Он мог знать это, а мог и не знать, но я твердо убежден в том, что никто в здравом уме не посмел бы указать ему на это.

— Трикл говорил что-то насчет донесений о посторонних.

— Время от времени к нам заглядывают незваные гости, но если бы речь шла о чем-то заслуживающем доверия, Джонси подняла бы переполох. Мегафауна слишком умна, чтобы выбираться из своих нор, но бывает, что через город проходят Зимние кочевники. Мы их не трогаем и

даже к мусорщикам относимся спокойно, если только они не заходят в дома. А вот Злодеи — это совсем другое дело: они не признают никаких законов вне своего сообщества, плюс странная смесь беспощадной жестокости, строгих правил поведения и гипертрофированного чувства права собственности. Слава богу, вот уже три года длится непрочное соглашение со Счастливчиком Недом.

— На каких условиях?

— Строгое разграничение зон. Мы не лезем на их территорию, если они не лезут на нашу. Это значит, что в Центральном Уэльсе есть закрытые места, но Токката говорит, что как-нибудь это переживет.

Фоддер погрузился в молчание. Мы вышли на длинную прямую дорогу, ведущую к садам и музею. Единственными звуками были наше затрудненное дыхание да скрип снега под ногами. Меня осенила одна мысль.

— У тебя есть право на «морфенокс», но ты им не пользуешься, правильно?

— Это так бросается в глаза?

— Ты живешь в «Сиддонс», — сказал я. — В Ночлежке уровня «Бета» — но ты Консул. Это просто, как дважды два.

— Это пристойное место для ночлега. Мягкое ворчание естественного храпа убаюкивает, подобно стуку дождя по железной крыше. «Морфенокс» притупляет подсознание, — добавил Фоддер, — и похищает сны. А мне нравится видеть сны.

— И ты их видишь?

— Каждую ночь, один и тот же. Оттоманы частенько лупили по нам из своих Гигаваттных «Шулеров». Я на наблюдательном посту в небронированном «Бедфорде» шесть на шесть, докладываю о скорости и размерах подлетающих зарядов. Влажность нулевая, поэтому импульсные кольца видны лишь как слабая рябь в горячем воздухе, пару сотен ярдов в поперечнике. Я докладываю о том, что в нашу сторону летит мощная дрянь, но она быстрее и плотнее остальных и за тысячу ярдов до цели начинает сжиматься в остроконечный конус. К тому времени как тор подлетает ко мне, он уже закручен так плотно, что неизбежно взрывное столкновение. Времени бежать нет — да это и бесполезно. И вот у меня взрываются барабанные перепонки, и я бреду по песку, один, солнце уже высоко над головой, опрокинутый «Бедфорд» валяется в двухстах ярдах позади. Я потерял ступню, взрывом с

меня сорвало почти всю одежду и кожу. Что самое страшное, я чувствую, как у меня из тела вытекает вся жидкость. У меня высыхает роговица глазных яблок, язык становится похож на кусок пергамента, кожа покрывается волдырями и трескается, словно ил на дне пересохшего озера.

— И ты *хочешь* видеть такие сны?

— Это не позволяет мне думать о чем-то по-настоящему плохом. Ночные кошмары подобны катарсису: они очищают сознание, делая терпимым дневное бодрствование.

— О, — пробормотал я, не желая даже думать о том, какими могут быть плохие мысли Фоддера. — Больше тебе ничего не снится? Например… синий «Бьюик»?

Повернувшись, он озадаченно посмотрел на меня.

— Мы занимались тем, о чем говорили Моуди и остальные, — сказал Фоддер. — Лично мне ничего не снилось, но, с другой стороны, я живу на восемнадцатом этаже; это на девятом этаже «Сиддонс» полно кошмарных сновидений.

Если задуматься, он был прав: похоже, все, кому снился синий «Бьюик», были с девятого этажа.

Мы продолжили путь; Фоддер показывал достопримечательности. Где какой Дормиториум,

почему мне следует держаться подальше от привратника «Капитана Мейберри», где находится электрическая подстанция, телефонные кабины и пункты укрытия от холода. Фоддер делился своими познаниями просто, не кичась, время от времени перемежая наблюдения местным колоритом: здесь поймали серийного домушника, там произошла стычка с бандой Счастливчика Неда, — и, поразительно, прибежище, которое Олаф Йонерссон [113] в течение почти трех лет предоставлял двум лунатикам-Шутникам.

— Когда мы обнаружили их спрятанными у него в подвале, он поступил достойно, — сказал Фоддер. — Но несмотря на тщательно проведенное расследование, не удалось обнаружить никаких свидетельств его неблаговидных деяний. Наверное, Холодный выход явился для него лучшим вариантом.

Но в первую очередь Фоддер советовал мне как можно точнее запоминать план города.

— Твоя задача, — говорил он, — заключается в том, чтобы знать Двенадцатый сектор как завитки своей Зимней шерсти и уметь перемещаться по улицам, когда сочетание бурана, ураганного

---

[113] Примечания: 113
Говорящая фамилия: yawn — зевать. *(Прим. переводчика.)*

ветра и темноты сокращает видимость до нуля — *без* закрепленного леера.

— Без?

— Это первое, что перерезают Злодеи. Если ты всецело полагаешься на леер, без него ты совершенно потеряешься.

Словно в доказательство мудрости этого суждения налетел снежный заряд, сокративший видимость меньше чем до десяти шагов. Я непроизвольно шагнул ближе к Фоддеру, а тот, вместо того чтобы пристегнуть страховочный фал к лееру, как требовали Советы поведения Зимой, просто выставил перед собой свой жезл, ощупывая им дорогу. Он протянул мне руку, и я вцепился в нее, обнаружив, что его здоровенная лапища теплая и на удивление мягкая.

Для навигации по городу мы пользовались газовыми светильниками, каждый из которых служил маяком, к которому нужно было стремиться, прежде чем направиться к следующему. Светильники горели, несмотря на то, что еще был день: плохая освещенность, вызванная непогодой, вводила в заблуждение светочувствительные клапаны. Один газовый светильник стоял перед затейливыми чугунными воротами музея, и маленький язычок пламени трепетал

в порывах холодного ветра, проникающих под стеклянный колпак.

— Очень красиво, правда? — заметил Фоддер, задержавшись на мгновение, чтобы посмотреть с восхищением на дрожащий огонек, на ограждения, каменную кладку и укутанную снегом статую.

— Довольно уныло, — сказал я, — но по-своему восхитительно.

— Красота, которая одновременно помогает выжить и убивает, — задумчиво пробормотал Фоддер, затем указал на музей, в снежном буране виднеющийся лишь как серый силуэт. — Там Дэнни Покетс, — сказал он. — Его задача заключается в том, чтобы защищать здание от мародеров. Работа нудная, но нужная.

— Единый продовольственный запас?

— В точку. Зимним кладовым постоянно угрожает опасность со стороны зимсонников, и любая кража обернется катастрофой. Пойдем, посмотрим, что к чему.

Музей

«Зимняя кладовая всегда хорошо скрывается и защищается от ущерба».

Справочник по Зимологии, 1-е издание, издательство «Ходдер и Стоутон»

Пройдя в чугунные ворота, мы обогнули статую Гвендолин VII, вблизи оказавшуюся значительно больше — размером с железнодорожный вагон, — затем пересекли нетронутое белое пространство перед музеем. Фоддер прошел к боковому входу и дернул за шнурок колокольчика.

— Кто там? — донесся из переговорного устройства хриплый мужской голос.

— Ллевелин [114] Непоследний-как-оказалось, — сказал Фоддер, помахав объективу камеры видеонаблюдения над дверью.

Щелкнул замок, и Фоддер, осторожно оглянувшись по сторонам, потянул массивную железную дверь. Шагнув внутрь, мы закрыли за собой наружную дверь и позвонили в колокольчик, чтобы привратник открыл внутреннюю дверь. Пройдя

---

[114] Примечания: 114

Аллюзия на Ллевелина ап-Груффида (ум. 1282), последнего правителя независимого Уэльса. *(Прим. переводчика.)*

за отделанную шпоном дверь и сняв куртки и сапоги, мы прошлепали босиком по коридору мимо стеклянных витрин, доспехов, произведений искусства и чучела саблезубого тигра, сбитого автобусом под Баурудом, если верить табличке, одного из последних пяти, остававшихся перед полным вымиранием.

Завернув за угол, мы оказались в центральном атриуме. Под затейливо раскрашенным куполом на выложенном мрамором постаменте стояла «Аэраубица» армейского образца внушительных размеров и мощности. С одной стороны от орудия стоял наполовину полный ящик с боевыми термалитами, две «Голгофы» и письменный стол с красным телефонным аппаратом и барографом с циферблатом. Однако мое внимание в первую очередь привлекла фигура, сидящая позади орудия.

Это был Хьюго Фулнэп. Он сидел на месте наводчика и смотрел на меня с выражением человека, которому только что напомнили про старого, крайне неприятного знакомого. В моем сознании он был вчерашним, однако для него мы скрещивали шпаги целых четыре недели назад. Гибернация оказывает на время сжимающее воздействие.

Заметив, что Фоддер не смотрит в его сторону, Фулнэп тотчас же приложил палец к губам, и я решил подыграть, повинуясь любопытству и определенной нервозности.

— Это Дэнни Покетс, — сказал Фоддер. — Он не из нашей команды, его одолжил Восемнадцатый сектор.

Мы с Фулнэпом кивнули друг другу и неловко обнялись. Фоддер ничего не заметил, а если и заметил, то не подал вида.

Фулнэп внешне выглядел почти так же, как и при нашей предыдущей встрече, за исключением затянувшегося шрама над левым глазом, который, судя по виду, он зашивал сам, и отросших волос, забранных сзади в хвостик. На нем был громоздкий шоковый костюм Мк-III, выглядевший так — рядом с «Аэраубицей», — словно он должен был быть *выставлен* в музее, а не защищать его. Я обучался обращению с шоковыми костюмами и пришел к заключению, что в них жарко и они стесняют движения. Многие предпочитают не носить их и в случае неприятностей полагаться исключительно на высокую подвижность. Что же касается меня, то я бы предпочел вообще не сталкиваться с неприятностями, в шоковом костюме или без него.

— Вы серьезно относитесь к Защите Кладовых, — заметил я, указывая на вихревое орудие.

Любой человек без защитного костюма находился всего в одном нажатии на спусковой крючок от того, чтобы превратиться в гуляш.

— Пять Зим назад в Пятнадцатом секторе обчистили кладовую, — сказал Фулнэп. — Тридцать голодных ртов, самая суровая Зима за последние сто лет — местным жителям пришлось делать то, что лучше было бы не делать.

— Зимние котлеты, — небрежно бросил Фоддер. — Я пойду составлять график дежурств, а вам предлагаю познакомиться поближе.

Он исчез за низкой притолокой двери, ведущей в направлении «Горных пород и минералов». Последовала пауза, зажглась настольная лампа.

— А я гадал, встретимся мы снова или нет, — сказал Фулнэп. — Ты никому не говорил про меня?

— Да мы впервые встретились.

— Верно. Что сталось с девчонкой с бузуки?

— Я доставил ее в «Гибер-тех».

— На разборку или преобразование? Надеюсь, ты доволен собой.

— Это лучше, чем то, что собирались сделать вы.

— На самом деле частенько все бывает не так, как кажется со стороны, — сказал Фулнэп. — Из-за тебя я потерял хорошего друга, уважаемого наставника и соратника. У тебя тридцать секунд на то, чтобы убедить меня, что ты не представляешь угрозы.

Он просунул большой палец в кольцо импульсной гранаты, закрепленной на груди, после чего тряхнул головой, опуская забрало каски шокового костюма. Взрыв причинит ему боль — возможно, несколько сломанных ребер, налитые кровью глаза, — но меня на таком близком расстоянии он или убьет, или оставит таким, что я не смогу самостоятельно сходить в туалет. По большей части при применении нелетального оружия лучше погибнуть, чем остаться в живых беспомощным калекой. Ходили разговоры о том, чтобы в качестве более гуманной альтернативы Ударной вихревой пушке использовать оружие, которое выпускает пули, имеющие высокую начальную скорость, однако как законодателям, так и общественности эта мысль пришлась не по нраву.

— Я знал, что ты где-то здесь, в Двенадцатом секторе, — сказал я, — и также знал, что это известно Токкате.

Фулнэп смерил меня взглядом.

— Как ты это узнал?

— Токката попросила предупредить ее, *когда* я тебя увижу, но Аврора просила предупредить ее, *если* я тебя увижу. Это огромная разница.

— Да, — согласился Фулнэп, — разница огромная.

— Я мог бы донести обо всем Авроре, но не сделал этого. Достаточно, чтобы убедить тебя в том, что я не работаю на «Гибер-тех»?

Фулнэп опустил руку, и я облегченно вздохнул.

— Пока что, — сказал он, — мне придется тебе поверить.

— Аврора считает, что ты поддерживаешь «Кампанию за истинный сон», — продолжал я.

— А ты сам что думаешь? — спросил Фулнэп.

— Прошедшие события предлагают мне держать рот на замке, сосредоточившись на том, чтобы пережить Зиму.

— Что ж, на мой взгляд, это выигрышная стратегия.

Вернувшийся из кабинета Фоддер приколол к стене график Дежурств по Кладовой. Мне предстояло дежурить в дневную смену, через день, начиная с завтрашнего дня. Не забыть бы захватить с собой книгу!

— Ну как, вы поладили между собой? — спросил Фоддер.

— Мы достигли взаимопонимания.

— В таком случае ты должен поделиться правилами обращения с «Аэраубицей».

Фулнэп послушно продемонстрировал, как работает орудие. По принципу действия оно напоминало «Колотушку», но только было значительно больше, и спуск срабатывал не сразу же. Фулнэп указал на стойки с «Кувалдами» у стены.

— Ну а когда все эти средства будут исчерпаны, — сказал он, — мы выдернем чеку из «Голгофы» и прихватим с собой здание и всех тех, кто в нем находится.

Он похлопал по огромной гранате размером с мяч для регби, примотанный прочной изолентой к стволу «Аэраубицы».

— Что думаешь про этот план? — спросил Фоддер.

— Недостатки изящества с лихвой восполняются безусловной категоричностью, — ответил я, и оба согласно кивнули.

Ограбление Кладовой — дело серьезное.

— Будьте моими гостями, — сказал Фоддер. — Особенно интересны разделы керамики и стекла, на втором этаже есть одна картина Караваджо

и три Тернера — не говоря про собрание Киффина Уильямса [115]. Также несколько редких марок и сохранившиеся нетронутыми указательный палец правой руки и поля шляпы Ффиона Макджеймса по прозвищу «Безумный пес» [116]. Продолжим через полчаса.

Поблагодарив обоих, я двинулся по пустынным коридорам, поглядывая в открытые двери на пыльные экспонаты, озаренные тусклыми лампами аварийного освещения. Здесь были останки древнего человека эпохи неолита, выдолбленная из ствола дерева пирога, обнаруженная на дне местного озера, и несколько артефактов Первой оттоманской кампании. Также был широко представлен разный хлам, связанный со Всемирной ярмаркой, проводившейся здесь в 1923 году, целое крыло было посвящено Дону Гектору и «Гибер-теху», а коллекция марок считалась лучшей в регионе. Я заглянул в стеклянный ящик, содержащий единственную в мире лиловую марку

---

[115] Примечания: 115

Караваджо, Микеланджело (1573–1610) — итальянский живописец, основоположник реалистического направления в европейской живописи XVII века; Тернер, Джозеф Мэллорд Уильям (1775–1851) — английский живописец; Уильямс, Джон Киффин (1918–2006) — известный валлийский художник-пейзажист. *(Прим. переводчика.)*

[116] Примечания: 116

Самый известный Злодей Центрального Уэльса. Безумный, словно свора арктических барсуков, и вчетверо более опасный.

с Ллойд Джорджем вторым, погашенную в почтовом отделении Англси, однако она не произвела на меня особого впечатления.

Поднявшись по роскошной центральной лестнице, я задержался на площадке, с некоторым беспокойством глядя на стеклянную витрину с останками местного убийцы по фамилии Армстронг. Полстолетия назад его выморозили насухо и посадили на стул для всеобщего обозрения, в той самой одежде, в которой он был повешен. К счастью, Армстронг был осужден Летом. Зимой его бы подвергли Морозокуции, а останки бросили бы на съедение диким зверям — от него не осталось бы ничего, кроме нескольких зубов, быть может, да камней в почках, если таковые у него имелись.

Раздался едва различимый глухой удар, словно кто-то тяжело спрыгнул на пол этажом выше. Мне не пришлось размышлять — сработало обучение в Академии. Услышав глухой удар, медлить нельзя — ни секунды. Нелетальное оружие является оружием ближнего боя, а события в ближнем бою развиваются с пугающей быстротой.

Злодеи

«…Зимние кочевники, известные также как «зимокочевники», представляют собой именно то, на что намекает название. Перебравшиеся на новое место во время Великих оттоманских переселений XV и XVI столетий, они влачат жалкое существование на крайнем севере и славятся нетерпимостью к чужакам. Зимние кочевники строго соблюдают закон и, по слухам, совсем не впадают в зимнюю спячку и нисколько не страдают от последствий этого…»

Справочник по Зимологии, 4-е издание, издательство «Ходдер и Стоутон»

Я сбежал по лестнице вниз в центральный атриум, где Фулнэп застыл наготове с «Аэраубицей», а Фоддер внимательно следил за тихо тикающим барографом. Прибор был настолько чувствительным, что мог обнаружить изменение давления окружающего воздуха из-за быстро распахнутой двери, проехавшего мимо грузовика и даже чихания вблизи, записав все это на бумажной

ленте несколько ярдов длиной. Заглянув Фоддеру через плечо, я увидел линию, изображающую характерную сигнатуру оружия, примененного поблизости. Схватив трубку красного аппарата, я нажал кнопку, обозначенную «Консульство». В таких ситуациях всё решает слаженная работа команды.

— Пичок или горб? — спросил Фулнэп.

— Острый всплеск, изогнутое плечо и медленное затухание, — ответил Фоддер, не отрывая взгляда от ленты. — Похоже на «Мастер-бластер» [117], в радиусе двухсот ярдов.

— Консульство, Трикл слушает, — ответил по телефону Джим.

— Уортинг, звонит из музея, — сказал я. — Барограф зафиксировал удар, дистанция двести ярдов, Фоддер полагает, это «Мастер-бластер».

— Мы здесь ничего не заметили, — сказал Трикл. — Что вам нужно?

Я оглянулся на Фоддера, тот сказал, что мы справимся сами, но попросил предупредить Токкату, на всякий случай. Повторив сообщение, я положил трубку и записал время звонка в журнал происшествий.

---

[117] Примечания: 117

Устаревшее оружие, чуть мощнее, но более легкое, чем «Кувалда», склонное к осечкам.

Откуда-то из недр здания донесся звон разбитого стекла, а барограф зафиксировал еще один удар.

Фоддер непринужденно принял командование на себя со словами «мы это как-нибудь переживем» и начал отдавать приказания, методично, без спешки.

Паника — удел дураков.

— Кривой, ты со мной, — сказал он, вручая мне «Молчаливый ужас», самое грозное оружие в нашем арсенале из тех, что можно было удержать в руках. — Покетс, оставайся в фойе и защищай кладовку ценой собственной жизни. Пошли.

У меня колотилось сердце, но, как это ни странно, не так сильно, как когда я шел вызволять миссис Тиффен. Я рассудил, что Фоддеру не раз доводилось побывать в деле, и потеря Младшего консула в первый же его день на службе плохо скажется на его репутации. Мы открыли первые ударопрочные ворота, и как только они были надежно заперты за нами и мы надели сапоги и куртки, Фоддер повернул запорный маховик, открыл наружную дверь и шагнул в Зиму. Снег до сих пор не прекратился, было еще достаточно светло, однако видимость не превышала двадцати шагов. Не медля ни мгновения, Фоддер

как мог быстро двинулся в метель, прижимаясь к наружной стене музея. Я последовал за ним, стараясь не отстать ни на шаг, однако «Ужас» был тяжелый, мне не хватало сил, я был в плохой физической форме, и шаг у меня был не такой широкий, как у Фоддера, поэтому очень скоро он скрылся из вида. Я слышал только собственное учащенное дыхание и не видел ничего, кроме кружащихся хлопьев снега и стены музея справа от себя. Однако я не останавливался и примерно через полминуты бега почти вслепую наткнулся на спину застывшего на месте Фоддера и с такой силой ударился губой о рукоятку его «Кувалды», что у меня на глазах выступили слезы.

— Осторожнее! — прошипел Фоддер.

Теперь мы находились позади музея, у обитой дубом двери черного входа, в которую совсем недавно был сделан мощный выстрел — там, где налипший на дерево снег растаял и тотчас же замерз снова, лед был прозрачным словно стекло.

— Проникнуть здесь внутрь без шансов, — сказал Фоддер. — Они пытались выманить нас наружу.

— И?

— И преуспели в этом. — Он пнул ногой два рюкзака, валявшихся на снегу. — Полагаю, их

двое.

Изучив следы на снегу, Фоддер двинулся вперед. Я следовал за ним по пятам, смутно обеспокоенный тем, что он удалялся от зрительных ориентиров. Но, как он говорил, город нужно знать, как завитки собственной зимней шерсти. Мы шли минут пять, ориентируясь по следам, уже практически занесенным свежим снегом, и где-то через сто ярдов оказались перед входом в Парк развлечений Талгарта, представлявший собой не более чем кирпичное строение с кассами и турникетом. Открыв дверь в помещение касс, Фоддер кивком предложил мне зайти внутрь. В помещении имелись лишь стойка, плакаты, рекламирующие местные достопримечательности — полеты на планерах, посещение мукомольни, прогулки верхом на пони, — и стол с несколькими стульями. Пыльный пол был усеян рекламными листовками, сброшенными сквозняком с полок. Остановившись, Фоддер опустился на корточки, и я последовал его примеру.

— Компас есть?

Я кивнул.

— Они вернутся этим же путем, когда решат, что мы ушли, — прошептал Фоддер. — Оставайся здесь, и ровно через шесть минут выйдешь на

улицу и выстрелишь из «Ужаса» в сторону востока. Тем самым ты выдашь свое местонахождение, поэтому затем тебе нужно отступить на тридцать шагов к музею, и если из бурана появится кто-либо кроме меня, ты подпустишь их поближе и завалишь. Если они будут вооружены, полностью открой заслонку, чтобы поразить цель наверняка.

— Это положит конец перемирию, — заметил я.

— Если это Счастливчик Нед, — возразил Фоддер, — в таком случае он сам нарушил перемирие, появившись здесь. Ровно шесть минут, так?

— Шесть минут.

Фоддер вышел за дверь, перепрыгнул через турникет, огляделся по сторонам и бесшумно скрылся в полумраке. Отступив назад, я уселся спиной к стене касс, рядом с дверью, чтобы видеть все, что снаружи, и уставился на медленно ползущие светящиеся стрелки часов. Я ожидал услышать приглушенный хлопок «Кувалды» или более резкий удар «Колотушки», но стояла полная тишина. Мой слух не мог уловить ни звука; я сидел на корточках, чувствуя, как холод от пола постепенно разливается по моим ногам.

Я думал о миссис Тиффен, прошедшей преоб-

разование, и Джоше, которого это нисколько не радовало. Затем о Люси Нэпп, гордящейся своей работой в «Гибер-техе», и Авроре и о том, на что бы это было похоже — в физическом и психологическом отношении, — если бы я *действительно* спарился с ней. Я думал о Токкате и ее агрессивном поведении, затем о страстном желании Лоры доказать существование Зимнего люда, о какой-то разболтанной Джонси с ее вымышленными ностальгическими воспоминаниями и Фоддере, нуждающемся в кошмарных сновидениях, затем о Бригитте. Наконец я подумал о том, что было бы, если бы я последовал всеобщему совету и оставил миссис Тиффен в покое. Логан сейчас был бы жив, я вернулся бы в Кардифф и смотрел на Зиму из безопасного уюта помещения, а не сидел на полу в пустом помещении касс в буран, вооруженный до зубов и имеющий приказ открывать огонь на поражение.

В назначенное время я встал, вышел на улицу и определил, в какой стороне восток. Подняв оружие, я подался вперед, чтобы компенсировать отдачу, и нажал на спусковой крючок.

Я предвидел, что выстрел из вихревого орудия в снежный буран получится впечатляющим, и я не был разочарован. Локализованное повышение

температуры, сопровождающее резкое изменение давления, мгновенно растопило снежные хлопья, и внезапно в воздухе возник просвет — кратковременный конус идеальной видимости, неторопливо удаляющийся от меня. Я разглядел деревянную решетку американских горок и красочный рекламный плакат, расхваливающий восторг и острые ощущения, позади спиральный желоб и киоск мороженого. Зрелище это продолжалось недолго. Растаявший снег смерзся в льдинки, как только давление выровнялось, и окружающий мир снова превратился в сплошную бурлящую белую массу.

Я вставил второй термалит в отсек для аккумулятора, затем отсчитал тридцать шагов по направлению к музею, — следы, оставленные нами, теперь виднелись лишь как сглаженные вмятины в ровном белом ковре. Остановившись, я опустил флажок предохранителя и положил большой палец на кнопку воздушной заслонки. Наверное, прошло добрых минут пять, и наконец я услышал глухой стук, затем другой, однако у меня не было достаточного опыта, чтобы определить, какое оружие произвело эти звуки.

Внезапно я услышал скрип шагов, беспечно движущихся по снегу меньше чем в тридцати ша-

гах слева от меня. Неизвестный даже не пытался двигаться бесшумно и не просто шел, а топал, причем довольно быстро. У меня перед глазами возник образ крупного травоядного, что было невозможно — Мегафауна сейчас крепко спит, а если и проснулась, то в такую погоду ни за что не высунется. Только Злодеи, зимокочевники, консулы и полные идиоты осмеливаются Зимой в буран выйти на улицу.

Сглотнув застрявший в горле комок страха, я, чувствуя, что звук приближается, решил окликнуть неизвестного. Однако как только я раскрыл рот, шаги внезапно остановились, затем зашуршал снег, и фигура повернулась лицом ко мне. Я не мог разглядеть, кто это, но почему-то понял, что меня видят. Или по крайней мере *чуют.* Также я остро прочувствовал, что это не Фоддер. Я потянулся было к рюкзаку за фотокамерой, которую мне вручила Лора, но вздрогнул от неожиданности, услышав голос:

— Я вот тут думаю, вы ничего не имеете против того, чтобы бросить оружие?

Я был настолько поглощен присутствием неизвестного слева, что ни на что другое не обращал внимания, и подкравшаяся из бурана фигура приставила к моей голове «Колотушку». Раз-

номастный наряд незнакомца указывал на его принадлежность к Зимним злодеям: лыжные брюки с начесом с обилием заплаток, твидовая куртка из шерсти мамонта, а поверх пуховик, перетянутый патронташами с термалитом. На ногах были меховые сапоги, опять же разные, прочный стеганый чехол для чайника вместо шапки с вышитой надписью «Подарок из Уитби» на голове — и еще у незнакомца отсутствовал нос, предположительно, отмороженный. Все лицо ото лба до подбородка пересекал шрам толщиной в мизинец, проходящий через левый глаз — в который был вставлен треснутый монокль.

— Итак, проводите меня в танцевальный зал и станцуйте танец Очаровательного белого сержанта, — произнес незнакомец с безукоризненным произношением английского высшего света. — Кажется, я подцепил Послушника.

До сих пор мне ни разу не приходилось встречаться со Злодеем, поэтому я пребывал в растерянности, не зная, что сказать, — и он был прав, я *действительно* оставался Послушником, что бы там ни говорили.

— Вы говорите по-английски? — продолжал незнакомец, поскольку я молчал. — На языке цивилизованной расы?

— Мы особо им не пользуемся, — ответил я, старательно подбирая слова, поскольку уже давно не говорил по-английски, и он несколько заржавел. — Я думал, у нас с вами перемирие, разве не так?

— Этот ваш Фоддер разорвал соглашение, когда треснул по голове моего парня, — сказал незнакомец. — Мы лишь заблудившиеся путники, старые, больные, стремимся вернуться в теплые объятия домашнего очага.

Все Злодеи англичане, потомки аристократии, вытесненной на дальние оконечности Альбионского полуострова в ходе опустошительных Классовых войн девятнадцатого столетия. В пику победителям, они на протяжении десятилетий сохраняли свои культуру и язык. Большие дома, мармелад из диких яблок и копченая форель на завтрак, охота, стрельба, рыболовство, футбол, светские собрания. Но, что самое главное, Злодеи любили слуг и упорно использовали свои запрещенные титулы. Практически каждый Злодей в Центральном Уэльсе был герцогом, лордом,

баронессой или кем-либо еще в таком духе [118].

— Ваш путь домой лежит через музей? — спросил я.

Злодей улыбнулся.

— Не буду спорить, старина, мы постучали в дверь, — сказал он, — однако вам следует радоваться тому, что я намереваюсь сохранить вам жизнь. У меня в домашнем хозяйстве образовались кое-какие вакансии, и молодой человек ваших лет идеально подойдет для того, чтобы обучиться всем премудростям домашней прислуги. Известно ли вам, что существует шесть различных видов вилок, каждый для своей определенной цели? [119] Кстати, как у вас со стиркой и глажкой? Можно будет начать с мытья посуды.

— Ужасно — и по части уборки и готовки я также не очень-то силен.

Злодей усмехнулся.

— Замечательно — ваше обучение начнется сразу же, как только мы вернемся. За десять лет вы станете великолепным слугой — например,

---

[118] Примечания: 118

По слухам, потомки отправленной в ссылку королевской семьи вместо того, чтобы отправиться на большую ферму в Британской Колумбии, на самом деле поселились в обветшавшем особняке с четырнадцатью спальнями неподалеку от Лампетера.

[119] Примечания: 119

На самом деле их восемь. Позднее я их сосчитал.

кондитером. Жизнь, посвященная служению другим, прожита не зря.

Я бы интерпретировал эти слова несколько *иначе.* Злодей отобрал у меня «Ужас», затем «Колотушку». Я метнул взгляд в пустоту снежного бурана, в надежде увидеть Фоддера, и Злодей правильно разгадал мои мысли.

— У вашего здоровенного друга завтра утром будет ужасно раскалываться голова, — сказал я. — Чем крупнее человек, тем больнее ему падать.

С силой вдавив «Колотушку» мне в голову, Злодей шагнул ближе. Шрам у него на лице был похож на неаккуратный сварочный шов, в складках кожи скопилась грязь. Рана на том месте, где был нос, зажила лишь частично: можно было разглядеть розовую ткань носовых пазух внутри — они шевелились при дыхании подобно жабрам вытащенной из воды рыбы.

— Ну не будем мешкать, — сказал Злодей. — Дьявол всегда найдет, чем занять праздные руки. После вас — я настаиваю.

Я шагнул вперед, но тут послышался слабый стон, похожий на завывание ветра в развалинах. Мы оба повернулись в ту сторону, где я слышал тяжелую поступь, и теперь там прозвучал сдав-

ленный смешок веселящегося ребенка. У меня на затылке волосы встали дыбом, и я догадался, что Злодей также услышал этот смех.

— Это ваш друг, Послушник?

— Не мой, — ответил я, на этот раз на своем родном языке, — и не ваш.

— Так, гром и молния, — прошептал Злодей, осознав, что это такое, — Грымза нужна мне не больше поместья в сорок тысяч акров с налогом на наследство.

Те, кто живет на границе Зимы, без труда отличают реальность от игры воображения. Отбросив «Молчаливый ужас», Злодей выхватил вторую «Колотушку». Он не запаниковал, а, стиснув зубы, двинулся вперед.

— А теперь смотри, — начал он, и голос его затихал по мере того как он удалялся в буран, — я тебе покажу, как англичанин встречает…

Очнувшись, я обнаружил, что лежу на спине в снегу, вокруг тишина, снежинки тают у меня на ресницах и затекают в глаза. С трудом поднявшись на ноги, я не увидел поблизости Злодея и пошел по следу, не столько отпечаткам ног, сколько *борозде,* оставленной чем-то, что протащили по снегу. Шагов через тридцать я нашел одну разряженную «Колотушку», затем другую,

затем одежду Злодея. Лыжные брюки, шапка из чехла для чайника, пуховик, твидовая куртка, дополненные запятнанной белой сорочкой, двумя футболками и жилетом, вложенными одно в другое. Я огляделся по сторонам, ища, куда мог подеваться Злодей, но ничего не увидел, — меня окружал со всех сторон девственно нетронутый снег, а в голове звучали слова песни «Пока, прощай».

Нарушенное перемирие

«Мусорщики занимают Зимой низшую социальную ступень: чтобы выжить, они довольствуются любыми крохами, которые подвернутся им под руку. От Злодеев их отличает приверженность ограниченному кодексу Зимнего поведения, а от зимокочевников – то, что они предпочитают оседлую жизнь, обыкновенно селясь в переоборудованных цистернах или бетономешалках. Есть сведения о том, что Зимой мусорщики не брезговали людоедством, из-за чего в настоящее время они избегают общества обыкновенных людей, терзаясь чувством стыда».

Справочник по Зимологии, 4-е издание, издательство «Ходдер и Стоутон»

Джонси и Токката подоспели спустя двадцать минут, ориентируясь на сигнал импульсного маячка, который я установил, как только обнаружил Фоддера, неподалеку от спирального желоба. Он уже был покрыт тонким слоем свежевыпавшего снега, на лице у него багровел здоровенный

синяк. Перед ним лежал второй Злодей, также без сознания. Фоддер пришел в себя первым. У него раскалывалась голова от боли, но в остальном он не пострадал.

— Вы его узнаёте? — спросила Токката, когда они перевернули Злодея лицом вверх.

Кожа у того на лице сморщилась от длительного воздействия холода, но никто его не узнал.

— Нет, — сказала Джонси, обшаривая его карманы, — но вот, вероятно, причина их попытки проникновения в музей.

Она протянула Токкате брошюру, озаглавленную «Карманный справочник филателиста». Автобусным билетом была заложена страница, посвященная маркам, выпущенным в тот период, когда правительство возглавлял Ллойд Джордж.

— Им была нужна *марка*, — вздохнула Токката.

Она похлопала бесчувственного Злодея по лицу. Тот застонал, заморгал и уселся на земле. Один его глаз был молочно-белым и ничего не видел, другой налился кровью. Годами он был ненамного старше меня.

— Вы нарушили соглашение ради марки? — спросила Токката по-английски.

Молодой Злодей посмотрел на нее, затем на

нас.

— Речь идет о малиновой с портретом Ллойда Джорджа второго, — сказал он, — со штампом Англси. Единственной в мире. Но, отвечая на ваш вопрос: да, и я с радостью признаюсь в этом. Дело того стоило. Очевидно, вы прискорбно плохо разбираетесь в ценностях и прелестях филателии. Где отец?

— Мы не знаем.

— Если вы покривили душой, — фыркнул Злодей, — вы увидите меня в гневе, и вам не понравится, когда я в гневе. Возможно, последует насилие. Итак, повторяю: где отец?

— Ответ тот же, что и в прошлый раз, — сказала Токката. — Предположительно возвращается домой.

— Если вы тронули хотя бы один волосок у него на голове, Янус, последует кровопролитное возмездие — и без каких-либо скидок на то, что кто-то был лично к этому непричастен.

— А у меня есть мысль получше, — вмешалась Джонси. — Проваливай домой, мерзкий слизняк!

Злодей поднялся на ноги, обвел нас взглядом, сказал, что его «в жизни еще так не оскорбляли», и ушел в сгущающиеся сумерки.

— Вы взяли второго типа? — спросил Фоддер,

когда Злодей скрылся из вида.

— Его взяли, — медленно произнес я, — но только я не могу сказать точно, кем именно.

– *Кто,* — поправила меня Токката. — *Кто* именно. Что имел в виду этот мальчишка, когда назвал меня Янусом? [120]

Покачав головой, мы пробормотали, что понятия не имеем.

Снегоход Токкаты стоял перед главным входом в музей, и теперь, когда буран несколько утих, мы различили в полумраке созвездие из восьми кружков света от его фар. Аккуратно сложенная одежда Злодея по-прежнему лежала там, где я ее нашел, и Токката с любопытством осмотрела ее, пока остальные молча стояли в стороне.

— Он собирался похитить меня и сделать прислугой, — сказал я, — чтобы я сначала мыл посуду, а со временем поднялся до кондитера. Затем послышался смешок, и его забрала Зима.

— Забрала?

— Я так думаю. Я ничего не видел. Я был без сознания.

Все переглянулись. По выражению их лиц было

---

[120] Примечания: 120

Янус — в древнеримской религии и мифологии бог входов и выходов, дверей и всех начал. Янус изображался с двумя лицами (одно обращено в прошлое, другое — в будущее). *(Прим. переводчика.)*

ясно, что меня считают причастным к случившемуся.

— Как выглядел Злодей? — спросила Токката, доставая бумажник из кармана его аккуратно сложенной куртки.

— У него шрам через все лицо, — сказал я, — гнилые зубы, лет пятидесяти, обветренный, нос отморожен, в глазу монокль.

Выпрямившись, Токката протянула мне давно просроченный сезонный абонемент на «Овал» [121].

— Черт возьми, Кривой, — пробормотала она, протягивая мне абонемент, — ты только что завалил Счастливчика Неда!

Я взглянул на абонемент. На нем значилось имя «Эдуард Ноддс», однако приверженцы этого человека и правоохранительные органы знали его как Достопочтенного Эдуарда Уорчестера Стэмфорда Ноддингтона, 13-го графа Фарнесуортского.

— Я никого не убивал.

— Но *кто-то* его убил.

— Его родственники будут не в восторге, — заметила Джонси.

— Не нужно никому говорить, что Кривой убил

---

[121] Примечания: 121

«Овал» — стадион в графстве Суррей, где проводятся международные турнирные крикетные матчи. *(Прим. переводчика.)*

Счастливчика, — сказал Фоддер.

— Я его не убивал, — с нарастающим отчаянием повторил я, — там что-то было — и это что-то почуяло меня сквозь снег. После того как Нед исчез, я внезапно услышал «Пока, прощай». Эта песня до сих пор звучит у меня в голове.

— «Пока, прощай»? — спросил Фоддер.

— Из «Звуков музыки». Грымза очень любит мюзиклы Роджерса и Хаммерстайна.

— Ты хочешь сказать, что Счастливчика забрала Грымза?

— Грымза — это вымысел, — сказала Джонси. — Ты до сих пор не оправился от наркоза.

Какое-то время мы стояли, молча разглядывая сложенную одежду.

— Мы можем сказать со всей определенностью только одно, — наконец нарушила молчание Токката. — Зима положила конец одному крайне неприятному типу. Но это означает, что перемирие разорвано и леди Фарнесуорт будет в ярости. Если нам повезет, возможно, Злодеи поверят в то, что их предводитель заблудился. Но Фоддер прав: мы никому не скажем, что Кривой был последним, кто видел его живым. — Она обвела нас взглядом. — И закончим с этим. Я хочу, чтобы подробный отчет лежал у меня на столе, скажем…

ну не знаю, как вам будет удобно.

Токката удалилась в направлении Снегохода; мы увидели, как свет фар описал дугу в полумраке, затем скрылся в серой мгле.

— Итак, — сказала Джонси, — а теперь, когда командира больше нет: что произошло на самом деле?

— Да, — подхватил Фоддер, — выкладывай все начистоту, Кособокий.

— Я ничего не знаю, — тихо промолвил я.

— Это как-то связанно с пари, которое заключила Лора? — спросила Джонси, когда мы направились обратно в музей. — Я была бы несказанно рада, если бы Трикл проспорил, но подумай хорошенько, прежде чем давать ложные показания против поручителя. У Трикла богатое собрание Долгов, и любая из этих Услуг может превратить твою жизнь в сплошную каторгу.

Я повторил, что не знаю, что произошло, однако на самом деле это было не совсем так. Детский смех был необъяснимо похож на тот, что я слышал во сне: смех девочки с мячом на пляже. Обрывки моего сна стремились вырваться наружу.

Мы с Фоддером направились домой в «Сиддонс», куда мы добрались без дальнейших

происшествий. Мы нашли Ллойда за стойкой, штопающим носок, в котором было много штопки и очень мало носка. Привратник кивнул нам, и Фоддер взглянул на часы.

— Мы закончили, Кривой. Если ты завтра утром в девять ноль-ноль будешь здесь, или я, или Ллойд возьмем тебя на обход. — Он похлопал меня по груди. — Тебе нужно набрать немного жирку. Холод высасывает жизненные силы.

Поблагодарив его, я пообещал наесться до отвала всем тем, что подвернется под руку, и он направился к лифтам.

— Как ты поладил с верзилой? — спросил Ллойд, когда Фоддер ушел.

— Кажется, нормально. Когда мы обнимались, он поцеловал меня в ухо.

— Я бы не искал в этом какой-то тайный смысл. Фоддер поступает так со всеми. Сегодня утром в подвале было много живых лунатиков?

— Трое. И я встретил там Аврору. Это произошло совершенно случайно?

Я всмотрелся Ллойду в лицо, стараясь прочитать, имел ли он к этому какое-либо отношение.

— С какой стати ей это планировать? — спросил он, и у него на лице не отразилось ничего такого, что я искал.

— Не знаю.

— Если это вопрос политики Токкаты и Авроры, правило есть только одно, — сказал Ллойд. — Постарайся не оказаться между ними. Как тебя встретила Токката?

— По-моему, она меня ненавидит — и никто не предупредил меня, что Аврора и она — одно и то же лицо.

— Я полагал, это всем известно, — сказал Ллойд. — Тогда понятно, почему ты принял клинически безумное решение спариться с Авророй.

— Ты и об этом уже слышал?

— В открытой сети ни о чем другом не говорят. Также ходят слухи, что совсем недавно в Парке развлечений кого-то убили. Это правда?

Собравшись с духом, я рассказал Ллойду о том, что произошло в снежный буран рядом с музеем, в мельчайших подробностях. За спиной у привратника было уже больше тридцати Зим, он был рядом, когда забрали Икабода; я хотел узнать, что он думает.

— Она вернулась, — пробормотал Ллойд, когда я закончил. — Когда найдут тело, окажется, что у него недостает мизинца. Это фирменный почерк Грымзы. Она забирает трофей. Ты услышал детский смех прямо перед тем, как забрали

Счастливчика Неда?

Почувствовав, как у меня на затылке снова встают волосы, я подтвердил, что все произошло именно так.

Ллойд задумчиво кивнул.

— Зимний люд нельзя обнаружить органами чувств, затравить, загнать в угол или убить, потому что они существуют только как сны, пережившие того, кто их породил. Они кружатся среди нас, перелетая от одного хозяина к другому, и время от времени садятся на место, чтобы учинить разгром, после чего снова улетают, возвращаясь в общее подсознание.

— Это очень смелое предположение.

— Возможно. Поговаривают, что сущность, известная нам как Грымза, на самом деле является осиротевшим кошмарным сновидением Гретель, дочери Икабода Блока, которую он убил во сне. Гр-етель, Гр-ымза, чувствуешь?

— Это чересчур натянуто.

— Впервые Грымза появилась двадцать лет назад, вскоре после смерти Гретель — которая очень любила мюзиклы Роджерса и Хаммерстайна.

— Все равно чересчур натянуто.

— Согласен, — сказал Ллойд, уставившись на стол.

Нас учили при оценке какого-либо ненормального Зимнего явления пользоваться Правилом наименьшего изумления [122], и сейчас, похоже, как никогда настало время к нему прибегнуть, потому что любое объяснение было менее вероятным, чем предположение, будто Счастливчика Неда схватила Грымза. Это мог сделать лунатик, Консул, зимсонник, сомнамбула — даже просто человек, облаченный в современный шоковый костюм Мк-XXII, со встроенной радиолокационной станцией Х-4С. А как лучше всего замести свои следы, если не представить все так, будто это дело рук Грымзы? Не исключено, что Счастливчик Нед сам все подстроил, чтобы нагнать на нас страх Морфея. Злодеи любят туманить людям голову.

Поблагодарив Ллойда, я направился к лифтам, должен признаться, чувствуя в груди щемящую пустоту. Но дело было не только в голоде, пережитом за день стрессе, встрече с Токкатой и даже не в том, что я был рядом, когда появилась Грымза и забрала Счастливчика Неда, — нет, было что-то еще, что весь день оставалось у меня в подсозна-

[122] Примечания: 122

Выражаясь по-простому: самое простое и наиболее вероятное объяснение, каким бы приземленным ни было, скорее всего, окажется верным.

нии, упрямо не желая уходить.

Бригитта.

Подгнило что-то в зимнем государстве

«…Дормиториум как общественный центр надолго остается в душе тех, кто в нем жил. Это прибежище, где можно в безопасности укрыться от холода и поспать, – неудивительно, почему люди хранят верность своей Ночлежке. Переезды с места на место редки; название Дормиториума, номер комнаты и этажа становятся неотъемлемой частью обитателя. Расстаться с этим – все равно что потерять частичку самого себя…»

Справочник по Зимологии, 10-е издание, издательство «Ходдер и Стоутон»

Я поднялся в многокабинном подъемнике на девятый этаж, отпер дверь в свою комнату и бросил куртку на спинку дивана. Выбрав наугад валик, я поставил его в фонограф, и вскоре воздух наполнился убаюкивающей мелодией «Бергамасской сюиты». Пройдя на кухню, я заварил чашку чая, съел пакетик кешью и приготовил большой сандвич с арахисовым маслом и джемом. Затем

я взял из корзины пачку печенья и три шоколадных батончика, положил сладости в карман и осторожно открыл дверь. Неудивительно, но в коридоре никого не было. Тем не менее я снял тапочки и прошлепал в одних носках. Остановившись перед комнатой Бригитты, я постоял, убеждаясь в том, что горизонт чист, затем отпер дверь и шагнул внутрь.

Комната оставалась в целом такой, какой я видел ее утром: заставленной картинами, однако все органическое было или съедено, или обгрызено. Все запасы продовольствия, почти весь картон и даже свечи, мыло и резина с кухонной лопатки. До того как Ллойд отвел Бригитту в подвал, она поглотила все то немногое, содержащее белки, что смогла найти: даже занавески, похоже, были обглоданы.

Я осторожно прошел в спальню. Бригитта лежала на кровати, неуклюже распростертая, совершенно неподвижно. Пощупав пульс, я обнаружил, что она лишь в Ступоре. Пусть в эмоциональном и интеллектуальном планах ее мозг был мертв: однако та часть ее гипоталамуса, которая отвечала за распределение ресурсов, по-прежнему работала исправно.

Сложнее всего оказалось незаметно поднять

Бригитту вверх по лестнице; самая неприятная задача заключалась в том, чтобы отрезать ей палец. Включив обогрев, я сел на кровать и стал ждать. Минут через двадцать у Бригитты задрожали веки.

— Я тебя люблю, Чарли, — сказала она, открыв глаза.

— Не сомневаюсь в этом, — ответил я, — но не этого Чарли, а своего Чарли. Меня ввела в заблуждение надежда на то, что ты имеешь в виду меня, однако это не так. Ты признаёшься в любви другому Чарли. Это… совпадение имен, и только.

Я накормил ее сандвичем и шоколадным батончиком, затем дал выпить пинту воды. Утром я так и не смог заставить себя отправить Бригитту на покой, поэтому я просто отложил проблему на потом, оставив открытыми все возможные варианты. Вся беда в том, что по сравнению с утром мой выбор не расширился, а лишь еще больше сузился. Прежде я полагал, что между мной и Бригиттой существует какая-то связь, однако это оказалось не так. Как объяснила Аврора, я просто задним числом ввел Бригитту в свой сон. Это только вопрос времени, когда ее обнаружат, и тогда мне не помогут никакие доводы. Предоставление прибежища — серьезное

правонарушение, кто бы это ни совершил и какими бы побуждениями он ни руководствовался. Сейчас мне следовало сделать то, что я должен был сделать еще утром.

Джонси была права: первый раз всегда самый трудный.

Нежно приподняв рукой Бригитте голову, я переключил «Колотушку» в тестовый режим и прижал дуло к ее затылку, в том самом месте, где позвоночник соединяется с черепом. Я замешкался, чувствуя, как на глаза наворачиваются непрошеные слезы. И это оказалось кстати: я убрал руку, чтобы их вытереть, и Бригитта, повернувшись, открыла уголок лежащего под одеялом альбома. Я осторожно отдернул одеяло. Она рисовала, и совсем недавно: сегодня утром, после того как я привел ее обратно в комнату.

— Кики нужен валик, — произнесла Бригитта вслух.

На первой странице альбома был набросок синего «Бьюика», который я утром видел в подвале; рядом рос раскидистый дуб, вокруг ствола горой были навалены камни. Неподалеку от машины был накрыт пикник, а вдалеке виднелся Морфелей. И еще на камнях сидел человек: Дон Гектор, отвергнутый, а вокруг камней из земли торчали

сотни рук, жаждущих схватить его.

Я непроизвольно поежился. Это был сон, приснившийся мне, который, по всей видимости, приснился и Бригитте. Но это могло произойти только в том случае, если сновидение было вирусным — или если оно также подчинялось теории ретроспективных воспоминаний. Перевернув страницу, я увидел другой набросок, на этот раз изображающий сцену под днищем старого автомобиля. Какой-то человек тянулся за уроненным фонариком, луч света которого освещал в профиль лицо, представляющее, говоря словами Бригитты, «вдохновительную загадку». Это был я. Но это был не просто я, это было недавнее воспоминание обо мне. Сегодня утром, когда мы встретились под днищем «Бьюика». Бригитта потеряла практически все, но сохранила сложную взаимосвязь руки2 и гла2за, присущую художникам, каковым она когда-то была.

— Я обманул себя, вообразив, что встретил твоего мужа, — тихо промолвил я, — в комплексе «Гибер-теха». Человек по фамилии Уэбстер. У него борода, он водит гольфмобиль. Один из преобразованных.

Бригитта повела пустым взглядом, ничем не показывая то, что она понимает смысл моих

слов или хотя бы сознает то, что ее окружает. Я несколько раз протягивал ей карандаш, но она лишь однажды схватила его и практически сразу же выронила. Бригитта рисовала по памяти — фотокопировальный аппарат в человеческом обличье. Сложный трюк, но все равно не более чем трюк. Я почувствовал, как меня захлестывает волна безысходности. Даже если мне удастся каким-то образом незаметно провести Бригитту мимо Токкаты, требующей отправки на покой всех до одного лунатиков, и каким-то образом убедительно объяснить, почему она до сих пор жива, «Гибер-тех» все равно разберет остатки ее сознания и преобразует ее в физического работника, в бездумного робота. Вряд ли она сама пожелала бы такого. Нет, я должен был сделать то, что мне следовало сделать еще утром.

Я отправился на кухню, чтобы принести Бригитте попить, но когда вернулся, в альбоме был еще один рисунок: бородатый мужчина в гольфмобиле. Не из жизни, поскольку гольфмобиль был другим, как и коридор, по которому он ехал. Однако в настоящий момент это не имело значения. Гораздо важнее было другое.

Бригитта осмыслила мои слова.

— Проклятие, — пробормотал я, — ты меня

понимаешь!

Я щелкнул пальцами у нее перед лицом, но она даже не моргнула.

— Пусть всегда будет Говер, — тихо промолвила она.

— Так, хорошо, — сказал я, подсаживаясь к ней, — меня зовут Чарли Уортинг, я Консул-послушник — ну теперь, пожалуй, Младший консул, — и для всех остальных ты просто лунатик-Шутница, ничем не лучше покойницы, однако я знаю, что это не так. Ты можешь хоть как-нибудь объяснить, где, по-твоему, сейчас находишься?

На этот раз я стал ждать ее ответа. Бригитта сидела совершенно неподвижно целых пятнадцать минут, затем взяла карандаш и быстро набросала еще один рисунок. Это был пляж на Говере, остов «Царицы Аргентины» и оранжевый с красным зонтик внушительных размеров. Были здесь и девочка, бегающая за большим мячом, и Бригитта, одетая так же, как сейчас, рисующая в альбоме. На песке у ее ног лежали рисунки сна про «Бьюик», про нас с нею под днищем машины. Закончив, Бригитта уставилась на пол, истощенная работой. Я долго смотрел на рисунок, затем перевел взгляд на нее.

Она жива, ей снится, что она на Говере. *Ее рассудок работает.* Я посмотрел Бригитте в глаза, стараясь уловить малейший намек на заключенное в черепе сознание, но ничего не обнаружил. Бригитта посмотрела поверх моего плеча, в угол комнаты, на занавески, снова поверх моего плеча. Наконец она встретилась со мной взглядом, и ее ярко-фиолетовые глаза на какое-то мгновение пристально смотрели мне в лицо.

— Бригитта! — окликнул я. — Ты меня слышишь?

— Я тебя люблю, Чарли.

Вздохнув, я постарался понять, что все это означает в общем плане. Возможно, актриса, которую я встретил в поезде, была права, когда говорила, что ее муж по-прежнему жив, и сложное ухищрение, задуманное мистером Тиффеном, чтобы оберегать свою жену, имело смысл, если он верил в то же самое. Был и Олаф Йонерссон, здесь, в Трясине, который на протяжении более трех лет давал прибежище двум лунатикам, без каких-либо признаков преступных деяний. Быть может, он также увидел что-то, убедившее его в том, что лунатики не совсем умерли. Были и другие анекдотические истории про людей, убежденных в том, что их возлюбленные родственники

с отмершим головным мозгом и людоедскими наклонностями на самом деле где-то в глубине сохранили сознание; однако «Гибер-тех» решительно отрицал все это, и лунатики отправлялись на разделку, на покой, использовались для экспериментов или преобразовывались. Если то, во что верили все эти люди, правда, и «Гибер-теху» это известно, тогда действия компании являются… просто *гнусными*.

— Кики нужен валик.

— Не сомневаюсь в этом, — согласился я, — даже если бы я понимал, что это означает.

Я скормил Бригитте несколько шоколадных печений, затем усадил ее в лохань и отскоблил грязь, превратившую ее густую зимнюю шерсть в свалявшиеся космы. Бригитта тупо сидела в лохани, а я мыл ее так, как моют ребенка или собаку; она безропотно терпела, пока я обстригал ей спутанные волосы на голове, затем втирал в скальп масло от вшей и менял повязку на большом пальце. Затем я одел ее в чистую одежду и навел в комнате порядок, позаботившись о том, чтобы у нее под рукой было достаточно бумаги и карандашей, после чего сказал, что вернусь к завтраку.

Надежно заперев за собой дверь, я вернулся к

себе в комнату, приготовил чашку какао, затем разделся и лег в кровать. Времени было еще не слишком много, однако я очень устал. Я взял записную книжку, намереваясь внести запись в дневник, но затем рассудил не делать этого из опасения, что мои заметки попадут в чужие руки. Поэтому я снова лег в кровать и уставился на Клитемнестру, смотрящую на меня с неменяющимся выражением.

Я пережил свой первый целый день в Двенадцатом секторе, но с большим трудом. Меня мучил Гибернационный наркоз, порождающий в памяти реверсию увиденных образов. И тут, хотя и этого было бы достаточно, мои проблемы не заканчивались: я солгал Токкате о своих отношениях с Авророй, возможный активист «Истинного сна» Хьюго Фулнэп выдавал себя за Консула с одобрения Токкаты, и я обнаружил, что лунатики в действительности, возможно, не такие мертвые, какими их считают. Если учесть, что Достопочтимая Гуднайт спрашивала у меня, не заметил ли я каких-либо перемен в поведении миссис Тиффен, в «Гибер-техе», вероятно, также дошли до этого. Я не мог точно сказать, каким боком это связано с проектом «Лазарь» — если вообще связано, — но всеобщая доступность

«морфенокса» значительно увеличит количество лунатиков, и если их можно будет преобразовывать для выполнения сложных работ, «Гибер-тех» потенциально получит большое количество бесплатной рабочей силы.

Однако все мои проблемы казались пустяками в свете самой главной задачи, стоявшей передо мной: как сохранить Бригитту живой, в безопасности, в тепле, накормленной, вдали от любопытных глаз. Возможно, если я как-нибудь дотяну до Весеннего пробуждения и покажу ее журналистам, все будет хорошо. Тогда проблемой «морфенокса» и лунатиков тщательно займутся, будут заданы вопросы, Бригитту изучат. Однако это порождало еще более серьезную проблему. Еда. Продовольствие на девяносто один день. Если я допущу, что Бригитта проголодается, она вернется к людоедству, и тогда я окажусь первым у нее в меню. Я постарался придумать верный способ добраться до какой-нибудь надежно охраняемой кладовой и стащить что-нибудь съестное, однако нить моих оптимистичных мыслей быстро оборвалась. Вопрос стоял так: *когда* Бригитту обнаружат. А когда ее обнаружат, мне придет конец. Тюрьма, потеря работы, и что хуже, что *гораздо* хуже, вечное осуждение со стороны сестры

Зиготии. Я закончу свои дни Лакеем, рыщущим Зимой в поисках работы по десять евро за час, в ожидании того, когда удача окончательно от меня отвернется.

Мне нужно бежать от всего этого, и когда два часа спустя я наконец нашел ответ, он оказался желанным. Ответ прогнал усталость, снял с меня груз неприятностей и вернул к Бригитте. Не к живой женщине-лунатику, запертой в своей комнате, которую я был готов оберегать ценой собственной репутации и даже жизни, а к Бригитте из сна, обитающей у меня в подсознании.

На Говере.

Снова.

Опять сон

«…Изучение ледников показывает, что они из года в год наступают, однако мало кто из политиков хочет заниматься проблемами изменения климата, и, соответственно, отсутствуют четкие представления о том, что нужно делать в этой области. Нелицеприятная правда заключается в том, что по текущим оценкам, в отсутствие последовательной стратегии все, что находится севернее 42-й параллели, меньше чем через двести лет будет покрыто сплошным ледяным панцирем…»

«Как выжить на Земле, превратившейся в снежный ком», Джереми Уэйнскотт

Казалось, у меня в сознании поднялась заслонка, рухнула преграда, и шестеренки сна, заржавевшие от длительного неиспользования, наконец вновь обрели возможность вращаться. Мне снился заснеженный город, чистый, нетронутый снег после недавнего снегопада. Я увидел

Джонси в наряде передней половины лошади из пантомимы, в окружении коллекции больших пальцев, общим числом шестьдесят три, затем мать Фаллопия строго сверкнула на меня взглядом, стоя над спящей Бригиттой среди десятков портретов Чарльза Уэбстера, *также* строго смотрящих на меня.

И тут я очутился на улице и увидел идущую среди снежных наносов Аврору, полностью обнаженную, шерсть у нее на теле светлая, мышино-серая, длиной не больше дюйма, редеющая на спине до участка голой кожи в форме тополиного листа, linea decalvare [123], столь любимая классиками живописи. Повернувшись, Аврора внезапно превратилась в Токкату, сидящую за столом, а я перед ней на большом блюде, покрытый медовой глазурью, с яблоком во рту.

Но хотя весь этот сон был немного странным, в нем не было ничего необычного. Я *понимал,* что это сон, и просто отмахивался от него. Я ждал, словно сидя в кинотеатре, с трудом терпя бесконечные рекламные ролики и объявления перед началом сеанса, сознавая, что вот-вот начнется главное действо, с яркими красками и громким

---

[123] Примечания: 123
Область, лишенная волос *(лат.).*

звуком, и я смогу откинуться на спинку кресла, расслабиться и получать удовольствие.

И это произошло: упоительная вспышка света и красок, свидетельствующая о переходе с низкого уровня подсознания в гиперболизированную реальность высшего Состояния сна.

Мы снова оказались на Говере, на берегу недалеко от кромки воды «Царица Аргентины», сквозь ржавчину проглядывает голубая краска, свободные концы веревок треплются на ветру. Все в точности так же, как и прежде: это все равно как смотреть фильм по второму или третьему разу — знакомая предсказуемость и непоколебимое постоянство повторов. Песок, солнце, большой оранжевый с красным зонтик от солнца, Бригитта в закрытом купальнике цвета только что распустившейся листвы. Она смотрит на меня, смахивает прядь за ухо, улыбается, и на какое-то мгновение все снова становится идеальным. Вокруг Лето-утопия, и ничто не нарушает ощущения бесконечного блаженства. Мимо со звонким смехом пробегает девочка, гонясь за большим мячом, и для Бригитты это словно становится условным сигналом. Те же самые слова, та же самая интонация.

— Я тебя люблю, Чарли.

— Я тебя люблю, Бригитта.

И несмотря на искаженное Состояние сна, в котором я очутился, и невозможности данной ситуации в реальном мире, это правда. Я люблю не тот образ, который вижу перед собой в безмятежные выходные десять лет назад; я люблю здесь и сейчас, сознавая, что оберегаю Бригитту своей любовью, в разгар суровой Зимы в Двенадцатом секторе, в убогой обстановке «Сары Сиддонс». Пряча ее, ухаживая за ней, стараясь найти путь к спасению и справедливости.

Снова посмотрев на свои руки, я потрогал свою симметричную голову, ощущая пальцами шуршащую щетину. Я пощупал свой нос: прямой, орлиный, красивый.

— Мне нравится быть Чарльзом, — произнес я вслух.

— Теперь ты Чарльз, *мой* Чарльз, — весело хихикнула Бригитта. — Постарайся не думать о Зимних консулах и службе безопасности «Гибер-теха». Только сегодня и завтра, сорок восемь часов. Ты и я. И пусть сбудутся сны.

Та же самая фраза. Повторенная слово в слово.

— Пусть сбудутся сны, — отвечаю я и затем в качестве эксперимента добавляю: — Пока Крюгерс и Люгерс палят из пушки по подушкам.

Бригитта нахмурилась.

— Что?

— …этого хватит, чтобы сделать мамонта из одного грамма грамоты и наполнить литую кастрюлю кипятком из Ливерпуля.

После чего я сделал колесо на мягком песке. Я уже давно не проделывал это упражнение, и у меня перед глазами мелькнули звезды, но когда я снова посмотрел на Бригитту, у нее на лице было написано такое бесконечное смятение, что меня охватило беспокойство.

— Ты ведь теперь Чарльз, *мой* Чарльз? — неуверенно произнесла она.

— Пока что да.

— Ты и я? Пусть… сбудутся сны?

Я изменил сон. Не только слова, но и *действия.* И я также изменил ответы Бригитты.

— Не желаете запечатлеть счастливое мгновение? — окликнул нас фотограф с моментальной фотокамерой в руках. — Качественный снимок, и…

— …по умеренной цене, такую вы больше нигде не найдете, — перебил его я. — Вы ведь это собирались сказать?

— Ну да, — согласился фотограф, растерянно глядя на Бригитту.

Та пожала плечами. Я понял, что теперь управляю сном, а не просто еду в нем пассажиром.

— Времени у нас мало, — сказал я, чувствуя, как к пляжной идиллии быстро приближается тень сна про синий «Бьюик». — Я хочу увидеть нас с тобой, но не на берегу. Где и когда мы встретились в последний раз?

Улыбка на лице Бригитты погасла.

— Зачем ты у меня спрашиваешь, Чарли? Ты и так сам все знаешь.

И действительно, я знал. Это произошло в «Геральде Камбрийском», за неделю до Засыпания, три года назад. Но как раз в этот момент появилась смеющаяся девочка с большим мячом, однако теперь она не пробежала мимо, а остановилась и посмотрела на меня.

— Будь осторожен, Чарли, — сказала девочка. — Если заглядывать в чужие сны, найдешь там одни только кошмары.

И с этими словами она убежала.

Собравшись с духом, я перепрыгнул в другой сон, в сон внутри сна. Я не знал, смогу ли это сделать, но у меня получилось. Это все равно как в восемнадцать лет обнаружить, что ты умеешь играть на пианино — ты будешь потрясен, но в то же время воспримешь это как должное, поскольку-

ку на самом деле ты всегда это *знал*.

Я стоял на улице перед безрадостным Дормиториумом, погруженным в темноту, унылым, зловещим, из потемневшего от времени камня. Этот сон, как и тот, который я только что покинул, был гиперреалистичным, и от реальности его отличало только то, что я твердо знал обратное. Это здание я уже видел, в реальном мире. Это был «Геральд Камбрийский».

Мельком увидев собственное отражение в стекле входной двери, я увидел, что Чарли Уэбстер пристально смотрит на меня сквозь него. Он выглядел осунувшимся, усталым, постаревшим, огрубевшим. Я толкнул дверь, гадая, куда приведет меня мое подсознание.

Внутренняя обстановка была из тринадцатого века, когда лишь духовенство и знать пользовались Дормиториумами и спячка была неразрывно связана со смертью, возрождением и религией. Изогнутая лестница вела из фойе в пустое пространство посредине, но по обе стороны от стойки, за которой привратник перебирал какие-то бумаги, стояли современные диваны. На одном Заза листала иллюстрированный журнал, а на другом за развернутой газетой спрятался агент Хук. Третья фигура стояла в телефонной

кабинке сбоку, судя по виду, или Аврора, или Токката, однако определить точно не представлялось возможным.

— Добрый вечер, — сказал привратник.

— Добрый вечер, — ответил я. — Для меня есть что-нибудь?

Та моя часть, которая была Консулом Чарли, не знала привратника, но его знал Чарли Бригитты.

— Только одна записка, — ответил привратник, доставая из ячейки листок.

Пусть всегда будет Говер.

Записку написал не он. Это был почерк Бригитты, что могло означать только одно: за мной охотятся, и я должен незамедлительно затаиться в укромном месте, вести себя тихо и ожидать указаний.

Поблагодарив привратника, я развернулся, но вместо того чтобы покинуть Дормиториум, что предлагала Бригитта, взбежал по лестнице на первый этаж. Я услышал позади шелест свернутой газеты и шаги по каменным плитам, но не ускорил шаг. Раз я слышу агента Хука, он также слышит меня.

Здание было древнее, мрачное, в плохом состоянии. Повсюду были расставлены ведра, чтобы

собирать воду, капающую со сводов, а на сырой штукатурке расцвели большие пятна плесени. Пройдя по изогнутому коридору, я вошел в комнату 106 и осторожно запер за собой дверь.

Комната оказалась небольшой, со сводчатым потолком, покрытым штукатуркой, обшитая сосновой доской. Кое-где оторванные доски были заменены на новые, наспех, кое-как. Единственное окно в эркере выходило на пожарную лестницу, а на стене висели часы в форме многоконечной звезды, стрелки которых застыли на «10.55». Не было ни книг, ни личных вещей, картин, фотографий. Похоже, Уэбстер был или человеком без прошлого, или человеком, страстно стремящимся к тому, чтобы прошлого не иметь.

Не задумываясь, я сунул руку в кожаную сумку, висящую на плече, и достал круглый картонный тубус, в каких носят валики с музыкой или для диктофона. Этот был тот самый валик, который меня попросили передать Кики. Но я не знал, кто такая Кики, как ее найти и откуда у меня этот валик. Я был лишь частью Чарльза, а не всем им целиком; передо мной открылось лишь маленькое окошко, позволяющее заглянуть в его жизнь. Подойдя к камину, я положил валик на подвернувшийся кстати выступ в дымоходе.

Покончив с этим, я поднес спичку к записке, которую мне передал привратник, и проследил, как она превратилась в пепел.

Только я начал гадать, когда появится Бригитта, как — вполне предсказуемо, если учесть, что это происходило со мной во сне, — раздался осторожный стук в окно, и я увидел, что она машет мне с пожарной лестницы. Но это была не Бригитта с пляжа, а Бригитта отъевшаяся, Бригитта конца сезона, упитанная Бригитта, готовая Весной принести мне ребенка, Бригитта встревоженная — причем, думаю, тревожилась она не за себя.

— Ради всего святого, Чарли, — сказала Бригитта, когда я открыл окно и помог ей забраться внутрь, — разве привратник не передал тебе мою записку?

Но по крайней мере она была здесь, пусть и разозленная. Ее черные волосы были забраны в свободный хвостик, под пуховиком был виден забрызганный красками комбинезон.

— Я получил твою записку, — сказал я, следуя в русле повествования, наслаждаясь вселяющей дрожь опасностью.

Я уже видел Дормиториум издали, я знал, где жил Уэбстер, поскольку видел его адрес в личном деле. И теперь я просто заполнял пробелы. Я

упивался этим сном, наслаждался своими похождениями. Все эти приключения существовали исключительно у меня в голове, и я намеревался насладиться каждым их мгновением.

— Тогда почему ты не укрылся на конспиративной квартире? — продолжала Бригитта. Корни ее гнева крылись не столько в раздражении, сколько в беспокойстве. — Кики позаботилась бы о том, чтобы благополучно переправить тебя отсюда.

Сон с каждой секундой все больше напоминал шпионский боевик: мы с Бригиттой находились в Трясине не в качестве трудовых мигрантов. Мы выполняли секретное задание для «Кампании за истинный сон». Я по поддельным документам устроился в «Гибер-тех», чтобы подняться по карьерной лестнице от низкоквалифицированного труда до должностей, открывающих доступ к конфиденциальной информации.

— Я простой санитар. Я притворюсь тупым. От меня ничего не добьются.

— Только не на этот раз. Она была там, в телефонной будке. Я ее видела, когда заходила в здание. Она *все* знает.

Я не знал, что мне следует на это ответить, но это было неважно; за меня заговорила Бригитта. И сказала она примерно то, что я и ожидал.

— Кики нужен валик.

Разумеется. Именно это она и должна была сказать. Я по-прежнему заполнял пробелы тем, что подворачивалось под руку. Я уже говорил: сон — это просто попытка подсознания построить связное повествование из разрозненных воспоминаний, фактов и мыслей.

— Он в надежном месте, — сказал я, имея в виду тубус, который только что спрятал в дымоходе, — и я вернусь за ним, обещаю, и доставлю его Кики.

Бригитта подняла бровь.

— Без тебя я не покину Двенадцатый сектор.

Раздался громкий стук в дверь. Мы его ждали, но тем не менее вздрогнули от неожиданности.

— Уэбстер! — послышался из-за двери голос, принадлежащий Токкате либо Авроре.

— Кто там? — невинным тоном, нараспев спросил я.

— А ты как думаешь? — продолжал голос. — Грымза? Немедленно открой дверь!

Мы с Бригиттой переглянулись.

— Комнату обыщут, — прошептал я. — Здесь не должно быть ничего, что связывало бы нас с тобой. Вот.

Протянув руку, я вытащил выцветшую фото-

графию, засунутую за часы в виде многоконечной звезды. Это был моментальный снимок нас с Бригиттой, сделанный в то прекрасное и теперь уже оставшееся далеко позади мгновение в Розилли. Я протянул его Бригитте.

— Ты ее сохранил? — сказала та. — Крайне опрометчивый шаг. Я ее уничтожу.

Она сунула снимок в карман, и мы какое-то мгновение смотрели друг на друга. Мы-они в последний раз видели друг друга, и, полагаю, мы-они это понимали. Прощальные слова дались нам без труда.

— Я тебя люблю, Чарли.

— Я тебя люблю, Бригитта.

Мы произнесли эти слова бесстрастно, без чувств, так, как их говорила мне в реальном мире лунатик Бригитта. Она не произносила их тупым монотонным голосом, она повторяла их в точности так же, как произнесла в последний раз. Без спешки, простая констатация факта, а не гимн страсти.

После чего Бригитта скрылась, выбралась в окно и спустилась по пожарной лестнице. Дверь вздрогнула от мощного заряда «Кувалды», замок вылетел с громким треском и впечатался в противоположную стену. Второй выстрел превратил

дверь в облако щепок и…

…я оказался под раскидистым дубом, на неровной груде камней, воздух насыщен ароматом Лета, лазурное небо, пробивающийся сквозь ветви солнечный свет покрывает землю яркими пятнами.

Как и прежде, не было никакого перехода, никакого предупреждения — ничего. Вот я находился в «Геральде» в ожидании того, когда меня схватят, и в следующее мгновение я уже очутился под дубом. Усевшись, я огляделся по сторонам. Теперь я больше не был Уэбстером, я был Доном Гектором. Кожа на подбородке отвисла, конечности ныли, перед глазами все расплывалось. Вся левая сторона тела онемела, а глубоко в груди чувствовались хрипы, означающие, как я понимал, не проходящую болезнь, а погребальный марш.

С трудом поднявшись на ноги, я осмотрелся вокруг. Синий «Бьюик» стоял рядом, на горизонте виднелся Морфелей, неподалеку был накрыт столик для пикника — и здесь была миссис Несбит, окруженная потрескивающим дрожащим голубоватым сиянием.

— Мы знаем одну укромную ферму в Линкольншире, где живет миссис Бакли. В июле там…

Ей не дали закончить. Ее перебил *другой* голос,

задиристый женский голос, не совпадающий с артикуляцией дрожащего видения. На этот раз я его узнал. Достопочтимая Гуднайт.

— Уортинг?

— Да.

— Ты там, под дубом, на солнце, рядом синий «Бьюик» и накрытый столик для пикника?

— Да, — подтвердил я, глядя на руку, прячущуюся за цветком в нескольких шагах от меня.

— Куда ты только что ходил? Тебе что-то снилось. Это имеет отношение к нашим поискам валика?

— Нет, — поспешно ответил я, — это было воспоминание из Приюта — памятная игра в крикет в здании, когда Билли Дефройд метким ударом отломил руку статуе Морфея, а затем прилепил ее жвачкой, сидя на плечах у Эда Дуизла.

— Очень интересно, — сказала миссис Несбит.

— Вы так считаете?

— Нет. Наверное, это *самая* неинтересная вещь, какую я только слышала. Я хочу услышать только про один сон, про тот, в котором есть валик. Нам нужно узнать, где он. Нам нужно его вернуть.

Теперь я знал, о каком валике идет речь, по крайней мере в физическом смысле: это был *звукозаписывающий* валик, вероятно, восковой, с

записанной на нем звуковой дорожкой, спрятанный в дымоходе в «Геральде».

— Тот, который ищет Кики? — спросил я.

Последовала пауза.

— Совершенно верно, Уортинг. Тот, который ищет Кики.

— Что на нем записано?

— Ничего такого, что может быть тебе интересно. Просто постарайся вспомнить, кому его отдал Дон Гектор и где он сейчас. Это крайне важно. Постарайся добраться до Морфелея. Быть может, тебе повезет больше, чем остальным.

— Остальным?

— Я хотела сказать… чем при *последней* попытке.

Но я ее уже не слушал. Мне было известно, что валик передали Уэбстеру, но я хотел знать, где он его получил. Сузить круг, если хотите. Больше того, я *знал*, что мне нужно попасть в храм Морфея, тот самый, который виднелся на горизонте. Я спустился с груды камней так быстро, как только позволяла моя ограниченная подвижность, затем пересек открытое пространство по направлению к «Бьюику», нащупывая в кармане ключи с брелком в виде кроличьей лапы. Пнув ногой руку, ухватившую меня за штанину, я рывком

распахнул дверь машины и забрался внутрь. Этот выигрыш был кратковременным: через секунду по капоту ползли тучи разгневанных рук, скрипя кожей по стеклу в попытке протиснуться в щель заклинившего стекла в двери. Количество их увеличилось так стремительно, что вскоре они казались уже не руками, а скорее червями размером с палец, извивающимися в консервной банке.

Неловко вставив ключ в замок, я завел двигатель, включил передачу и рывком тронулся с места. К счастью, большинство рук сорвались и сползли с машины, а те, что остались внутри, я просто вышвырнул вон. Вскоре я остался совсем один, несущийся на полной скорости по лугу под шум покрышек, проминающих мягкую землю.

Мне потребовалось меньше минуты, чтобы добраться до храма. Остановившись, я заглушил двигатель и выбрался из машины. Руки, остававшиеся на машине, похоже, опешили от внезапной смены обстановки и застыли в бездействии. Покачиваясь на скрюченных пальцах, они молча наблюдали за мной.

Я направился к Морфелею, воплощенному в моем сне во всех деталях: пятна лишайника на сглаженной временем резьбе по камню, трещины

в кирпичной кладке, плющ, стиснувший здание крепкой удушающей хваткой.

— Ты в храме? — спросила миссис Несбит, которая по-прежнему оставалась здесь, рядом со мной, слегка дрожащая.

— Я здесь.

— Ты первый, кому это удалось, — продолжала она, — ты молодец. Однако никакой передышки до тех пор, пока ты не найдешь валик. Лишь смерть освободит тебя от этого сна.

— Ты выставляешь себя на посмешище, Гуднайт, — сказал я.

— Я миссис Несбит, — сказала миссис Несбит после слишком долгой паузы, означавшей только то, что на самом деле она никакая не миссис Несбит. — А если бы я *была* Гуднайт — каковой я не являюсь, — тебе следовало использовать почтительное обращение «Достопочтимая». Полагаю, она заслужила это своей долгой жизнью, отданной беззаветному труду, ты согласен?

— Да, мэм.

— Найди валик. Осмотри храм. Ступай.

Я осторожно протянул руку, чтобы ощупать стену здания, и без какого-либо перехода оказался в другом сне. Я по-прежнему был Доном Гектором, однако теперь на дворе стояло не Лето

в самом разгаре, а поздняя Осень. Затянутое серыми тучами небо предвещало дождь. Я поежился, несмотря на теплую куртку, и огляделся по сторонам. Синий «Бьюик» исчез, но Морфелей стоял на месте, более темный и зловещий, но такой же, теперь окруженный со всех сторон зарослями сухой ежевики, желтой березы и побегов рябины. Деревья и кусты обнажили свои ветви, готовясь к Зиме. Я понял, где нахожусь, — в запущенном саду в центре комплекса «Гибер-теха». В том самом месте, куда удалялся Дон Гектор в поисках спокойствия и уединения. Принадлежавшем ему и только ему одному.

Но если я полагал, что миссис Несбит осталась позади, я ошибался. Она находилась здесь, в Морфелее, рядом со мной. Она была привязана не к окружающей обстановке, а ко мне.

— Что произошло? — спросила миссис Несбит.

— Они не умерли, — в смятении промолвил я, не отдавая себе отчета в том, что высказываю вслух свои суждения относительно лунатиков. — Катастрофический коллапс нервной системы вследствие Гибернационной гипоксии, обусловленной «морфеноксом», вовсе не является таковым — на самом деле это состояние перемещения сознания ниже порога обнаружения.

Я понятия не имел, о чем говорю; на самом деле это говорил не я, а Дон Гектор.

— Нам это известно, — согласилась Несбит, — отсюда необходимость вернуть валик. А теперь давай двигаться последовательно, по одному шагу вперед. Ты по-прежнему находишься рядом с храмом Морфея?

— Да.

— Войди внутрь.

Поднявшись по ступеням, я протиснулся между двумя массивными бронзовыми дверями. Внутреннее пространство размерами с площадку для бадминтона освещалось светом, проникающим в узкие окошки, спрятанные в толстой кирпичной кладке. Вдоль центрального прохода тянулись две сводчатых галереи, отделенные от главного пространства арками на простых незатейливых колоннах. Я прошел к святилищу в дальней части, где сводчатый купол поднимался над запыленным алтарем, заставленным подношениями с просьбой обеспечить крепкий и безопасный сон. По большей части цветы и продукты, а также все другие подношения сгнили много лет назад, превратившись в высушенные останки.

— Не принуждай нас сделать то, о чем тебе придется пожалеть, — предупредила миссис Не-

сбит, которая теперь находилась внутри храма, отбрасывая голубоватое сияние на каменную кладку, — потому что мы можем превратить твои сны в кошмары.

— Пожалуй, — сказал я, — вам следует сделать эти слова лозунгом вашей компании.

— Храбрая речь, — сказала Несбит, — однако смеяться последними будем мы. Время твоего сна истекло. Мы еще встретимся.

Она резко исчезла, а я напряг слух и услышал шорох подошв по камню. Частично скрытый в тени, в нише стоял мужчина в одежде санитара: белый халат без воротника, застегнутый спереди. Я тотчас же его узнал: Чарльз Уэбстер, мое уверенное в себе и определенно не кривое воплощение во сне.

Всего каких-нибудь две минуты назад я был *им,* но теперь я смотрел со стороны *на* него.

— Дон Гектор? — заметно нервничая, спросил Чарльз.

— Что вам нужно? — спросил я.

— Я друг Кики.

Кивком подозвав его ближе, я протянул ему простой картонный тубус, тот самый, который Уэбстеру предстояло спрятать в дымоходе, за считаные мгновения до того, как его арестовали.

События развивались в обратном порядке, но, как я уже успел выяснить, во сне время редко движется линейно.

— Береги этот валик как зеницу ока, — сказал я, — и обязательно передай его Кики. Больше мы никогда не увидимся.

Сознавая всю напряженность момента, Уэбстер быстро удалился. Через несколько минут на улице мелькнули лучи фонариков, и в храм вошла Достопочтимая Гуднайт в сопровождении Хука и еще нескольких человек, как я предположил, из службы безопасности «Гибер-теха». Они постоянно отставали от нас на шаг. В настоящий момент Уэбстер уже спешил прятать валик.

— Где он? — спросила Гуднайт, приближаясь ко мне решительным шагом. — Что вы с ним сделали? Кому вы его отдали?

Усмехнувшись, я показал ей непристойный жест.

— Вся наша работа, — с мольбой произнесла Гуднайт, — все то, что нам дорого, все то, что мы создали. Пожалуйста, Дон Гектор, сделайте то, что нужно.

Я молча улыбнулся. Дон Гектор не должен был оправдываться за свои-мои действия ни перед кем.

— Мы выжмем из него всё, — заявил агент Хук. — Он может сопротивляться наяву, но не во сне. Нам приходилось вытягивать и более сокровенные тайны из более достойных людей.

— Синий «Бьюик», — сказал я.

— Что? — встрепенулась Гуднайт.

— Я сказал: «синий «Бьюик». Поскольку это все, что вы от меня получите. Пикник, который я как-то устроил для одного себя, на лугу с видом на реку Уай, где растет замечательный раскидистый дуб, вокруг ствола которого навалены большие валуны. Я сидел там и читал, машина стояла рядом, в переносном холодильнике вино и сыр. Вот что у меня в мыслях, и вот что будет мне сниться. И также я добавлю своих сторожей. Отрубленные руки, похожие на лишенных шерсти крыс, просто на тот случай, если вы решите проникнуть в мое сознание или пришлете вместо себя кого-либо еще. Вы от меня ничего не добьетесь.

— Взять его! — приказала Гуднайт, но я уже скрылся — вернулся на груду камней под дубом, рядом синий «Бьюик» и остатки накрытого пикника.

Я понял, что сон вот-вот закончится, когда ко мне устремился ковер колышущихся рук, по траве, вверх по камням. Я не сопротивлялся, когда

они добрались до моего тела. Мне было все равно, когда своим общим весом руки опрокинули меня, и я почувствовал, как выбил зуб, ударившись о камень; мне было все равно, когда меня увлекли сквозь щели между камнями; мне было все равно, когда я начал задыхаться под землей, ощущая на груди ее тяжесть. Мне было все равно, потому что…

Рассвет и мертвецы

«…Среднегодовая температура в Уэльсе составляет комфортные шестнадцать градусов, однако максимумы и минимумы равняются соответственно плюс тридцати двум и минус шестидесяти восьми градусам. Обитатели прекрасно адаптировались к такому климату, приспособившись к суровым невзгодам, нарастив шерстяной покров и научившись терять как можно меньше веса во время зимней спячки…»

Справочник по Зимологии, 4-е издание, издательство «Ходдер и Стоутон»

У меня задрожали веки, глаза открылись, в висках стучало, во рту пересохло. Какое-то кратчайшее мгновение мне казалось, что я благополучно вернулся в «Черную мелодию», но нет. Клитемнестра смотрела с выражением, которое начинало все больше действовать мне на нервы, а стоящий рядом портрет меня с телом мужа Бригитты также изменился — теперь у него был вид не любящего мужчины, а человека, которого

мучит сильный приступ бодрствующего ступора.

Потянувшись, я выпил залпом стакан воды, предусмотрительно оставленный на ночном столике, затем скинул ноги на приятно прохладные половицы. Каким бы странным ни был сон, мне он доставил наслаждение. Я сотворил повествование, обладающее всеми компонентами триллера: красивая молодая влюбленная пара, работающая на подпольную организацию, тайный агент, которому угрожает смертельная опасность, пропавший звукозаписывающий валик, допрос, утрата, предательство. И я в центре действия. Быть может, это было то, что я подсознательно хотел для себя: мой затуманенный сном рассудок породил возбуждение и драматичность, которых до сих пор не было в моей абсолютно будничной жизни. Если у меня была бы еще одна жизнь, я бы полностью посвятил ее тому, чтобы спать, не прибегая к «морфеноксу», со всеми принесенными сновидениями — и сопутствующими дормитологическими рисками. Возможно, Шаман Боб и его сновидцы в чем-то правы.

Послышался стук в дверь. Я предположил, что это Аврора, и оказался прав. Левый ее глаз смотрел куда-то в сторону вправо, а правый пристально уставился на меня. От агрессивной,

задиристой Токкаты не осталось и следа; Аврора вернулась в свое обычное кипучее состояние. Я испытал искреннее облегчение, увидев ее.

— Я проходила мимо, — весело промолвила она, — и решила справиться, как у тебя дела.

Я не знал, что сказать, поэтому высказал то, о чем думал.

— Я понятия не имел, что вы с Токкатой…

Аврора метнула на меня взгляд, полный боли, гнева и смятения, и я осекся на середине фразы.

— Я хотел сказать, — начал я снова, — что не знал, что вы с Токкатой… так *похожи.*

Аврора какое-то время смотрела на меня здоровым немигающим глазом, в то время как невидящий левый глаз вращался в орбите.

— Мы *не* похожи, — наконец сказала она, — ничуть, нисколечки. А *эта женщина* считает, что мы похожи?

— Ну… нет, — достаточно искренне ответил я.

— Вот именно. И так останется и впредь. Понятно?

— Да, мэм.

Последовавшую паузу я заполнил тем, что предложил Авроре кофе.

— У тебя есть? — спросила та. — Я имею в виду настоящий?

— Увы, нет, — с сожалением признался я. — Только «Несбит особый».

Пожав плечами, Аврора сказала, что делать нечего, и, войдя в квартиру, аккуратно закрыла за собой дверь. Сняв куртку, она бросила ее на стул и уселась за столиком на кухне.

— Как это называется? — спросила она, похлопав по столешнице.

— Наверное, «полуостров». — Я не очень-то разбирался в кухонной мебели, и меня по-прежнему сбивало упорство Токкаты и Авроры в том, что они два разных человека. — Если бы столик стоял отдельно, это был бы «остров».

Аврора задумчиво кивнула.

— А у меня столик соединяет одну сторону кухни с другой, — сказала она. — И что это — кухонный «перешеек»?

— Я бы просто назвал его столиком.

— Так я и думала. Однако логичнее было бы использовать слово «перешеек», ты не находишь?

— Наверное, да. Молоко?

— У тебя есть?

— Только порошковое, — сказал я, заглядывая в пустой холодильник.

— Сойдет. Так, послушай: до меня дошло, что ты сказал Старшему консулу, будто мы с тобой

спарились.

Она произнесла это так, словно это было нечто самое смешное и самое неправдоподобное в ее жизни.

— Я должен был *что-то* сказать, — ответил я. — Токката знала о том, что мы встречались в «Уинкарнисе», в то время как я сказал, что этого не было, поэтому мне требовалось какое-либо веское оправдание для лжи.

— Она тебе поверила? Я хочу сказать, она согласилась с тем, что весь этот сценарий правдоподобен?

— Полагаю, да.

— Ага, — задумчиво протянула Аврора, — это многое говорит о том, какой видит меня Токката. Но ты сдержал данную мне клятву?

— Сдержал. И еще Токката передала вам сообщение: ферзевая ладья берет пешку на Ц-два — шах.

Я рассудил, что остальное лучше не добавлять.

– *Что?* — воскликнула Аврора, доставая из складок куртки походную шахматную доску.

Раскрыв доску, она поставила ее на стол и передвинула фигуры.

— Черт бы побрал эту проклятую женщину! — пробормотала она. — *Крах* всех моих планов.

Думаю, мне придется сдаться. — Аврора показала мне доску. — Что ты думаешь?

— Я не силен в шахматах.

— Как и я, получается, — сказала Аврора, захлопывая крышку.

Посмотрев на меня, она вопросительно подняла бровь, почувствовав, что я чем-то обеспокоен.

— В чем дело, Чарли?

— Вчера утром вы нарочно подстроили встречу со мной в подвале?

— Какие причины могли быть у меня?

— Не знаю. И еще: связь с Кардиффом отсутствовала, поэтому кто-то должен был сказать дежурной по станции, что я задержал отправление поезда из Мертира. Это сделали вы?

— Токката тебя обработала? — спросила Аврора. — Она это любит. Разобщить, заронить сомнение, разделить. Нет, я ничего не говорила дежурной по станции. И, строго между нами, я так понимаю, отношения Токкаты и Логана не были только интимными: они совместно занимались противозаконной деятельностью. Фермерское воспроизводство, нелицензированная продажа частей тела. Мы считаем, именно в этом заключалась истинная цель приезда Логана сюда — и вирусные сновидения тут ни при чем. Джонси

мы также не доверяем, и я скажу тебе, почему: ты знаешь, что произошло с лунатиками Танджирсом и Блестящей Диадемой? Я оставила их привязанными к своей машине, и они исчезли.

— Джонси отправила их на покой.

— Да, я слышала. Но даже если так, куда она их выбросила? Ни в морге, ни на свалке ничего нет. Мы проверили. У нас нет полной уверенности в том, что и как произошло.

— Воспроизводство? — повторил я, сознавая то, что и Фулнэп также здесь — и Токкате об этом известно.

Определенно, на вид Блестящая Диадема детородного возраста, ну а Танджирс — что ж, если возникнет желание распространять здоровое потомство по почте, и его тоже можно будет взять на ферму.

— Вероятность этого высока, — продолжала Аврора, — хотя доказательств у нас пока что нет. Жизнь в Двенадцатом секторе, Чарли, никогда не бывает такой, какой кажется. Я тебя прошу, держи ухо востро, хорошо?

Я пообещал непременно держать ее в курсе всех событий. Закипел чайник, и я залил водой гранулы кофе.

— Итак, — уже более дружелюбным тоном

произнесла Аврора, — тебе помогает бороться с наркозом теория ретроспективной памяти, предложенная мною?

Я объяснил, что по-прежнему остается много неясного.

— Я чувствую себя гораздо спокойнее, сознавая, что за происходящим стоит искаженная логика, — добавил я. — И все-таки странно находиться под наркозом и не понимать этого. Агрессивная миссис Несбит больше меня не пугает.

— Что ей нужно?

— Восковой валик — знаете, для записи звука.

— Что на нем записано?

— Согласно моему воображению, склонному излишне все драматизировать, нечто такое, что может нанести серьезный вред «Гибер-теху» — и, кажется, мне приснилось, где спрятан валик… Вот что хочет миссис Несбит. Но только, судя по голосу, это никакая не миссис Несбит — это Достопочтимая Гуднайт.

— Получается бред какой-то.

— Все сны такие. Сложные, запутанные и настолько реальные, насколько реальной может быть реальность — иногда даже более реальные.

Аврора взяла кофе, который я приготовил, а я попробовал свой. Гнилые каштаны.

— Ну хорошо, — сказала Аврора, после того как отпила глоток, поморщилась и вылила остальное в раковину, — просто постоянно напоминай себе, что сны — это вздор, попытка чересчур активной коры головного мозга связать воедино беспорядочные блуждания рассудка. Однако все указывает на то, что валик занимает центральное место. Как ты говорил, где он спрятан? Я имею в виду, в твоем сне?

— Раз сны — это вздор, — возразил я, — какое значение имеет то, где во сне спрятан валик?

Аврора смерила меня взглядом.

— Абсолютно никакого. Я просто подумала, было бы неплохо его найти.

— Это же только сон, — напомнил я, — как вы сами сказали, вздор, беспорядочное блуждание.

Уставившись на меня, Аврора склонила голову набок и прищурила глаз.

— Ты хочешь работать на меня в «Гибер-техе»?

Это было совершенно неожиданно, и я спросил, в каком качестве.

— Общие поручения, — сказала Аврора. — Ты производишь впечатление смышленого паренька, и я была бы рада иметь тебя под рукой. Стандартная Зимняя зарплата 3-го уровня, плюс подъемные в размере пяти тысяч евро, неогра-

ниченное количество пудингов и еженедельно несколько шоколадных батончиков с орехами и фруктами. У службы безопасности на территории комплекса «Гибер-теха» собственное жилье — очень милое, окна выходят во внутренний сад. Комнаты вдвое больше этой, и у тебя будет личный преобразованный слуга. По пятницам настоящий кофе и японское суши. Мы предпочитаем, чтобы все было по первому классу. Просто как только встретишь Старшего консула, подай в отставку; я мигом подготовлю все необходимые документы — главное, ты ведь не работаешь на «Истинный сон» и их сторонников?

— Нет, разумеется.

— Если мы проверим твое прошлое, там не найдется ничего постыдного? А мы его *обязательно* проверим, так что ничего не утаивай.

— Мне назначили шесть недель общественных работ за Подстрекательство к отбиранию еды, — сказал я. — Игра по телефону в «спящий теннис», паршиво закончившаяся.

— Это мелочи, Чарли.

— …и еще я откусил ухо Гэри Финдли.

— В «Гибер-техе» откушенное ухо считается бонусом. Итак, ты согласен?

Я подумал о том, что Бригитту пора кормить.

— Пять «кусков» наличными?

— Да, разумеется, если ты так хочешь.

— Я уже устроился в «Сиддонс». Можно мне подумать?

— Конечно, — ответила Аврора, кажется, удивленная тем, что я не ухватился за ее предложение обеими руками, — но только не тяни долго. У нас на примете есть и другие кандидаты. — Она посмотрела на часы, затем снова на меня. — Так, здесь я разобралась со всеми делами. Вчера вечером меня замещал агент Хук, и мне нужно распутать все те проблемы, которые он успел закрутить. То, каким образом он старается обуздать свой гнев, в свою очередь, порождает *новые* проблемы.

После ее ухода я выждал десять минут, после чего умылся, оделся и приготовил сандвичи из того, что осталось в корзине. Сам я вряд ли бы выбрал для перекуса тарамасалату [124] и зубную пасту, но Бригитта едва ли станет жаловаться, и это была еда, а в настоящий момент только это и имело значение.

Войдя в комнату Бригитты, я застал ее в состоянии Rigor torpis. Она сидела на кровати,

---

[124] Примечания: 124

Тарамасалата — паста из рыбьей икры с добавлением оливкового масла и приправ. *(Прим. переводчика.)*

подобрав под себя ноги, с застывшим карандашом и неоконченным наброском на коленях.

Плоды ее ночных трудов состояли из восьми рисунков. На четырех была внутренняя обстановка комнаты, еще на одном Бригитта с мужем на пляже под зонтиком, но только вид сзади. Еще один рисунок изображал изнутри подвал и первую ее встречу с лунатиками; на двух остальных были виды города: главная площадь Летом и «Уинкарнис» на заднем плане, на другом мост через реку, бегущая вода, но на мосту застрявший намертво полуприцеп — только другой, не тот, который застрял там сейчас. Похоже, в городе такое случалось постоянно.

Я положил рисунки на шкаф к остальным, затем, когда Бригитта вышла из ступора, накормил ее бутербродами с тарамасалатой и зубной пастой, а так как этого оказалось недостаточно, добавил еще большую миску мюсли.

Закончив кормить Бригитту, я позаботился о том, чтобы у нее было в достатке карандашей и бумаги, после чего вышел и запер за собой дверь.

Перебрав все оставшееся продовольствие, я прикинул, что оно закончится к завтрашнему вечеру. Когда Бригитта проголодается, я стану в ее меню первым блюдом, а если она не сможет

меня съесть, то либо умрет от голода, либо попытается бежать — и это породит кучу новых неприятностей.

Я направился было к лифту, но остановился перед дверью квартиры, расположенной по соседству с моей — номер 902. Если бы ее обитатели умерли, но по-прежнему числились бы живущими в Дормиториуме, квартира была бы перевернута вверх дном. Я понял, что в данный момент она пустовала. А поскольку большинству обитателей девятого этажа в той или иной форме являлся синий «Бьюик» — Моуди, Роско, Сюзи Уотсон, Бригитте, привратнику Ллойду, — я счел разумным заглянуть внутрь. По необъяснимой причине я ощутил у себя в груди какой-то непонятный сигнал. Если угодно, знамение. То же самое, которое я почувствовал перед тем как передать миссис Тиффен.

Мой Всеключ легко повернулся в замке, и дверь открылась на смазанных петлях. Но комната оказалась не пустующей, а покинутой: шторы были опущены, скатанные матрасы были перевязаны веревкой. Не было ни мебели, ни одеял, ни продуктов, ни ковров. Единственным предметом в комнате был большой дорожный чемодан, придвинутый к общей с моей комнатой стене, из тех,

какими пользовались бродячие гибернаторы, отправляясь в Долгую спячку. Странное дело, замок оказался из эпохи до Всеключей, из чего следовало, что чемодан был сделан до 1931 года. Владеть таким не запрещалось, поскольку он был изготовлен до принятия соответствующего закона, однако запирать и отпирать его считалось противозаконным — юридический казус.

Пройдя в ванную, я огляделся, однако там также ничего не было — лишь рулон туалетной бумаги и две пустых кружки из-под кофе. На краю раковины лежало сложенное полотенце для лица. Я потрогал ткань пальцем, и она оказалась не твердой и сухой, как я ожидал, а мягкой, податливой и *влажной.* В этой комнате недавно кто-то побывал.

Лампы дневного света мигнули, и Чарльз, которым я был во сне, вспомнил кое-что еще: я нахожусь в какой-то лаборатории, в воздухе запах озона, катодно-лучевые трубки моргают голубым светом — мириады мерцающих огоньков, приглушенный гул машин. Слева от меня большой перевернутый медный конус, похожий на тот, который я видел за окном в лаборатории «Гибер-теха», когда Гуднайт предостерегла меня насчет любопытства, сгубившего Варвару. Я

ощутил острое прикосновение конуса к виску, обжигающую боль, затем образ исчез, и я снова остался в ванной один.

Вздохнув, я сполоснул лицо в раковине и вытерся полотенцем, и тут меня осенила мысль: что *конкретно* делала Аврора сегодня утром в «Сиддонс»? Вряд ли она пришла сюда исключительно ради того, чтобы проведать меня, — и также я вспомнил, что когда мы накануне утром вывели из подвала трех лунатиков, штабная машина Авроры была припорошена свежим снегом, однако утро было ясным и солнечным. Значит, в обоих случаях Аврора находилась в Дормиториуме по крайней мере какую-то часть ночи. А поскольку она не спала, она была здесь по какому-то делу. По делу «Гибер-теха».

Аврора была права: жизнь в Двенадцатом секторе редко оказывается такой, какой кажется.

Укромная ферма в Линкольншире

«…Несмотря на благоприятную обстановку сна, неосторожные Ранние пташки, имеющие индекс массы тела ниже определенного значения, нередко не засыпают снова, что создает головную боль для привратников и увеличивает нагрузку на кладовые. Никакие штрафы не преду-смотрены, однако отрицательные отзывы в Советнике сна могут негативно сказаться на рейтинге в следующем году – и на жалованье. Эффективной в экономическом плане альтернативой может быть помощь со стороны Усыпителя…»

Справочник по Зимологии, 4-е издание, издательство «Ходдер и Стоутон»

Когда я спустился вниз, только начинало светать. В фойе никого не было, и, бросив взгляд на термометр на стене, я увидел, что по сравнению со вчерашним вечером температура в здании поднялась на три с половиной градуса. Не было

ничего необычного в том, чтобы добавить тепла с приближением резкого похолодания, однако слишком сильное потепление слишком рано могло привести к пробуждению, к ложному рассвету. Управление теплом считалось не столько наукой, сколько искусством. Хотелось надеяться, Ллойд знал, что делает.

Я прошел в обеденный зал. Из тридцати с лишним столов накрыты были только четыре, все в противоположных углах помещения.

— Доброе утро, — приветствовал меня Ллойд, завязавший на поясе фартук официанта. — Хорошо спалось?

— Спал как сурок. Скажите, мистер Ллойд, кто живет в комнате 902?

На лице привратника мелькнуло беспокойство, тотчас же исчезнувшее.

— В настоящий момент она свободна. К сожалению, Дормиториум заполнен не целиком.

— Ей недавно пользовались?

— Я об этом не знаю. Но у меня много обязанностей, и почти все они вынуждают меня отлучаться из фойе.

— Можно обратиться к вам с одной просьбой, о которой вы никому не расскажете? — спросил я, внезапно осененный идеей.

— Конечно, — ответил Ллойд.

— Мне нужно дополнительное питание сверх Ежедневных потребностей, чтобы набрать вес. Вы не знаете, кто помог бы мне с этим, не задавая лишних вопросов?

Привратник медленно кивнул.

— Консервы или порошок?

— Консервы. Фрукты, рисовый пудинг, бобы — в таком духе.

— Риск и недоступность продуктов увеличивают ценник вчетверо, — помолчав, сказал Ллойд. — Не вы один хотите есть. Сорок евро за банку, десятипроцентная скидка от двадцати банок и больше.

Это было в десять раз выше Летней цены, однако я находился не в том положении, чтобы торговаться. Я быстро заказал сто банок, с разным содержанием. Три тысячи шестьсот евро.

— Возможно, потребуется несколько дней на то, чтобы получить перевод по телеграфу, — сказал я, притворяясь, будто у меня где-то есть средства.

На самом деле это было не так. Я с трудом мог наскрести пятьсот евро наличными. Но это был план. Точнее, *начало* плана.

— Послушайте, — сказал Ллойд, — если хотите *заработать* у меня еду, я заплачу четыре банки

консервированного риса с соусом «Амброзия» за каждого нового постояльца, которого вы сюда приведете.

— Даже зимсонников?

– *Особенно* зимсонников. Я смогу выставить счет за их проживание Управлению Зимних прибежищ. Договорились?

— Договорились.

Ллойд улыбнулся, и мы скрепили сделку рукопожатием.

— Пока мы говорим с глазу на глаз, — продолжал привратник, понижая голос и неуютно переминаясь с ноги на ногу, — *мне известно о ней.*

У меня екнуло сердце. Привратников можно купить — это неотъемлемая часть их ремесла, — однако продолжительное сохранение в тайне информации о Бригитте обойдется мне в такие умопомрачительные суммы, о каких я даже не смел думать.

— Давно вам это известно? — спросил я.

— Примерно с полчаса.

— Вы поднимались на девятый этаж?

— Нет, она спускалась сюда.

— Спускалась? — Я огляделся вокруг. — Где она сейчас? Вы отправили ее в подвал?

— Послушайте, я понимаю, что это не мое дело, — сказал Ллойд, — но можно дать вам отеческий совет?

Я сглотнул подкативший к горлу клубок и мысленно представил, как привратник выразит крайнее отвращение, после чего потребует немыслимо большую взятку.

— Говорите.

— Вы производите впечатление разумного человека, но вы, должно быть, спятили, раз спариваетесь с Авророй, особенно после того, как утверждали, что ни в коем случае не будете это делать. Что скажет Старший консул, когда прознает об этом?

Я облегченно вздохнул. По крайней мере на какое-то время Бригитта была в безопасности.

— Вы насчет вчерашнего дня? — спросил я, полагая, что Ллойд ссылается на мою ложь. — Это уже всем известно.

— Нет, я имею в виду то, что произошло совсем недавно. Я уже давно работаю привратником и могу узнать удовлетворенную походку. К тому же она попросила меня накормить вас двойным завтраком за свой счет, при этом даже не пыталась говорить обиняками, так что, полагаю, она не собирается долго держать в тайне ваши

отношения.

— Ничего такого не было, — возразил я. — Аврора просто заглянула меня проведать.

— Глава службы безопасности «Гибер-теха»? Просто заглянула проведать, как дела у Младшего консула? Ну же, Чарли, это не слишком правдоподобно.

И Ллойд был прав. Аврора разыгрывала меня в партии против Токкаты, возможно, вынуждая перейти работать к ней — чтобы тем самым разозлить свою вторую половину.

— Не бойтесь, — успокоил меня Ллойд, дружески кладя руку мне на плечо. — Если это и всплывет — а это непременно всплывет, помяните мое слово, — то не через меня.

Я вздохнул. Сестра Зиготия как-то сказала мне, что ложь влечет за собой другую ложь: «Человек начинает с маленькой лжи, затем вынужден лгать снова, прикрывая первую ложь, и не успеет он опомниться, как вся его жизнь развалится на части и ему останется лишь падать вниз по спирали самопрезрения и отчаяния».

Я тогда ответил, что это мудрый совет, а она призналась, что на самом деле имела в виду формат комедийного сериала «Фолти-Дормито-

риум» [125], в котором это происходит с Сибил, Бэзилом, Полли и остальными, — но все равно это дельный жизненный урок.

Ллойд взял чайник и кофейник и двинулся между столиками. Я последовал за ним. Фоддер уже сидел за столом, читая древний номер «Звезд Голливуда» с Ричардом Бертоном [126] на обложке. Когда я садился за стол, он мне кивнул, и я кивнул в ответ, польщенный тем, что Фоддер меня признал. За третьим столом сидела в одиночестве Заза, прислонив к молочнику книгу, «Янтарное сердце за серебряный доллар», в бумажной обложке.

Я огляделся вокруг. Ярко сияли столовые приборы, испуская едва уловимый запах полировки для металла, столик был застелен наглаженной белой скатертью. Ллойд заботился о скрупулезном соблюдении стандартов, даже несмотря на то, что качество собственно еды было неважным.

— Чай или кофе? — спросил привратник.

---

[125] Примечания: 125

Аллюзия на многосерийную телекомедию «Фолти-Тауэрс» о повседневной жизни персонала и гостей гостиницы на юго-западе Англии. *(Прим. переводчика.)*

[126] Примечания: 126

Ричард Бертон, настоящее имя Ричард Дженкинс (1925–1984) — валлийский актер, снимался в Голливуде, дважды был женат на актрисе Элизабет Тейлор. *(Прим. переводчика.)*

— Что лучше?

— В одном случае это в основном цикорий, в другом — спитые чайные пакетики, смешанные с сеном. Помогает добавление сахара, мелиссы, порошкового перца или арахисового масла. На самом деле помогает добавление чего угодно.

— Ни то ни другое не токсично?

Ллойд задумался.

— В этом отношении кофе, пожалуй, чуточку получше.

— Тогда кофе.

Привратник налил чашку темной смолистой жидкости, которая вываливалась из кофейника комками. Поставив кофейник на стол, он протянул мне потрепанное меню.

— Нет ничего, кроме омлета.

Я все равно изучил меню, представляющее собой богатый выбор кулинарных изысков. Хотя оно не имело никакой связи с реальностью, читать его все равно было приятно. Если бы обстоятельства обеспечили мне свободу выбора, я бы, вероятно, остановился на яйцах-пашот на булочке с маслом, беконе под голландским соусом, жареных грибах со специями и жарким из мяса, рыбы, риса и яиц с приправой из манго.

— Мне, пожалуйста, омлет, — сказал я, возвра-

щая меню.

— Мудрый выбор, — сказал Ллойд, быстро удаляясь.

Я выглянул на улицу. Небо представляло собой унылое грязно-белое полотно цвета вареных шнурков, и его тусклые тона настолько идеально сливались с наваленным на крышах снегом, что трудно было различить, где заканчивается линия крыш и начинается небо. Ярдах в ста на дороге показалась бредущая женщина-лунатик, неуверенно опирающаяся на палку, однако в роскошном бальном платье, со шляпой, украшенной фруктами. Если это была Кармен Миранда, Джонси, похоже, оглушила ее недостаточно сильно.

— Вы Чарли Уортинг, не так ли? — послышался знакомый голос.

Оглянувшись, я увидел перед собой Зазу. Странно было видеть ее здесь, настоящую, старую, после того, как я только что видел ее во сне, молодую, одну из классических миссис Несбит. Я встал — так требовали правила приличия, но прежде чем успел что-либо сказать, Заза заключила меня в Зимние объятия. От нее пахло дешевыми духами и терпимо чистым бельем — с тонким намеком на лимонный мармелад.

Отпустив меня, Заза улыбнулась и без пригла-

шения уселась напротив. Кожа лица у нее была чистая, светлая, однако каштановые глаза запали от недостатка сна и несли в себе чувство глубокой меланхолии.

— Не хотите кофе? — предложил я. — Он с комками, да это вовсе и не кофе, но он горячий и темного цвета и, вероятно, нетоксичный.

— Благодарю, — сказала Заза, пододвигая пустую чашку.

Какое-то время мы молчали.

— Я никогда раньше не встречал во плоти миссис Несбит, — сказал я. — Больше того, я никогда раньше не встречал сонную.

Это была очень глупая фраза, но все же это было лучше, чем сидеть молча, онемев от смущения.

— Несмотря на разные слухи, наши льстивые слова, широкий список заученных наизусть стихов и вдохновенная игра на лютне способствуют засыпанию гораздо эффективнее интимного подхода. Вы слышали, что «Геральд Камбрийский» остыл?

Я кивнул.

— Большинство постояльцев переместили прямо на кроватях en dormir [127], но восемнадцати

---

[127] Примечания: 127
Спящими *(фр.)*.

потом пришлось *помогать* снова провалиться в пропасть. Многие откликнулись на колыбельные, но некоторым потребовались более интимные средства. Мужчины, женщины, другое — на самом деле в тумане пробуждения это не имеет значения. От этого никуда не денешься, приходится делать то, что нужно.

Должно быть, мое потрясение не укрылось от Зазы, потому что она добавила:

— В отделе набора в Консульскую службу об этом не кричат; это отталкивает людей, хотя в свете ужасов Зимы, пожалуй, это меньшая из забот. Мне приятно видеть, как наша служба Зимнего облегчения оказывает неоценимую помощь Зимующему сообществу. И чтобы вы знали, — продолжала Заза, — на самом деле «Усыпитель» — не очень подходящее определение. Это умаляет благородную профессию. Гораздо больше подходят «Дева сна» или «Мистер сна», или, по-французски, Dormiselle и Dormonsieur [128]. На самом деле более приемлемо даже «Работник сна». Это правда, что вы убили Счастливчика Неда?

— От кого вы это услышали?

---

[128] Примечания: 128

Образование из слов dormir — спать, и mademoiselle и monsieur — мадмуазель и мсье *(фр.)*.

— От Ллойда.

Похоже, мысль рассказать ему о случившемся у музея была не такой уж и хорошей.

— Я думаю, Неда забрала Зима, — сказал я.

Склонив голову набок, Заза долго молча разглядывала меня.

— Зима у всех отнимает много, а возвращает только талую воду и тела.

Я задумался над ее словами.

— Можно задать один вопрос?

— Первый бесплатный, второй в кредит, за третий платите наличными.

— Вы живете в «Сиддонс», — сказал я. — Вам не снятся повторяющиеся сны?

Заза как раз собиралась отпить глоток кофе, но остановилась и подняла бровь.

— Вы имеете в виду сон про синий «Бьюик», который носится по девятому этажу подобно случайно вырвавшимся газам?

— Да, — подтвердил я, — именно *этот* сон.

Заза подалась вперед.

— Я живу на девятнадцатом этаже — занимаю его половину, это что-то вроде мансарды, — поэтому сон мне не снился, но я слышала все подробности. И я знаю, каким именно боком в нем замешана миссис Несбит. Я могу продать вам

эту информацию.

— Она присутствует в снах, потому что спящим *сказали* это, — сказал я. — Синий «Бьюик», раскидистые дубы, руки, камни, миссис Несбит. Сон порожден опрометчивыми слухами.

Подавшись вперед, Заза понизила голос.

— Она была мерцающей, так? Казалась неестественной, лишней? Слова не совпадали с артикуляцией губ?

— Послушайте, — сказал я, уже успев привыкнуть к обратному ходу моих снов. — Меня затронул наркоз, и моя память восстанавливается в обратной последовательности. Все это присутствует во сне, так как вы только что сами сказали.

Заза нахмурилась.

— Никогда не слышала ни о *чем* подобном.

— Это что-то вроде постоянного состояния «уже виденного».

Заза огляделась по сторонам, убеждаясь в том, что мы одни. Фоддер находился в противоположном углу зала, Ллойда нигде не было видно.

— У вас есть бумага и ручка?

Кивнув, я положил на стол ручку и бумагу.

— Миссис Несбит из сна, она что-то сказала, как она говорила всем. Одно предложение, тестовая

строчка, цитата. Сейчас мы оба ее запишем. Договорились?

Я согласился, поскольку терять все равно было нечего, и написал: «Мы знаем одну укромную ферму в Линкольншире, где живет миссис Бакли».

Закончив писать, мы обменялись листками. Заза написала то же самое, что и я. *Слово в слово.* Я посмотрел на нее, затем на то предложение, которое она написала.

— Верь в свою память, Чарли, верь в себя. Итак, вот мое предложение: я могу тебе рассказать, каким образом миссис Несбит попала в сны. Но информация имеет цену.

Я по-прежнему смотрел на записку. Меня прошиб горячий пот, и снова в пространство вокруг начал просачиваться синий «Бьюик». Сначала расплывчатый, неясный, затем появилась груда камней, машина стала более четкой, более *определенной.* Появился и дуб, на столах в обеденном зале заиграли солнечные зайчики. По мере того как разворачивалась иллюзия, меня охватывал нарастающий ужас, что ползучее видение не остановится, а захлестнет меня с головой, и я навсегда останусь заточенным в Состоянии сна. Я уставился на остающиеся обрывки реальности — стол, кофейник, Зазу, — сосредоточившись на

том, чтобы не потерять и их.

Но тщетно.

Через считаные мгновения они также исчезли, и появилась миссис Несбит, желающая знать, где спрятан валик. Теперь она кричала, требовала, *принуждала*. Все громче и громче, и я уже собирался выхватить «Колотушку» и пристрелить ее, но тут появился кое-кто еще.

— Бригитта?

Она стояла прямо передо мной, извечно неменяющаяся, одетая в рабочий комбинезон и мужскую рубашку, в руках кисти, волосы забраны в небрежный пучок. Улыбнувшись, Бригитта сказала, что любит меня, и я в ответ сказал, что люблю ее. Последовала пауза, волны накатывались на песчаный берег, раздался звонкий детский смех, и мимо пропрыгал большой мяч.

— Чарли? Что с тобой?

Я посмотрел на Бригитту, и у меня на глазах она состарилась, ссутулилась, и вот это была уже не Бригитта, а Заза, и я вернулся в обеденный зал «Сиддонс», а напротив сидела «Дева сна». Моя рука по-прежнему крепко сжимала рукоятку «Колотушки», большой палец застыл на флажке предохранителя, но, к счастью, я не выхватил оружие из кобуры — и не сделал что-то непо-

правимое. Я был в одном шаге от того, чтобы выстрелить в воображаемого врага. Я осторожно разжал пальцы, липкие от пота.

— Проклятие, — пробормотал я, теперь понимая, что *именно* овладело Моуди и Сюзи Уотсон.

Их также захлестнул сон про синий «Бьюик», удушающей альтернативной действительностью, и они попытались убить властную миссис Несбит, после чего были убиты сами. Но у меня было секретное оружие: Бригитта. Она только что спасла жизнь мне и, возможно, также и Зазе.

— Что с тобой? — повторила та.

— Все в порядке, — сказал я.

Возвращение из сна оказалось практически таким же стремительным, как и погружение в него. Отпив воды, я посмотрел на Зазу.

— Итак, как вы узнали про миссис Бакли и укромную ферму в Линкольншире?

Склонив голову набок, та невозмутимо выдержала мой взгляд.

— Информация имеет цену, мой юный друг. Две тысячи евро.

Мы торговались минут пять и в конце концов сошлись на восьмистах евро, дюжине «Сникерсов», трех пакетиках соленых орешков и одной Услуге. Мы пожали друг другу руки, и Заза на-

чала:

— Это случилось, когда я еще была миссис Несбит, больше тридцати лет назад. Ты слишком молод, чтобы это помнить.

— Правильно, — согласился я, — но ваше лицо мне все равно знакомо.

— Рада это слышать. В те дни холдинг «Нескорп» щедро финансировал «Гибер-тех», и я нередко приезжала туда, участвовать в пресс-конференциях, объявлять о каком-нибудь новом открытии. Во время первоначальной раскрутки «морфенокса» я была его лицом, и со мной обращались очень хорошо. — Оглядевшись по сторонам, Заза понизила голос. — В один из таких приездов Дон Гектор отвел меня в сторону и спросил, согласна ли я помочь в одной важной исследовательской работе. Я согласилась — таким людям, как Дон Гектор, не отказывают. Затем мне пришлось подписать горы обязательств по неразглашению, после чего меня оставили в какой-то комнате. Много света, воздух буквально насыщен статическим электричеством — и тут меня просят произнести обычную чушь в духе миссис Несбит: какие продукты покупать, как обустроить дом, как уравновесить домашние заботы с желанием сходить в пивную, советы по

набору веса и все такое.

— И?

— Перед тем как приступить к этому, меня попросили сказать что-нибудь для настройки звука, и я произнесла фразу про «укромную ферму в Линкольншире», как обычно. Тридцать лет спустя круги на воде продолжают расходиться, и Сюзи Уотсон, Роско Смоллзу, Моуди и остальным снится, что миссис Несбит говорит те же самые слова — после чего начинается разнос голосом, не принадлежащим мне.

Она умолкла. Со мной произошло *то же* самое.

— У этого важного проекта было название?

— Он назывался «Пространство сна».

Шаман Боб упоминал это название, но не вдавался в подробности.

— И чем занималось это «Пространство сна»?

— Понятия не имею, но один техник сказал, что я буду первым «Аватаром сна», что бы это ни означало. Вот то, что я хотела тебе сказать. Жду оплаты, как только у тебя появятся деньги.

К столику подошел Ллойд. Заза встала, поблагодарила меня за кофе и вернулась за свой столик.

Поставив передо мной тарелку с омлетом, привратник удалился. Я попробовал омлет. Минусами были цвет, вкус и консистенция, един-

ственный плюс заключался в том, что омлет был горячий. В соответствии с требованием Авроры, порция была двойная, что, учитывая качество блюда, обрадовало меня далеко не так, как я надеялся. Но мысли мои, как обычно, были заняты другим. Я перечитал то, что было написано на листке, который мне дала Заза.

«Мы знаем одну укромную ферму в Линкольншире, где живет миссис Бакли».

Я осознал, что это первое настоящее свидетельство того, что вирусное сновидение *существует.* Однако я понятия не имел, при чем тут фраза, которая использовалась для проверки звука больше десяти лет назад. Я по-прежнему блуждал в темноте, как и тогда, когда только прибыл в Двенадцатый сектор, — на самом деле я был в еще *большей* растерянности.

— Эй! — окликнул меня голос сзади.

Джонси

«…Зимой температура в Уэльсе меняется от нескольких градусов выше нуля до арктических морозов, при которых замерзает ртуть в термометрах. Самая низкая температура наблюдалась в 1976 году в Лландудно – промораживающие насквозь минус 78 по Цельсию…»

Справочник по Зимологии, 4-е издание, издательство «Ходдер и Стоутон»

Сев напротив, Джонси осторожно принюхалась к кофейнику.

— Клянусь Святым Этьеном, — сказала она, брезгливо поморщившись, — похоже, то, что говорят о кофе в «Сиддонс» — правда. Хорошо выспался?

— Да, — ответил я. — В целом, думаю, да.

— Отлично. Что ты ешь?

— Что-то неопределенное, выдающее себя за омлет.

Взяв ложку, Джонси осторожно ткнула серую массу. Та вздрогнула, словно недовольная нежелательным вмешательством. Скорчив гримасу,

Джонси тем не менее отправила в рот полную ложку.

— По дороге сюда я наткнулась на Аврору, — пробормотала она.

— О боже, — сказал я.

— Ты сошел с ума? — спросила Джонси. — Честное слово, я хочу сказать, ты спятил? Токката вырвет тебе язык.

— У нас ничего не было, — сказал я.

— Тогда почему она мне сказала, что было?

— Аврора так пытается вывести Старшего консула из себя.

Джонси смерила меня взглядом, пытаясь определить, говорю ли я правду.

— Пора приниматься за работу, — наконец сказала она. — И послушай, мне нет никакого дела до того, если большая А использует тебя, чтобы потакать своим прихотям, но задумайся хорошенько над своими *поступками*, Кривой. Они обладают пугающей тенденцией порождать последствия, нередко весьма плохие.

Я покинул следом за ней Зимнюю гостиную. Одевшись и натянув сапоги, мы вышли на улицу и направились к Снегоходу. Температура по сравнению со вчерашним вечером заметно понизилась, и воздух хрустел, словно вафля. Ветер

совершенно утих, небо стало лазурно-чистым, в лучах солнца кристаллики льда на снегу сверкали подобно бриллиантам.

— Я думал, надвигается снежный буран, — заметил я.

— Это так. Через шесть часов ты не разглядишь собственную руку, поднесенную к самому носу.

Я завел Снегоход, и мы тронулись в направлении Консульства.

— У нас проблема, — сказала Джонси. — Кому ты говорил о Счастливчике Неде?

У меня в груди все оборвалось.

— Возможно… что-то упомянул Ллойду.

— Вот тебе совет: если у тебя есть какой-либо секрет, которым ты хочешь поделиться со всеми, расскажи его привратнику. В нашем секторе всего чуть больше семидесяти привратников, присматривающих за почти двумястами Дормиториумами, и они уже настолько хорошо знают «Бонанца», «Династию» и «Сыромятную плеть», что в свободное время ради развлечения разыгрывают оттуда сценки. Когда же они не занимаются этим, они сидят в Открытой сети и сплетничают, и вчера вечером самой горячей темой у них был ты. Половина считает, что ты поступил бесконечно глупо, убив Неда, поскольку возмездие,

вне всякого сомнения, падет на головы всех. Чуть меньше половины полагает, что ты поступил правильно, но у тебя явно были не все дома. А из оставшихся троим абсолютно наплевать на все это, поскольку Гаэр Бриллс в «Великом альбионском отсыпании» финишировал последним, а еще один убежден в том, что Грымза вернулась, чтобы питаться стыдом недостойных.

— И этот последний — Джим Трикл?

— Хорошая попытка. Нет, Лора. Как получилось, что всего один Послушник успел так быстро вляпаться в серьезные неприятности? Когда я начинала службу в мобильной пехоте, со мной неделями не происходило ничего захватывающего.

— А что потом?

— Я разом потеряла шестьдесят солдат, служивших у меня под началом.

— По твоей вине? — спросил я.

— Нет, но я за них отвечала, так что разницы никакой нет.

Умолкнув, Джонси вытерла конденсат, образовавшийся изнутри на стекле.

— Аврора спрашивала у меня, что случилось с Блестящей Диадемой и Эдди Танджирсом, — сказал я. — Она сказала, что проверила ночную

свалку, но их там не оказалось.

Джонси удивленно уставилась на меня.

— Они в снегу за стоянкой. У меня не было ни малейшего желания вести их к свалке. А как, по мнению Авроры, я с ними поступила?

— Она склонна считать, что вы с Токкатой связаны с нелегальной фермой по воспроизводству, и Логан был с вами заодно.

— Хорошо, что ты меня предупредил об этом, — сказала наконец Джонси после того, как долго молча меня изучала. — А взамен вот кое-что такое, что может тебя заинтересовать.

Выудив из верхнего кармана листок бумаги, она протянула его мне. Не отрываясь от управления Снегоходом, я быстро пробежал листок взглядом. На нем было шесть имен, но я узнал только Чарльза Уэбстера.

— Что это такое? — спросил я.

— Со скуки я снова заглянула в архив. Как выяснилось, в тот период Уэбстер был не единственным бесследно исчезнувшим сотрудником «Гибер-теха» — эти шестеро все до одного или были преобразованы, или исчезли. И вот еще что: все они работали в Отделении научного сна. Как тебе это нравится?

— Весьма любопытно, — задумчиво произнес

я. — Каково твое объяснение?

— Точно не знаю. Возможно, чистка — в службе безопасности заподозрили промышленный шпионаж, но не знали, кто именно этим занимается, и решили прошерстить всех. Готова поспорить на большие деньги, что в этом был замешан Хук.

— Почему?

— Ты слышал о том, что Хука выперли из разведслужбы за чересчур вдохновенные методы ведения допросов?

Я молча кивнул.

— Говорят, он возглавил военное крыло Отделения извлечения информации в Пространстве сна «Гибер-теха». Судя по всему, очень эффективно — проникать в сознание спящего, чтобы добывать сведения, однако в этом есть и своя обратная сторона: в процессе этого допрашиваемые превращаются в лунатиков.

— И ты полагаешь, что именно так Хук поступил с Уэбстером и остальными?

— «Гибер-тех» — весьма неприятное заведение, Кривой. Если они используют таких, как Хук, — крайне неприятное. Ты интересовался Уэбстером, поэтому я решила поставить тебя в известность.

Я поблагодарил ее. Мы проехали мимо рекламного плаката гаража Эшбрука, направляясь к «Ге-

ральду». Рассказ Джонси прояснял многое, если мои сны были основаны на реальности: в «Гибертехе» не знали, кому Дон Гектор передал валик, поэтому допрашивали всех подозреваемых. Поежившись, я постарался загнать неприятные мысли на задворки сознания. Сначала сон, *затем* реальность; не наоборот.

Я остановил Снегоход перед статуей Хоуэлла Гарриса, и Джонси попросила меня не глушить двигатель.

— Тебе предстоит отправиться на патрулирование вместе с Фоддером, — сказала она. — Жди здесь.

Выбравшись через заднюю дверь Снегохода, Джонси подошла к Фоддеру, стоявшему перед Консульством. В ожидании я принялся играть с приборной панелью. Фары, радиолокационная станция Х-4С, нож для расчистки снега с гидравлическим приводом. Мое знакомство со Снегоходом ограничивалось в основном симуляторами, однако управлять им было нетрудно — управление было в точности таким же, как у всех прочих транспортных средств, от легковой машины до танка, от автобуса до самого большого самосвала. Таковы были требования протокола «Нулевых навыков», девиз которого гласил: «Умеешь управ-

лять чем-то одним — умеешь управлять всем».

— Не нравится мне это, — проворчал Фоддер, забираясь в салон и бросая на заднее сиденье большой черный вещмешок, — но нам предстоит дальняя дорога.

Глаза у него были налиты кровью после вчерашнего удара, однако в остальном он пребывал в приподнятом настроении.

— Что в вещмешке? — спросил я.

— Сюрприз.

— Мне нравятся сюрпризы.

— В данном случае я бы повременил со своим суждением.

Мы двинулись вперед под негромкий гул двигателя и громыхание подвески.

— Выедешь из города мимо застрявшего полуприцепа, — сказал Фоддер, — но будь осторожен.

Я сделал так, как он попросил, и мы медленно протиснулись по мосту.

— Прежде чем ты об этом спросишь, — сказал я. — У нас с Авророй ничего не было. Она просто хочет неприятностей.

— Было у вас что-нибудь или не было, — заметил Фоддер, — тебе все равно лучше до вечера держаться подальше от Токкаты. Первый час после начала дежурства она бывает крайне раз-

дражительной. Мы двинемся из города на запад; от «Френсис Хогган» [129] вот уже три недели нет никаких известий, поэтому нужно его проверить.

Я узнал, что «Френсис Хогган» — это одиноко стоящий Дормиториум в деревне к западу от города, и мы направились туда. Снегоход без труда полз по глубокому снегу, а Фоддер тем временем объяснил, в чем дело: все Дормиториумы в назначенный день обязаны докладывать в Консульство.

— «Хогган» не проявился вот уже три среды подряд, поэтому Зимний распорядок требует узнать, в чем дело.

Я следовал распоряжениям Фоддера, а он тем временем рассказывал про местные достопримечательности, многие из которых в настоящий момент были полностью заметены снегом, так что в основном это было упражнением по развитию воображения: я пытался себе представить, что же скрывается под глубокими сугробами.

Погода стояла чудесная, и поездка к «Хоггану» предоставляла возможность на время отдохнуть от Бригитты и сновидений, занимающих гос-

---

[129] Примечания: 129

Хогган, Френсис Элизабет (1843–1927) — первая валлийская женщина, получившая диплом врача. *(Прим. переводчика.)*

подствующее положение в моих мыслях. Где-то через полчаса Фоддер устал от обязанностей экскурсовода, поэтому мы перешли к разговорам о Лете, воспоминания о котором у меня были еще совсем свежими, а у Фоддера уже порядком затуманились. Я рассказал ему про тепло, ветер, урожай, про свежую еду. Он сказал, что свежих продуктов ему недостает больше всего.

— Бананов я не видел уже больше шести лет, — мечтательно произнес Фоддер, — а за свежий ананас я отдал бы левую ступню!

На самом деле Летом не рады тем, кто промерз и испачкался в грязи Зимой. Простые граждане не знают и не желают знать, чем занимаются Зимой Консулы, чтобы обеспечить им безопасность; они просто хотят Весной пробудиться живыми и здоровыми, как обычно. Для многих Зима существует лишь как нечто абстрактное, и, как следствие, то же самое можно сказать и про нас.

— Вы с Джонси давно знакомы? — спросил я, вспоминая ее слова о том, что они с Фоддером «служили вместе».

— Лагерь Файрбрэнд, — подтвердил Фоддер. — Вторая Оттоманская кампания.

— Я слышал, там было *очень* жарко.

— Главным нашим врагом на самом деле была

жажда. Мы потеряли от обезвоживания больше людей, чем от действий неприятеля. На открытом солнце человеческое тело за сорок восемь часов теряет девяносто девять процентов влаги. Высохшему человеку можно было отломить ухо и пальцами растереть его в порошок. Джонси потеряла больше боевых товарищей, чем нам с тобой, вместе взятым, довелось отведать горячих обедов. Вот что делает ее хорошим Консулом, особенно здесь — она не боится умереть и, возможно, даже ждет этого.

Я сбросил скорость. Мы въехали в деревню, хотя непосвященному взгляду она показалась бы цепочкой больших заснеженных бугров. В отличие от Талгарта, Лланторсе был «спящим» поселком, откуда Зимой никто не осмеливался выйти, а единственными зимовщиками здесь были привратники.

— Проезжай через весь поселок, и в самом конце будет «Хогган». Он стоит на берегу озера.

Я последовал указаниям Фоддера, и вскоре показалась круглая башня, которая возвышалась на маленьком островке, окруженном со всех сторон белой нетронутой гладью замерзшей воды. Снаружи все выглядело в полном порядке. Входная дверь была заметена снегом, выхлопные трубы,

проходящие кольцом на последнем этаже, были очищены от снега и льда.

— Сворачивай на стоянку и глуши двигатель.

Я сделал все так, как сказал Фоддер. Перед выходом тот прихватил вещмешок. Я выбрался следом за ним, и мы прошли к капоту Снегохода. Солнечный свет согрел нам лица. Дул легкий ветерок, но больше ничто не намекало на надвигающийся буран.

— Дай мне свою «Колотушку», Кривой.

— Зачем?

— Ты мне доверяешь? — спросил Фоддер.

— Да.

— Тогда дай мне свою «Колотушку».

Я протянул ему оружие, не понимая, в чем дело, и тут заметил в зарослях какое-то движение. Справа от нас показался еще один человек, третий скрывался за занесенными снегом машинами. Они были в залатанной одежде, свойственной зимокочевникам, мусорщикам или отшельникам холода — однако в данном случае это были Злодеи.

И не просто Злодеи. Это было семейство графа Фарнесуортского.

Фарнесуорты

«…Импульсное оружие бывает самых разных размеров. От «Тычка», которым оглушают крыс и белок, «Колотушки» и «Удара», которые можно удержать в одной руке, до «Кувалды», «Бревна», «Коровьего шеста» и «Большого барабана», требующих уже двух рук, и далее «Молчаливого ужаса», который нужно держать на плече. «Аэраубицы» различных калибров устанавливаются на лафете, а «Девятый вал» мощностью в теранью-тон размещается на железнодорожной платформе…»

Справочник по Зимологии, 1-е издание, издательство «Ходдер и Стоутон»

— Что за… — начал было я, но Ходдер остановил меня одним взглядом пустых черных глаз.

У меня внутри все оборвалось. Никаких проблем в «Френсисе Хоггане» не было. Мы приехали сюда с одной-единственной целью: искупить гибель Счастливчика Неда Фарнесуорта и попытаться заключить новое перемирие. И в этих

переговорах был один козырь: я.

— Напрасно ты проболтался Ллойду, — с укором произнес Фоддер, когда Злодеи приблизились. — Подобные новости распространяются по Сектору с быстротой лесного пожара.

— Ужасно благородно с вашей стороны, что вы заглянули к нам, — сказала старшая по возрасту Злодейка, женщина средних лет с обветренным лицом, надевшая кардиган с джемпером и жемчужное ожерелье *поверх* пуховика, — хотя, должна признаться, я полагала, что вы оставите без внимания наше приглашение.

— И не отведаем лучших тортов, какие только может предложить Центральный Уэльс? — на безукоризненном английском ответил Фоддер. — Об этом не могло быть и речи.

Злодеев было восемь человек, они настороженно обступили нас полукругом, держась шагах в пятнадцати. Половина была вооружена «Кувалдами», у другой половины были короткие кинжалы, которым отдают предпочтение те, кто не хочет оставлять барометрических сигнатур. У двоих за спинами висели громоздкие рюкзаки, один нес какой-то предмет мебели, закрепленный на спине шелковыми шнурками для занавесок. Сын Неда, которого мы видели накануне, также был

здесь, с налитыми кровью глазами. У всех Злодеев был нездоровый вид, что нельзя было объяснить одними только Зимними невзгодами. Фоддер был по крайней мере на голову выше любого из них, а своим могучим телосложением превосходил их всех, вместе взятых.

— Его светлость со своим сыном нарушили соглашение, мэм, — сказал Фоддер, — и нам пришлось защищаться.

— Я всегда говорила, что филателия навлечет на них беду, — сказала женщина, как я предположил, вдова 13-го графа, — но сами подумайте, речь идет лишь о безобидном воровстве — и это ведь была малиновая марка с Ллойдом Джорджем вторым.

— Со штемпелем Англси, — добавил мужчина, стоящий справа от нее.

— Единственная в мире, — подхватил третий.

— Кража остается кражей, — сказал Фоддер, — и они проникли в город. Пересекли границу, обозначенную в соглашении.

Какое-то мгновение они с женщиной смотрели друг на друга.

— Чаю хотите? — наконец предложила леди Фарнесуорт. — Я всегда находила ужасно, просто *ужасно* некультурным обсуждать вопросы жиз-

ни и смерти, стоя на снегу.

— От чая не откажусь, — согласился Фоддер.

Мебель, которую принес на спине один из Злодеев, оказалась раскладным столом и двумя складными стульями. Стол застелили скатертью и накрыли чашками с блюдцами и блюдом со свежим бисквитным тортом. Еще один член группы достал небольшой примус и поставил греться воду.

— Я просто ненавижу чай из термоса, — продолжала графиня, жестом приглашая Фоддера сесть и усаживаясь сама. — От него *всегда* пахнет тухлятиной. — Повернувшись к Злодею, нагревавшему воду, она напомнила ему согреть заварочный чайник. — В наши дни так нелегко найти хорошую прислугу, — сказала она, обращаясь к Фоддеру, — вот почему нам приходится похищать людей, изредка совершая убийство. Угощайтесь, берите торт.

Фоддер взял кусок торта, а я неуютно переминался с ноги на ногу. Сквозь вежливость проступала угроза.

— Итак, — спросила леди Фарнесуорт, — как поживает Аврора?

— Полагаю, неплохо.

— Она по-прежнему занимается тем, что пре-

вращает ее в двух разных людей?

— Да.

— Аврора всегда любила быть на первом плане, — сказала леди Фарнесуорт, — с тех самых пор как мы были маленькими. Я ее любила, несмотря на это. Разумеется, сейчас я с радостью ее убила бы, однако потом меня бы мучили сожаления. Итак: почему мы должны верить в то, что вы не схватили моего супруга и не отдали его в руки этой рептилии агенту Хуку, который будет копаться в его спящем сознании в поисках сведений? Я знаю, чем вы занимаетесь в своем «Гибер-техе».

— Мы Консулы, — возразил Фоддер, — и не имеем никакого отношения к «Гибер-теху». Мы знать не знаем, что там происходит.

— Чепуха, — презрительно фыркнула графиня. — Все вы, валлийцы, одним миром мазаны, и я вам нисколько не верю. О, Чак, благодарю!

Злодей, кипятивший воду, принес чайник из майсенского сервиза и поставил его на подкладку.

— С сожалением вынужден вам сообщить, — сказал Фоддер, — что 13-й граф разговаривает только с Зимой.

Расстегнув молнию вещмешка, лежащего у ног,

он достал голову Счастливчика Неда и положил ее на стол рядом с золотым перстнем-печаткой. На белесо-синем замерзшем лице 13-го графа застыло выражение… скажем так, *удивления.*

Все уставились на голову, словно оценивая то, подходит ли откормленный гусь для пиршества в канун Зимы.

— Мы любезно благодарим вас за то, что вы вернули принадлежащее нам по праву, — сказала наконец леди Фарнесуорт, вдоволь наглядевшись на голову. — Вы знаете, кем делает меня эта голова?

— Разъяренной? — предположил Фоддер. — Мстительной?

— Нет, — ответила графиня, передавая золотой перстень своему сыну, — она делает меня вдовствующей графиней Фарнесуортской, а моего сына — 14-м графом.

Мы посмотрели на графского сына, всеми силами старавшегося скрыть свою радость. Раздались жидкие хлопки, кто-то выкрикнул поздравление, но без души. Похоже, для Злодеев смерть была чем-то довольно обыденным, из-за чего не следует печалиться.

— Чак, будь добр, календулу, — попросила вдовствующая графиня.

Когда Чак передал ей желтые резиновые перчатки, она взяла голову покойного графа и положила ее в корзину для пикника, накрыв сверху сушеной календулой и клетчатой тряпкой. Любовно похлопав по ней, она вернулась за стол.

— Один кусок сахара или два? — спросила графиня, разливая чай.

— Два, пожалуйста, — сказал Фоддер.

— Итак, — сказала графиня, пододвигая ему чашку с блюдцем, — это тот самый Послушник, который убил моего мужа?

Она впервые посмотрела мне в лицо, и у меня гулко заколотилось сердце.

— Да, это он, — подтвердил Фоддер.

— По-моему, он чересчур тощий, чтобы завалить его светлость в поединке, — сказала графиня, разглядывая меня в лорнет. — Вы ведь не собираетесь ублажить нас, принеся в жертву этого простофилю, правда? Эту кучку помета?

— Скажи, что это сделал ты, — сказал Фоддер.

— Ты шутишь?

– *Говори!*

Почувствовав, как у меня задрожали руки, я подумал было о том, чтобы сунуть их в карманы, затем решил, что такая поза может показаться угрожающей, поэтому просто прижал их к

бокам.

— Я был рядом, когда Счастливчика Неда… я хочу сказать, его светлость похитили, — сказал я, всеми силами стараясь скрыть дрожь в голосе. — Он собирался забрать меня в рабство, а в следующее мгновение исчез.

— Только не пытайся убедить нас в том, что это дело рук Грымзы, — сказала вдовствующая графиня. — Попытка выкрутиться от ответственности, свалив все на Зимний люд, достойна презрения.

— Возможно, это сделал я, — уступил я, — но только я ничего не помню.

Отпив глоток чая, вдовствующая графиня собралась с мыслями.

— Я не больше вашего хочу разжигать войну, мистер Фоддер, поэтому мы примем репарации в счет нашей утраты — этот Послушник в течение десяти лет будет служить у нас. Соглашайтесь, и наш договор останется нерушимым, без единой царапины.

Фоддер не спеша отпил чай. Все смотрели на него, ожидая его ответа.

— Я пришел на переговоры, — сказал наконец Фоддер, — а не для того, чтобы отдать вам нашего человека. Будем договариваться дальше.

— В таком случае мы берем марку, — сказала

графиня, — малиновую с Ллойдом Джорджем вторым.

— Со штемпелем Англси, — добавил тот же самый Злодей, стоявший справа от нас.

— Единственную в мире, — сказал я, убедившись в том, что никто не собирается подхватывать.

— Эта коллекция нам не принадлежит, — сказал Фоддер, — и вам это известно.

— Тогда Послушник.

— Продолжим переговоры.

— Нет, мистер Фоддер, не продолжим. Или Послушник, или марка, или ничего. И думайте быстрее, друг мой, ибо я склоняюсь к тому, чтобы забрать в придачу и вас. Не расстраивайте вдову в день ее скорби.

Один из Злодеев выхватил здоровенный охотничий нож, и все шагнули вперед, но Фоддер просто нагнулся и достал из вещмешка черный цилиндрический предмет размером с мяч для регби. Это была «Голгофа». Даже если бы все бросились врассыпную, Фоддер мог бы выждать десять секунд, прежде чем выдернуть чеку, и тем не менее всех разнесло бы в клочья. Столпившиеся Злодеи дружно ахнули. Смесь страха, уважения и любопытства. О «Голгофе» слышали

все, но мало кто видел ее в действии. Говорят, зрелище многочисленных ударных волн, кружащихся и расходящихся по спирали, подобно цветной капусте, очень захватывающее.

— Никто не шевелится, — приказал Фоддер, просунув палец в кольцо чеки, — или мы все взорвемся. Вы не получите ничего, а я обрету долгожданный покой.

— Мне *так* нравится ваш стиль, — фыркнула вдовствующая графиня. — Никакого страха, никакого компромисса. Из вас получился бы замечательный Злодей. Продолжим переговоры. Что вы собираетесь выложить на стол, мистер Фоддер? Но только не говорите, что красного Дилана Томаса почтово-посылочной службы стоимостью два шиллинга шесть пенсов, поскольку такая марка у нас уже есть — и в идеальном состоянии.

— Послушник остается на свободе, — сказал Фоддер, — а взамен мы предлагаем шесть коробок батончиков «Сникерс», две Услуги и один Долг.

— Фиг вам за ваши шоколад и обещания, — сказала вдовствующая графиня. — Нет, можете выдернуть чеку, но знайте, что 15-й, 16-й и 17-й графы будут мстить вам отныне и до скончания века.

Переговоры могли бы идти более успешно.

— Смерть никому из нас не к лицу, — сказал Фоддер, — но мы найдем решение, которое устраивает всех. Я предлагаю вам… здорового младенца.

До этого момента восемь Злодеев обменивались случайными цитатами на латыни, не имеющими никакого отношения к происходящему, но тут они разом умолкли, найдя это предложение привлекательным. И я понимал, почему. Генофонд маленьких групп, живущих на ледяных окраинах Альбиона, очень ограниченный, и вброс генетического разнообразия способен в долгосрочном плане значительно улучшить вопросы здоровья.

— Я вас внимательно слушаю, — сказала вдовствующая графиня. — Но только абы какой мусор нам не нужен. Крепкий, здоровый ребенок, генотип первого уровня. Выполните это, мистер Фоддер, и вы получите соглашение, которого так жаждете.

Я не мог взять в толк, как похищение ребенка может быть более здоровой альтернативой моему десятилетнему рабству. К тому же я не мог этого допустить.

— Я возьму свою десятку, — сказал я. — А Ясли-ториум мы не трогаем.

Посмотрев на меня, вдовствующая графиня улыбнулась.

— А вашему Послушнику мужества не занимать, — одобрительно промолвила она. — Полагаю, из него получится замечательный слуга.

— Мы предлагаем больше, — продолжал Фоддер, не обращая на меня внимания. — Мы предлагаем роды первого уровня, от представителя семейства Фарнесуортов мужского пола; выкармливать ребенка будете вы, окружив его любовью и заботой.

— Вот как? — удивилась вдовствующая графиня. — И какую суррогатную мать вы предложите? Нам не нужна сумасшедшая Джонси, а Аврора не позволит Токкате оставаться беременной дольше первых девяти недель. Конечно, подошла бы та, которую зовут Лора Строугер, но она еще несовершеннолетняя. Никто не одобрит то, чтобы ребенок вынашивал ребенка.

— Нет, — сказал Фоддер, — не Джонси, не Токката — и *определенно* не Лора. Я предлагаю… *себя.*

Наступила тишина, затем Злодеи переглянулись и расхохотались.

— Семени у нас достаточно, нам нужен здоровый горшок, чтобы посадить и вырастить его. И пусть вы самой высшей пробы, — добавила

графиня, окидывая взглядом впечатляющее тело Фоддера, — такое предложение нас не устраивает. Хватит тянуть, выдергивайте чеку, и пусть Зима примет в свои объятия всех нас, — или отдайте девчонку Строугер, когда она повзрослеет, или Послушника мыть посуду. Переговоры окончены.

Однако Фоддер не колебался ни мгновения. Я недоуменно таращился на него, гадая, к чему он клонит. Он передал мне «Голгофу».

— Если кто-либо что-нибудь затеет, выдергивай чеку.

— Будет сделано, — ответил я, говоря совершенно искренне.

Десять лет — большой срок, и если вспомнить предыдущие случаи принужденной домашней работы, на самом деле его можно считать пожизненным. Первые три года человек борется, к пятому смиряется со своим уделом. К концу восьмого он приспосабливается, а к десятому становится преданным слугой, скорее всего, с собственной семьей и обязанностями. Похищенные редко возвращаются назад.

— Вы имеете полное право посмотреть товар, который покупаете, — сказал Фоддер, расстегивая пуговицы куртки.

Пять минут спустя мы тронулись в обратный путь, поставленная на предохранитель «Голгофа» лежала в вещмешке, Фарнесуорты остались счастливы, воск с оттиском перстня на поспешно нацарапанном соглашении еще не застыл.

— Всегда лучше схватить лисицу за хвост и договориться о мире, — объяснил Фоддер. — Главная задача Зимой — обеспечить благоприятный исход для большинства, но, разумеется, так, чтобы всем было хорошо.

— Ты мог бы отдать меня.

Фоддер посмотрел мне в лицо.

— Нет, — решительно произнес он, — мы так не поступаем. Ты молодой и неопытный, ты сбит с толку, и тебе нужно помогать всеми силами.

Этого я не мог отрицать; пожалуй, Фоддер как нельзя лучше оценил меня.

— Я перед тобой в долгу, — сказал я, — но ты собираешься выносить ребенка и отдать его — Злодеям. Тебя это не смущает?

— Я сирота в шестом поколении, — сказал Фоддер. — На протяжении двух столетий мои предки воспитывались в Приютах, не зная своих биологических родителей. Злодеи до омерзения заносчивые, и к тому же англичане, но они хорошие родители — мой ребенок на несколько

поколений вперед улучшит здоровье их династии. Перемирие будет продолжаться, а тебе не придется мыть посуду. Это Зимний кодекс.

Фоддер меня выручил. Это приятное чувство несло с собой огромную ответственность. Придет время, и мне придется рисковать всем ради другого человека, и так дальше, нерушимая цепочка Зимнего братства, протянувшаяся в грядущие столетия, как это было многие столетия до нас. В это мгновение я осознал, что такое быть Зимним консулом, и понял, что больше не хочу быть никем другим.

Несколько минут мы ехали молча.

— Кто-нибудь еще знает? — наконец спросил я.

— Здесь никто, и ты никому не скажешь. Я возьму двухлетний отпуск, до тех пор, пока она не родится. С деньгами придется туго, но — что ж, хей-хо.

Снова последовало молчание.

— Можно спросить, почему?

— Что почему?

— Почему ты тот, кем не являешься?

— Все мы в чем-то те, кем не являемся, — сказал Фоддер. — Каждый из нас застрял где-то между тем, кем хотел бы быть, и тем, кем может быть. И нет никаких «почему». Тут главное — чувство-

вать, что поступаешь правильно.

— Я тебя понимаю, — согласился я. — И спасибо.

Фоддер мог бы не предупреждать о том, что я должен хранить его тайну. Я унесу ее с собой в могилу. Оставшуюся часть пути я вспоминал изумление на лицах у Фарнесуортов, уставившихся на обнаженное тело Фоддера, стоящего на снегу, под лучами Зимнего солнца: крепкое, мускулистое, атлетическое, чисто валлийское, физически соответствующее тому полу, который он предпочел, — но с редко встречающимися и крайне желательными темно-рыжими тигриными полосами на его светлой зимней шерсти.

Пространство сна

«…Большой солончак, простирающийся от Портленда на западе до самого горного массива Доггер на северо-востоке напротив Гулля, является наследием более теплого периода в истории Земли, когда меньше воды было заключено в ледниках и ледяных шапках. Хотя Солончак до сих пор остается непроходимым, если не считать насыпей, проходящих в восточной и западной его частях, разработаны планы осушения, которые уже в следующем столетии должны будут превратить эту территорию в столь нужные сельскохозяйственные угодья…»

«Альбионский полуостров», Роджер Вангард

— Я так понимаю, поездка завершилась успешно, — сказала Джонси, смазывавшая переднюю ведущую звездочку своего Снегохода из масленки размером с ее руку.

— Мое обаяние помогло нам одержать верх, — подтвердил Фоддер. — Оно, а также несколько

Долгов, Услуг и пятьдесят килограммов бананового «Несквика» — плюс косвенная угроза применить «Голгофу».

— Боевая «Голгофа» у нас всего одна, в музее, — заметила Джонси. — Ты что, взял учебную?

— Щедрые обещания — секрет любой кампании, — пожал плечами Фоддер.

Он отправился в Консульство, чтобы доложить обо всем Токкате, а я задержался с Джонси.

— Успех сделки правда решили Долги и «Несквик»? — спросила та.

— Ага, — подтвердил я. — Долги и «Несквик». Фоддер великолепный переговорщик. Где обнаружили тело Неда?

— Недалеко от того места, где нашли его одежду. Он был погребен под снегом, и если не считать выражения удивления, застывшего у него на лице, мы так и не смогли понять, отчего он умер. О, и твоя теория насчет того, что к этому причастна Грымза, похоже, верна — у Неда отсутствовал мизинец. Если только ты сам его не отрезал. Но ты ведь этого не делал?

— Нет, не делал. Значит, ты *действительно* веришь в Грымзу?

Джонси задумалась.

— Я считаю, что в воздухе витает нечто при-

зрачное и необъяснимое, и если для описания подобного больше всего подходит Грымза — значит, пусть будет Грымза. Послушай, — добавила она, — Токката будет пребывать не в самом лучшем настроении, так почему бы тебе не раствориться на часок?

Воспользовавшись ее советом, я, погруженный в размышления, направился к «Уинкарнису». У двери гостиницы намело снег. Наружные двери всегда вешаются на двусторонних петлях: на случай пожара они открываются наружу, на случай снежных наносов — внутрь. Когда я жил в Святой Гренете, как-то раз первый снег выпал очень рано, и когда мы попытались выйти на улицу, то лишь увидели перед собой стену снега — с отпечатавшейся на ней в мельчайших деталях входной дверью. Подобные вещи запоминаются надолго.

Зимсонники только что пообедали спагетти, похожими на проволоку, и готовились к оживленному вечеру, всецело посвященному тонкому искусству ничегонеделанья. Поскольку мои сновидения имели яркий характер, мне хотелось пространно побеседовать с Шаманом Бобом, и я нашел его читающим книгу у незажженного камина. В очаге лежали щепки, бумага и поленья,

однако пока что им не удалось собраться в нечто полезное. Присев на корточки, я начал разводить огонь.

— Так, отлично, — сказал Шаман Боб, увидев меня, — ты уже составил себе репутацию. Прикончил Счастливчика Неда, завел шашни с Авророй. Ого! Просто… *ого.* Никогда бы не подумал. Только не ты. Слушай, постарайся не дать ей заснуть в самый разгар — а то она проснется Токкатой. И тебе придется долго оправдываться.

— Да уж, проблема мирового класса, — согласился я. — Но только я не убивал Счастливчика Неда и не заводил никаких шашней с Авророй.

— На самом деле неважно, правда это или нет, — заметил Шаман Боб. — Важно то, во что все верят. Не желаешь к нам присоединиться?

— Как-нибудь в другой раз.

— Справедливо подмечено, — весело произнес Шаман Боб. — К тому же у нас все равно перебои с поставками, но скоро все будет улажено. Итак, чем могу тебе помочь?

Я чиркнул спичкой, и вспыхнула газета.

— В прошлый раз ты сказал, что изначально Дон Гектор стремился не к тому, чтобы видеть меньше снов, а к тому, чтобы сны были *лучше.* И я ломаю голову, что ты имел в виду.

Посмотрев на меня, Шаман Боб прищурился.

— Новенький, тебе снились сны?

— Никаких.

— Честно?

— Ну немного.

Усмехнувшись, Шаман Боб облизнул губы.

— Я имел в виду то, что сказал. Первоначально исследования Гектора были направлены не на то, чтобы остановить сны, а на то, чтобы они были лучшего качества — и более продуктивными.

Я ничего не сказал, ожидая, что он продолжит. Заговорщически подмигнув мне, Шаман Боб оглянулся по сторонам, убеждаясь в том, что никто не подслушивает — а это действительно было так, поскольку гостиная была полна неспящих. С трудом усевшись прямо, Шаман Боб знаком предложил мне придвинуться ближе.

— Об этом мало кто знает, однако первым прорывом в «Гибер-техе» стал мощный усилитель сна под названием Е-28. Препарат был синтезирован в ходе ранних попыток Дона Гектора сделать зимнюю спячку более полезной за счет некоего «Активного управления сновидениями».

— Никогда о таком не слышал, — заметил я, внезапно проникаясь еще более сильным интересом. Когда мне в последний раз снился сон про

Бригитту и «Бьюик», я управлял сновидениями — сам принимал решения, направляя развитие сюжета.

— Повторяю, об этом мало кто знает. «Гибертех» бдительно охраняет свои секреты. «Активное управление» разрабатывалось для того, чтобы человек продолжал жить Зимой. Но не здесь, сжигая жир и становясь жертвой голода, холода и хищных грызунов, а здесь. — Шаман Боб постучал себя по виску. — Уютно, безопасно, весело — в подстроенном под личные запросы пространстве сна, где человек становился полновластным правителем, где мог делать то, что хочет, оставаясь в полном сознании, полностью контролируя свои действия — и в то же время крепко спя.

— Ну хорошо, — сказал я, — но разве это «Активное управление» не было бы равносильно одиночеству зимовки? Или даже еще хуже?

Шаман Боб усмехнулся.

— Вот где начинается самое интересное. Идея заключалась в том, чтобы дать человеку возможность *делиться* своим Пространством сна. Оно должно было стать местом встреч, местом общения, местом продуктивного творчества. Были планы основать первый Гиберверситет. Обучение любой специальности по желанию

— пока человек спит, провалившись в бездну гибернации. Образование для широких масс. Ходили даже разговоры о том, — со смехом добавил он, по-видимому, веселясь от дерзости этой мысли, — чтобы имплантировать в спящий рассудок Аватары сна, чтобы установить связь с внешним миром. Новости и картинки во сне, быть может, даже развлечения в реальном времени — а также потенциальный канал рекламирования товаров и услуг спящим.

— Серьезно?

— Ага. — Шаман Боб усмехнулся. — Состояние сна собирались поставить на коммерческую основу за счет продажи площадей для рекламы и развлечений. Нет ничего святого? И что с того? У тебя такой вид, будто ты… в шоке.

— Пустяки, — заверил я, однако на самом деле это было не так.

Если то, о чем говорили Шаман Боб и Заза, правда, это объясняет, каким образом попала в мои сны миссис Несбит. Но меня не развлекали, мне не пытались продать термозащитные носки или двойное остекление; от меня требовали информацию. Мне пришла в голову другая мысль, еще более неприятная — про агента Хука и его методы проведения допросов во сне.

— Эта мысль насчет Пространства сна, — спросил я, — из нее что-нибудь вышло?

— По большому счету ничего. Двадцать два года и тридцать миллиардов евро спустя оставалась все та же огромная и абсолютно непокоренная проблема: ты узнал про Шарлотту Бронте [130] или же тебе только *приснилось*, что ты что-то узнал? Человек, с которым ты только что встретился в Пространстве сна. Он действительно сказал то, что, как тебе кажется, он сказал, или это лишь плод твоего воображения? У тебя любовная интрижка в Пространстве сна. Это прелюбодеяние? Разврат? А если согласие не было обоюдным, тогда что? Деловые соглашения: имеют ли они юридическую силу? Все дело в том, что не существовало простого способа определить, что из произошедшего в Пространстве сна реальное, а что лишь плод воображения. Десять процентов? Восемьдесят процентов? Ничего?

— Понимаю.

— Правильно, — сказал Шаман Боб, — потому что когда сливаются реальность и фантазия, никогда нельзя четко определить границы того и другого. Концепция Пространства сна была

---

[130] Примечания: 130

Бронте, Шарлотта (1816–1855) — выдающаяся английская писательница.

замечательной, однако вследствие причудливой природы спящего сознания, склонного к созданию отвлеченных образов, она изначально оказалась обречена на провал.

Он печально вздохнул, словно для него это явилось глубочайшим разочарованием в жизни. Мир постоянных снов, нескончаемое путешествие по фантастическим мирам собственного творения.

— Сон — единственная истинная свобода, — продолжал Шаман Боб, — место, где человек может быть самим собой, делать что угодно. Освобожденный рассудок.

— До тех пор пока речь идет об «Активном управлении», — заметил я, — или же человек становится просто пассажиром, верно?

— Виновен по всем статьям, — с грустной улыбкой подтвердил Шаман Боб. — Вот та Ночная Чаша Грааля, к которой мы стремимся: сновидение, неотличимое от реальной жизни. Сновидение, в котором можно раствориться, сновидение, в котором можно быть кем угодно, делать что угодно, по своему собственному желанию.

— А можно сделать так, чтобы тебе приснилось, будто ты принципиальный, целеустремленный член «Кампании за истинный сон»? — спросил я. — Глубоко законспирированный, выполняю-

щий опасное задание вместе с девушкой твоей мечты?

— Конечно, — сказал Шаман Боб, — если это то, чего ты хочешь. Что до меня, то я хочу летать. Но не как пилот — как птица. Парить высоко в небе над притихшей страной, ища дух свободы. Или, быть может, играть на саксофоне, — продолжал он, — выступать с Холройдом Уилсоном, во время его последнего турне, перед тем, как Зима взяла его к себе. А может быть, я сделал бы так, чтобы мне приснилось, будто я стал известным, — добавил Боб, — или даже уважаемым. Или *нормальным.* Это было бы здорово.

Лицо Шамана Боба стало мечтательным, и у него начали смыкаться веки. Я не мог определить, то ли это благоговейное почтение, порожденное нашими разговорами о снах, то ли он просто задремал. С зимсонниками такое случается часто.

— Тебе никогда не снился синий «Бьюик»? — спросил я.

Шаман Боб резко встрепенулся, и через мгновение его костлявые пальцы схватили меня за куртку и притянули к нему.

– Вот почему в Двенадцатом секторе среди

нас так много предателей [131]*, друг мой.* Мы слышали, что этот сон кажется более реальным, чем сама реальность, таким живым, как будто ты действительно там, щуришься на солнце, чувствуешь запахи Лета, ощущаешь на зубах хрустящий песок. «Активное управление», Ночная Чаша Грааля, которую мы ищем. Где она? Где-то недалеко? В каком Дормиториуме?

Я ответил не сразу.

— У меня еще один, последний вопрос, — сказал я. — Может ли воспоминание о снах раскрываться в сознании в обратной последовательности, под воздействием более поздних впечатлений?

— Сам я в таких вещах не разбираюсь, — подумав, сказал Шаман Боб, — и не слышал о тех, кто в них разбирается. Но наркоз способен время от времени подбрасывать интересную косточку. Ты точно не хочешь присоединиться к нам?

— Точно.

Я прошел к двери и обернулся. За нашим разговором следили все до одного находящиеся в гостиной зимсонники. Сейчас они смотрели на меня своими широко раскрытыми, запавшими глазами, моргая словно совы.

---

[131] Примечания: 131

Думаю, он имел в виду «попрошаек, клянчащих Зимой еду», но так это и не выяснил.

— Уясните следующее, — громко произнес я, обращаясь ко всем присутствующим. — Нет никакого сна про синий «Бьюик», определенно нет «Активного управления», и, уж конечно, ничего нет в «Саре Сиддонс».

Зимсонники слабо улыбнулись и лениво закивали. Ллойд говорил, что за каждого зимсонника, приведенного в «Сиддонс», я получу по четыре банки консервированного риса с соусом «Амброзия». Каждый новый постоялец будет означать, что Бригитта станет на четыре часа ближе к Весеннему пробуждению и на четыре часа отдалится от каннибализма. Консервированный рис с соусом «Амброзия», и в лучшие времена вещь неплохая, сейчас казался как никогда привлекательным.

Уволенный и отправленный перекладывать бумаги

«…Служба Зимних консулов не насчитывает и четырехсот лет, и за это время она почти не изменилась. И привратники, и Консулы ведут свое происхождение от ночных сторожей, и этим термином нередко описывались оба ремесла. Средняя продолжительность жизни Зимнего консула невысока, однако перспективы продвижения по службе и щедрое жалованье обеспечивают то, что желающих поступить в Службу всегда более чем достаточно. И это очень кстати…»

Из «Семнадцати Зим», Зимний консул Ланс Джонс

Пока я был в «Уинкарнисе», небо затянуло тучами, и порывистый ветер гонял снег облаками белых хлопьев, которые беспорядочно кружились в воздухе, не оседая на землю. Видимость по-прежнему оставалась довольно приличной, хотя вряд ли можно было рассчитывать на то, что так продлится долго: Джонси уже протянула

трос от своего Снегохода к большому бронзовому кольцу у входа в Консульство, чтобы можно было найти то или другое, если дела станут совсем плохи.

Когда я вошел в здание, меня встретило ощущение неспешной лени, словно все готовились к уютным выходным в четырех стенах. Трикл неторопливо печатал на большой машинке, Джонси развалилась за столом, читая доклад. Фоддер стоял у кофеварки, уставившись вдаль, погруженный в свои мысли. Вероятно, думая о младенцах. Или о каком-то военном поражении, к которому был причастен. Или о неразделенной любви. Или о вкусном пироге с бобами и жареной картошкой. На самом деле я понятия не имел, о чем он думает. Определить это по его виду было невозможно.

Я услышал, как Токката ругается на кого-то по телефону из уюта своего кабинета, но теперь, когда я уже привык к причудам Двенадцатого сектора, в проблеме Авроры-Токкаты больше не было ничего необычного, и я понимал, почему никто из сотрудников Консульства не видит тут ничего странного.

— Начальник сказала, что хочет тебя видеть, — оторвалась от документа Джонси.

— Прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас. Она видела, как ты зашел, так что бежать уже слишком поздно. Удачи тебе.

Я медленно приблизился к двери в кабинет Токкаты, оправил куртку и вежливо постучал. Токката пригласила меня войти, и я толкнул дверь.

Она стояла за столом, опираясь на спинку кресла.

— Закрой дверь, — приказала Токката, и я повиновался.

— Сядь.

Я сел.

— Вчера ты вел себя хорошо, — сказала она. — Убийство Неда Фарнесуорта было глупым и безрассудным шагом, но, к счастью, благодаря недюжинным дипломатическим способностям Фоддера соглашение остается в силе.

— Я его не убивал.

Токката кивнула, рассуждая сама с собой, затем подняла золотой подарочный сертификат со множеством нулей.

— В таком случае ты не хочешь получить вознаграждение в десять тысяч евро?

Я испытал противоречивое чувство. Этих денег хватит на то, чтобы Бригитта дожила до Весен-

него пробуждения, но почему-то мне показалось, что это будет неправильно. Внезапно меня осенила мысль.

— А можно отдать эти деньги Фоддеру? Кажется, он хочет на пару лет отправиться в отпуск, а с наличными у него туго.

Токката молча уставилась на меня.

— Значит, успех сделки определили не Долги и «Несквик»?

— Нет, мэм.

Она протянула мне сертификат.

— Подпиши на обратной стороне.

Я сделал так, как она сказала, и почувствовал, что хотя бы частично выполнил свои обязательства перед Фоддером.

— А теперь, — сказала Токката, — полагаю, ты недоумеваешь, почему я так любезна с тобой?

Если честно, на самом деле я ничего не заметил.

— Это потому, что ты больше у нас не работаешь. Жутко оскорбляю я только своих.

Я подумал было, что, наверное, Аврора приняла меня к себе на работу без моего согласия, однако это оказалось не так.

— Вот, — продолжала Токката, протягивая мне факс. — Похоже, исполняющий обязанности на-

чальника твоего сектора просит, чтобы я вернула тебя в Кардифф. Там также не хватает людей. Отпуск за свой счет может начаться немедленно; ты сможешь пересидеть буран в тиши «Сиддонс», а как только погода наладится, Джонси отвезет тебя в Херефорд, откуда ты доберешься до дома на Рельсоплане.

Я прочитал факс. Он был от Вице-консула Прейса; в нем упоминалось о том, что Логан погиб от руки Авроры, защищая Послушника Уортинга, так что, по крайней мере, меня не считали виновным в случившемся.

— Прощай, Уортинг. Мне хотелось бы сказать, что я была рада знакомству с тобой, — однако это не так.

Я замешкался. Конечно, здесь гораздо опаснее, чем в Кардиффе: сумасбродные Старшие консулы, кровожадные агенты «Гибер-теха», Зимний люд и сильные морозы. Но мне хотелось быть именно здесь. К тому же здесь Бригитта. Ну да, возможно, она всего в трех булочках с повидлом от людоедства, однако я по-прежнему в ответе за нее.

— Мэм, я бы хотел остаться.

У Токкаты дернулась бровь.

— Ты не хочешь находиться в Двенадцатом

секторе, *я* не хочу, чтобы ты находился в Двенадцатом секторе. Ты обуза, непредсказуемый игрок, и неприятности преследуют тебя, словно спаниель, потерявший хозяина. И ты *спарился* с Авророй, а для всех, с кем происходило подобное, это оканчивалось плачевно.

— Нет, честное слово, мне здесь хорошо. Впервые с тех пор, как я покинул Приют, я чувствую себя дома. Впервые *в жизни.*

— У меня прямо сердце разрывается. Хорошо, скажу тебе открытым текстом: ты уволен. До сих пор тебе везло, но везение рано или поздно закончится, и когда это случится, ты заберешь с собой хороших ребят. — Опустившись в кресло, Токката уставилась на меня своим здоровым глазом, а второй тем временем вращался в глазнице. — Все кончено. Хватит. Ступай.

Я подошел к двери. Пьянящее возбуждение чувством товарищества, такое сильное утром, безнадежно разлетелось вдребезги.

Но тут меня осенила одна мысль, и я обернулся.

— Ты еще здесь, — сказала Токката, не смотря на меня.

— Полагаю, вам следует это знать, — сказал я. — Сегодня утром мне предложили работу в «Ги-

бер-техе».

Токката медленно подняла на меня взгляд, и у нее не только лицо стало красным, но и шея. Исчезли последние крупицы дружелюбия.

— Ах ты косорожье дерьмо! Ты ведь пошутил, так?

— Нет, — как можно более невинным тоном произнес я. — Контракт на два года, премия при подписании, бесплатные пудинги, квартира с видом на центральный парк — и шоколадные батончики с фруктами и орехами.

— Не знаю, зачем ты нужен «Гибер-теху», но определенно дело не в твоем обаянии, внешности или опыте. Тебя бесцеремонно используют, после чего выплюнут, когда ты больше не будешь нужен. Работа в «Гибер-техе» станет для тебя худшим карьерным шагом — и последним.

— Вы совершенно правы, — довольно дерзко ответил я. — Я не хочу там работать. Я хочу остаться в Двенадцатом секторе, но если для меня единственной возможностью остаться будет работа в «Гибер-техе», я на нее соглашусь.

Положив ручку, Токката откинулась назад и посмотрела на меня.

— Так, черт возьми, — сказала она, — ты меня обыграл. Меня еще *никто* не обыгрывал. — В ее го-

лосе прозвучала тень уважения. — Хорошо, будь по-твоему: ты получаешь работу. Перебирать бумаги в течение следующих девяносто одного дня, *не выходя* из Консульства — и ты разжалован из Младших консулов обратно в Послушники. Также тебе придется ежедневно драить сортир, а еще стирать и гладить на всех. Очень скоро ты станешь умолять о том, чтобы тебя отпустили работать на вдовствующую графиню Фарнесуорт. Так, а теперь убирайся. Стой, подожди, еще один момент.

Встав, Токката обошла вокруг стола и двинула мне кулаком в глаз.

– *Это* за то, что ты солгал.

Не успел я подняться на ноги, как она второй раз ударила в то же самое место.

— А *это* за то, что сегодня утром спаривался с Авророй, хотя обещал, что этого больше не будет.

Я покинул кабинет с гудящей головой, однако по крайней мере в двух вопросах сложилась определенность: во-первых, я научился лучше справляться с тем, что ставила передо мной Зима, и, во-вторых, предостережение о вырванном языке оказалось пустой угрозой.

— Ну, как все прошло? — спросила Джонси, за-

став меня в туалете, прикладывающим холодный компресс к глазу.

— Мне сказали уходить, я ответил, что не хочу, меня выгнали, затем вернули на службу, но разжаловали в Послушники. Однако я обыграл Токкату, так что, полагаю, теперь она меня уважает.

— Поэтому она дала тебе в глаз?

— Нет, это за ложь и за спаривание с Авророй.

— Значит, это правда?

— *Нет!*

— Все будет замечательно, — хихикнув, заверила Джонси, потрепав меня по плечу. — Когда я только поступила на службу, Токката так отдубасила меня палкой от швабры, что я неделю не могла в себя прийти. Таков ее стиль.

— Хотелось бы, чтобы она придумала что-нибудь другое.

Я отправился в архив к Лоре. Увидев меня, та предложила мне сесть за соседний стол.

— Итак, расскажи мне про Грымзу, — возбужденно сказала она, пододвигая свой стул. — Ты правда ее видел?

Я повторил свой рассказ со всеми подробностями, каковых оказалось немного. С момента появления Грымзы до момента ее исчезновения

я находился без сознания. Лора делала пометки, восторженно кивая, однако когда я закончил, она не скрывала своего разочарования. Это оказалась вовсе не та подача навылет, на которую она надеялась.

— Значит, фотографий нет? — спросила Лора.

— Ни одной.

— Трикл уже списал все на Гибернационный наркоз, — вздохнула она, — *твой.* Он считает, что ты убил Счастливчика Неда, а теперь пытаешься стереть это в памяти.

— Я похож на человека, способного отгрызть человеку палец?

— Ты ведь откусил ухо Гэри Финдли.

— Ты и об этом слышала?

— В Двенадцатом никаких секретов не бывает.

— Да я уже понял.

Лора умолкла, уставившись в пол. Я обвел взглядом помещение. Мой ускоренный курс в Академии не включал в себя основы делопроизводства.

— Как все это работает? — спросил я.

Похоже, Лора не могла грустить долго. Не прошло и пары минут, как она призналась мне, что *любит* работать с документами, так как эта работа обладает «простым изяществом», после

чего объяснила, с тревожно высоким уровнем энтузиазма, как и что нужно делать. Не лучший способ и не самый логичный, а из серии Нулевых навыков — достаточно простой, чтобы им мог воспользоваться любой, но в то же время эффективный и понятный каждому, кто сдал тест по Основным навыкам.

— Шаман Боб упомянул про какое-то «Активное управление сновидениями», — сказал я, пока мы старательно заносили мелкие изменения в личные карточки, посредством сложной системы вырезов и дырочек создавая систему перекрестных ссылок.

— «Активное управление» — это что-то вроде зебророга и пропавшего 14-го оттомана, — сказала Лора. — Легенда, уходящая корнями в действительность. Ну да, Дон Гектор и «Гибертех» изучали вопрос управления сновидениями, но трудно оценить, каких успехов они добились. В конце концов, возможно, человеку просто приснилось, что он управляет своими снами.

— Ну а Пространство сна? — спросил я.

— Встречи во сне? Еще *более* натянутое предположение. Имели место отдельные случайные успехи, перемежающиеся с огромным количеством неудач, но это уже другая область

исследований. Попытка проникновения в гибернационное подсознание всегда была сопряжена со значительными рисками. Ходили слухи о психотических эпизодах, спонтанной смерти во сне, о людях, якобы застрявших в Пространстве сна, и тому подобном. В семидесятые «Паранормальные явления» ни о чем другом не писали.

— Застрявшие в Пространстве сна? — спросил я.

Посмотрев на меня, Лора пожала плечами.

— Никто так и не смог объяснить, каким образом сознание возвращается из глубокой гибернации; кое-кто утверждает, что человеческая личность попадает куда-то в другое место. Возможно, в Состояние сна где-нибудь *вне* тела — впитывается в стены, мебель и комнатные растения.

— Состояние перемещения сознания, — сказал я, повторяя то, что говорил в моих сновидениях Дон Гектор.

Он умер уже больше двух лет назад, однако я чувствовал, что частично его личность продолжает жить во мне.

— Так можно объяснить призраков, — сказала Лора, — и Зимний люд. Осиротевшее сознание периодически возвращается, используя силу

мыслей другого спящего.

В любое другое время я отмахнулся бы от этого, как от полной ерунды.

— Ллойд считает, что Грымза может быть каким-нибудь образом связана с убитой дочерью Икабода, — сказал я.

— Я тоже об этом слышала. Хочешь взглянуть на ее фотографию?

— Конечно.

Выдвинув ящик, Лора порылась в нем и достала папку. Пролистав содержимое, она показала мне семейную фотографию. Она была сделана на Говере, на пляже Розилли, на заднем плане «Царица Аргентины», выброшенная на берег совсем недавно. Мужчина, худой, с мрачным, жестоким лицом, как у хорька, женщина, грубовато-добродушная, полная оптимизма. И дочь Гретель, с большим мячом в руках. Я почувствовал, как по спине пробежали холодные мурашки. Вчера — да что там вчера, еще сегодня утром я отмахнулся бы от этого, списав все на ретроспективную перекройку памяти, однако сейчас у меня уже не было полной уверенности. Это была та самая девочка из сна с Бригиттой, заливающаяся звонким смехом. Тем самым звонким смехом, который я услышал перед самым исчезновением Счастлив-

чика Неда.

— В чем дело? — с тревогой спросила Лора. — У тебя вид какой-то… нездоровый.

— Грымза существует на самом деле, — сказал я.

— Да, знаю, — согласилась Лора, — вот почему я дала тебе фотоаппарат. Чтобы ты ее сфотографировал. Я уверена, что выиграю спор; проблема только в том, чтобы раздобыть доказательства.

— Я думаю, она у меня в сознании, — тихо промолвил я. — Я видел ее в Состоянии сна.

— Это означает, что Грымза или оберегает тебя, или подкарауливает, — сказала Лора. — Пойми меня правильно: на свете есть много гораздо более недостойных людей, чем ты. Первым делом Грымза сорвет самый зрелый плод. Когда она объявится, ты на всякий случай начни насвистывать «Этот чарующий вечер» [132].

— Отличный совет, — язвительно заметил я. — Премного благодарен!

— Всегда пожалуйста.

Убрав фотографию в папку, Лора собралась уходить, поскольку Фоддер предложил ей обойти вместе с ним ловушки с разбросанным постель-

---

[132] Примечания: 132

«Юг Тихого океана», запись оригинального состава, 1-я сторона, 4-я композиция.

ным бельем, которые она расставила. Весело помахав рукой, Лора напомнила мне всегда держать под рукой моментальную камеру и ушла.

Я долго сидел, размышляя о Грымзе, затем сходил заварил чашку чая, снова сидел в раздумьях, пока чай не остыл, после чего порылся в личных делах жителей Двенадцатого сектора и нашел досье на Бригитту. В нем имелись ее Весенняя и Осенняя фотографии, а также обычный треп про гибернационные предпочтения, данные Национальной страховой системы и сведения о месте работы — в ее случае «свободная занятость». Помимо солидного штрафа за отсутствие регистрации в миграционной службе и незакрытого расследования предполагаемого уклонения от вынашивания ребенка ничего, заслуживающего внимания. И никаких упоминаний о браке, никакой связи с Уэбстером.

Я вернул папку на место, и тут меня осенила одна мысль. Достав личное дело Уэбстера, я с любопытством изучил содержимое. Джонси упомянула о том, что Уэбстер и еще пять человек или пропали без вести, или были превращены в лунатиков, предположительно потому, что один из них занимался промышленным шпионажем. И это навело меня на мысль, что, если один из

этих людей выдавал себя за кого-то *другого*, тогда досье, которое использовалось для проверки их прошлого, должно быть подделкой.

Запрос по имени Уэбстера не дал никаких результатов, однако если он самозванец, запрос по фотографии, скорее всего, даст совершенно иной результат.

Открепив фотографию от личного дела Уэбстера, я прикрепил ее к листу бумаги, написал запрос якобы от Токкаты и скрепил его подписью с другого документа, найденного в архиве, после чего отправил факс в Центральный архив в Эйбере. Я проводил взглядом, как аппарат медленно затянул бумагу в себя. В шестидесяти милях отсюда через короткий промежуток времени повторится то же самое, но только в обратном порядке.

Как только лист бумаги исчез в факсе, меня охватила холодная паника. *Что я делаю?* Нет ничего, что связывало бы Уэбстера… ну *с чем бы то ни было.* Изменник Дон Гектор, связанный с глубоко законспирированными участниками «Кампании за истинный сон», ведущими борьбу за обладание пропавшим восковым валиком, существует только в моем воображении. Это сон. Вымысел. Чепуха. *Наркоз.*

И это еще не все. Я только что совершил ве-

личайшую глупость, подделав подпись Главы консульства на официальном запросе. И Летом это является уголовным преступлением, а Зимой, возможно, за него полагается Морозокуция. Я обреченно уставился на дремлющий факс, гадая, как я мог быть таким дураком. У меня мелькнула было мысль отправить вдогонку второй факс, отменяющий первый, но затем я рассудил, что так, вероятно, будет только еще хуже.

Но, постарался успокоить себя я, вполне вероятно, сотрудники Центрального архива завалены работой, и на проверку фотографии потребуется несколько дней.

На все про все ушло восемь минут. И выяснил я это только потому, что удостоился визита Токкаты, которая ворвалась в архив в сопровождении Джонси. Вид у Токкаты был не слишком радостный, но, впрочем, у нее никогда не бывает слишком радостный вид.

— Так, клянусь дерьмом Грымзы в унитазе, — сказала она, увидев, как я с виноватым видом поспешно отошел от факса, — мне следовало бы догадаться, что это ты.

Я перешел к стойкому отпирательству, как поступила сестра Плацентия, когда у нее под кроватью нашли восемнадцать пустых бутылок

из-под джина.

— Понятия не имею, о чем это вы.

Токката подняла одну бровь. Как это ни странно, над своим невидящим глазом.

— В таком случае позволь тебя просветить: мне только что позвонили из Центрального архива и поблагодарили за очень интересную фотографию, которую я отправила туда на опознание. Этот звонок меня удивил, Кривой. И знаешь, *почему* он меня удивил?

— У меня такое предчувствие, что вы мне сейчас это скажете.

— Потому что я не отправляла на опознание никаких фотографий, и у меня, по-видимому, случился провал в памяти, потому что под запросом стояла моя подпись.

— О, — сказал я, — правда?

— Да, правда. Затем у меня спросили, за кого выдавал себя изображенный на фотографии человек, поскольку он числится в списке самых активных членов «Кампании за истинный сон», и его разыскивают вот уже больше двенадцати лет. И знаешь что?

— Что?

— На этот вопрос я также не смогла ответить. Потому что я не отправляла никакой фотографии

и понятия не имела, о чем речь. Ты не находишь это странным?

— Очень странным — однако я по-прежнему не представляю себе, о чем вы говорите.

Джонси взяла оригинал факса, который я беспечно оставил у себя на столе, и показала его Токкате, затем мне.

— Ты *так* вляпался, — с улыбкой сказала она, — что, полагаю, тебе лучше рассказать нам всё.

Чарли Уэбстер

«…«Джозефина III» была построена на Клайде и спущена на воду в 1936 году. После долгой службы на линии в Северной Атлантике корабль был продан одной южной судовладельческой фирме и переименован в «Царицу Аргентины». Захваченное в 1974 году при попытке прорыва блокады, судно было поставлено на прикол. В 1982 году его продали на металлолом и отправили в Ньюпорт, однако во время шторма буксировочный трос лопнул, и «Царицу Аргентины» выбросило на берег в Розилли…»

«Обломки кораблей на Говере», Валлийское туристическое бюро

— Итак, прежде чем я только *начну* работать над тобой, — сказала Токката, — чьи данные должны сейчас прийти по факсу?

Особого смысла лгать не было — это все равно выяснится в ближайшее время.

— Вы знаете этого человека как Чарльза Уэбстера.

— Уэбстер, санитар из «Гибер-теха»?

Я молча кивнул, и Джонси с Токкатой переглянулись. Они были удивлены, а может быть, потрясены, а может быть, и то и другое. Я почувствовал, как у меня начинает распухать глаз, в который Токката сегодня уже врезала дважды, но удержался от желания его потрогать.

Загудел факс, и мы молча ждали, когда из устройства выползет бумага. Не дав мне взглянуть на нее, Джонси ее схватила и протянула Токкате.

— Как только эти кретины из службы безопасности «Гибер-теха» могли это пропустить? — спросила Токката. — Они открыли лазутчику «Истинного сна» доступ в самое сердце своей компании.

— Становится смешно, — заметила Джонси.

— Да, очень смешно, — согласилась Токката, и обе молча уставились на меня.

— Кривой, ты можешь заполнить пустую паузу? — наконец спросила Токката. — Рассказав нам, *почему* ты занимаешься Чарльзом Уэбстером. Как ты понял, что он не тот, за кого себя выдавал. Мы тебя внимательно слушаем.

У меня возникло такое ощущение, будто я стою перед матерью Фаллопией, которая устраивает

разнос за какой-то глупый розыгрыш, устроенный в Приюте. Однако я понимал одно: я не могу признаться в том, что увидел все это во сне.

— Потому что, — начал я, — Бригитта сказала, что была замужем за каким-то Чарли, и я хотел выяснить… хотел выяснить… — Думай, думай же! — *Завещание.*

— Завещание?

— Да, завещание. Кому после ее смерти достанутся все ее картины.

Токката уставилась на меня своим единственным немигающим глазом. Ее тяжелый взгляд подобно густому сиропу стекал у меня по затылку и скапливался под мышками.

— Ты что, ее душеприказчик, да?

— Это у меня такое увлечение, — сказал я, — как в той телепередаче, где разыскивают родственников тех, кто оставил наследство.

— «Охотники за наследниками»?

— Она самая, «Охотники за наследниками».

— Ты снова лжешь, — сказала Токката, — но я ума не приложу, почему. Ты говоришь, Бригитта была замужем за Уэбстером?

— Да, — подтвердил я, побагровев словно свекла.

Пока я, запинаясь, мямлил, отчаянно стараясь

выпутаться из этой передряги, Джонси достала личное дело Бригитты.

— Если они и были женаты, — сказала она, — это нигде не зафиксировано, что, возможно, указывает на то, что и Бригитта также состояла в «Кампании за истинный сон». Должно быть, этот Уэбстер был крепким парнем, раз не выдал ее, а Хук наверняка изрядно потрудился над тем, чтобы превратить его в лунатика.

— Хук — просто чудовище, — согласилась Токката. — Никто из тех, кого я только знала, не мог устоять от продолжительного натиска в Пространстве сна.

Я рассудил, что также знаю это, через общую память, которую делил с Уэбстером: Бригитта также принадлежала к «Истинному сну», и Уэбстер ее не выдал, а она, вместо того чтобы уносить ноги из сектора, осталась в этой убогой дыре на краю цивилизации, ежеминутно опасаясь разоблачения, в ожидании дальнейших инструкций, которые могли никогда не поступить, храня верность любимому делу.

Вероятно, рассчитывая на то, что это может пригодиться.

— Ну хорошо, — сказала Джонси, оборачиваясь к Токкате, — но как нам быть?

Пососав губу, Токката постучала пальцем по пришедшему факсу.

— Вероятно, копию этого отправили в службу безопасности «Гибер-теха», — сказала она, — однако, в отличие от нас, там не знают о связи Уэбстера с Бригиттой.

— Нужно проверить ее комнату, — предложила Джонси, — на тот случай, если там остались какие-либо инкриминирующие улики.

Смысл ее слов дошел до меня не сразу. Я вынужден был попросить Джонси повторить их еще раз.

— Я говорю, — недовольно произнесла та, — что нужно проверить комнату Бригитты. Возможно, там окажется что-нибудь любопытное.

Там окажется не просто что-нибудь любопытное. Там окажется Бригитта, в точности такая, какой я ее оставил: чистая, опрятная и накормленная, вне всякого сомнения, получившая прибежище.

— Кривой, ты имеешь что-нибудь против?

Я постарался изобразить человека, который не будет в ближайшее время уничтожен в профессиональном, юридическом и социальном плане.

— Я? Абсолютно ничего.

— Я никак не могу определить, что ты собой

представляешь, — сказала Токката, пристально разглядывая меня, склонив голову набок. — Почти все Послушники, которые к нам приходят, или бывшие военные, выгоревшие на службе, смотрящие куда-то далеко в пустоту, или простодушные идиоты, полные восторженного энтузиазма, или жалкие неудачники, которые могли бы написать себе на лбу «Убейте меня прямо сейчас». Ты не относишься ни к одной из этих категорий. Но я не могу понять, то ли ты умный, выдающий себя за тупицу, то ли тупица, выдающий себя за умного, то ли просто случайно попал в Зиму и теперь бредешь без определенных мыслей и целей.

— Я могу проголосовать за третий вариант? — спросил я, стремясь разрядить обстановку.

— Но твердо известно одно, — добавила Токката, не обращая на меня внимания. — С тебя глаз нельзя спускать.

— А, — сказал я; мой единственный план — удрать, как только ко мне повернутся спиной, правда, детали пока что еще не были проработаны, — оказался разбит вдребезги. — Можно задать один вопрос?

— Вопрос? — удивилась Токката. — *Разумеется* — точнее, нет. Молчи и делай, что говорят, иначе

я осуществлю свою угрозу насчет вырывания языка. Не надейся, что я забыла.

Меньше чем через минуту я в усиливающийся снегопад вез Джонси в «Сиддонс». Токката предпочла остаться в Консульстве. Надвигающийся буран сгустил сумерки, и сердитый мрак неба лишь кое-где разрывался желтовато-оранжевым светом фонарей. Я находился в пятнадцати минутах от ареста, и никакие разговоры не снимут с меня обвинения, которые неизбежно последуют.

— После стольких лет вместе, — заговорила Джонси, наконец найдя, что сказать, когда мы проезжали мимо чугунных ворот музея, — ты мог бы посвятить меня в свои тайны. Это только доказывает, что даже когда ты уверен в том, что знаешь человека, на самом деле ты его совершенно не знаешь.

— Можно хотя бы на время отдохнуть от всех этих выдуманных историй? — спросил я.

— Даже не надейся. Во-первых, единственный путь через Зиму — это последовательность, а во-вторых, я не пойду на попятную из долгого и счастливого воображаемого союза только потому, что дорога стала ухабистой.

Налетел порыв шквального ветра, и Снегоход содрогнулся до самого маленького своего вин-

тика. Я непроизвольно прикрыл дроссельные заслонки, уменьшая скорость до черепашьей, и увеличил частоту работы щеток стеклоочистителя.

— Мерзкая погода, — пробормотал я, стараясь отвлечь мысли от приближающегося разоблачения Бригитты. — Настоящий буран.

— Никакой это не буран, — возразила Джонси, — а просто кристаллизованная вода и небольшой ветер. Вот когда открываешь дверь и понимаешь, что, если выйти на улицу, тебя будет ждать неминуемая смерть, *это* буран.

Мы медленно продвигались вперед, погода непрерывно ухудшалась, и когда мы наконец добрались до «Сиддонс», видимость упала меньше чем до десяти ярдов.

— А вот это уже буран?

— Нет, — сказала Джонси, — однако мы предпримем меры предосторожности, как если бы это был буран. Ты идешь первым.

Разломив световую палочку, я пристегнул ее к куртке и, обойдя Снегоход сзади, схватил конец стального троса, намотанного на барабан, закрепленный у заднего входа, после чего пристегнул к нему карабин у себя на ремне. Надев очки, я открыл дверь, впуская внутрь ветер и снег. По-

медлив, я выбрался наружу, однако терять время было нельзя; отпустив борт Снегохода, я шагнул в ослепляющую пустоту.

Это действие я неоднократно отрабатывал в специальной камере, заполненной дымом — в Академии имелась такая размером с два футбольных поля, — однако в реальности все оказалось совсем другим: громкий шум и гонимый ветром снег многократно увеличили враждебность стихии, чего я не ожидал, и, несмотря на то что видимость в дымовой камере отсутствовала, в ней не было дезориентирующего эффекта постоянно двигающегося вокруг снега. Вытянув перед собой руку, я двинулся в том направлении, где, хотелось верить, находится «Сиддонс».

Мне потребовалось тридцать два с половиной шага, чтобы добраться до одной из скульптур, украшающих вход. Вблизи я рассмотрел, что это спящая нимфа, и, сместившись вправо, отыскал дверь, после чего закрепил трос к массивному кольцу, вмонтированному в кирпичную кладку. Дважды дернув за трос, я дождался, когда из бурлящей пустоты появится Джонси, и как только мы вошли внутрь, я плотно закрыл входную дверь, отгораживаясь от бурана. Шум и ветер резко оборвались, и снежинки, освобожденные

от порожденной ветром активности, кружась, плавно опустились на пол.

Открыв внутреннюю дверь, мы увидели привратника Ллойда и двух похожих на мертвецов зимсонников с одеялами и кружками с горячим шоколадом. Вот только ждали они не нас.

— О, — сказал Ллойд, — Уортинг. Спасибо за клиентуру. Очень признателен.

— Клиентуру?

Ллойд указал на дверь в Зимнюю гостиную, и я увидел там нескольких зимсонников, греющихся у камина. Среди них был Шаман Боб, слабо помахавший мне рукой. Должно быть, зимсонники покинули «Уинкарнис», как только я рассказал им про сон с синим «Бьюиком».

— Сколько?

— Из тридцати двух, покинувших гостиницу, зарегистрировались восемь, — ответил Ллойд, — и, судя по тому, что творится на улице, больше можно никого не ждать. Не в обиду будет сказано, но это было жестоко, сэр. Никак от вас такого не ожидал.

Для меня это также явилось полной неожиданностью.

— Я никак не думал, что они двинутся в путь в *такую* погоду.

Однако Джонси была не в том настроении, чтобы тратить время на пустой треп.

— Мы здесь по делам Консульской службы, мистер Ллойд. Нам нужно подняться наверх.

Она направилась к многокабинному подъемнику. Я подумал было о том, чтобы подождать ее в фойе, но у меня по-прежнему не было никакого плана действий — помимо того, чтобы угнать Снегоход и умчаться навстречу бурану; опять же, детали еще не были полностью проработаны. Быть может, мне удастся прорваться за счет наглости.

— Ты темная лошадка, — сказала Джонси, пока лифт медленно тащил нас вверх, зловеще булькая трубами. — Ты только что этично избавился от двадцати четырех зимсонников. Ты счастлив?

— Нет, наоборот. Но я полагал, что все их ненавидят?

— Мы действительно их ненавидим, — подтвердила Джонси, — точнее, говорим, что ненавидим. Но жизнь есть жизнь, и эта братия хочет лишь проспать долгие годы в относительном счастье. Никакого преступления в этом нет, тут лишь вопрос в психологии сна. Как тебе удалось заставить их двинуться в путь?

— Я сказал Шаману Бобу о том, что в «Сиддонс»

плещется сон про синий «Бьюик», порожденный «Активным управлением».

Обернувшись, Джонси уставилась на меня, насупив брови.

— Кто сказал, что сон про «Бьюик» порожден «Активным управлением»?

— Не знаю, — пробормотал я, запоздало осознав, что сболтнул лишнее. — Услышал от кого-то.

Джонси еще долго смотрела на меня, и ее поведение изменилось.

— Не знаю, Кривой, лжешь ты или говоришь правду. Но если в «Сиддонс» разгуливают сны, порожденные «Активным управлением», это меняет всё.

— Меняет?

— Да, — подтвердила она, — меняет. «Активное управление» может быть инициировано только «Гибер-техом» с помощью Сомнографа, и проводить эксперименты по управлению сновидениями в «Сиддонс» могут только для того, чтобы… в общем, ничего хорошего в этом нет.

Мы сошли с подъемника на девятом этаже и направились по коридору, освещенному лишь тусклым светом, просачивающимся сквозь световые шахты, а за стенами Дормиториума тяжело кряхтел и вздыхал буран.

Джонси отперла дверь в комнату Бригитты и шагнула внутрь, водя по сторонам лучом фонарика. Я остался в коридоре, борясь с тошнотой. К этому времени я уже смирился с тем, что Бригитту обнаружат, и учащенное сердцебиение сменилось полной подавленностью.

Джонси высунула голову в дверь.

— Помоги мне осмотреть комнату, — сказала она. — Я не вижу здесь ничего необычного.

— Ничего необычного? — изумился я и поспешно добавил, уже не таким удивленным тоном: — Ничего необычного?

— Ничего. А что я, по-твоему, должна была здесь найти?

— Ничего, — ответил я, гадая, то ли Бригитта сбежала, то ли ее забрал Ллойд, то ли — самое вероятное — она просто была галлюцинацией, порожденной наркозом.

Сбитый с толку, я прошел в комнату.

— Так, обожди-ка минуточку, — остановила меня Джонси. — Я солгала, сказав, что здесь нет ничего необычного. Здесь есть Бригитта. И она живая, но без большого пальца. Не соблаговолишь объяснить, в чем дело?

Внезапно наступила отвратительная, гнетущая тишина. Бригитта сидела на кровати, тупо ози-

раясь по сторонам. Еда закончилась, на кровати лежало несколько рисунков. Со своего места я не смог рассмотреть, что на них изображено. Возможно, новые детали моего — наших снов. Не знаю. Это не имело значения. Теперь не имело.

— Боже милосердный! — воскликнул я, неумело изображая изумление. — Это… просто невероятно! Должно быть… не знаю… она выбралась из ямы позади «Сиддонс».

— О, *пожалуйста,* не надо, — остановила меня Джонси. — Разве ты не видишь, что игра закончена? Ты только делаешь еще хуже, если такое возможно — а такое невозможно.

— Однажды нечто похожее произошло в Приюте, — сказал я, повинуясь неудержимому желанию отпираться до конца. — С сестрой Менструарией. Ей врезали недостаточно сильно. Заявилась вся в рыбьих головах и обрывках мокрых газет — кстати, то же самое случилось и с Кармен Мирандой.

Это замечание было сделано случайно, поскольку у меня не было четкой стратегии и я просто лихорадочно заигрывал с Джонси, смутно надеясь на то, что провидение вызволит меня из нынешнего тупика.

Что, в общем-то, и произошло.

— С Кармен Мирандой? — озабоченно встрепенулась Джонси.

— Ну да, — подтвердил я, перехватывая инициативу. — Ты сказала, что уложила ее, однако я видел ее бредущей по дороге. Она была в вечернем платье, на голове шляпа, украшенная фруктами.

— Да, она звезда, — задумчиво пробормотала Джонси. — Когда ты ее встретил?

— Сегодня утром.

— Ну, — сказала Джонси, глядя в окно, где мало что было видно помимо кружащихся снежных хлопьев, — возможно, у нее включился инстинкт возвращения домой. А теперь отдай мне значок и «Колотушку».

— Послушай, — сказал я, протягивая ей значок и оружие, — если мы говорим о том, как нужно делать дело: да, я был уверен, что отправил Бригитту на покой, но поскольку Миранда также до сих пор жива, подобные вещи случаются. К тому же какие у тебя есть доказательства того, что я имею какое-либо отношение ко всему этому?

— Так, дай-ка посмотреть, — сказала Джонси. — Начнем с того, что ты невероятно плохой лжец. *Невероятно.* Все твое вранье видно как на ладони. Во-вторых, ты… нет, причины со второй

по седьмую мы пропустим, поскольку достаточно будет одной только восьмой: вот что нарисовала Бригитта.

Она протянула мне один рисунок. На нем был изображен я, вместе с Бригиттой, здесь, в ванной ее квартиры. Бригитта нарисовала его по памяти, но он был словно с натуры. На рисунке было изображено, как я мою Бригитте голову, а она сидит в ванне голая, — затем я сообразил, что длинные черные волосы — это дохлый номер, и отрезал их. На этом рисунке взгляд у Бригитты не был отсутствующим: она была чем-то огорчена. Возможно, именно это чувство она сейчас испытывала глубоко внутри.

Я почувствовал, как у меня глаза наполняются слезами: мне стало очевидно, какими неуклюжими и бесполезными были мои попытки спасти Бригитту. Я оберегал ее всего девятнадцать часов и семнадцать минут.

Даже не целые сутки.

— Можешь это объяснить? — спросила Джонси, снова показывая мне рисунок.

— Все совсем не так, как кажется.

— Да?

— Да.

— А знаешь, как это кажется мне? — сказала

Джонси. — Мне кажется, что кто-то удовлетворяет потребности другого человека. Который не может ухаживать за собой сам. Мне это кажется состраданием, Кривой. А ты что скажешь?

— Что?

— Состраданием. Что, у тебя большое сердце?

— Да, — подтвердил я, удивленный ее пониманием, — ты все правильно поняла. Это сострадание.

— Я тебя люблю, Чарли, — сказала Бригитта.

— Она не умерла, — вздохнул я. — Я не смог ее убить, потому что она по-прежнему здесь. Это не коллапс нервной системы, вызванный «морфеноксом» — которым, вынужден признаться, снабдил ее я, — это состояние перемещенного сознания. Бригитта способна обрабатывать свои воспоминания.

— Вижу, — задумчиво промолвила Джонси, разглядывая рисунки. — И мне не впервые приходится видеть такое.

— Я тебя люблю, Чарли.

— Я должен ей ответить, иначе она будет повторять так до бесконечности, — сказал я. — Я тебя люблю, Бригитта.

Успокоившись, Бригитта снова начала рисовать. Джонси посмотрела на меня, затем перевела

взгляд на Бригитту.

— И долго ты намеревался держать ее?

— Не знаю, — пожал плечами я. — Наверное, до Весеннего пробуждения. На самом деле четкого плана у меня не было — только цель. Зимой события развиваются быстро, — добавил я, вспоминая то, что говорил мне Логан, — и нужно мыслить на ходу, чтобы заранее составленный план не встал на пути к цели. Я арестован?

— Арестован, — подтвердила Джонси, — для того чтобы оставаться под нашей защитой.

— Это так важно?

— Это имеет решающее значение. Я не знаю ни одного лунатика-Шалуна, способного делать то, что умеет делать Бригитта. Достопочтимая Гуднайт будет *крайне* заинтересована.

— Вот почему мы отвезем Бригитту в «Гибертех»?

— Нет, вот почему мы *не* отвезем ее в «Гибертех».

— Ты собираешься ее пристукнуть?

— Нет, мы этого не делаем.

— А как же твои шестьдесят три лунатика, отправленные на покой? Как же Блестящая Диадема и Эдди Танджирс?

— Дым и зеркала, Кривой. В Трясине всё на по-

верку не так, как кажется. Ллойд знает о Бригги? Поставим вопрос так: он пытался тебя шантажировать?

— Нет.

— В таком случае, будем считать, что не знает. Кто-нибудь еще знает?

Я молча покачал головой.

— Пусть так остается и впредь. Накорми ее, чтобы она вела себя тихо, и ничего не говори и не делай, пока я тут посмотрю, что к чему.

Достав из кармана куртки две пачки печенья, Джонси протянула их мне, и я покормил Бригитту, пока она обыскивала комнату. На это ей потребовалось полчаса, и обыск получился доскональным. Если бы у Бригитты была голова на плечах, она не оставила бы в комнате ничего, что могло связать ее с Уэбстером. У нее *была* голова на плечах, но, как и Чарльз, она не смогла избавиться от единственной общей фотографии. Джонси обнаружила ее под заворотом занавесок; шов был распорот и заменен «липучкой».

— Есть! — воскликнула Джонси, показывая мне фотографию.

Это был моментальный снимок, из моего сна, тот самый, который много лет назад сделал на берегу фотограф. Бригитта отчитала Чарльза за

то, что тот его сохранил, но и сама не нашла в себе силы его уничтожить. Я тупо уставился на фотографию, снова стараясь увязать реальность с воображением.

— Это пляж Розилли на полуострове Говер, — сказал я, сглотнув комок поднимающегося внутри недоумения. — Фотография была сделана, когда Бригитта и Чарльз проводили там вместе выходные, укрывшись в квартире над гаражом в доме ее матери в Оксуиче. Они щедро вкушали взаимную любовь, а по дороге домой остановились на причале Мамблс, чтобы отведать моллюсков и лепешек из красных водорослей под звуки музыки из радиоприемника. Бригитта и Чарльз признались друг другу в любви, и они говорили искренне: учащенное сердцебиение, эйфория единения.

— Откуда тебе все это известно? — удивилась Джонси.

Я не поднимал голову, борясь с накатывающимся отчаянием.

— Я не знаю, откуда мне это известно, — сказал я, — не знаю, то ли моментальная фотография мне приснилась, то ли я помещаю ее в свою память сейчас, то ли… мне снится то, что я не могу знать. Посмотри сюда.

Я указал на висящую на стене картину, написанную Бригиттой, ту, на которой был изображен пляж на Говере, с остовом судна и огромным оранжево-красным зонтиком от солнца, под которым сидели двое.

— Мне приснилось, что я был там как Чарльз, вместе с Бригиттой, в точности так же, как ты видишь на картине. Но затем детали сна стали явью, и я уже не могу сказать, я способен видеть то, что произошло с другими людьми, или же латаю дыры в своей памяти тем, что подвернулось под руку.

Я поймал себя на том, что меня трясет; мне хотелось, чтобы все это поскорее закончилось, и неважно, как. Роско Смоллз предпочел Холодный выход, когда его позвал синий «Бьюик». Он не был ни отчаянным храбрецом, ни жалким трусом. Он просто хотел выйти из игры, любым способом.

Джонси попросила меня вкратце описать свои сны, что я и сделал.

— Итак, давай уточним следующее, — сказала она, когда я закончил. — Ты встретил Дона Гектора во сне с синим «Бьюиком»?

— Я *был* Доном Гектором, сидящим в синем «Бьюике». У него что-то хрипело в груди, зрение ослабло, по всей левой стороне разлилось онеме-

ние. По-французски он говорил свободнее, чем по-английски, и он обретал утешение там, куда приезжал на своем «Бьюике»: под раскидистым дубом, у ствола которого навалили высокую кучу камней. Когда за Доном Гектором пришли, он ответил, что никто от него ничего не добьется, даже если попытается проникнуть в его сны. Он отказался только от синего «Бьюика» и сказал, что оставит кошмарный ужас — сотни отрубленных рук, призванных оберегать его от тех, кто попытается влезть в его сознание.

— Мерзко. Что-нибудь еще?

— Да. Дон Гектор отдал валик Уэбстеру.

– *Валик?* Уэбстеру отдали *валик?*

Я кивнул.

— И ты это знаешь, потому что…

— Потому что мне это приснилось.

— Сукин сын! — выругалась Джонси, прислоняясь к дверному косяку. — Мы полагали, что сон про синий «Бьюик» — обычный кошмар, который снится тем, кто получает по ставке «Бета». Не имеющий отношения к реальности. Но ты говоришь, что во сне еще была аватар миссис Несбит, голосом Достопочтимой Гуднайт требовавшая разыскать валик?

— Да, — подтвердил я. — Что все это значит?

— Это значит, — пробормотала Джонси, — что валика у них до сих пор нет. — Секунду-другую она смотрела на меня. — В какой комнате ты остановился?

Я указал в противоположный конец Дормиториума.

— В 901-й.

— Кто твои соседи?

— С одной стороны от меня жил Моуди — до тех пор, пока его не пристукнули. Комната с другой стороны пустует.

— Долго она пустовать не будет. Мы поставим туда большую коробку, ящик или…

— …чемодан?

— Точно, — подхватила Джонси, — чемодан подойдет. Вот что мы сделаем: ты никому не говоришь то, что сейчас рассказал мне, никому, кроме Токкаты. Понятно?

— Я ничего не понимаю, но я согласен.

— Хорошо.

Убрав в карман моментальный снимок Бригитты и Чарльза, Джонси сняла трубку, набрала номер Консульства и попросила соединить ее со Старшим консулом.

— Это Джонси, — после небольшой паузы сказала она. — Сон про синий «Бьюик» активен,

Кривой был третьим Доном Гектором, и главное: валик отдали Уэбстеру, и эти мерзавцы из «Гибер-теха» до сих пор им не завладели.

Какое-то время Джонси молча слушала, затем посмотрела на меня.

— Потому что Кривому это *приснилось* — и еще много чего.

Последовала пауза. Джонси сказала, что мы вернемся через полчаса, положила трубку и повернулась ко мне.

— Мы уезжаем немедленно, — возбужденно произнесла она.

— А Бригитта?

— Я знаю одно надежное место, где можно будет ее спрятать; мы забросим ее туда по дороге. Поздравляю: ты только что перешел из обузы в нечто полезное.

— Потому что предоставил прибежище Бригитте?

— Потому что увидел нужный сон. Потому что побывал в Пространстве сна, потому что Аврора мнит, будто прибрала тебя к своим рукам, потому что ты постараешься, чтобы она и дальше так думала. Но у тебя ничего не получится, потому что отныне ты на нашей стороне.

— Какая это сторона?

– *Правая.* Как только вернемся в Консульство, мы тебе все расскажем.

— Вы объясните, почему мне снятся эти сны?

— Я же сказала: *всё.*

Взрыв

«…Зимним консулам Летом всегда неуютно. И дело не в тепле, толпах людей и всеобщей эйфории по поводу того, что снова удалось обмануть Зиму. Скорее всему виной предчувствие надвигающейся Осени, когда Консулам предстоит разъехаться по своим местам службы, где они снова столкнутся лицом к лицу с одиночеством, холодом и мраком. Они это обожают…»

Из «Семнадцати зим», Зимний консул Ланс Джонс

Мы спустились по лестнице — круговой путь вниз вдоль внутренней стены центральной шахты обогрева, скрученный огромной спиральной пружиной. Ллойд по-прежнему оставался в фойе с двумя зимсонниками, стоявшими у входа с одеялами и горячими напитками на тот случай, если еще кому-нибудь из их собратьев удастся добраться до «Сиддонс» — благородный поступок, щедро приправленный несбыточной надеждой. Я видел то, что творится на улице; маловероятно,

что кому-либо удалось трижды перестегнуть страховочный фал, чтобы добраться сюда, даже несмотря на то, что расстояние было меньше двух миль. Остальные зимсонники или укрылись в других Ночлежках, встретившихся по пути, или заблудились в снежном буране, или просто вернулись назад. Их энергетические ресурсы крайне скудные. Для них даже моргнуть — это уже серьезное усилие.

— Это еще что… — начал было Ллойд, увидев, что я веду за руку Бригитту.

— Попытка предоставить прибежище, — не дала ему договорить Джонси. — Уортинг арестован.

Распахнулась входная дверь. Однако это был не сбитый с толку и промерзший насквозь, но в то же время сохранивший способность ориентироваться зимсонник, а кое-кто гораздо менее желанный — мистер Хук. Его сопровождала Люси Нэпп, укутанная в пуховик, с большой меховой шапкой на голове. Увидев меня, она улыбнулась, но было видно, что она тоже нервничает.

— Безопасная гавань? — сказал Хук, озвучивая стандартную просьбу предоставить Зимой убежище без каких-либо условий. — Перемещение персонала между объектами, и мы заблудились.

— Безопасная гавань, — ответил Ллойд, принимая запрос.

— Мой первый буран, — объяснила мне Люси, стягивая пуховик. — Если честно, это превосходит то, что я ожидала.

— Рад тебя видеть, — с облегчением произнес я.

— И я тебя, — сказала Люси, и мы ткнули кулаком в кулак.

— Добрый день, Консул Джонс, — учтиво промолвил Хук.

— Добрый день, — ответила Джонси.

Не замедляя шаг, она направилась к вешалке, буквально толкая Бригитту перед собой.

— Безопаснее остаться здесь, — сказал Хук. — Выходить в такую погоду на улицу в лучшем случае глупо, в худшем — безответственно.

— Однако сами вы только что пришли, — возразила Джонси, натягивая сапоги и ища лишний пуховик для Бригитты.

— Укрылись в Безопасной гавани, — ответил Хук, — как вы сами слышали. Мы намереваемся оставаться здесь до тех пор, пока буран не утихнет. А какие у вас причины выйти на улицу? Я так понимаю, это что-то очень важное, да?

Говоря, он переводил взгляд с меня на Джонси.

— Дела Консульской службы, — сказала Джонси, протягивая мне мою куртку, — срочного и безотлагательного характера.

— С лунатиком и Послушником?

— Дела Консульской службы, — повторила Джонси, улыбаясь, но без веселья.

— Пусть так, — сказал Хук, шагнув к ней, — однако мне приказано обеспечить Уортингу свободу перейти на работу к нам в «Гибер-тех».

С этими словами он, сделав вид, будто хочет поправить галстук, поднял руку, распахнув полы куртки, чтобы облегчить доступ к «Колотушке» на поясе. Это движение не укрылось от Джонси. Хук явился в «Сиддонс» не для того, чтобы просить предоставить ему Безопасную гавань; скорее всего, ему было приказано прервать свой путь, чтобы прийти сюда и помешать нам уйти. Кто-то предупредил «Гибер-тех» — скорее всего, Ллойд.

— Мы очень серьезно подходим к вопросу набора кадров, — продолжал Хук, — и глава нашей службы безопасности вложила много сил в этого человека и не желает, чтобы все ее труды оказались напрасными.

— Чарли Консул, а не перезревший фрукт, и в настоящий момент он арестован — наше задержание, наша юрисдикция.

Я открыл было рот, собираясь что-то сказать, но Джонси прижала к моим губам пальцы, заставляя молчать.

— Вы обвинили Уортинга в предоставлении прибежища? — спросил Хук.

— Да.

Хук перевел взгляд на Бригитту, которая по-прежнему тупо озиралась по сторонам, наводя ужас на зимсонников, старательно избегающих ее пустого взгляда.

— Уортинг присматривал за этой женщиной-лунатиком по нашей просьбе, — сказал Хук. — Мы можем подтвердить это под присягой. Никакого преступления не было. А теперь освободите задержанного, и этот инцидент закончится без каких-либо последствий для вас.

— В любом случае Чарли по-прежнему остается Консулом, — сказала Джонси.

— Младший консул Уортинг может подать в отставку, — сказал Хук, — прямо сейчас.

Джонси смерила его ледяным взглядом.

— Чарли не подаст в отставку. Кривой, ты не подашь в отставку.

— Это решение может принять один только Чарли. — Это заговорила Люси Нэпп. Посмотрев на меня, она улыбнулась. — Чарли, послушай

меня. Консульская служба тебе не друзья. Я много чего видела и много чего знаю. «Гибер-тех» стоит на пороге того, чтобы подарить миру нечто совершенно новое и прекрасное. По сугубо личным причинам и вследствие глубокой неприязни к Авроре Токката пытается вставить нам палки в колеса. Но мы должны двигаться дальше, не снижая скорости, без остановки: это в корне изменит правила игры.

— Проект «Лазарь»?

— Десять лет подготовительных работ. Это прорыв, с какой стороны ни взгляни. И «Гибер-тех» нуждается в твоей помощи, чтобы обеспечить наиболее благоприятный исход для большинства.

— Что на валике?

— Я не знаю, Хук не знает, и, готова поспорить, мисс Джонс также не знает.

Я оглянулся на Джонси; та не отпиралась.

— Почему именно я? — спросил я. — Что во мне такого особенного, что помочь могу только я один?

— Аврора видит в тебе нечто необычное, — сказала Люси, — некий дар, который можно выпестовать в навык, способный поднять тебя на целую голову выше всего того, чего ты можешь

добиться на Консульской службе.

— Она *лжет*, — сказала Джонси, — кем бы она ни была — извините, нас не представили.

— Люси Нэпп, — сказала Люси, протягивая руку.

Джонси ее пожала.

— Мисс Нэпп *лжет*, — продолжала Джонси, медленно перемещая руку к кобуре с «Колотушкой». — «Гибер-тех» заботится только о себе. Из тебя вытянут все, что нужно, и не успеешь ты опомниться, как будешь водить гольфмобиль по комплексу. Но только ты это не поймешь, поскольку будешь неспособен что-либо понимать.

— Джонси все преувеличивает, — повышая голос, сказала Люси. — Теперь я вижу, что она искренне заблуждается. Но никаких веских доказательств у нее нет, одни досужие домыслы. Я предлагаю тебе блестящую карьеру. Так как?

— Говер навсегда.

Это сказала Бригитта. Вмешавшись в разговор, она отвлекла внимание на себя — чем воспользовались и Хук, и Джонси.

Ба-а-бах!

Они выхватили оружие и выстрелили практически одновременно. В замкнутом помещении ударные вихревые кольца творят странные

вещи, но *противонаправленные* заряды творят еще более странные вещи, и подобно циклонам, арктическим барсукам и сестре Зачатии, предсказать их поведение крайне сложно. Два импульса столкнулись с треском расколотого полена, обошли друг друга и стабилизировались плотным вертикальным пылевым столбом, всосавшим в себя все, что не было прочно прибито гвоздями, — мусор, бумагу, шапки, перчатки, книги. Вынужденные вцепиться в предметы мебели и друг в друга, чтобы удержаться на ногах, мы завороженно смотрели на то, как вихрь темнеет и тяжелеет, до тех пор, пока могучая воронка не разрушилась с грохотом, повалив всех на пол. Хук выхватил вторую «Колотушку», однако выстрел из запасного оружия Джонси поразил его прямо в грудь, отбросив спиной в оштукатуренную стену, отчего в ней образовалась вмятина, после чего Хук повалился лицом вперед, поднимая облако пыли.

Джонси извлекла из «Колотушки» использованный термалит и быстро вставила новый.

— Мы посмеемся потом, — бросила она мне, приближаясь к оглушенному Хуку, силящемуся подняться с пола, — когда выйдем в отставку и будем сидеть в уютном гнездышке, как мы себе

обещали.

Ба-бах!

Погремел еще один раздирающий слух выстрел. Джонси сбило с ног и швырнуло спиной через два стула и торшер в окно, завешенное плотными шторами. В помещение ворвался снежный вихрь, на смену теплому воздуху мгновенно пришел холодный. Я обернулся. Люси Нэпп сжимала в руке «Кувалду», на лице у нее застыла стальная решимость. Люси солгала мне: в первую очередь она принадлежала «Гибер-теху» и лишь потом была моим другом. Соглашаясь на ускоренное продвижение по службе, приходится оставить какую-нибудь частицу себя.

Пробравшись сквозь разорванные шторы, трепещущие в порывах ураганного ветра, я побрел по глубокому снегу к распростертой Джонси. Она была еще жива, но смерть не заставит себя долго ждать. Лицо Джонси превратилось в мелкую сетку разорванных кровеносных сосудов. Заплывшие веки сомкнулись, и я понял, что под ними пустые глазницы. Ее дыхание вырывалось судорожным хрипом, в уголках рта выступила кровавая пена. Губы зашевелились, и я склонился ближе.

— Это Чарли.

Щека Джонси дернулась в слабой попытке улыбнуться.

— А ведь хорошо мы с тобой пожили, правда? — прошептала она.

— Ты была лучшей из лучших, — ответил я. — Я ни о чем не сожалею.

Снова улыбнувшись, Джонси незаметно вложила мне в ладонь что-то, и я догадался, что это моментальная фотография Бригитты и Уэбстера. Затем она неуверенно поднесла руку к груди. Я не сразу сообразил, что задумала Джонси, но потом увидел, что она оттопырила большой палец, и, разгадав ее замысел, я просунул большой палец Джонси в Д-кольцо закрепленной на груди импульсной мортиры. Потрепав меня по руке, она изобразила еще одну улыбку.

— Отойди от нее! — повелительным тоном произнесла Люси, и я побрел по снегу обратно в фойе.

Привратник Ллойд уже закреплял на шестах аварийные ставни из свернутого брезента, а зимсонники рассыпались в стороны, только не слишком быстро.

— Извини, если она тебе нравилась, — сказала Люси, — однако проект «Лазарь» придает слову «важность» совершенно новый смысл.

Поднявшись на ноги, Хук потрогал окровавленный нос, тряхнул головой и подобрал с пола оружие. Перезарядив его, он посмотрел по очереди на меня и Люси, затем выглянул на улицу, где слабо шевелилась Джонси, распростертая навзничь на снегу.

— Нужно прекратить ее страдания, — сказала Люси. — Той же самой любезности мы бы ожидали от нее.

— Тебе пора обагрить руки кровью, — сказал Хук. — Сделай это сама, если у тебя хватит духа.

Люси сверкнула на него глазами.

— О, духа у меня хватит, — сказала она, забирая у него «Колотушку».

Я начал было что-то говорить. Наверное, предостережение. Заметив это, Люси остановилась и вопросительно посмотрела на меня.

— В чем дело?

Я молча выдержал ее взгляд.

— Да так, ничего.

Люси решительным шагом подошла к лежащей в снегу Джонси, наклонилась и приставила ей к голове «Колотушку». Я отвернулся, и в это мгновение Джонси взорвала импульсный заряд. Мощная ударная волна втолкнула обратно в фойе снег и обрывки штор. Когда я снова выглянул на

улицу, там не осталось ничего, кроме круга прозрачного льда размером с декоративный фонтан, уже успевшего замерзнуть на земле.

— Проклятие! — выругался Хук, проследив за моим взглядом. — Какая потеря!

— Она мне нравилась, — пробормотал я, думаю, имея в виду обеих.

— Да нет, — раздраженно произнес Хук, — я имел в виду свою премию за заботу о личном составе.

После чего он перевел взгляд на меня и, по-видимому, ошибочно истолковал мое невмешательство и бездействие за молчаливое согласие работать в «Гибер-техе».

— Ну ты даешь, Уортинг, — сказал Хук, переключая внимание на Бригитту, — кто бы мог предположить, что ты предоставишь прибежище! Привратник, помести эту мертвоголовую куда-нибудь в надежное место и проследи за тем, чтобы за ней присматривали.

Мое сознание все еще было затянуто туманом. Я спросил у Хука, не лучше ли будет подождать, пока буран стихнет, но он ответил, что чем быстрее я окажусь в безопасности комплекса «Гибер-теха», тем лучше будет для него. Он вышел, и я, в полном смятении, последовал за ним.

Радиолокатор Х-4С

«…Ориентирование в условиях ограниченной видимости – это не просто слепота в снежный буран. Ветер, снежные вихри и отсутствие зрительных ориентиров, объединившись вместе, сбивают с толку неосмотрительного путника. Даже опытные профессионалы могут заблудиться, и только современные навигационные системы обеспечили то, что путешествие в снежный буран перестало быть смертельно опасной глупостью…»

«Основы техники вождения машины вслепую для Зимовщиков»

Я двинулся следом за Хуком вдоль троса, который он натянул до своего Снегохода. Борясь с бураном, мы забрались в машину. Ветер усилился, снег повалил сильнее, температура опускалась с каждой минутой. Уже полностью стемнело, и при других обстоятельствах мы бы ни за что не рискнули выйти на улицу.

Смотав трос, Хук плотно захлопнул заднюю дверь, пробрался мимо меня за руль и завел

двигатель. Но вместо того чтобы возиться с установленными на крыше фарами, от которых в буран все равно не было бы никакого толку, он включил Х-4С и дождался, когда нагреется экран. Датчик наружной температуры указывал минус двадцать четыре градуса по Цельсию и продолжал падать. Каждый привратник, который не даром ест свой хлеб, в настоящий момент должен был полностью разогреть стержни в Чугунке.

— Люси убила Джонси, — тихо произнес я.

— Все наоборот, малыш, — Джонси убила Нэпп. Но есть и хорошая новость: обе стороны потеряли по одному человеку, так что, по крайней мере, у Хрюшки и Свинки [133] будет меньше причин для ссоры.

— Куда вы меня везете?

— В безопасность, — сказал Хук. — Последние события наглядно доказали, что тебе опасно находиться в Двенадцатом секторе, пока здесь орудует Токката. Когда ты окажешься у нас, мы разберемся в том, что происходит, и, если ты захочешь, ты сможешь принять предложение, которое тебе сделала Аврора.

---

[133] Примечания: 133

Хрюшка и Свинка — герои популярного одноименного кукольного телесериала, выходившего в эфир с 1957 по 1972 год. *(Прим. переводчика.)*

— Значит, вы меня не арестовали?

— Помилуй господи, нет, — ответил Хук, однако в голосе его не прозвучала *та* искренность, на которую он рассчитывал, — ты можешь уйти на все четыре стороны, когда пожелаешь.

Я посмотрел в окно на снег и ветер. Почему-то у меня не возникло никакого желания уходить куда-либо прямо сейчас.

Круглый экран радиолокатора в центре приборной панели Снегохода светился неестественно-зеленым светом; отраженный от окружающей местности сигнал выводился в виде зеленых точек, обновляющихся каждую секунду новым проходом луча. Локатор давал более чем достаточно информации для ориентирования, однако серьезно ограничивал скорость движения. На экране были отчетливо видны выезд из Дормиториума, часть «Сиддонс» и, совсем рядом, Снегоход Джонси. Я разглядел на экране контуры машины меньше чем в двадцати футах от нас, но когда выглянул в окно, вокруг не было ничего, кроме стены кружащегося снега.

Хук сказал по коротковолновой рации что-то неопределенное насчет того, что он «возвращается на базу с Уортингом», после чего включил передачу, и Снегоход тронулся в путь. Я злился на

себя, потому что Джонси оказалась гораздо более хорошим другом, чем я предполагал. У нее были ответы на многие вопросы, как и у Токкаты, которую я также недооценил. У меня мелькнула было мысль открыть заднюю дверь Снегохода и дать деру, но путь пешком в снежный буран сродни тому, что общаться с сонными, занимать денег у поручителей или тыкать заостренной палкой в и без того разъяренного мамонта: лучше этого не делать. Просто *не делать*, и всё. Но, несмотря ни на что, тут была и своя положительная сторона: я представлял для «Гибер-теха» определенную ценность. До тех пор пока так будет продолжаться, я в безопасности. А пока я в безопасности, Бригитте также ничто не угрожает. В определенном смысле.

Как это ни странно, гибель Люси не произвела на меня абсолютно никакого впечатления. И не то чтобы наша дружба ничего не значила; также я не испытывал угрызений совести из-за того, что мое молчание привело ее к смерти. Нет, осталось только какое-то онемение, словно я уже давно знал, что Люси думает только о себе. Мать Фаллопия и сестры будут огорчены, но воспримут все философски. Зимой люди погибают сплошь и рядом: от этого никуда не деться.

Хук полностью сосредоточил внимание на управлении Снегоходом; светящийся экран радиолокатора показывал дорогу вперед, а яростный ветер раскачивал маленькую машину. Мы медленно проползли по дороге, ведущей от «Сиддонс», повернули налево, а затем, когда, казалось, прошла уже целая вечность, направо у рекламного щита.

— Ну, — сказал я, размышляя об активных методах ведения допроса, которые приписывали Хуку, — я так слышал, вы в прошлом служили в военной разведке.

— Увы, нет, — ответил он, — о чем очень сожалею. Я бы хотел послужить родине на этом посту, но мне не представилась такая возможность. Мы всем говорим, что в разведке служил я, но на самом деле это была Аврора.

Я удивился не так сильно, как должен был бы.

— До выхода в отставку она была лучшей из лучших. Просто проникала в сознание спящего человека и извлекала все, что нужно. Какое-то время я был ее помощником и познакомился с основами вторжения в сон, однако трудно определить, где реальность, а где нет. Я предоставлял все Авроре. Как и остальные.

— Что на валике? — спросил я.

— Не знаю, — сказал Хук, — но, полагаю, что-то очень важ…

Снегоход вздрогнул и остановился. В лобовое стекло я увидел только мельтешащую белую пелену. Хук покрутил ручку Х-4С, регулируя усиление сигнала.

— Что это? — шепотом спросил я.

— Вот, — ответил Хук, указывая на яркую точку на экране.

Меньше чем в десяти ярдах от нас прямо посреди дороги находилось что-то, обеспечивающее сильный отраженный сигнал. Что-то такое, чего там не должно было быть. Мы с Джонси проехали по этой дороге меньше часа назад, и она была свободна.

— Двигавшиеся зимсонники… которые *остановились?* — предположил я.

Хук покачал головой.

— Они ленивые, но не глупые.

— Может быть, зимокочевники, застигнутые бураном?

Такое было маловероятно, но возможно. Зимние Кочевники обыкновенно передвигались группами по двадцать и больше человек, чтобы сберечь тепло, как правило, накрытые шатром из шкур северного оленя, чтобы защитить от

обморожения ноги тех, кто шел с краю. Когда становилось совсем плохо, они просто опускали шатер, оставаясь внутри, разводили костер, кутались в шкуры и сбивались в кучку.

— Возможно. Однако тут ничего не поделаешь.

Опустив нож бульдозера, Хук двинул Снегоход вперед. Но как только это произошло, точка на экране локатора попятилась прочь от нас. Хук остановился, точка по инерции прошла еще несколько ярдов, также остановилась, постояла, затем снова приблизилась к нам. Снегоход содрогнулся от налетевшего порыва ветра. Анемометр на крыше машины показывал, что скорость ветра достигает шестидесяти миль в час, однако это не оказывало никакого воздействия на неизвестный объект, зафиксированный локатором.

— Нарываешься на драку, да? — спросил Хук, беря со стены «Коровий шест».

Вставив в магазин два термалита, он дослал первый в аккумуляторный отсек. «Коровий шест» — не самое безобидное оружие: вообще-то он предназначен не для стрельбы по врагам, а для того, чтобы сгонять в стадо молочных мамонтих, — но ему нет равных в ближнем бою, когда ты столкнулся лицом к лицу с враждебно настроенным противником и вопрос скрытности

не стоит в повестке дня.

Опустив стекло, Хук высунул оружие наружу. Мы не отрывали взгляда от экрана Х-4С. Яркая точка придвинулась еще ближе; как только она оказалась на расстоянии десять ярдов, Хук выстрелил.

Ударная волна мгновенно превратила снег в дождь. Она должна была бы открыть то, что скрывалось в буране, однако там не оказалось ничего, кроме обочины дороги и половины поилки для лошадей. Через мгновение снежная пелена снова сомкнулась перед нами, а когда мы опять посмотрели на экран локатора, яркая точка исчезла.

— Должно быть, какой-то сбой, — сказал Хук.

— Нет, — возразил я, указывая в нижнюю часть экрана. — Думаю, теперь эта тварь позади нас.

Радиолокатор Х-4С установлен на крыше Снегохода и обеспечивает круговой обзор. Теперь он фиксировал точку прямо позади нас, она медленно перемещалась слева направо.

— С меня достаточно! — пробормотал Хук и на полной скорости сдал назад.

Послышался глухой удар, толчок — мы наткнулись на что-то и остановились.

— Он готов, кто бы это ни был. Думаю, это медведь.

— Почему медведь не залег в спячку? Такого не бывает никогда.

— Рано или поздно все происходит в первый раз. Я сейчас…

Хук умолк, потому что выключилось электроснабжение Снегохода, а вместе с ним свет фар, Х-4С и двигатель. Работал только коротковолновый радиоприемник, светясь тусклым оранжевым светом. Он был настроен на Зимнюю сеть, и теперь, когда двигатель заглох, стала слышна музыка — наполненное треском статического электричества исполнение «Познакомиться с тобой поближе». От Хука не укрылось то, что это мелодия Роджерса и Хаммерстайна, и он потянулся, чтобы выключить приемник, однако ручка сломалась у него в руках.

— Судя по всему, пластмасса стала хрупкой на морозе, — сказал я.

Однако, если я надеялся на то, что в этой ситуации есть хоть что-нибудь хорошее, меня ждало разочарование. Сразу же после отключения электропитания перестал работать вспомогательный обогреватель. Теплоизоляция Снегохода плохая, и без обогрева температура внутри сравняется с наружной меньше чем за десять минут.

— Не самый подходящий момент для полом-

ки, — пробормотал Хук, проверяя все цепи.

Разломив световую палочку, он нажал кнопку стартера, и сжатый воздух провернул двигатель, однако тот не завелся. И тут мы ощутили, что машина резко наклонилась вбок. Мы переглянулись.

— Она тащит нас назад, — сказал я. — Наверное, мы за нее зацепились.

— Сейчас отцепимся, — ответил Хук, распаляясь.

Включив пониженную заднюю передачу, он отпустил сцепление и нажал кнопку стартера. Сжатый воздух со свистом устремился в двигатель и провернул его; двигатель не завелся, но машина тем не менее рывком дернулась назад. Хук пытался раздавить то, что нас держало. Машина снова вздрогнула, приподнялась, словно преодолевая препятствие, и, тяжело рухнув на землю, застыла на месте: по-видимому, мы наткнулись на стену. Хук включил первую передачу и снова запустил стартер, однако на этот раз послышалось лишь слабое шипение: сжатый воздух в баллоне иссяк. Дальше Снегоход никуда не поедет.

— Оставайся здесь! — приказал Хук, хватая «Коровий шест». — Нам с ней нужно встретиться

лицом к лицу!

Он распахнул заднюю дверь, и в кабину ворвался кружащийся снег.

— Пристегнитесь к тросу! — напомнил я, ежась от внезапного холода.

Кивнув, Хук схватил трос, пристегнул его к ремню и вывалился из машины в буран.

Как только за ним закрылась дверь, снежинки, влетевшие в кабину, опустились на пол и растаяли. Закрутилась лебедка страховочного троса, отмечая осторожное продвижение Хука вперед. Примерно через полминуты лебедка остановилась. И тут послышался отдаленный раскат, приглушенный бураном, — Хук привел в действие «Коровий шест». Прошла секунда-другая, и вдруг с яростным скрежетом бешено закрутилась лебедка. За считаные мгновения весь пятидесятиярдовый трос размотался до конца, и лебедка вздрогнула, остановившись. Натянутый трос впился в барабан и уплотнитель двери, согнул ось и потянул весь Снегоход вбок. Какую-то секунду он оставался натянутым, затем провис.

Я несколько минут сидел в Снегоходе. Снаружи бушевал буран, температура в кабине быстро падала. Мое дыхание уже образовывало в остывшем воздухе белые облачка, на внутренней поверхно-

сти лобового стекла и приборной панели начал замерзать конденсат. Ничего хорошего в этом не было: покидая в спешке «Сиддонс», я оставил там теплую куртку, рукавицы, шапку и бахилы. Если ничего не предпринять, через пару часов я превращусь в ледышку, которая растает только весной.

Пока я размышлял, как быть, снова зажегся свет, сигнализируя о восстановлении электропитания. Плюхнувшись на место водителя, я убедился в том, что переключатель передач стоит на нейтралке, включил зажигание и нажал кнопку стартера. Ничего. Радиолокатор снова работал, и неизвестная тварь изображалась на экране беспорядочным набором зеленоватых точек, оживающих при каждом новом проходе луча. Изображение двинулось, сделало шаг вперед, затем остановилось, а когда луч описал следующий оборот, оно уже исчезло. Остались только я, буран и застывший на месте Снегоход.

Снова поежившись, я осознал, что, несмотря на кажущуюся безопасность машины, мне нужно двигаться, пока я еще не замерз и могу это. Порывшись в заднем отсеке Снегохода, я нашел пару носков, шляпу и вончо. Надев через голову вончо, я изо всех сил натянул шляпу на голову,

после чего надел на руки носки вместо варежек. Сняв со стенки аварийный фонарь, я вставил в него термалит и щелкнул выключателем. Послышалось слабое шипение, и кабина озарилась теплым оранжевым светом. Взглянув на указатели температуры и скорости ветра, я прикинул, что у меня будет минут десять на то, чтобы найти укрытие, иначе мне придется занимать очередь на пересадку отмороженных пальцев. Если увеличить этот срок до двадцати минут, к этому нужно будет добавить также потерю ступни, носа или кисти. Полчаса — и я, скорее всего, замерзну насмерть.

Я открыл дверь, и на меня опять обрушились ветер и снег. Я пригнулся к земле, ветер тянул за вончо и вгрызался мне в щеки, маленькие снежинки проникали под одежду и таяли на теплой коже. Ноги проваливались: глубина сугробов достигала восемнадцати дюймов. От фонаря в буран толку было мало, поэтому я за неимением лучшего пропустил страховочный трос Хука под руку и двинулся по нему от Снегохода. Теперь, когда ветер ударил со всей силой, угрожая сбить меня с ног, я пригибался еще ниже, чтобы ослабить его воздействие.

Пройдя вдоль троса шагов тридцать, я испытал

облегчение, увидев мерцающий свет; однако это оказался лишь уличный фонарь, маленький огонек горящего газа отчаянно трепетал, борясь за свою жизнь. Еще минута мучительно медленного продвижения по глубокому снегу привела меня к концу троса, по-прежнему пристегнутому к ремню в теплых штанах Хука, аккуратно сложенных вместе со всем остальным, что было на нем надето, сверху стопки стояли сапоги. Хук лежал рядом, голова его была выкручена влево, на шее виднелась выпуклость в том месте, где был сломан позвоночник. На быстро замерзающем лице застыло изумленное выражение, глаза и рот были широко раскрыты. Как и у Счастливчика Неда, у него отсутствовал мизинец. Это было делом рук Грымзы, и она прихватила сувенир на память.

Натянув пуховик Хука поверх своего вончо, я надел также его рукавицы и шапку. Развернувшись, я наткнулся ногой на брошенный «Коровий шест». Подобрав оружие, я вставил в аккумуляторный отсек свежий термалит. Тут я почувствовал, как страховочный трос дернулся, словно кто-то проверял рыболовную снасть. И вдруг резким рывком трос выскочил у меня из руки.

Упав на колени, я с нарастающим отчаянием

принялся шарить в снегу в поисках страховочного троса, и тут в кружащейся белизне раздался детский смех. Грымза забрала Хука, но по-прежнему жаждала недостойных, и я, не сделавший ничего, чтобы предотвратить гибель своей подруги Люси, имея на совести жизнь Логана и двадцати четырех зимсонников, не сомневался в том, что стану следующим. Медленно достав из рюкзака фотоаппарат Лоры, я установил его на «Коровий шест». Застыв неподвижно, я ждал, и когда снова прозвучал смех, выстрелил и тотчас же нажал на кнопку затвора.

В буране на мгновение раскрылся тоннель, наполненный влажным воздухом, озарившийся на миг фотовспышкой. Мне стало видно всё вплоть до деревьев за забором, качающихся на ветру, и капота припаркованной машины, а вдалеке я разглядел, или мне показалось, что я разглядел *большой мяч.* Кажется, я закричал, затем дослал в аккумуляторный отсек четвертый и последний термалит, перемотал пленку в фотоаппарате и снова выстрелил. На этот раз я не увидел ничего лишнего, и снова вокруг меня сомкнулся буран. Я стоял на коленях, жадно глотая воздух, стараясь расслабиться, стараясь унять сердцебиение. Несмотря на холод, я чувствовал струящийся по

спине пот, а тем временем губы, щеки и пальцы рук и ног все сильнее ощущали жесткое покусывание надвигающегося обморожения. Отбросив разряженный «Коровий шест», я снова попытался отыскать трос, однако руки у меня онемели, и контакт со снегом только ослабил их чувствительность.

Не оставалось ничего другого, кроме как идти наобум в надежде наткнуться на стену с закрепленным на ней страховочным тросом. Шатаясь, я прошел шагов десять, но нашел не стену — я нашел дверь. Старую, в готическом стиле, окованные железом дубовые доски. Я вытер предплечьем снег с вывески.

Это был «Геральд Камбрийский».

«Геральд Камбрийский»

«…В те дни для ночного освещения использовались светодиодные лампы, потребляющие мало энергии, однако многие привратники по-прежнему цеплялись за безнадежно устаревшие, но милые духу биолюминесцентные трубки. Свет их варьировался от зеленовато-голубого до желтовато-оранжевого в зависимости от температуры и настроения планктона. Раз в две недели требовалось подкармливать начинку трубок, что в большом Дормиториуме становилось хлопотным занятием, однако многие привратники полагали, что дело того стоит…»

«Изящная простота Зимних технологий», Эмма Ллевелин Вай-Энг

Мой Всеключ без труда повернул замок, я толкнул массивную дверь, протиснулся внутрь и плотно закрыл ее за собой. Как только щелкнул язычок замка, шум бурана резко стих до приглушенного завывания ветра. Открыв внутреннюю

дверь, я прошел внутрь. Я ожидал, что в фойе «Геральда» царят холод и мрак, поскольку все заверили меня в том, что Чугунок заглушен, однако он не был заглушен, и холода и мрака также не было. Температура внутри составляла благотворные восемнадцать градусов выше ноля — отопительная система продолжала исправно работать. Стянув с рук носки, я скинул обувь и погрузил руки и ноги в чуть теплую талую воду. Я почувствовал, как от возобновившегося кровотока у меня внутри все заболело, но спустя двадцать минут покалывание прошло, и я понял, что все в порядке. Надев сухие носки и шлепанцы, я поднял фонарь и огляделся по сторонам.

Это фойе я уже видел. Оно мне приснилось, когда я пребывал в Пространстве сна Уэбстера. В глубине лестница, у стен — сломанные диваны, посередине — стойка администратора. Я прошел вперед, обратив внимание на раскиданные повсюду пустые консервные банки и деревянные ящики. Вероятно, свидетельства той спешки, с которой покидали Дормиториум, хотя сейчас, учитывая то, какая комфортная температура была внутри, я не понимал, *почему* его покинули. Внезапно меня осенила очень тревожная мысль, что виной всему явилась утечка радиоактив-

ного топлива, в которой никто не признался, однако большой счетчик Гейгера над стойкой администрации указывал уровень хотя в целом и безопасный, но требующий того, чтобы в Дормиториуме находились только Зимовщики, и старше тридцати лет — на всякий случай.

Освещение не работало, однако хотя внутри царил полумрак, до кромешной темноты было еще далеко. Кто-то не пожалел времени на то, чтобы покормить планктон в трубках, и изнутри здание было заполнено слабым голубовато-зеленым биолюминесцентным сиянием.

Наверху послышался шум. Словно кто-то обо что-то споткнулся.

— Эй, кто там?

Мой голос прозвучал в тишине робко, и я никак не ожидал, что у меня так пересохло во рту. Только сейчас до меня дошло, как же я возбужден. Никто мне не ответил, и я рассудил, что это, скорее всего, зимние грызуны. Судя по стоящему в воздухе запаху, где-то в Дормиториуме находились один-два давно умерших постояльца, которыми можно было полакомиться. Я осторожно поднялся по лестнице на второй этаж, как это произошло со мной во сне, — и ощутил странное чувство уже виденного. Все выглядело очень зна-

комым, словно я много раз ходил здесь. Коридор, обстановка, тяжелые занавески на стенах — *всё.*

Я снова услышал шум, на этот раз позади — негромкие шаркающие шаги лунатика.

— Кто там?

Вместо ответа послышался тихий шепот, и у меня над головой скрипнула половица. Затаив дыхание, я увидел, как в круг неяркого света моего фонаря вошла фигура, ярдах в десяти дальше по коридору. Это был лунатик Эдди Танджирс, в светло-синем комбинезоне, бредущий ко мне. Значит, Джонси не отправила его на покой. По неудачному стечению обстоятельств именно в этот момент у меня в фонарике сдох аккумулятор, погрузив все в темноту. Пока мои глаза еще не привыкли к слабому свечению трубок, я фактически остался слепым. Я быстро вставил в фонарик свежий термалит, но особой тревоги не было. Темп шаркающей походки не изменился.

Когда коридор снова озарился светом, я едва не вскрикнул вслух, оказавшись лицом к лицу с *другим* лунатиком, чье приближение не услышал. Это была женщина, и она смотрела на меня единственным молочно-белым глазом. Лицо у нее было старое и сморщенное, брови высоко изгибались, большой рот скривился в улыбке.

Но узнал я ее по шляпе, украшенной фруктами, сильно поношенной, дырявой, лишившейся большинства бананов.

— Чика-чика-бум-чик, — хриплым монотонным голосом произнесла старуха.

— Ваши лучшие времена остались позади, мисс Миранда, — ответил я.

Какое-то время она молча таращилась на меня, затем повела бедрами из стороны в сторону и шаркающей походкой удалилась вслед за первым лунатиком по коридору за пределы освещенного пространства. Они с Танджирсом были в одинаковых комбинезонах и оба или не были голодны, или до сих пор не открыли для себя каннибализм.

— Когда я люблю, я люблю, — донесся из темноты голос Миранды, после чего наступила тишина.

Я двинулся по коридору, теперь руководствуясь исключительно воспоминаниями о сне Уэбстера. Отыскав комнату 106, я постоял, затем толкнул дверь. Комната встретила меня той же самой обивкой из светлой сосны, тем же самым окном с эркером рядом с пожарной лестницей, тем же самым большим дымоходом. На выгоревших обоях виднелся более темный участок в форме

звезды — на том месте, где когда-то висели часы, опять же как во сне Чарльза.

Меня прошиб горячий пот, я был сбит с толку и валился с ног от усталости, однако, несмотря на все свидетельства обратного, я все еще пытался убедить себя в том, что это лишь свидетельства того, как разворачивается моя память синхронно с моим продвижением вперед, подобно локомотиву, который сам прокладывает перед собой рельсы. Однако теперь у меня была возможность провести простой опыт, который поможет раз и навсегда установить, свои сны я вижу или чьи-то чужие.

Шагнув вперед, я как можно дальше просунул руку в дымоход. Сначала я ничего не нашел, но затем нащупал край выступа, и за ним мои пальцы прикоснулись к чему-то такому, что пошевелилось, и после долгих усилий, протянув руку как можно дальше — Уэбстер был почти на четыре дюйма выше меня, — я достал картонный тубус, запыленный и покрытый грязью. Открыв тубус, я достал блестящий черно-синий твердый восковой валик. В лучах света засияли тонкие бороздки. Я долго смотрел на валик, не зная, что думать. Радоваться или огорчаться? Я не мог определиться. Мне было известно только то, что

валик спрятал в дымоходе Чарльз Уэбстер, что ради него «Гибер-тех» погубил по меньшей мере шесть человек и что Дон Гектор вот уже почти три года пытается передать его через Чарли «Истинному сну» и Кики.

Я убрал валик в тубус. Мое любопытство было разбужено, и я решил, что лучше всего проиграть валик и выяснить, что на нем записано. Для этого мне был нужен фонограф, поэтому я вернулся назад и, разминувшись на лестничной площадке с женщиной-лунатиком Блестящей Диадемой, направился в комнату привратника на первом этаже. Теперь в фойе лунатиков стало больше, и я осторожно прошел сквозь них. Некоторые бормотали под нос бессвязные слова и обрывки фраз, один постоянно тасовал колоду карт, еще одна держала два кубика Рубика: левой рукой она смешивала цвета, правой их собирала. Разбросанные повсюду коробки и консервные банки говорили о том, что лунатикам здесь предоставили прибежище; практически наверняка за этим стояли Джонси и Токката, причем дело было поставлено у них на поток. Джонси обмолвилась, что она также считает, что лунатики сохранили сознание, и, скорее всего, Токката придерживалась того же мнения. Несмотря на то что мое предчув-

ствие получило подтверждение, такое понятие противоречило всем современным медицинским и научным представлениям. Всесторонние исследования привели к единогласному заключению: головной мозг лунатиков необратимо мертв. Однако если их сознание остается *полным,* но только перемещается куда-то туда, где его невозможно обнаружить, и в «Гибер-техе» об этом известно, тогда нынешняя политика в отношении лунатиков, заключающаяся в преобразовании и отправке на покой с последующим расчленением на отдельные органы, является убийством. Нет, подождите, это значительно *хуже* простого убийства.

Когда я проходил мимо стойки администратора, у меня снова погас фонарик. Поскольку термалит у меня оставался всего один, я просто подождал, когда мои глаза освоятся в темноте.

Валик — это ключ. «Истинный сон» отчаянно жаждет его получить, а «Гибер-тех» пойдет на все, что угодно, лишь бы этого не допустить. По мере того как мои глаза привыкали к темноте, я начинал видеть смутные силуэты, при этом я слышал шаги бродящих вокруг лунатиков. Они что-то шептали себе под нос, что сильно действовало на нервы. Один раз лунатик прошел совсем

рядом и легонько укусил меня за руку, и я вдруг подумал, как часто их кормят и сколько времени они продержатся без кормежки, прежде чем начнут питаться друг другом — и мной. Вскоре я понял, что ответ на этот вопрос — совсем недолго. Мои глаза еще не успели полностью освоиться в полумраке, и я не заметил, как в тусклом свете лунатики обступили меня со всех сторон, и осознал это только тогда, когда почувствовал прикосновение их рук. Я попытался растолкать их, но когда мне удалось протиснуться между двумя и вырваться из цепкой хватки третьего, меня схватили еще три или четыре пары рук, и я ощутил резкую боль в затылке от укуса. Я вскрикнул, однако этот звук лишь еще больше раззадорил лунатиков, и я почувствовал, как их руки сжимаются крепче. Отказавшись от надежды на мягкий подход, я стал драться и толкаться, нанося удары ногами и кулаками, однако лунатиков было слишком много, и они повалили меня на пол. В голубовато-зеленом свете их бормотание и стоны принимали все более агрессивный характер. Я знал, что именно так все и происходит. Нападение начинается медленно, затем агрессивность стремительно нарастает, переходя в безумие. Я почувствовал, как костлявые руки

задирают на мне рубашку, чтобы добраться до живота. Кричать я уже не мог, мне оставалось только отчаянно брыкаться и лягаться ногами, а у меня в ушах быстро нарастал бессвязный гул их голосов. Я проделал такой большой путь, и в конечном счете впустую. Валик, не имеющий для лунатиков никакой ценности, попадет в руки тому, кто наткнется на мои останки.

Я беспомощно прижал к груди рюкзак и сжался в комок, понимая, что это совершенно бесполезно, и тут меня осенила мысль. Не обращая внимания на царапины и укусы, я раскрыл рюкзак и достал фотоаппарат Лоры. Направив его на лунатиков, я нажал кнопку затвора.

Сработала вспышка, и мне показалось, будто в зловонном полумраке фойе на мгновение отворилась дверь в Лето. Эффект получился моментальным и впечатляющим. Лунатики неподвижно застыли, на мгновение сбитые с толку. В Академии меня этому не учили; эту хитрость я узнал от Ллойда, два дня назад.

Смятение лунатиков было недолгим, но мне хватило времени для того, чтобы взвести затвор и снова включить фотовспышку. Яркий белый свет выхватил охваченные ужасом лица. Не теряя времени, я выбрался из сплетения оцепеневших

тел, сбежал вниз по лестнице, отыскал комнату привратника и, захлопнув за собой дверь, запер ее на засов, чувствуя, как бешено колотится сердце и трясутся руки.

Час за часом я испытывал что-нибудь новенькое, отчаянно желая, чтобы ничего такого не было.

Валик

«…Восковой валик явился первым устройством, по-настоящему пригодным для записи и воспроизведения звука. Он продержался больше ста лет благодаря своему повсеместному распространению, а также тому обстоятельству, что для работы ему не требуется электричество. Если учесть то, что ученые мужи нередко оставались на Зиму, чтобы закончить свою работу, нет ничего удивительного в том, что к Весеннему пробуждению секретаря ждало до сотни записанных валиков, которые нужно было расшифровать, а затем заново разгладить поверхность для повторного использования…»

«Изящная простота Зимних технологий», Эмма Ллевелин Вай-Энг

Включив аварийное освещение, я прошел прямиком в ванную и, порывшись в аптечке, нашел йод и смазал им следы от укусов, каковых оказалось много. Мне повезло, что голод охватывал

лунатиков довольно медленно. Если бы они разом набросились на меня, когда я только вошел, я оказался бы слишком уставшим и замерзшим, чтобы защищаться. Пока я как мог занимался собой, из фойе доносились неприятные звуки, свидетельствующие о том, что лунатики, по-видимому, утолили голод за счет кого-то из своих товарищей. Если они съели крупного Эдди Танджирса, этого им хватит часов на восемь. А если Блестящую Диадему — максимум на девяносто минут.

Раны от укусов по-прежнему болели, но я пришел к выводу, что ни одна из них не угрожает жизни. Вернувшись в жилое помещение привратника, я огляделся по сторонам. Стены были увешаны полками и витринами, содержащими многочисленные образцы представителей животного и растительного царств. Привратники — не просто работники гостиниц; многие радушно приветствуют жизнь монаха-отшельника, проводя свободное время в размышлениях и занятиях наукой.

С полки свисал череп морского гиппопотама, в углу стоял скелет детеныша-глиптодонта, еще не собранный полностью. Также в комнате имелся Диктофон, сплошная латунь и палисандровое

дерево с большим медным рупором для воспроизведения. Включив настольную лампу, я закрутил пружину и вставил в устройство валик. Щелкнув рычажком, я дождался, когда валик раскрутится, и осторожно поставил иглу на дорожку, ожидая услышать голос Дона Гектора с пространным объяснением того, что он обнаружил, и ответами на все до одного мои вопросы.

Ничего этого не произошло. Ни в коей мере. Да, это действительно был голос Дона Гектора, однако говорил он полную бессмыслицу — длинный беспорядочный набор не связанных между собой слов, перемежающихся цифрами и греческими буквами, произнесенный ровным, монотонным голосом. Запись продолжалась пять с тремя четвертями минут и представляла собой, предположил я, какой-то шифр. И только после того как разрозненный набор слов затих, я услышал *другой* звук — негромкое бормотание снаружи. Бесшумно приблизившись к двери, я осторожно приоткрыл ее на пару дюймов. Как я и подозревал, за ней стояла женщина-лунатик. Это была девица с кубиками Рубика, однако она перестала их крутить и неподвижно застыла в Ступоре. И она была не одна. Здесь собрались все лунатики, человек тридцать, заполнившие

весь коридор. Они стояли неподвижно, даже не моргая, плотной группой, на равном расстоянии друг от друга, и у всех отсутствовал большой палец на правой руке. Я уже собирался закрыть дверь, но тут женщина-лунатик моргнула, что было необычно. Во-первых, потому что лунатики, находящиеся в состоянии Ступора, не моргают, и, во-вторых, потому что моргнули *все* лунатики — одновременно.

Осторожно просунув руку в дверь, я с силой толкнул девицу в грудь. Та отступила назад, чтобы удержать равновесие. Если бы она находилась в Ступоре, она бы опрокинулась назад, сбивая с ног того, кто стоял за ней, и все лунатики повалились бы один за другим словно кегли, как это бывает в комедиях. Однако сейчас *все* они сделали шаг назад, сохраняя равновесие.

— Почему вы это делаете? — спросил я, и лунатики хором прошептали в ответ, словно шепелявое эхо:

— *Почему вы это делаете?*

— Что происходит?

— *Что происходит?*

— Саймон говорит, — медленно произнес я, — «Положите руки за голову».

Все послушно положили руки за голову.

— Саймон говорит: «Опустите руки вниз».

Все снова опустили руки.

— Встаньте на одну ногу.

Лунатики оставили мой приказ без внимания: ведь Саймон им ничего не говорил. Я улыбнулся, впервые за долгое время.

— Саймон говорит: «Назовите свое имя».

Все лунатики ответили разом, но каждый назвал свое собственное имя. В нестройном хоре голосов я разобрал лишь несколько имен. Девицу с кубиками Рубика звали Ребеккой, а Блестящая Диадема, стоящая справа от нее, была Бетти, и теперь у нее по щекам беззвучно катились слезы.

— Как вы себя сейчас чувствуете? — спросил я, и снова последовали разные ответы: «удрученный», «обманутая», «потерянный», «брошенный».

Какое-то время лунатики стояли перед дверью, но затем волшебство развеялось, они вышли из транса и побрели по коридору, как и прежде, безучастные ко всему. Я понятия не имел, в чем смысл слов Дона Гектора, записанных на валике, однако они производили на лунатиков определенное действие. Пусть запись и не воскрешала их, но это был шаг в нужном направлении.

Пройдя на крохотную кухоньку, я добавил в

мюсли «долгоиграющего» молока и столовую ложку арахисового масла и подошел к окну. Было слышно, как на улице свирепствует ветер, грохоча ставнями и пытаясь найти брешь в Зимних «доспехах» здания. Мне был нужен план действий, и после недолгих размышлений я остановился вот на чем: мне нужно встретиться с Хьюго Фулнэпом, дежурящим в музее. Причина была простая. Аврора предположила, что он принадлежит к «Кампании за истинный сон», и если это действительно так и он скрывается в Двенадцатом секторе под именем Дэнни Покетса, можно сделать два предположения: «Истинный сон» проводит в секторе какую-то операцию, и Фулнэп, Джонси, Токката и с трудом волочащие ноги обитатели «Геральда» играют в ней очень важную роль.

Отыскав в гардеробе свежую теплую одежду, я заменил в фотокамере блок вспышки, чтобы быть вооруженным бо2льшим количеством вспышек, после чего осторожно открыл дверь и выглянул в пустой коридор. Я прокрался вверх по лестнице, не подвергнувшись новому нападению, нашел толстый пуховик, надел меховые сапоги, сунул фотоаппарат в рюкзак и сверился со схемой страховочных лееров, висящей на стене между

наружной и внутренней дверями «Геральда». Музей находился на противоположной стороне дороги примерно в четверти мили. При свете дня в хорошую погоду идти пешком минут пять. Сейчас мне нужно было уложиться в полчаса и не заблудиться, если я хотел сохранить все пальцы на руках и ногах.

Собравшись с духом, я открыл наружную дверь.

Если я думал, что погода до этого была плохой, теперь она стала вдвое хуже. Ледяной ветер ворвался в дверь, не было видно ничего, кроме массы сердито бурлящего снега. Вставив в лампу последний термалит, я зажег ее и пристегнулся к страховочному лееру. Какое-то время я стоял, убеждая себя в том, что это лучший вариант, и к черту Грымзу, затем наконец шагнул в буран. На самом деле фонарь обеспечивал лишь моральную поддержку, но, держась рядом со стеной, я мог минимизировать напор ветра, и, хотя местами намело сугробы высотой больше трех футов и идти было трудно, я продвигался вперед. Через десять минут я оказался на мосту, и дальше мне нужно было пересечь дорогу без помощи леера. Пожалуй, я не проявил надлежащей осторожности: когда я отцепился от леера и сделал два шага

к противоположному бордюру, налетевший со всей силы порыв ветра сбил меня с ног.

Кажется, я помню, что какое-то время беспомощно барахтался, затем меня воткнуло головой в сугроб. Усугубило беду то, что снегозащитная юбка у куртки сзади порвалась, и под натиском ветра снег устремился за пазуху, обволакивая мне шею и грудь. От резкого холода у меня перехватило дыхание, и я буквально почувствовал, как начинает понижаться температура моего тела. Началось все с сильной дрожи и клацанья зубами, затем нахлынуло ощущение умиротворения, смешанное с чувством обреченности и верной гибели. Мне отчаянно захотелось заснуть, вернуться на пляж на Говере, под большой оранжево-красный зонт, где Бригитта была бы Бригиттой, а я был бы Чарльзом. Но это было невозможно, и я почувствовал, как медленно, неумолимо проваливаюсь в пустоту.

Однако я остался в живых. Время моей смерти еще не пришло.

Ночь в музее

«…Министру культуры пришлось пригрозить перерезать себе горло на ступенях Здания парламента, и лишь после этого был принят Закон о возвращении на места археологических артефактов. Вкратце – благодаря закону реликвии, собранные в крупных коллекциях, смогли вернуться в тот район, деревню или село, где они были обнаружены. По сути дела, это была локализация в лучшем своем проявлении…»

Журнал «Музеи Альбиона», номер за ноябрь 1973 года

— Какому полоумному придурку вздумалось выходить на улицу в такую погоду?

Это был Хьюго Фулнэп. Он смотрел на меня с тем самым выражением, какое бывает на лице у человека, которому неоднократно твердили не играть со спичками и легковоспламеняющимися жидкостями и который только что себя поджег. Фулнэп был без шокового костюма — вероятно, потому что вторжение злоумышленников во

время бурана было маловероятно, — и разглядывал меня с завороженным любопытством. Мы находились в выложенном белой плиткой теплом помещении, предположительно в музее, хотя, судя по последним сохранившимся у меня воспоминаниям, я не добрался даже до чугунных ворот. Полностью раздетый, я лежал в ванне, наполненной горячей водой.

— Вот этому полоумному придурку, — сказал я, тыча пальцем себе в грудь.

— Оказался там, где тебе было неуютно?

Фулнэп указал на мое тело, покрытое ссадинами, царапинами и следами от укусов, полученными тогда, когда я едва не стал обедом для лунатиков. На светлой зимней шерсти отчетливо проступали пятна йода, превращавшие меня в багрового далматинца. Я указал на след от укуса у себя на лице.

— Видишь?

— Да.

— Кармен Миранда.

— Значит, вот каким образом она сейчас раздает автографы?

— В каком-то смысле. Она была в «Геральде Камбрийском».

— А, — сказал Фулнэп. — И как там, холодно?

Все пусто и заколочено?

— Нет, — помолчав, сказал я, — нет.

Какое-то время мы молча смотрели друг на друга.

— Как пальцы на ногах? — наконец спросил Фулнэп, и я с тревогой посмотрел на свои ступни.

Пальцы на ногах приобрели вид марципанов и жутко болели, и я предположил, что ничего хорошего в этом нет.

— Как-нибудь переживу потерю одного-двух.

— Чтобы сравняться с пальцами на руках?

Опустив взгляд, я впервые заметил, что мизинец на правой руке исчез после первого сустава; рана почти не кровоточила, а обнажившиеся мягкие ткани напоминали срез сырого говяжьего стейка. Вид утраты не привел меня в восторг — но почему-то мне показалось, что эта травма была неизбежной. Я задумался. Когда я лежал на улице в сугробе, вниз головой, теряя сознание, мне послышался детский смех.

— Где ты меня нашел?

— Я услышал стук в наружную дверь, — ответил Фулнэп. — Открыл ее, а ты там лежишь. Должно быть, падая, ты зацепился пальцем за проволоку. На морозе они отрываются на удивление легко.

— Это была Грымза.

— Точно, и я нисколько не удивлюсь, если ей помогали единорог, зубная фея [134] и призрак Овэйна Глиндура [135]. Держи.

Он протянул мне большую кружку чая, щедро приправленную сгущенным молоком и «Нутеллой» [136]. Если бы мне предложили этот напиток Летом, я бы воспринял это как оскорбление, однако сейчас мне показалось, что ничего вкуснее я не пил никогда в жизни. Через полчаса я согрелся настолько, что смог вылезти из ванны и одеться.

— В течение последнего часа по Открытой сети ни о чем другом не говорят, — сказал Фулнэп, вешая на крючок мое влажное полотенце. — Мы узнали про то, что ты предоставил прибежище Бригитте, Джонси убила какая-то таинственная девица из «Гибер-теха», которая затем погибла

---

[134] Примечания: 134

Зубная фея — добрая фея, которая оставляет ребенку под подушкой вместо выпавшего у него молочного зуба какую-нибудь игрушку. *(Прим. переводчика.)*

[135] Примечания: 135

Глендоуэр, Оуэн (ок. 1354 — ок. 1417) (валлийское написание Овэйн Глиндур) — валлийский вождь, провозгласил себя принцем Уэльским и поднял восстание против английского короля Генриха IV. *(Прим. переводчика.)*

[136] Примечания: 136

Компания «Ферреро Роше» попыталась продвигать этот напиток Летом под маркой «Чайтелла», но без особого успеха.

сама, а тебя забрали в «Гибер-тех». Что-нибудь из этого хотя бы отдаленно похоже на правду?

Я подтвердил, что все так и произошло — и что по пути в «Гибер-тех» Хука забрала Грымза, а я укрылся в «Геральде».

— Что-то сегодня многовато этой Грымзы. Кто эта таинственная девица из «Гибер-теха»?

— Моя старая знакомая, мы вместе воспитывались в Приюте в Суонси. Она работала в системе быстрого отслеживания лунатиков «Гибер-теха». Ничего хорошего из этого не вышло.

— Так бывает сплошь и рядом. — Фулнэп задумчиво смерил меня взглядом. — Уортинг, почему ты в такую погоду покинул «Геральд»?

— Чтобы прийти сюда и встретиться с тобой.

— Зачем?

— Чтобы получить ответы.

Он снова посмотрел на меня, пытаясь определиться.

— Вот что самое трудное во всем этом, — наконец сказал он, — понять, кому можно доверять. Я могу тебе доверять?

— А я могу доверять *тебе?* — возразил я. — Когда мы впервые встретились в Кардиффе, ты пытался отправить женщину-лунатика на ферму по воспроизводству.

— Вот как? Ты в этом уверен?

— Да, я…

Я осекся. Я был настолько уверен в этой версии событий, что даже не пытался заново переосмыслить случившееся. Я вез миссис Тиффен в «Гибер-тех», Фулнэп не хотел, чтобы она туда попала, затем вмешался Джек Логан, пригрозивший мне неприятностями, если я не оставлю это дело…

Эти люди вовсе не собирались отправлять миссис Тиффен на ферму по воспроизводству — они пытались ее *защитить*. Внезапно у меня ноги стали ватными, и мне пришлось сесть на оказавшийся так кстати рядом стул. Логан предложил мне забыть про миссис Тиффен, а я, наивный дурак, опьяненный благими намерениями, не послушался его — и он погиб. Не от моей руки, но определенно вследствие моей тупой непреклонности. Почувствовав тяжелую ношу вины, придавившую мне плечи, я закрыл глаза. Мне показалось, что эта ноша еще не скоро спадет с меня — если вообще когда-либо спадет. Грымза уже давно бродит вокруг меня. Если Нед Фарнесуорт и Хук были закуской и главным блюдом, то мне предстояло стать десертом. Быть может, Грымза пощадила меня, чтобы я смог самостоятельно

понять, какой я недостойный, и приправить свою совесть острым привкусом стыда. Быть может, она отняла у меня палец, чтобы пометить меня, словно омара в аквариуме. Быть может, так и поступают все Грымзы.

— Логан не собирался меня убивать? — спросил я. — Когда выводил из «Джона Эдварда Джонса» в огненной долине?

Подсев ко мне, Фулнэп накрыл мою руку своей ладонью.

— Он тебе все бы объяснил по дороге на поезде в Двенадцатый сектор, уверенный в том, что ты присоединишься к нам. Никто из тех, кто узнаёт про преступную деятельность «Гибер-теха», не желает мириться с существующим положением дел. Просто нам ужасно не повезло, когда появилась Аврора.

— Значит, Логан принадлежал к «Истинному сну»?

— Более того — он был Кики.

– *Твою мать!*

— Это очень трагическая утрата, — продолжал Фулнэп, когда я переварил эту информацию, — но твоей вины в случившемся нет, ты просто старался поступить правильно, не обладая полным пониманием ситуации.

— Это очень любезно с твоей стороны, но мне следовало бы прислушаться к вам с Логаном.

— Согласен, — сказал Фулнэп, — но, может быть, нам следовало бы раньше разглядеть, кто ты такой, и открыться тебе. Просто мы не знаем, кому можно верить.

Я провел рукой по волосам. Двенадцатый сектор оправдывал свою репутацию.

— Итак, — сказал я наконец, — как бы вы поступили с миссис Тиффен, если бы не отправили ее на ферму?

— Чем более сложные действия способен выполнять лунатик, тем менее полным является коллапс нервной системы и тем легче осуществить возрождение. Пока что нам это не удается, однако такое возможно.

Я спросил, откуда ему это известно, и Фулнэп показал большой палец на левой руке — точнее, не показал, поскольку палец отсутствовал.

— На протяжении пяти недель я был лунатиком, — объяснил он. — Я возвратился, поскольку меня выбросили, но вопреки строжайшей политике «Гибер-теха» не прикончили. Я очнулся в яме, засыпанный известью. Полагаю, во время гибернации мы переживаем наши глубинные воспоминания, периодически возвращаясь в

высшее Состояние сна, чтобы сохранить связь с сознанием. «Морфенокс» подавляет эту связь, а иногда разрушает ее настолько сильно, что жертва остается запертой в нижнем Состоянии сна. Когда я был лунатиком, я по-настоящему чувствовал только *сны.* Шумные, мощные, всеобъемлющие, словно я оказался в ловушке зацикленных воспоминаний — реальный мир казался мне смутным и призрачным, словно давно забытые сновидения. Я не помню ничего определенного из того, чем занимался, когда был мертвоголовым, но кое-какие мысли у меня есть: через два дня после пробуждения у меня из прямой кишки вышел человеческий зуб в золотой коронке. Впервые в жизни я получил материальную выгоду от того, что погадил. — Фулнэп помолчал. — Но довольно обо мне. Почему «Гибер-тех» так отчаянно жаждет тебя заполучить?

Он мне поверил, поэтому пришло время и мне довериться ему.

— Потому что я был главным действующим лицом Активного управления сновидениями — и Доном Гектором, и Уэбстером, — и я знаю, где спрятан валик.

Фулнэп вопросительно поднял брови.

— Это ты так прикалываешься надо мной?

— Нет, определенно я над тобой не прикалываюсь.

— Тогда тебе нужно пройти со мной.

Мы вышли из теплой комнаты и направились по коридору в центральный атриум, где стояла оставленная на время «Ауэраубица». Было слышно, как ураганный ветер грохочет тяжелыми ставнями, а от его порывов низко гудели вытяжные трубы на крыше. Мы поднялись по главной лестнице, повернули налево и прошли по коридору по направлению стрелки, указывающей: «консервация». Остановившись перед дверью, Фулнэп дважды стукнул в нее, негромко произнес пароль «пресноводный морж», и я услышал, как отодвинулся тяжелый засов.

Я сразу же узнал мужчину, который отпер дверь. Это был медик из «Джона Эдварда Джонса» в Мертире, тот самый, который был в халате, от которого пахло дезинфицирующими средствами и чья тетка не была его теткой. Посмотрев на меня, он удивленно поднял брови.

— Чарли друг, — сказал Фулнэп.

— Неужели? При прошлой нашей встрече погиб хороший человек.

— То было недоразумение. Чарли — главное действующее лицо Активного управления сно-

видениями.

— Ты шутишь? — спросил медик. Его подозрительность мгновенно сменилась любопытством.

— Нисколько, — сказал Фулнэп. — Дон Гектор *и* Уэбстер.

Шагнув ближе, медик внимательно всмотрелся в меня.

— Мы не знаем ни одного человека, кто приобщился бы к Активному управлению и сохранил бы рассудок, — сказал он. — На что это было похоже?

— Более реально, чем реальность, — сказал я, — все чувства обострены до предела. Теперь я понимаю, почему сновидцы стремятся к этому. Всё лучше, чем в жизни. По крайней мере, в *их* жизни.

Беззвучно пробормотав: «Ого!», медик снова уставился на меня.

— Это доктор Теофилус Гуинн, — представил его Фулнэп. — До своей трагической, безвременной и сфабрикованной от начала и до конца кончины, случившейся три года назад, младший сотрудник Отделения научного сна «Гибер-теха».

— Значит, вы знаете всё про проект «Лазарь»?

— На самом деле я был *очень* младшим сотрудником, — признался доктор Гуинн, — по большей

части записывал в журнал результаты опытов, занимался обслуживанием оборудования, готовил чай, немного стирки, готовки — в таком духе.

— Правду о проекте «Лазарь» мы узнали вчера, — сказал Фулнэп, — и совершенно случайно.

— Итак, что это за проект?

— Минуточку, — сказал доктор Гуинн, закрепляя на двери растяжку, подсоединенную не к одной «Голгофе», а сразу к *двум*. Причем в отличие от той, что была у Фоддера, эти выглядели настоящими.

Мы с доктором Гуинном заключили друг друга в Зимние объятия; от него пахло сгоревшими электродвигателями, глазными каплями и припоем. После того как мы отпустили друг друга, я шагнул в комнату и осмотрелся вокруг. Потолок был украшен лепниной, обитые деревом стены и шкафы со стеклянными дверцами намекали на то, что в былые дни помещение служило библиотекой. В одном углу был камин, давно не используемый, а все свободное пространство занимали устройства, щедро украшенные мигающими лампочками, ручками, циферблатами и тумблерами. Посреди всего этого на высоком табурете сидела женщина-лунатик, выполняющая самые сложные манипуляции с йо-йо, какие я

только видел. Взгляд у нее был отсутствующий, но она была подключена к устройствам проводами, подсоединенными к приклеенным у нее на голове датчикам. Когда женщина-лунатик делала очередной пируэт с йо-йо, линии на осциллографе принимались подпрыгивать и плясать.

— Это Венди, — сказал доктор Гуинн, указывая на женщину-лунатика. — Она помогает мне с экспериментами по возрождению лунатиков.

— И как идет дело? — спросил я.

— Где-то между невыносимо медленно и жестоко неуловимо, — признался доктор Гуинн. — Ты уже знаком с Джошем? Он — наше недавнее приобретение.

Обернувшись, я увидел сидящего в плетеном кресле администратора из «Гибер-теха». Джош читал книгу, время от времени фыркая от смеха.

— Джош удрал из «Гибер-теха», — объяснил Фулнэп, — и прихватил с собой Венди. Кофе?

Я ответил, что это будет очень кстати, и Фулнэп предложил мне чувствовать себя как дома. Я подошел к Джошу.

— О, привет, Уортинг! — радостно произнес тот. — Как дела?

— Прогноз штормовой с вероятностью смертельной опасности, надвигающейся случайным

образом со всех сторон горизонта.

Рассмеявшись, Джош заверил меня в том, что прогнозы погоды часто ошибаются, и показал карандаш, заточенный с обоих концов.

— Я назвал его «двурандаш», — объяснил он. — Когда ломается грифель, всегда возникает проблема, так? А тут достаточно только перевернуть двурандаш и — бац — можно продолжать рисовать.

— Вообще-то бывает полезно иметь на обратном конце ластик.

— Об этом я тоже подумал, — жизнерадостно заявил Джош, демонстрируя карандаш с ластиками на обоих концах. — Это «биластик». С таким можно исправить вдвое больше ошибок, и в отличие от обычного карандаша этот не становится короче. Ну что скажешь?

— А не проще ли было бы иметь два карандаша?

Джош долго молча смотрел на меня, затем дважды моргнул и протянул мятную конфетку, какой освежают дыхание после еды.

— А это на что похоже?

— Вкус у нее как у «После восьми» [137], — сказал

---

[137] Примечания: 137

«Афтер эйт», «После восьми» — фирменное название мятной помадки в шоколаде. *(Прим. переводчика.)*

я. Только тут до меня дошло, как же я проголодался.

— Да, так может показаться случайному наблюдателю. Но на самом деле это конфетка, чтобы освежать дыхание после конфетки для освежения дыхания. Я называю ее «После после восьми».

— Что, люди так любят есть мятные конфетки?

Подумав немного, Джош кратко ответил:

— Я очень люблю.

— Вот, — сказал Фулнэп, протягивая мне кружку кофе и тарелку с песочным печеньем, на которое я жадно набросился.

— А теперь, Джош, — сказал доктор Гуинн, — повтори Уортингу то, что рассказал нам.

— Рассказывать особо нечего, — сказал Джош, — и конкретных деталей я не знаю. Знаю только, что проект «Лазарь» направлен на то, чтобы подсадить всех на «морфенокс».

— Эта цель была провозглашена больше тридцати лет назад, — сказал я.

— Это уже следующий шаг. «Морфенокс-Б» будет представлен как чуть более дешевая альтернатива; однако при его применении спящие с большей вероятностью будут становиться лунатиками. Помимо значительного увеличения доходов от продажи препарата, многократно возрастет чис-

ло тех, кого можно преобразовать и сдать в наем в качестве крайне выгодной и абсолютно безропотной рабочей силы. Лунатиков будут собирать непосредственно в Дормиториумах и отправлять прямиком в центры преобразования, чтобы исключить вероятность всплытия истины.

Какое-то время мы молчали.

— Как тебе удалось все это узнать? — наконец спросил я.

— Администраторы знают всё, — ответил Джош. — И, знаешь, все это в корне неправильно. У меня мало надежды увидеть приход следующей Весны, но если я хоть чем-нибудь помогу свалить Алчную фармацевтику, я с радостью это сделаю. — Он помолчал, затем вдруг с надеждой спросил: — Быть может, это сделает меня Лучшим борцом за «Истинный сон» недели? Я был Лучшим дежурным администратором недели шестьдесят две недели подряд, и мне бы не хотелось нарушать эту славную традицию.

Фулнэп пообещал лично проследить за этим, и мы оставили Джоша наедине с его эклектичными размышлениями. Мы устроились в другом конце комнаты, а шквалистый ветер носился по ротонде музея с громким стоном, свистом и пронзительными криками.

— Итак, — сказал Фулнэп, когда мы сели, — насколько я понял, валика у тебя с собой нет, поэтому нам нужно составить план, как его забрать. Но сначала расскажи, что с тобой случилось.

— Даже не знаю, с чего начать.

— Где начало, ты узнаешь без труда: именно тогда начались странности.

Ночь в музее, часть 2

«…Томас Эдисон [138] не изобрел бы Сомнограф, если бы за тридцать лет до того не появился Somnaécritaphone [139], созданный месье Гастоном Турнесолем [140]. С помощью устройства Турнесоля содержание сна можно было записать в виде последовательности точек на жестяном листе, покрытом копотью. Турнесоль работал над методом расшифровки этих точек, но погиб в суровую Зиму 1898 года…»

«Ранние технологии сна», Эмма Ллеве-

---

[138] Примечания: 138

Эдисон, Томас Алва (1847–1931) — американский изобретатель в области электротехники и предприниматель, основатель крупных электротехнических компаний. В 1877 году изобрел фонограф, прибор для механической звукозаписи. Звук записывается на цилиндрическом валике, покрытом слоем воска, при помощи иглы, связанной с мембраной, игла вычерчивает на поверхности валика винтовую канавку переменной глубины. При воспроизведении движущаяся по канавке игла совершает механические колебания, и связанная с ней мембрана излучает звук. *(Прим. переводчика.)*

[139] Примечания: 139

Устройство, записывающее сновидения *(фр.)*.

[140] Примечания: 140

Говорящая фамилия: tournesol — подсолнечник *(фр.)*. *(Прим. пере-*

водчика.)

Мне потребовалось почти сорок минут на то, чтобы поведать свою историю, и все это время Фулнэп и доктор Гуинн молча смотрели на меня, изредка кивая. Когда я закончил, они какое-то время молчали, собираясь с мыслями.

— Повтори еще раз, что произошло, когда ты проиграл валик? — наконец спросил доктор Гуинн.

Я рассказал, как стал свидетелем частичного возрождения лунатиков. Доктора Гуинна заворожила идея возрождения посредством сочетания правильно подобранных слов.

— Слова рифмовались? — спросил он.

— В определенном смысле.

— В таком случае, полагаю, их подбирали не в соответствии со значением, — сказал доктор Гуинн, — а по рифме, размеру и ассоциативным функциям — так называемая подсознательная терапия. Это объясняет частичное возрождение, свидетелем чего ты стал.

— Вероятно, для полного возрождения нам потребуется Сомнограф, — задумчиво произнес Фулнэп.

— Подождите, подождите, подождите, — перебил я, только сейчас осознав, что на самом деле

Шаман Боб со своими безумными теориями заговора зашел не *слишком* далеко. — Почему мои сны из раза в раз были одними и теми же?

— Сомнограф — это устройство для записи снов на восковой валик, — объяснил доктор Гуинн. — Первое такое устройство создал Томас Эдисон в содружестве с Зигмундом Фрейдом [141]. Широко известен случай, когда в 1904 году Эдисон записал мысли женщины, которой снилась кошка, а затем воспроизвел их группе спящих политиков и военных, которые были потрясены. Как ты сам мог убедиться, речь идет не только об образах и звуках, но о цельном ощущении реальности. Ты становишься другим человеком, восстанавливаешь его воспоминания, испытываешь его чувства, страсть, ненависть, страхи, отчаяние.

— Я чувствовал ту любовь, которую испытывал к Бригитте Уэбстер, — медленно произнес я, — и через него ее ответную любовь.

— Ты ее по-прежнему чувствуешь?

— Да.

— Вот в чем проблема продолжительного воздействия снов, порожденных Сомнографом: эмоциональные воспоминания находят способ

---

[141] Примечания: 141

Фрейд, Зигмунд (1856–1939) — австрийский невропатолог, психиатр и психолог; основоположник психоанализа. *(Прим. переводчика.)*

нахлынуть в часы бодрствования, что приводит к смешению реальности и вымысла, и в конечном счете человек уже не может определить, где действительность.

— Моуди, Роско и Сюзи Уотсон, — пробормотал я. — С ними это происходило каждую ночь. Затем то же самое чуть не случилось со мной.

— Точно. Зимой люди нередко сходят с ума, и бессвязные крики про руки и миссис Несбит ни у кого не вызвали подозрений. Специалисты «Гибер-теха» записали сны Дона Гектора, после чего использовали жильцов девятого этажа «Сиддонс» в качестве расходного материала, пытаясь определить, что он записал на валике. А поскольку для связи они использовали технологию «Аватара сна» в виде миссис Несбит, никакого риска для «Гибер-теха» не было, а вот подопытным угрожала смертельная опасность.

— Вот только все это без особых успехов, так?

— Точно, — подтвердил Фулнэп, — потому что Дон Гектор приучил себя видеть только один сон — к тому же он утыкал этот сон острыми шипами кошмаров, чтобы отваживать тех, кто посмеет сунуться.

— Руки.

— Да, руки.

— Судя по имеющимся у нас обрывочным сведениям, — продолжал Фулнэп, — получается, что Дон Гектор изобрел *усовершенствованный* «морфенокс-Б», вообще не порождающий лунатиков. Однако к этому времени отрасли преобразования и трансплантации переживали невиданный подъем, и открытие Дона Гектора не заинтересовало руководство «Гибер-теха». Мы считаем, он решил обнародовать то, что ему известно, и записал на валик протокол восстановления лунатиков. Дон Гектор шел к этой цели до самой своей смерти… и после нее.

Мы умолкли. Если сам Дон Гектор пытался обнародовать все это, но ему ничего не удалось, я не представлял себе, как такое смогут сделать такие простые смертные, как мы.

— Значит, «Гибер-тех» вселил сон Дона Гектора в наше сознание, чтобы постараться выяснить, как он поступил с валиком?

— Примерно в таком ключе.

— В таком случае как там появился сон с Бригиттой?

Фулнэп и доктор Гуинн почесали головы.

— Если честно, мы точно не можем сказать. Введение в сознание чужого сна — это не наука, а скорее искусство. Даже сам Томас Эдисон был

в растерянности — и также это явилось для него опустошительным ударом в профессиональном смысле, поскольку он так и не смог найти практически пригодный способ продвижения своего изобретения на рынке.

— И последний вопрос, — сказал я, чувствуя, что у меня голова идет кругом. — Каким боком во всем этом замешано Пространство сна?

Фулнэп и доктор Гуинн переглянулись, но ответил Фулнэп.

— Для инициации Пространства сна необходимо записать на Сомнограф сон объекта, после чего прокрутить запись всем тем людям, которые должны с ним взаимодействовать.

— Это все равно что оказаться в сцене в чайной комнате миссис Несбит из кино «Короткая встреча» [142], — сказал доктор Гуинн, — и пока Тревор Говард и Селия Джонсон распространяются о том, как ужасно, ужасно трудно оправдать их взаимные чувства, ты взаимодействуешь с Пространством сна всех остальных, кто находится в зале. Но диалог Говарда и Джонсон непрерывно звучит на заднем плане, не меняющийся, зацик-

[142] Примечания: 142

«Короткая встреча» — классическая английская мелодрама, вышедшая на экраны в 1945 году. *(Прим. переводчика.)*

ленный в одну повторяющуюся петлю [143].

— Шаман Боб говорил, вся проблема в том, чтобы разобрать, что происходит в действительности, а что нет, — сказал я, — потому что когда действительность сливается с вымыслом, нельзя четко определить границы.

— Совершенно верно, — согласился доктор Гуинн, — но Пространство сна также таит в себе множество опасностей. Психотические случаи, искажение действительности, мания преследования, смерть.

— Слишком опасно для гражданских лиц, — добавил Фулнэп, — однако при использовании в армии на риски никто не обращал внимания. Если у задержанного после допроса случался опустошительный коллапс нервной системы, официальная позиция была такой: «и что с того?»

— Хук говорил, что именно Аврора была признанным мастером ведения допросов в состоянии сна, однако об этом предпочитают не распространяться.

---

[143] Примечания: 143

Одного валика хватает, чтобы записать всего восемь минут сновидений, однако это время можно удвоить, если включить Сомнограф с вдвое меньшей скоростью — правда, при этом детали станут не такими отчетливыми, а голоса будут звучать приглушенно.

— Святая истина, — подтвердил Фулнэп. — Аврора любит притворяться, будто оказывает на «Гибер-тех» смягчающее воздействие, однако на самом деле все как раз наоборот. Аврора как никто другой восторженно приняла новые возможности сбора информации и бесспорно остается лучшей по части манипулирования Пространством сна. Она может проникнуть в голову кому угодно и забрать то, что ей нужно. Сойти с трассы на нехоженую целину, как говорится, и направить сон в ту сторону, куда захочет. Аврора способна пробуждать кошмары, читать мысли, погружаться в чужие чувства — она способна делать абсолютно все. Она одна вытащила из спящих подозреваемых больше секретов, чем кто-либо из живущих на Земле, нанеся непоправимый вред нервной системе и психике тысяч человек. И в конечном счете это обусловило ее гибель.

— Что ты хочешь сказать?

— По слухам, — вмешался доктор Гуинн, — четырнадцать лет назад в ходе допроса во сне Аврора пережила внутренний моральный конфликт, когда последние крупицы ее порядочности выступили против того, чем она занималась. Не в силах усмирить раскол в своем собственном

сознании, она разделилась на двух человек: один сохранил ее худшие стороны, а другой стал… ну терпимым. Ее уволили из армии, обвинив в том, что она Располовиненная, и назначили главой службы безопасности «Гибер-теха». Все надеялись на то, что «более или менее порядочные ангелы ее натуры» угомонятся, если она будет работать в баре «Уинкарнис». Вся беда в том, что Токката пожелала сделать карьеру и поступила в Консульскую службу. Через десять лет она возглавила Консульство Двенадцатого сектора.

— А «Гибер-тех» не мог просто держать Токкату под замком? — спросил я.

— Тут дело сложное, — объяснил доктор Гуинн, — потому что Аврора видит в Токкате свою никчемную младшую сестру, за которой нужно постоянно присматривать. На самом деле Аврора *помогла* Токкате, добившись для нее такого положения, при котором они постоянно конфликтуют в реальном мире, — как нам кажется, это неотъемлемая часть продолжающегося процесса их исцеления и примирения.

— А они могут воссоединиться? — спросил я, и оба пожали плечами.

— Лучшие неврологи теряются в догадках, — сказал Фулнэп. — Самый простой ответ: никто

не знает. Но тот конфликт, который ты видел в реальном мире, внутри, наверное, в десять раз хуже.

Я задумался над его словами. В них был определенный смысл.

— Итак… каков наш план? — спросил я.

— Мы забираем валик, — сказал Фулнэп, — и находим Сомнограф, чтобы проиграть запись лунатикам. Мы разбудим столько их, сколько сможем, доведем их до Весеннего пробуждения и устроим такой скандал, каких свет еще не видывал.

— На словах все так просто, — заметил я.

— На самом деле это принятие желаемого за действительное, а вовсе никакой не план, — согласился Фулнэп. — Не столько достижимая цель, сколько призрачная надежда. Итак: где валик?

— В «Геральде».

— Отлично. Он нам нужен — вместе с Сомнографом.

Я объяснил, что устройство с девятого этажа, скорее всего, спрятано в большом чемодане в комнате рядом с моей, и, обсудив тактические вопросы, Фулнэп сказал, что нужно позвонить Токкате.

— Ее дежурство продлится еще три часа, — доба-

вил он, поднимаясь на ноги, — и если мы упустим эту возможность, то останемся без Токкаты на одиннадцать часов — плюс будем вынуждены иметь дело с дополнительным грузом в лице Авроры.

Доктор Гуинн также удалился, сказав, что ему нужно отвести Венди в ее жилище, переоборудованный шкаф уборщицы на четвертом этаже, под самой ротондой. Я остался сидеть, размышляя о том, как резко изменилась моя ситуация всего за несколько часов. Прошлой ночью мне снилось, будто я работаю на «Истинный сон» в смертельной схватке с некой фармацевтической корпорацией, имеющей очень низкие моральные принципы, — и вот я занимался тем же самым в *действительности.*

— Привет, — окликнул меня проходивший мимо Джош, полагаю, направляющийся к себе в комнату.

— Привет, — ответил я. — И что будет с тобой дальше?

— До Весеннего пробуждения я останусь в Двенадцатом секторе, а затем постараюсь перебраться обратно в Канаду, не привлекая к себе внимания «Гибер-теха».

Он протянул мне руку, и я с признательностью

пожал ее.

— Пусть Весна примет тебя в свои объятия, — сказал я.

— И тебя тоже, — улыбнулся Джош.

Проводив его взглядом, я поймал себя на том, что проголодался, и стал шарить в рюкзаке в поисках оставшихся «Сникерсов», гадая, принадлежат ли мне те чувства, которые я испытываю к Бригитте, или же это чувства Уэбстера, спроецированные мне в подсознание с помощью Сомнографа. Не найдя «Сникерсы» на ощупь, я открыл рюкзак и достал бумажник, чистые трусы, упаковку парацетамола, моментальный снимок Бригитты и Чарльза и фотокамеру, которую мне дала Лора. Никаких «Сникерсов». Должно быть, их также прихватила Грымза. Посмотрев на фотоаппарат еще раз, я нахмурился. Были израсходованы все четыре лампы вспышки, хотя после нападения лунатиков я вставил свежий блок. Я посмотрел на рычажок перемотки пленки: окошко показывало, что отснято восемь кадров, хотя я помнил, что сделал только четыре снимка.

Где-то по пути сюда, когда я лежал вверх ногами в снегу, быстро замерзая, я сделал четыре снимка чего-то.

И это что-то могло быть Грымзой.

Белая мгла

«...Несмотря на то что шоковый костюм не защитит обладателя от кинетического воздействия ударной волны, он сведет на нет первичные эффекты воздействия на легкие, носовые пазухи и евстахиевы трубы и значительно ослабит вторичные эффекты, такие как разрыв кровеносных сосудов, внутреннее кровоизлияние и расщепление нервных окончаний. Современные модели оснащены радиолокатором Х-4С, системой охлаждения и рацией, а аккумуляторная батарея позволит оставаться в живых не меньше десяти часов при температуре минус сорок градусов...»

«Изящная простота Зимних технологий», Эмма Ллевелин Вай-Энг

Прошло полчаса, прежде чем мы были готовы выступить, и все это время мы говорили. Было решено заручиться помощью Токкаты, несмотря на ее нередко непредсказуемое поведение, чем, помимо всего прочего, объяснялось большое

количество лунатиков в «Геральде»: однажды Токката решила, что больше не будет отправлять их на покой или на преобразование, поэтому изобразила перегрев Чугунка, чтобы освободить «Геральд» и обеспечить достаточно жилых помещений. Как долго им предстоит пробыть в Дормиториуме, не обсуждалось, как не обсуждалось и то, правильная ли это стратегия и хорошо ли она продумана, — что, разумеется, было не так. Однако если решение было принято нутром, как и то, которое я принял в отношении Бригитты, я прекрасно все понимал.

Доктор Гуинн не пошел с нами. Он заявил, что у него «недостаточно силы духа» [144], но обещал обеспечить техническую поддержку.

— Удачи вам, — сказал доктор Гуинн, когда мы были готовы к выходу.

Поблагодарив его, я протянул написанную наспех записку.

— Понимаю, это очень смелое предложение, — сказал я, — да и погода плохая и все такое, но у меня есть мысль, как использовать по крайней мере одну «Голгофу» с максимальной пользой.

Прочитав записку, доктор Гуинн кивнул и,

---

[144] Примечания: 144
Проще говоря, что он трус.

потрепав меня по плечу, посоветовал быть осторожным, после чего мы расстались.

— План предельно прост, — сказал Фулнэп, когда мы шли по подземному уровню музея. — Мы заходим в «Сиддонс» и забираем Сомнограф, после чего направляемся в «Геральд» за валиком. Если кто-либо попытается нас остановить, мы его прихлопнем.

— Да, его главное преимущество в простоте.

— Это верно в отношении всех замечательных планов.

Подвальный этаж музея использовался в основном для хранения. Здесь были ярмарочная карусель, вагон Рельсоплана в сборе и учебные модели Чугунков в половину натуральной величины, в обоих вариантах, закрытого термосифона и металлокерамической сковороды. Также имелись в большом количестве вышедшие из моды гипербарические камеры глубокого сна и изъеденное молью чучело гигантского ленивца, способное двигаться и издавать звуки, которое использовали для обхода лесов, когда эти животные находились на грани вымирания. Нас больше интересовал изготовленный по лицензии в Уэльсе Снегоход «Гриффин V», судя по виду, прямиком с выставочной площадки.

Фулнэп приказал мне завести Снегоход и вывести его на улицу. Облаченный в громоздкий шоковый костюм, я с трудом забрался в кабину. На самом деле я не хотел надевать единственный имеющийся в наличии работоспособный костюм, однако Фулнэп рассудил, что, поскольку я представляю бо2льшую ценность, мне и находиться в нем.

Забравшись в «Гриффин», я включил электрические системы и нажал на кнопку стартера. С шипением сжатого воздуха заработал двигатель. Как только Фулнэп открыл, а затем снова закрыл двойные ударопрочные двери, он присоединился ко мне. На улице царила кромешная темнота. Бортовой анемометр регистрировал порывы ветра скоростью до шестидесяти метров в секунду; температура опустилась ниже сорока, а лучи фар уперлись в сплошную стену непрерывно мельтешащего снега.

Я выехал в чугунные ворота и ползком двинулся по дороге, через мост, затем мимо «Геральда» — все благодаря топографии, отображенной на экране Х-4С. Локатор показал даже брошенный Снегоход Хука, находящийся значительно дальше, чем я предполагал, но никаких признаков Грымзы. Я медленно прополз мимо «Геральда»

и направился к «Саре Сиддонс», а Фулнэп сидел рядом, сосредоточенно уставившись на светящиеся зеленые точки на экране, обновляемые с каждым следующим проходом луча.

— Итак, — сказал я, не в силах больше вынести тишину, так как в противном случае нервы мои готовы были лопнуть с громким треском, — теперь, после гибели Логана, кто является Кики?

— Безопаснее это не знать, — ответил Фулнэп, — памятуя об Авроре и ее методах ведения допросов с использованием Пространства сна. Уэбстер выполнял распоряжения Логана, но он не знал, с кем имеет дело, поэтому не мог его выдать. Остановись здесь.

Я послушно остановился, и Фулнэп указал на яркую точку на экране Х-4С.

— Мы в сорока ярдах позади другого Снегохода. Он ждет нас на перекрестке рядом с рекламным щитом.

— А разве они не видят нас, если мы их видим?

— Если повезет, они примут нас за своих; я выдаю через СРСЧ позывные «Гибер-теха».

— Что?

— Не бери в голову — это лишь скучные тех-

нические термины [145], — сказал Фулнэп, пробираясь к задней двери. — Я отправляюсь искать Токкату. Если я не вернусь через двадцать минут, принимай инициативу на себя…

Он умолк, потому что впереди нас в снежной пелене вспыхнул мягкий оранжевый свет.

— Отставить, — сказал Фулнэп. — Кажется, мы ее нашли.

Воздух быстро очистился от снега, открывая пылающий Снегоход. Пламя полыхало концентрическими кругами, поскольку горючая смесь в участках с повышенным давлением горела более ярко. Это зрелище было одновременно прекрасным и пугающим — и недолго живущим. На одно мимолетное мгновение я увидел в двадцати шагах перед нами Токкату с «Молчаливым ужасом» в руках, и тотчас же давление выровнялось, вода превратилась в лед, и вокруг снова стало темно.

Через несколько минут задняя дверь нашего Снегохода открылась, и в кабину заскочила Токката.

— Ты решила превратить массовое убийство в искусство? — спросил Фулнэп.

---

[145] Примечания: 145

И Фулнэп был прав, это точно. Впоследствии я узнал, что СРСЧ означает «Система распознавания свой — чужой», однако эта информация нисколько не улучшила мою жизнь.

— Они мертвы, как мертва Зима, и удачи им, — рассеянно бросила Токката. — Это была расплата за Джонси. Точнее, нет — это были только *проценты* с расплаты за Джонси. Открытая сеть говорит, что ее убили Хук и новенькая из «Гибер-теха».

— Новенькая погибла, — сказал я, внезапно осознав, что впредь Люси больше никогда не назовут по имени.

— Хорошо, — сказала Токката. — Где сейчас Хук?

— Его забрала Грымза, — сказал я. — Он оказался… недостойным.

Токката смерила меня взглядом.

— Как скажешь. А теперь, Хьюго, — начала она, перезаряжая свое огромное оружие термалитом размером с консервную банку, — куда мы направляемся?

— В «Сиддонс», — сказал Фулнэп, — чтобы забрать Сомнограф из 902-й комнаты.

— Игра началась. Аврора будет там?

— Практически гарантированно нет.

Через пятнадцать минут мы остановились в десяти ярдах от входа в «Сиддонс». Фулнэп первый вышел в буран, разматывая страховочный леер. Мы с Токкатой последовали за ним и нагнали его у самого Дормиториума. Один за другим мы

вошли в фойе, держа оружие наготове. Я сжимал в руке «Колотушку», но за спиной у меня висел «Коровий шест», которым, как категорически предписывалось во всех наставлениях, пользоваться в помещении можно было только в том случае, если «нет *абсолютно* никакой альтернативы».

Выбитые окна были наспех заделаны кусками брезента и досками, грохотавшими в порывах ветра. Зимняя гостиная была пуста, а за столом в комнате привратника сидела Лора Строугер.

— Я очень сожалею о гибели Джонси, — сказала Лора, обращаясь к Токкате. — Я собрала все, что от нее осталось, и сложила в холодильник. А это ее личные вещи. Серебряные аисты и все остальное.

Она протянула Токкате прозрачный пластиковый пакет. Та молча взяла его и засунула за пазуху.

— Бригитту забрали в «Гибер-тех», — продолжала Лора, — а Ллойд сказал, что хочет… прогуляться по улице. Он был в одной рубашке, так что вряд ли он вернется.

Несомненно, привратник знал о том, какие мерзости творились на девятом этаже. Вероятно, это он предупредил Хука. Пожалуй, Холодный

выход — это лучшее, что ему оставалось.

— В здании есть кто-либо из «Гибер-теха»?

— Точно не знаю, — сказала Лора, — но, думаю, есть, так что будьте осторожны.

— Ты остаешься в фойе, — приказал Фулнэп Токкате. — Чарли, идешь со мной.

Кивнув, Токката заняла удобную позицию, откуда могла контролировать все входы в фойе.

— Держи, — сказал я, возвращая Лоре фотоаппарат. — Кажется, мне удалось что-то снять.

— Что именно?

Я молча показал ей свой отсутствующий мизинец [146].

— Ого! — пробормотала Лора. — Точно.

После чего я взбежал вверх по лестнице следом за Фулнэпом.

— Токката действительно ест лунатиков, приправляя их мятным соусом? — спросил я, когда мы поднялись на первую площадку и двинулись дальше.

— Нет, это лишь слухи, которые она распространяет, чтобы запугивать людей.

---

[146] Примечания: 146

Шоковые костюмы Мк-3 по-прежнему оснащались эластичными манжетами, а не перчатками. Пользователи после сильных взрывов оставались целыми и невредимыми, однако руки у них становились багровыми от воздействия ударной волны. Отсюда выражение «схваченный красными руками».

— Получается эффективно.

Мы поднялись на девятый этаж, не встретив ни одного сотрудника «Гибер-теха», бесшумно прошли по коридору и остановились перед 902-й комнатой. Я осторожно отпер замок и толкнул дверь, ожидая застать внутри затаившегося оперативника, однако в комнате не оказалось ничего, кроме большого чемодана. Достав из кармана большую отвертку, Фулнэп отогнул язычок замка.

Чемодан был пуст.

На самом деле было мало надежды на то, что заговорщики оставят такую ценную вещь, как Сомнограф, после того, как их раскрыли.

— Печально, — сказал Фулнэп, мастерски демонстрируя искусство преуменьшения.

Я спросил у него, как быть дальше.

— Не знаю, — обреченно произнес он. — Больше у меня никаких мыслей нет. Запасной вариант: укрыть все самое ценное в конспиративном доме и заново осмыслить ситуацию.

— У вас есть конспиративный дом?

— Вообще-то, нет, — признался Фулнэп, — но в списке неотложных дел он стоял у меня в самом начале. Если честно, в настоящий момент у «Истинного сна» осталось столько ценного, что

все это без труда поместится в этом чемодане. Пошли.

Я задержался в комнате, а Фулнэп вышел в коридор. Он обернулся и раскрыл было рот, собираясь что-то сказать, но в этот момент мощный удар сбил его с ног и отшвырнул в глубь коридора.

В здании *все-таки* находились сотрудники «Гибер-теха». Стараясь действовать бесшумно, я опустил забрало и включил питание шокового костюма. Тот надулся с легким потрескиванием. Я достал было «Колотушку», затем передумал и осторожно снял с плеча «Коровий шест». Припав на колено, я щелкнул флажком предохранителя и навел оружие на открытую дверь.

— Это Уортинг? — послышался голос. — Я видел, как в комнату заходили двое, поэтому знаю, что там кто-то есть.

— Да, это я, — подтвердил я.

— Тогда лучше выходи.

Я крепче стиснул «Шест». Мне еще ни разу не приходилось стрелять в человека, из летального или нелетального оружия. Но сейчас я был к этому готов.

— Я не собираюсь сдаваться! — крикнул я. — Делай что хочешь!

— Как будет угодно.

После короткой паузы в комнату вкатились две импульсные гранаты в форме хоккейных шайб. Одна закатилась под чемодан, а другая, описав ленивый круг, остановилась посреди комнаты. Гранаты предназначались только для того, чтобы оглушить и сбить с ног; я был нужен врагам живым. Пришло время испытать шоковый костюм в деле. Граната взорвалась, но я ощутил лишь кратковременное увеличение давления на свое тело, подобное тому, как если бы меня легонько обняли большие руки. Практически сразу же в дверях появилась одинокая фигура — этого человека я не узнал, но он был в форме службы безопасности «Гибер-теха». Я без колебаний нажал на спусковой крючок. Охранника отшвырнуло назад в направлении коридора, однако когда он вылетал в дверь, ударная волна, несшая его, *также* попыталась вырваться наружу, поэтому воздуху пришлось резко ускориться, чтобы сжаться и пройти в узкое пространство, после чего он резко расширился с громким хлопком, оказав опустошительное воздействие на убийцу Фулнэпа.

Вытерев с забрала кровь и куски человеческих тканей, я осторожно приблизился к двери и выглянул в коридор. Аккуратно перешагнув через

разбросанные по полу части тела, я остановился перед человеком, которого знал как Хьюго Фулнэп и Дэнни Покетс, хотя оба этих имени, скорее всего, были вымышленными. Он был мертв, но на лице у него застыла полная умиротворенность. Я извинился перед ним за то, что не послушался его дельного совета в «Джоне Эдварде Джонсе», постоял немного, отдавая последние почести умершему, после чего сбежал вниз по лестнице к Токкате. Я не знал, куда все это нас привело. Ни Фулнэпа, ни Сомнографа, ни плана, ни Бригитты — *ничего.*

— Что там стряслось? — спросила Токката, когда я спустился в фойе.

Лора, судя по всему, укрылась в безопасном месте.

— Фулнэп убит, — ответил я.

— Это *определенно* задница.

— Но я уложил того типа, который его убил.

— Задница с серебряной каймой. Что дальше?

— Я надеялся услышать это от вас.

— «Истинный сон» раскрывает мне только то, без чего никак не обойтись — не знаю, почему, — пробормотала Токката, поводя «Ужасом» из стороны в сторону, закрывая главный вход, дверь в подвал, затем Зимнюю гостиную, — и

я только выполняла приказы Хьюго и Джонси. Обоих нет в живых, так что согласно принципу Гидры ты становишься следующим Кики. Прими мои поздравления. Теперь ты глава «Кампании за истинный сон», в твоих руках полный контроль за всеми ее ресурсами, и ты осуществляешь верховное руководство ее политикой, как в тактическом, так и в стратегическом смысле. Также ты стал одним из двух людей, когда-либо приговоренных к смерти *заочно* Верховным судом Северной Федерации. По-моему, для тебя большая честь то, что тебя считают такой важной персоной.

Мне потребовалось какое-то время, чтобы осознать смысл ее слов.

— Фулнэп был Кики?

— Да, но ты особо не удивляйся. Размеры «Истинного сна» в последнее время резко сократились, и, как мне кажется, мы с тобой — это все, что от него осталось. В отсутствие какой-либо структуры управления, учитывая мой статус «знать только необходимое и выполнять приказы», ты становишься большой шишкой.

Я подумал было, что это своеобразный юмор Токкаты, однако она говорила абсолютно серьезно.

— Даже не могу сказать, подхожу ли я для этой роли.

— Если ты можешь отличить плохое от хорошего и у тебя прощупывается пульс — подходишь. А судя по тому, что я слышала от Фулнэпа о вас с Бригиттой, плохое от хорошего ты отличаешь. Жаль только, что мы не узнали это раньше. Тебя бы с самого начала приняли на борт, и ты бы не болтался как дурачок на задворках.

У меня внутри все оборвалось.

— Ты же не собираешься дать деру, ведь так? — продолжала Токката. — Мы зашли слишком далеко и потеряли слишком много людей. Свалить «Гибер-тех» и Аврору — не просто благое дело, это моральный долг. И, — добавила она, — будет очень весело раз и навсегда разобраться с Авророй.

Я вспомнил то, что доктор Гуинн и Фулнэп говорили про внутренний конфликт Авроры и Токкаты. Они не могли разрешить его между собой, поэтому он разыгрывался здесь, в реальном мире.

— Нет, — решительно произнес я, вспоминая Бригитту и остальных лунатиков, — я не дам деру.

— Нет ни мундира, ни медали, ни фуражки,

означавших бы то, что ты Кики, — продолжала Токката, — и если нас с тобой убьют, вполне вероятно, никто никогда не узнает, что ты *являлся* Кики. Но я знаю, и я склоняюсь перед твоим мужеством и непоколебимым чувством долга.

С этими словами она почтительно опустила голову.

— Я… постараюсь оправдать ваше доверие.

— Речь идет не обо мне, — сказала Токката, — а обо всем нашем обществе — и обо всех лунатиках, убитых и расчлененных в прошлом. Пойми меня правильно, никакого давления. Итак, — добавила она более оптимистичным тоном, — командир, какие наши дальнейшие действия?

Меня выводило из себя то, что когда я впервые что-то возглавил, это оказалась запрещенная подрывная организация, принадлежность к которой неминуемо каралась смертью. Мои мечты о карьерном росте ограничивались тем, чтобы дослужиться в Службе зимних консулов до старшего делопроизводителя в архиве или начальника гаража. Но вот в чем характерная особенность принципа Гидры: в одно мгновение можно подняться из грязи в князи и вернуться обратно.

Как это ни странно, я не испытывал паники.

Наоборот, я рассуждал совершенно четко. Да, я могу достать валик, но у меня нет Сомнографа, а до Весны еще очень далеко. Можно отступить назад и обдумать свой следующий шаг, однако это даст «Гибер-теху» больше времени обдумать *свой* следующий шаг — а голов там много и соображают они получше меня.

Нет, мне нужно прямо сейчас перейти в наступление и надеяться на то, что провидение и несколько припасенных в рукаве козырей помогут в конечном счете одержать победу. Достав «Колотушку», я переключил ее на минимальную мощность и направил на Токкату.

— Кривой? — всполошилась та. — Что ты делаешь?

— Тебе… необязательно это знать.

Она посмотрела на меня, перевела взгляд на «Колотушку», затем снова на меня.

— Давай, не тяни, — сказала Токката. — Ты теперь Кики.

Я нажал на спусковой крючок, и она рухнула, словно сбитая кегля. Не скрою, план был дерзкий, однако в настоящий момент я не видел альтернативы. Мне нужно было, чтобы мы оба попали прямиком в «Гибер-тех», и доставить нас туда мог только один человек. Быстро выбравшись

из шокового костюма, я зачарованно, но в то же время с ужасом смотрел, как она превращается из одного человека в другого. Невидящий правый глаз судорожно завращался в глазнице, Токката вздрогнула, дернула ногой, выругалась себе под нос, и тут ее глаза поменялись местами: *левый* стал невидящим, а *правый* широко раскрылся.

— Чарли? — спросила Аврора, усаживаясь на полу и оглядываясь по сторонам. — Это ты?

— Я.

— Где мы?

— В «Сиддонс», — дрожащим голосом произнес я. — Слава богу, вы здесь! Хьюго Фулнэп и его психи из «Истинного сна» пытались меня похитить — кажется, они убили одного вашего человека на девятом этаже. — Я всхлипнул так правдоподобно, что мне можно было бы вручить за это премию. — Вы *должны* мне помочь!

— Теперь все в порядке, — ласково произнесла Аврора, беря мою руку обеими руками. — Обещаю.

Введение в курс дела

«…Изначально задачей «Гибер-теха» было облегчить долгосрочные страдания, вызванные побочными эффектами гибернации, пока медицинская наука еще не нашла других средств. Основную часть пациентов составляли те, кто страдал от Гибернационного наркоза, а на втором месте шли жертвы критической потери мышечной массы и перераспределения солей кальция…»

«Краткая история «Гибер-теха», Рональд Фадж

Мне несказанно повезло, что я сделал то, что сделал, именно в тот момент. Меньше чем через минуту после того, как Токката превратилась в Аврору, в двери «Сиддонс» ворвались еще шесть сотрудников службы безопасности «Гибер-теха». Аврора с некоторым недоумением отнеслась к тому, что находится в чужой одежде в незнакомом месте, но, по-видимому, она уже успела к этому привыкнуть. Пока агенты «Гибер-теха» поднялись на девятый этаж, Аврора усадила

меня и засыпала вопросами о том, что со мной произошло.

— Когда Хук вез меня в «Гибер-тех», в безопасность, мы попали в засаду, — объяснил я, стараясь придать своим словам правдоподобность. — Он вышел в Зиму и не вернулся, я выхожу следом и обнаруживаю его, мертвого, но затем я теряю леер и добираюсь до… э… *музея*, там Дэнни Покетс, который на самом деле Хьюго Фулнэп, и он плетет всякий вздор насчет того, что сны введены мне в голову и нам нужен валик, мы идем в «Сиддонс», потому что Фулнэп убедил меня в том, что в 902-й комнате якобы есть какая-то машина сна, но один из ваших агентов убил Фулнэпа, а его, в свою очередь, убила… Токката.

Аврора беспокойно огляделась вокруг.

— Она здесь?

— Нет, — сказал я, — она ушла перед самым вашим появлением.

Аврора нахмурилась, и ее невидящий глаз завращался в глазнице.

— Она *постоянно* так делает. Ну почему?

Последнюю часть фразы она произнесла сердитым, испуганным голосом и до боли стиснула мне руку.

— Не знаю.

— Токката что-то задумала, — продолжала Аврора. — Она хочет моей гибели. С какой стати ей хотеть моей гибели?

Она опасно сверкнула на меня взглядом.

— Опять же не знаю.

Какое-то время Аврора пристально смотрела мне в лицо, затем, похоже, расслабилась.

— Расскажи мне о том валике, о котором упоминал Фулнэп.

— Я не могу сказать ничего определенного. Фулнэп не распространялся.

Один из агентов, спустившись по лестнице, что-то шепнул Авроре на ухо.

— Итак, та часть твоего рассказа, где ты говорил про Фулнэпа, правда, — сказала та. — Ты знаешь, чем он занимался в Двенадцатом секторе? Это имеет какое-то отношение к «Истинному сну»?

Я рассудил, что лучше продолжать разыгрывать из себя дурачка.

— Это выше моего интеллекта и размера жалования, — ответил я, уставившись в пол. — Я лишь Послушник, застрявший в незнакомом городе, страдающий от наркоза, подверженный странным сновидениям, которые я вижу в обратной последовательности.

Аврора снова долго разглядывала меня.

— Ну хорошо, — наконец сказала она, поднимаясь на ноги, — мы поговорим подробнее на досуге. Предложение работы в «Гибер-техе» по-прежнему в силе. Необременительные обязанности до тех пор, пока полностью не пройдут последствия наркоза. Согласен?

Я сказал, что согласен, и после того как меня обыскали на предмет наличия оружия, меня усадили в ждавший на улице Снегоход и повезли в «Гибер-тех». Буран не стихал, порывы ветра терзали маленькую машину, временами, казалось, налетая одновременно со всех сторон. Я сидел сзади, не имея никакого плана, — в последнее время мне довелось повидать столько планов, закончившихся ничем, и я больше не надеялся на то, что, если у меня будет какой-либо план, все пройдет хорошо. Но кое-чему я все-таки научился у Логана: ситуация может стремительно меняться, подобно мелькающему за окном пейзажу, поэтому нужно сохранять гибкость, позволяющую принимать решения на ходу, — и иметь перед собой четкую цель.

Четкая цель у меня была. И, как я уже говорил, пара козырей, припасенных в рукаве.

Мы скатились вниз по пандусу на подземную стоянку, вошли через ударопрочные двери в зда-

ние, поднялись на грузовом лифте и двинулись по коридору.

— Мы направляемся к лабораториям, где работают над проектом «Лазарь», — сказал я, внезапно вспомнив дорогу. — А как же насчет квартиры с видом на внутренний двор, щедрого питания, горячей воды в изобилии и слуги-лунатика?

— Всему свое время, — сказала Аврора. — Один человек хочет поговорить с тобой, прежде чем ты начнешь работать у нас. Кажется, у кадровиков это называется введением в курс дела.

Мы прошли в дверь с надписью «Проект «Лазарь». Лаборатория нисколько не изменилась по сравнению с предыдущим разом. Несколько раз повернув налево и направо, мы прошли во вращающиеся двери и снова оказались в круглом помещении, из которого отходили восемь коридоров, ведущих к камерам.

— Подожди здесь, — сказала Аврора и ушла.

Я постоял минут десять, затем меня вдруг осенило, что Бригитта может быть где-то поблизости, и я начал оглядываться по сторонам. Мой взгляд привлекла стеклянная дверь, за которой была комната с креслом, какие стоят в парикмахерских, над которым висел медный конус размерами с дорожно-заградительный знак.

— Напрасно говорят, что любопытство до добра не доводит, — послышался за спиной знакомый голос. — Любопытство — краеугольный камень, на котором основано это учреждение. Хочешь увидеть больше? Идем, я тебе покажу.

Это была Достопочтимая Шарлотта Гуднайт, и держалась она вполне дружелюбно. Открыв дверь, она прошла внутрь, кивком приглашая нас с Авророй последовать за ней. Я подчинился, с некоторой опаской. Когда я видел этот кабинет в предыдущий раз, на столе лежал лунатик, но сейчас он был пуст, выключенное устройство не подавало признаков жизни.

— Это Сомнограф модель IX, — объяснила Гуднайт. — Он способен записывать и воспроизводить сновидения.

— Вы умеете записывать сны? — спросил я, стараясь изобразить изумление.

— А то как же. В переоборудованном общежитии в конце коридора таких пятьсот. Я избавлю тебя от технических подробностей, но мы используем эти устройства, чтобы преобразовывать лунатиков, стирая у них в сознании их ограниченные навыки и записывая вместо них простые сны. Чем больше Штучек умеет лунатик, тем более сложным обязанностям его можно обучить.

— Если это ознакомление с основами работы компании, — заметил я, — то вы принялись за дело чересчур круто. По-моему, начинать следует с того, как обращаться с ксероксом и где хранится молоко, разве не так?

— Терпеть не могу дерзость, — сказала Достопочтимая Гуднайт, — но ты молод, поэтому я тебя пока что прощаю. На чем я остановилась? Ах да: хотя мы убеждены в том, что ты станешь продуктивным сотрудником компании, нам нужно убедиться в том, что ты понимаешь в полной мере, чем мы здесь занимаемся и какую политику лучше всего проводить, оставаясь в рамках морали.

Я промолчал. На самом деле я и не мог ничего сказать.

— Все мы маленькие шестеренки, Чарли, — подхватила Аврора, — и даже Достопочтимая Гуднайт, но большая машина работает благодаря тому, что мы прекрасно взаимодействуем друг с другом. И когда я говорю про большую машину, я имею в виду не династию Ферч Ллевелин, не Европию и не Северную федерацию, я имею в виду прогресс всего человечества. Вот в чем наша цель, Уортинг, она выше политики и рыночной стоимости корпорации. Ты понимаешь?

— Думаю, да, мэм, понимаю.

— Хорошо. Итак, почему ты предоставил прибежище Бригитте? И только не говори мне, что просто потому, что она умеет рисовать. Мы уже это проходили.

Какое-то мгновение я молча смотрел на нее. Если ты оказался в осином гнезде, наверное, лучше всего притвориться, будто ты тоже оса, или даже, если получится, здоровенный шершень. Этому меня научило общение с Гэри Финдли.

— Я считаю, что она по-прежнему жива, — сказал я, — обрабатывает мысли и воспоминания, оставаясь плененной в таком глубоком Состоянии сна, что это невозможно обнаружить. Мне доводилось слышать и о других похожих случаях, — добавил я, — анекдотических ситуациях, которые тем не менее убедили меня в том, что такое возможно.

Гуднайт и Аврора переглянулись.

— А ты проницательный наблюдатель, — заметила Достопочтимая, — что нам по душе. И ты прав — это нам уже давно известно. Но задумайся вот над чем: в конечном счете «морфенокс» в одной только Европии спас больше пятидесяти миллионов человеческих жизней, при этом породив всего около двадцати пяти тысяч ква-

зиразумных лунатиков. Ты слишком молод и не помнишь эпоху до появления «морфенокса», но тогда жизнь представляла собой непрерывный цикл смерти, потерь и застопорившегося технического и социального развития. Война велась не с Зимой, а с *потерями* — за те человеческие жизни, которые можно было не терять. И за многочисленные блага, принесенные «морфеноксом», пришлось заплатить.

Дальше продолжала Аврора.

— Мы видим в принесенных жертвах невоспетых героев гибернационной революции, безымянных храбрых солдат, павших на переднем крае борьбы с ужасами Зимы ради того, чтобы мы победоносно дошли до Весны. Эти простые граждане, эти лунатики погибли с честью, чтобы для нас мир стал лучше.

Эта позиция, хотя и не очень чистая в этическом плане, была вполне понятной. У жертв, у Лунатиков, в данном вопросе выбора не было.

— Ну а «морфенокс-Б»? — спросил я. — Что насчет него?

— Вот это *гораздо* интереснее, — сказала Аврора. — Высокая себестоимость препарата обусловлена требованиями к его чистоте, что позволяет удерживать количество лунатиков

на абсолютном минимуме. Но мы перевернули ситуацию с ног на голову. На самом деле чем *больше* лунатиков, тем лучше. Если упростить кое-какие моменты производственного процесса, вероятность отправиться в ночные скитания в случае применения «морфенокса-Б» возрастет с одной двухтысячной до одной пятисотой.

— При таких показателях в течение пяти лет объемы экономики, основанной на труде преобразованных лунатиков, достигнут 4,2 миллиарда евро, — продолжала Гуднайт, — причем это также будет сопровождаться разительными переменами в общественной жизни: нудная однообразная работа станет уделом тех, кто не понимает, чем занимается, и способен вкалывать по шестнадцать часов в день, ни на что не жалуясь. Производительность труда вырастет, цены снизятся, объемы производства продовольствия возрастут. А отработав свой год, лунатики будут отправлены на трансплантацию, что позволит многократно повысить качество жизни тысяч людей. Вот она, истинная вертикальная интеграция, Уортинг, — *использовать можно все, кроме зевка.* Это я придумала этот лозунг, — с гордостью добавила она. — По-моему, он как нельзя лучше передает суть дела, ты не находишь?

— Лучше всего то, — подхватила Аврора, — что с уменьшением Зимней убыли такие веселые заведения, как твой Приют Святой Гренеты, прекратят свое существование; бремя бесконечного деторождения останется в прошлом. Эта стратегия выигрышная во всех отношениях. Но, — продолжала она, — в нашей очень большой бочке меда есть одна маленькая-маленькая муха. Многоуважаемый Дон Гектор обнаружил способ возрождать лунатиков. Слава богу, его больше нет в живых, но он записал свой метод в кодированном виде на валик и передал его человеку, связанному с «Истинным сном». До тех пор пока местонахождение этого валика остается неизвестным, мы находимся в уязвимом положении, а нам не нравится находиться в уязвимом положении.

Обе умолкли, выжидающе глядя на меня.

— Вы хотите, чтобы я с вами согласился, — сказал я, — но я не могу. *Лунатики — живые люди.* И до тех пор, пока они такими остаются, нужно делать все возможное, чтобы их вернуть. Их нельзя убивать, нельзя расчленять. Ни ради какой цели, какой бы благородной она вам ни казалась.

— Осуждать со стороны очень легко, — снисходительным тоном промолвила Гуднайт, — но ты

должен понять, что мы слишком долго творили добро и теперь не можем допустить, чтобы плоды наших трудов были принесены в жертву на алтарь жалкой недалекой уравниловки. Достоинства «морфенокса-Б» многократно перевешивают недостатки, и мы приложим все силы к тому, чтобы…

— …чтобы обеспечить наиболее благоприятный исход, который удовлетворит большинство, — перебил я. — Знаю. Я уже много раз это слышал. А как вам нравится вот это: «Если перемены невозможны без несправедливости, значит, никаких перемен быть не должно»?

— Кто это сказал?

— Не помню. Кто-то известный. И так раздражает, когда это все-таки происходит!

— Юношеский идеализм, — презрительно фыркнула Гуднайт. — Мы не можем позволить себе неудачу. Мы слишком разрослись, слишком сильно интегрировались в общество. Сколько мы сделали, и сколько еще можем сделать. Сколько мы *сделаем!*

Какое-то время они обе молча смотрели на меня.

— Так что вам от меня нужно? — наконец спросил я.

Гуднайт смерила меня взглядом, затем встала и вышла, кивком пригласив нас следовать за собой.

Она подвела меня к камере 4-Х. Я догадался, кто в ней, но все равно заглянул в глазок. Бригитта лежала на койке, уставившись в потолок. Она чертила руками круги в воздухе, водя воображаемыми карандашами по воображаемой бумаге.

— Что вы намереваетесь с ней сделать? — спросил я.

— Пока что ничего, но она хороший кандидат на возрождение, а мы время от времени проводим соответствующие тесты. Как насчет того, если мы возродим Бригитту прямо сейчас? В обмен на валик? Она так и не узнает, что с ней произошло. Конечно, у нее будет отсутствовать большой палец, но это легко можно будет объяснить крысами, плесенью или чем там еще.

Тут мне нужно было очень хорошенько подумать. Я мог бы отдать валик, но у меня было сильное предчувствие, что как только валик окажется в руках у Гуднайт, все, кто имел к нему хотя бы самое отдаленное отношение, окажутся в выгребной яме, присыпанные тонким слоем извести.

— Я не знаю, где валик.

Достопочтимая Гуднайт склонила голову набок.

— В таком случае мы можем преобразовать Бригитту, — сказала она. — В списке она первая. Бригитта умеет делать очень сложные штучки, поэтому, вероятно, ее можно будет использовать для ввода простейших данных. Вся беда в том, один из ста лунатиков не переносит процедуру преобразования. Я вовсе не хочу сказать, что Бригитте не повезет, но, сам понимаешь, всякое может случиться.

Я понял истинный смысл ее слов. Я должен вести честную игру — иначе Бригитта умрет. Но опять же у меня не было никакой уверенности в том, что это не произойдет при любом раскладе.

— Не знаю, что вы хотите от меня услышать, — сказал я, — но валика у меня нет.

Достопочтимая Гуднайт снова долго молча смотрела на меня.

— Ты ведь не станешь мне лгать, правда?

— Вообще-то, если честно, я мог бы вам солгать, — сказал я, — в некоторых вопросах, насчет чего-то личного. Но только не в этом случае.

— Точно?

— Да.

— Это абсолютно приемлемо и понятно, — вне-

запно просияв, сказала Гуднайт. — Просто нам была нужна полная уверенность.

Еще раз улыбнувшись мне, она сказала, что «введение в курс дела» закончено, и попросила Аврору показать мне, где я буду жить.

Комната находилась недалеко от лаборатории, один лестничный пролет вверх и дальше по коридору. Я рассудил, что такое соседство было обусловлено не соображениями удобства, а технологичностью. Если Аврора и Гуднайт собираются удерживать меня в Пространстве сна, чтобы использовать методы активного вмешательства, для этого им потребуются специальные устройства.

Проводив меня в комнату, Аврора предложила мне устраиваться поудобнее, добавив, что мне предстоит оставаться здесь до тех пор, пока не будет установлена моя благонадежность.

— Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы в комплекс проникли сочувствующие «Истинному сну», ведь так? — со смехом сказала она. — Чтобы они донесли Кики или кому-либо еще.

Я согласился, что это было бы верхом глупости.

Аврора пожелала мне спокойной ночи и закрыла дверь, и послышался лязг засова. Я постоял, прислушиваясь к звуку удаляющихся шагов по

полированному паркету, затем бросил куртку на спинку стула и огляделся.

Квартира была просторная и теплая, опрятная. Две комнаты, на полу мягкий ковролин, все современные навороты. Странно, но я почувствовал тоску по Клитемнестре и очаровательному беспорядку 901-й квартиры «Сары Сиддонс». Пройдя в ванную, я включил душ и посмотрел в зеркало на следы от укусов, только один из которых воспалился. Выдавив из ранки гной, я промыл ее водкой, которую нашел в мини-баре. Приняв душ, я сменил все повязки, нашел махровый халат, забрался в кровать и обдумал свое положение. Первоначально мой план заключался в том, чтобы постараться как можно дольше не засыпать, закрывая «Гибер-теху» доступ в свое спящее сознание, но, подумав, я пришел к выводу, что эта стратегия, возможно, не является лучшей. Через два-три дня я все-таки неизбежно засну, но тогда я буду в плохом состоянии и не смогу сопротивляться действиям своих врагов. Будет лучше заснуть прямо *сейчас*, пока у меня еще есть силы, пока мой рассудок не затуманен усталостью.

Поэтому я погасил свет и уставился в потолок, стараясь заснуть. На это мне потребовалось око-

ло часа. Я почувствовал, как темнота в комнате сгущается, затем вспыхнул свет, потом меня поглотил непроницаемый мрак и…

Пространство сна

«…Сны – это не более чем случайные и абсолютно бесполезные выбросы сознания, беспорядочная смесь мыслей и воспоминаний, которая в спящем рассудке становится связным повествованием благодаря деятельности коры головного мозга, стремящегося построить порядок из хаоса. Бесполезная трата энергии, бесполезная трата умственной деятельности, истощение жировых накоплений, предназначенных для того, чтобы извлечь спящего из мрака…»

Заявление для прессы в связи с появлением «морфенокса», сделанное корпорацией «Гибер-тех» в июле 1975 года

Крики чаек я услышал еще до того, как увидел самих чаек, подчеркнутые равномерным гулом надвигающегося прилива и шумом ветра, свистящего в растяжках, крепящих дымовые трубы «Царицы Аргентины». Я вдохнул полной грудью насыщенный солью воздух, принесенный свежим бризом, наполненный терпким запахом

гниющих водорослей, выброшенных штормом на берег. Открыв глаза, я обнаружил, что снова на пляже в Розилли на Говере, передо мной остов выброшенного корабля, высокий и ржавый, на широкой полосе песка. Сон был *в точности* такой же, как и несколько предыдущих ночей.

Более реальный, чем реальность, за исключением одного: я был не Чарли Бригитты, я был *собой*, по-прежнему в махровом халате, покрытый следами от укусов, раскрашенный пятнами йода. Это был тот же самый сон, но только теперь я не управлял своими сновидениями, а подчинялся управлению извне. Я предположил, что это и есть Пространство сна.

Чарльз и Бригитта сидели под зонтиком, разговаривая вполголоса, время от времени они смеялись, гладили друг друга и целовались. Не стану притворяться, будто я не почувствовал ревность, ибо я ее почувствовал — тупую ноющую боль в груди.

Послышался звонкий смех, и мимо пробежала девочка, гонясь за большим мячом, а Бригитта и Чарльз обменялись своими признаниями в чувствах, как и прежде, как всегда, снова.

— Я тебя люблю, Чарли, — сказала Бригитта.

— Я тебя люблю, Бригитта, — сказал Чарли.

В мои мысли ворвался посторонний голос.

— Что это за место?

Обернувшись, я увидел Аврору. Она была в пестрой блузке и белой юбке, надетых поверх полосатого купальника. Загорелая, подтянутая, волосы более длинные, меньше тронутые сединой, откормленная, отчего вид у нее был более здоровым, чем у той тощей зимовщицы, которую я знал. Наверное, в Пространстве сна человек может по желанию подкорректировать свой образ. Аврора была при оружии, на поясе «Колотушка», а невидящий левый глаз беспорядочно метался в глазнице.

Аврора с любопытством огляделась по сторонам, словно случайно наткнулась у себя на кухне на новый шкафчик и пыталась понять его предназначение.

— Это полуостров Говер, — сказал я. — Блистательные выходные, вспоминаемые с любовью. Место, где хорошо бывать в задумчивом настроении, куда можно бежать от действительности, где можно отдохнуть душой и телом.

— Очень романтично, — ответила Аврора. — Зонтик я помню. Это сон одного санитара, которого мы допрашивали после исчезновения валика. Как там его звали?

— Чарльз Уэбстер.

— Точно! — щелкнула пальцами Аврора. — Уэбстер. Насколько я помню, это ничего не дало. В таком случае, зачем мы здесь?

— Это тот сон, который вы на протяжении нескольких последних ночей проецировали в мой спящий рассудок в «Саре Сиддонс», — сказал я, — из соседней комнаты номер 902, через стену.

— Нет, тебе досталась в полное распоряжение свежая запись сна Дона Гектора, — ответила Аврора. — Нам приходится постоянно их менять, потому что они изнашиваются после пяти-шести воспроизведений — поверхность царапается, пропадают детали.

Я пожал плечами.

— Я знаю только то, что мне снилось, будто я Уэбстер на Говере, затем отсюда я попадал к синему «Бьюику».

Аврора нахмурилась, потом лицо ее озарилось догадкой.

— Одним резким скачком?

— Да, — подтвердил я, — одним резким скачком.

— Такое происходит впервые, — сказала она, не скрывая своего изумления. — Мы записываем сны на восковых валиках, поскольку никто так

и не усовершенствовал изобретение Эдисона. Но есть и другая причина, чисто техническая. Попробуй догадаться сам, какая.

— Понятия не имею.

— А вот какая: на каждом валике записано около восьми минут сна. Запись снов, приснившихся в течение одной ночи, занимает от двадцати валиков и больше. Мы храним сны Дона Гектора — в архиве их около семисот, — но мы не можем хранить все сны, поэтому сны тех, кто не представляет для нас никакой ценности…

— …стираются, — закончил за нее я.

— Совершенно точно, — подтвердила Аврора. — И тот, кто в тот день занимался стиранием, выполнил свою работу халатно, оставив в начале валика остатки снов этого Уэбстера.

И тут я все понял. Все то, что я знал о Бригитте и Чарльзе, я получил от полудюйма блестящих голубых бороздок в начале одного-единственного воскового цилиндра. Если бы не это случайное совпадение, которое свело вместе меня и этот валик, встреча с Бригиттой под машиной в лучшем случае показалась бы мне странной, и я вряд ли вмешался бы, когда Аврора собралась отправить ее на покой. Если бы Бригитта не стала женщиной из моих снов, сейчас ее бы уже не было в живых.

— Я прослежу за тем, чтобы этот валик выбросили на помойку, как только мы закончим, — сказала Аврора. — Ну а теперь ты знаешь, зачем я здесь?

— Вы хотите узнать, где находится валик.

— В самую точку. Ты мне это скажешь?

— Я не знаю, где он.

— Лжец из тебя плохой, Чарли. Я работала в Пространстве сна, когда ты еще не вылупился из яйца, и я свое дело знаю. Когда человек видит свои собственные сны, у него есть власть над ними, однако сейчас мы с тобой равны: мы оба актеры в чужом сне. И я могу подстроить этот сон так, как хочу, могу подстроить *тебя* так, как хочу. Я могу вытянуть у тебя из подсознания то, что ты не хочешь раскрывать, и могу даже просто вытащить полностью из тебя сознание, и ты станешь таким же, как этот придурок санитар, ничуть не лучше, чем лунатик. Повтори, как его фамилия?

— Уэбстер.

— Спасибо. Итак… на чем я остановилась?

— Кажется, на том, чтобы вытащить из меня сознание, и тогда я стану таким, как Уэбстер?

— Да — годным только на то, чтобы управлять гольфмобилем. Итак, предлагаю тебе сделку: ты говоришь нам, где валик, а мы возрождаем Бри-

гитту, и вы возвращаетесь в страну живых. Как тебе это нравится?

Я оглянулся на пляж, на «Царицу Аргентины» и оранжевый с красным зонтик.

— Если я не согласился на сделку, предложенную Гуднайт, почему вы думаете, что я соглашусь на вашу? К тому же ни про какой валик я ничего не знаю.

Внезапно налетел порыв ледяного ветра, и над песком закружились снежинки. Появившийся фотограф предлагал свои услуги Бригитте и Чарльзу, как и прежде.

— Вот видишь? — усмехнулась Аврора. — Подсознательное признание. Ты *скажешь* мне правду. Когда тебе задают вопрос, трудно не думать о нем. Ну что, ты остался в дураках?

— Я ничего не знаю.

Аврора шагнула ко мне, и совершенно внезапно она стала втрое выше ростом. У меня защемило в груди, и на какое-то мимолетное мгновение я подумал, что сейчас проснусь и окажусь в безопасности, вдали от всего этого, однако Аврора схватила большим и указательным пальцами меня за ухо и выкрутила его с такой силой, что я вскрикнул от боли.

— Итак, — сказала она, — прежде чем я *по-на-*

стоящему примусь за тебя, даю тебе последний шанс: говори, где валик!

Аврора наклонилась ко мне, и ее зубы превратились в острые бритвы. Мне вдруг вспомнилась сестра Зачатия, которая ради хохмы обтачивала себе зубы напильником до тех пор, пока мать Фаллопия ей это не запретила.

Стараясь не обращать внимания на боль, я закрыл глаза, сосредоточился и отпрянул от Авроры, покидая пляж, покидая сон. На мгновение я почувствовал, что нахожусь в своей комнате в «Гибер-техе», а надо мной склонились два техника, и вот я уже стою рядом с синим «Бьюиком» под лазурным небом, рядом накрыт столик для пикника, вокруг раскидистого дуба навалены камни. А на них сидит Дон Гектор. Старый, седой, уставший. Никаких рук вокруг нет, кроме моих и его, нигде нет и Авроры. Ей еще нужно меня найти.

Старик едва заметно кивнул, и я подошел к нему, чувствуя на коже тепло солнца. Дон Гектор ел сандвич, на камне стоял бокал с шампанским, в золотистой жидкости поднимались пузырьки. Все детали на месте. Фактура, запахи, звуки.

— Это твой сон или мой? — спросил Дон Гектор, обводя вокруг рукой.

— Ваш, — сказал я, — может быть, с легкой примесью моего.

Улыбнувшись, он похлопал по камням, на которых сидел.

— Ты знаешь, *почему* все эти камни навалены у дерева?

— Я уже давно ломаю над этим голову.

— Когда-то крестьяне распахивали поля, — ответил Дон Гектор. — Наткнувшись на большой камень, они выкорчевывали его из земли и выбрасывали. Обыкновенно на край поля, однако если посреди поля росло дерево, оно и становилось местом сбора камней. Эта груда камней является свидетельством тяжкого труда, покрытым лишайником памятником крестьянского быта до появления механизации.

— Валик у меня, — сказал я, — но я не знаю, что с ним делать.

— Ты должен передать его Кики.

— Я и *есть* Кики.

— В таком случае мое дело сделано, моя миссия завершена.

— Да, но что теперь делать *мне?* — спросил я. — Я почти ничего не знаю!

Дон Гектор посмотрел на меня, затем улыбнулся.

— Верни всех назад, — сказал он, — верни домой.

— Хорошо — но как?

— Думаю, ты это уже знаешь. Удачи тебе, Чарли!

Ба-бах!

Резкий удар сбил Дона Гектора с груды камней и бросил на землю. Дернувшись раз, он застыл неподвижно. Обернувшись, я увидел Аврору с «Кувалдой» в руках. Вид у нее был не очень радостный. Нет, сотрите последнюю фразу: Аврора была в ярости.

— Думаешь, я никогда раньше не бывала в Пространстве сна? Думаешь, что сможешь меня перехитрить? Да у меня за плечами тысяча четыреста часов сна, Кривой, и я вытаскивала самые сокровенные тайны из голов покрепче, чем твоя!

Я нисколько не испугался. Один раз я уже ускользнул от Авроры, ускользну и еще.

— Вы убили Дона Гектора в реальном мире, ведь так?

— Он перестал понимать, какую полезную работу мы ведем, — сказала с полуулыбкой Аврора, — и мы почувствовали, что он вместо того, чтобы приносить пользу, начал приносить один только вред. Польза — хорошо, вред — пло-

хо, — добавила она на тот случай, если я упустил главную мысль.

— Возрождение лунатиков — это лишь начало, — сказал я. — Дон Гектор довел до совершенства новый «морфенокс», не имеющий побочных эффектов, дешевый в производстве. Он собирался обнародовать данные о своем открытии. Никаких тайн, всеобщая доступность «морфенокса». Люди с низкими доходами, Оттоманы, зарождающийся Южный альянс — все получили бы препарат. Глобальная гибернационная деревня, все равны в сне, все равны в общественном положении.

Аврора молча смерила меня взглядом.

— И что с того? — наконец сказала она. — Тебе не с кем этим поделиться, значит, можно считать, ты ничего не узнал. Итак, где валик?

Полностью сосредоточившись, я снова переместился — на этот раз в заброшенный Морфелей, запущенный, покрытый плесенью, каменные своды, грязь и нанесенные ветром листья. Уэбстер в халате санитара и возвратившийся Дон Гектор посмотрели на меня как-то странно, словно меня не должно было здесь быть. Сказать по правде, меня здесь и не было. На самом деле я был сам по себе: все это было плодом моего воображения. Я сам определял, какой сон мне снится, сам

выбирал, куда пойти. «Активное управление» от первого лица, но больше не привязанное к конкретному сновидению. *Вольный художник.*

— Привет, Кривой, — весело произнес Уэбстер. — Я слышал, ты помог Бригитте.

— Можно было бы сделать это и получше.

— Знаешь, то же самое могу сказать про себя.

Вдруг он обернулся и увидел Дона Гектора, и у него на лице мелькнула паника.

— Нет, нет, нет! — воскликнул Уэбстер. — Именно этого добивается Аврора! Привязать ко мне Дона Гектора. Уходи куда-нибудь в другое место или просыпайся! Уходи, ну же, *уходи!*

Но я опоздал. В луче света, проникающего сквозь отверстие в своде над алтарем, стояла Аврора, властная, надменная.

— Значит, это все-таки был Уэбстер, — сказала Аврора, бросив взгляд на Уэбстера и Дона Гектора, затем на меня.

Я попытался снова ускользнуть, но Аврора схватила меня за руку и заломила ее за спину. Я догадался, что этот прием предназначен для того, чтобы надежно задержать жертву — затопить ей сознание болью, чтобы она не могла сосредоточиться.

— Я в восхищении, — сказала Аврора. — У тебя

от природы дар видеть сны; мне потребовались годы на то, чтобы овладеть тем, что ты делаешь.

Она подняла голову и заговорила. Я догадался, что такие агенты, проникающие в сон, работают парами — один находится в Пространстве сна, а другой остается в реальном мире и следит за тем, что скажет первый. Я мысленно представил себе Аврору, лежащую на койке в «Гибер-техе», где-нибудь недалеко от меня, и бормочущую во сне.

— Так, связником Дона Гектора все-таки был Уэбстер, — сказала Аврора. — Выясните, где он жил, и пошлите туда людей.

Я вырвался из ее рук. Как только боль прекратилась, я смог сосредоточиться, и тотчас же в открытую дверь хлынули маленькие обнаженные руки, суетясь, толкая друг друга, падая в своем стремлении быстрее проникнуть внутрь. Руки устремились было к Авроре, но та бросила на них всего один взгляд, и они мгновенно превратились в опавшую осеннюю листву.

— Это еще что такое? Любительское представление? Итак, пока я не навлекла на тебя все мыслимые ужасы: где — Уэбстер — спрятал — валик?

— Кривой, не ходи туда! — крикнул Чарльз.

Но, как я ни старался, у меня ничего не получи-

лось. Вдруг я очутился в фойе «Геральда», в кресле напротив Зазы, подозрительно покосившейся на меня.

— Мы знаем одну укромную ферму в Линкольншире, — начала она, — где живет миссис Бакли…

— Да, знаю, — перебил ее я. — В июле там созревает горох.

Открылась входная дверь. Обернувшись, я увидел, что это опять Уэбстер. Одежда другая, лицо то же самое. Все мои сны нахлынули разом, перемешиваясь между собой.

— Аврора ни в коем случае не должна найти валик! — воскликнул Уэбстер, с тревогой озираясь вокруг. — Даже не думай о нем! Больше того, *не думай даже о том, чтобы думать о нем!* Думай о «Бонанца».

— О «Бонанца»?

— Или о «Сыромятной плети». Неважно. Кирпичная стена, креветка, Эд Ирдон, «Мотт де Хупл», «Зелене жито» [147], Йоркский кафедральный собор. Думай о чем угодно, только чтобы не впустить ее в сознание.

В фойе вошла Аврора, разговаривающая со

[147] Примечания: 147

Эд Ирдон — герой популярного радиосериала, выходящего на Би-би-си; «Мотт де Хупл» — британская рок-группа, выступает с 1968 года; «Зелене жито» — украинская народная песня.

своим невидимым напарником.

— Это «Геральд Камбрийский». Недоумок с кривой рожей привел нас прямиком сюда. Это уже мое две тысячи семисотое вторжение, — добавила она, направляясь ко мне. — Мне приходилось отлавливать тех, кто спасается бегством, пытается сбить с толку и направить не в ту сторону, даже тех, кто возводит новые вселенные, меняет свою форму и постоянно отклоняется от темы. Ничего этого ты не умеешь. Ты просто скачешь с места на место, оставляя такой явный след, что идти по нему смог бы и дилетант. Итак: где валик?

— В прачечной.

— Этот ответ ты выдал *слишком* легко. Повторяю: где валик?

Очень трудно не думать о том, о чем ты усиленно стараешься не думать. Я попытался перебросить нас куда-нибудь в другое место — обратно на Говер, в «Уинкарнис», на ранчо «Желтая сосна», в последний Обжорный четверг в Приюте, но сделать это оказалось непросто, и меньше чем через минуту мы очутились в комнате, где жил Чарли Уэбстер.

— Вот видишь? — сказала Аврора. — Все может быть совершенно безболезненным. И знаешь что? Мне даже не нужно заставлять тебя сказать,

где валик. Тебе достаточно будет просто о нем подумать. И рано или поздно это произойдет. Комната 106, — обратилась она к своему напарнику. — Отправьте туда команду.

Чтобы отрезать Аврору, я усиленно сосредоточился на первой случайной мысли, пришедшей в голову: Билли Дефройд нашел в саду за Приютом лунатика. Яблони еще стояли без листьев, каменная ограда частично обвалилась под тяжестью снежных наносов, на земле остатки снеговиков, которые всегда тают в последнюю очередь. Лунатик, мужчина средних лет, умирающий с голода, бормотал что-то невнятное.

— Спрятан в дымоходе? — усмехнулась Аврора, когда эта мысль непрошено появилась у меня в голове. — С какой стороны? Неважно, ты только что об этом подумал. — Она передала информацию напарнику: — В дымоходе, слева…

Остановившись, Аврора оглянулась на меня, затем шагнула ближе и пристально посмотрела мне в глаза.

— Отставить. Валик в кассах парка развлечений позади музея.

Еще секунда — и мы оказались в помещении касс, пыльный пол усеян рекламными проспектами прошлогодних развлечений, температура

минус двадцать, сквозь залепленные снегом окна пробивается жалкий свет.

— Нижний ящик стола, — торжествующе усмехнулась Аврора.

Я прислонился к стене рядом с дверью, затем сполз по ней и уселся на полу, обхватив руками голову.

— Может быть, я блефовал, — подавленным голосом пробормотал я, дрожа от холода. Мое дыхание вырывалось белыми облачками. — Быть может, там ничего нет.

— Хороший финт, — согласилась Аврора. — Я едва было не купилась на твой рассказ про «Геральда». Вот где решающее значение имеет опыт. Помогающий интуитивно почувствовать, когда человек врет.

Расслабившись, она рассмеялась и опустилась на подвернувшийся кстати стул. А тем временем в реальном мире агенты «Гибер-теха», борясь с бураном, пробирались к кассам.

Достав из кармана металлическую фляжку, Аврора отхлебнула глоток.

— Вообще-то, я больше не пью, — объяснила она, — однако здесь я вольна делать все, что угодно. Во сне нельзя напиться по-настоящему, а жаль.

Аврора предложила фляжку мне, но я покачал головой, и она убрала ее в карман.

— Из тебя бы получился хороший аналитик, разбирающийся в сновидениях, — тихим, задушевным голосом произнесла она. — Действуешь ты неуклюже и порывисто, но у тебя есть истинное чутье.

— Если я соглашусь работать на вас, — сказал я, — вы возродите Бригитту?

— Думаю, этот поезд уже уехал, хвастун. Нужно было договариваться, пока у тебя была такая возможность. Но, черт возьми, жизнь полна разочарований. Точнее, *твоя* жизнь полна разочарований. Моя, наоборот, необычайно богатая.

— Что насчет Токкаты? — спросил я.

Невидящий левый глаз Авроры выкрутился в глазнице и уставился на меня.

— Что насчет нее?

— Как вы думаете, вам когда-нибудь удастся смириться с тем, что на самом деле вы с ней — один и тот же человек?

Внезапно оба ее глаза угрожающе сверкнули, и у меня возникло странное ощущение, будто она смотрит на меня совершенно нормально. Но затем левый глаз, поблуждав, уставился в потолок, и Аврора снова стала самой собой.

— Тебе следует перестать слушать теории заговоров Шамана Боба, — презрительно фыркнула она. — Мы с Токкатой — один и тот же человек? Бред какой-то.

Однако от меня не укрылось то, что она в замешательстве.

— Когда вы в последний раз видели Токкату во плоти? — настаивал я. — Больше того, вы *вообще* когда-либо видели ее во плоти?

— Нет, — медленно промолвила Аврора, — но если так рассуждать, я могу быть любым из тех, кого никогда не встречала. А таких миллионы. Что насчет тебя? Ты когда-нибудь встречался с Кармен Мирандой? Я хочу сказать, лицом к лицу?

— Ну на самом деле встречался.

— Ладно, неудачный пример. Как насчет Дилана Томаса?

— Нет.

— Тогда почему ты не можешь одновременно быть и им, и самим собой?

— Может быть, потому что он уже умер?

— Ну хорошо, пожалуй, опять неудачный пример. Послушай, я не виновата в том, что Токката такая трусливая и упорно избегает встречи со мной…

Ее прервал стук в дверь касс. Аврора прищурилась.

— Не вздумай никаких глупостей, Кривой.

— Я тут ни при чем, — сказал я.

И это действительно было так — это была мерцающая миссис Несбит. Однако она пришла сюда не для того, чтобы рекламировать товар, она принесла новости из окружающего мира, и я сразу же догадался, в чем дело. Я заблаговременно попросил доктора Гуинна выделить один разрушительный заряд «Голгофы», чтобы установить его в кассах, соединив взрыватель с нижним ящиком стола.

— Трое убитых, один пропал без вести, и второй уничтоженный Снегоход за один вечер, — через миссис Несбит доложила Гуднайт. — Нам нужно повысить ставки; если ты сомневаешься, что это тебе по силам, применяй метод 110-Б. После него язык развязывается у всех.

Я повернулся к Авроре. Подобно всем, кто обладает силой и властью, она была раздосадована не столько самой неудачей, сколько тем, что ее перехитрили. Разом валик отошел на второй план; теперь речь шла только о том, чтобы одержать победу, и наше противостояние приобрело личный характер.

— Я же говорил вам, что валика там нет, — безмятежно произнес я.

— Ты меня *обманул,* — сказала Аврора, — устроил карусель в «Геральде», чтобы скрыть от меня то, что ты разматываешь ложное повествование. Вынуждена признать: ты настоящий мастер. Но это не меняет конечный исход, а лишь оттягивает его. Нам нужен валик, и теперь мы начинаем жесткую игру. Тебе никогда не хотелось узнать, каково это — быть съеденным живьем лунатиками?

— На этот вопрос вынужден ответить отрицательно.

— Они вонзят ногти в мягкие ткани живота, — продолжала Аврора, — и выпотрошат тебя, пока ты еще будешь дышать. Этот кошмар не похож ни на что другое: мы называем его Ночным ужасом 110-Б. Вот как это работает: я сделаю так, чтобы тебя пожирали живьем час за часом, ночь за ночью, неделя за неделей, столько, сколько потребуется. Знаешь, каков рекорд? Как долго максимально продержался допрашиваемый?

— Двенадцать раз?

— Сорок семь. Но мы решили, что он ничего не знает. Это ведь был простой санитар. Напомни, как его фамилия?

— Уэбстер.

— Точно. Должно быть, он был из крепкой породы, раз смог вынести *такое.* Таких единицы. Итак, ты готов?

Аврора не стала ждать ответ, и внезапно мои ноги оказались прикованы к земле двумя глыбами прозрачного льда. Я увидел за окном касс мелькнувшую тень, затем другую. Лунатики на улице тихо шептали себе под нос, хрустел кубик Рубика, Блестящая Диадема перебирала вслух список продуктов для блюда, которое ей так и не суждено было приготовить. Те же самые ощущения я испытывал, когда лунатики в реальности напали на меня в «Геральде» — тупой беспомощный ужас, от которого бросает в жар, прошибает пот и накатывается тошнота. Я поежился, увидев, как лунатики проходят в дверь, кто-то перелезает через стены, а один ползет под потолком.

— Я готов на сделку! — воскликнул я.

— Время переговоров закончилось, Чарли. Чем быстрее ты скажешь, где валик, тем быстрее все это закончится. Закончится навсегда. В соседнем помещении один мой агент готов зажать твою никчемную кривую рожу грязной подушкой, как только я проснусь и отдам приказ. Это будет небыстро, но зато окончательно. И ты *скажешь,*

где валик. Не выдерживал никто.

— Кроме Уэбстера, — напомнил я.

— Да, хорошо, *кроме* Уэбстера, — раздраженно согласилась Аврора. — В будущем мы доведем этот метод до ста повторов. Век живи — век учись. Итак: тебя сожрут живьем один раз, два, тридцать — в любом случае в конце ты умрешь, а мы получим валик. Выбор за тобой.

Лунатики снова пришли в движение, медленно, расчетливо, издавая отвратительные чавкающие звуки. Я попытался перепрыгнуть в огненную долину, но не смог. Я упустил из внимания то, что был худой и уставший и находился под воздействием наркоза. Аврора, напротив, была на пике формы. До ближайшего лунатика оставалось не больше пары шагов: ногти, зубы и неуемный голод; но тут снова заговорила Достопочтимая Гуднайт.

— Кое-что произошло, — сказала она через мерцающую миссис Несбит, и Аврора подняла руку.

Лунатики разом застыли на месте, продолжая смотреть на меня голодными глазами.

— Наша команда вошла в «Геральд», и выяснилось, что Чугунок вовсе не был заглушен, — продолжала миссис Несбит. — Там внутри около тридцати лунатиков.

Аврора посмотрела на меня.

— Джонси и Токката, — правильно прочитала мои мысли она. — Забирайте всех лунатиков и немедленно отправляйте их на преобразование. Нет, подождите. Безопаснее будет просто отправить их на покой — вместе с Бригиттой и Уэбстером. Нельзя рисковать: вдруг кого-либо из них возродят.

И в этот момент я сломался. Я подумал о том, как поступил с валиком, и Аврора тотчас же за это ухватилась.

— Комната привратника на первом этаже! — торжествующим голосом воскликнула она. — В воздуховоде, за сеткой защиты от грызунов!

Аврора передала эту информацию Гуднайт, и миссис Несбит подтвердила, что все поняла, после чего спросила у Авроры, не пора ли ей вернуться, отправить Уортинга на покой и немного отдохнуть.

— Я доведу это дело до конца, — ответила та. — Я хочу показать Кривому, что происходит с теми, кто выводит меня из себя. К тому же это будет весело. До встречи.

Гуднайт согласилась, и мерцающая миссис Несбит исчезла.

— Ну а теперь, — сказала Аврора, — согласись,

это было совсем нетрудно, правда? Если бы ты сказал правду раньше, ты, возможно, остался бы в живых. Управлял бы гольфмобилем, с мертвым мозгом, но был бы живым.

— Даже если мне будет суждено прожить еще тысячу лет, — сказал я, — я никогда больше не встречу такого гнусного человека.

— На самом деле это очень смелое обещание, — усмехнулась Аврора. — «Гибер-тех» большая организация, и я всего лишь один мускул, выполняющий мерзкую работу, которую нужно выполнять. Кто хуже? Чудовище, которое делает, или чудовище, которое определяет политику и отдает приказания?

Вероятно, к этому моменту мне уже было все равно. По щекам у меня потекли слезы отчаяния, которые замерзали, не успев долететь до земли. Я потерпел неудачу — *опять*. Подняв взгляд, я увидел, что лунатики возобновили свое медленное продвижение вперед. Их было человек десять, и все облизывали пересохшие губы, глядя на меня. У кого-то отсутствовали части тела, все были в лохмотьях, и зловоние гниющей плоти смешивалось с запахами немытых тел и испражнений. Я попытался высвободить ноги, но не смог. Ближайший лунатик задрал на мне халат

и провел грязным ногтем по моему животу. Я что есть силы ударил его в голову, но с таким же успехом можно было ударить мяч для боулинга, и я только разбил кулак.

Закрыв глаза, я стал ждать свою судьбу. Если Уэбстер смог это вынести, смогу и я.

Я внутренне собрался, но ничего не произошло. Через какое-то время я с опаской открыл глаза и увидел, что касс больше нет; мы стояли на ровном ковре глубокого снега, заглушающего звуки, и во все стороны простиралась безликая белая пустота. Лунатики не обращали на меня никакого внимания, напуганные чем-то скрывающимся в буране, подобно тому, как стая волков-падальщиков пугается охотников. Через считаные мгновения лунатики бросились врассыпную, скрываясь в белой пелене, и мы с Авророй остались совершенно одни.

— Еще одна твоя штучка, Уортинг?

— Нет, — ответил я, также полностью сбитый с толку, — я тут ни при чем, клянусь.

Оба мы всмотрелись в однообразную пустую белизну вокруг, но не увидели ничего, кроме гладкого снежного покрывала и мягко кружащихся снежинок. Я сделал шаг назад — лед, сковывавший мне ноги, растаял.

Аврора выхватила «Колотушку», однако невидимая рука вырвала у нее оружие и отшвырнула в сугроб. Аврора смотрела на меня, я смотрел на нее, и тут в бездонной пустоте прозвучал негромкий детский смешок.

— Что это было? — встрепенулась Аврора.

Внезапно налетевший порыв ветра вихрем закружил падающий снег.

— Это Грымза, — просто ответил я.

— Никаких Грымз не существует, Уортинг.

— Я сначала тоже так думал, — сказал я, — но за то время, что я провел здесь, я кое-что уяснил. Зимний люд обладает полной свободой перемещения в наших снах, передвигается от одного человека к другому, подобно тому, как в доме мыши бегают под полом. Зимний люд не торопится, выжидает, после чего обрушивается стремительной лавиной, делая правое дело по отношению к неправым.

Аврора злобно сверкнула глазами, но, кажется, она поняла, что я говорю правду.

— Мы можем сразиться с ней вдвоем, — сказала она, — совместными усилиями мы одержим верх.

— Мне не нужно защищаться от Грымзы, — сказал я. — Я ей не нужен — и *никогда* не был нужен.

Она пришла за тобой: за самым лакомым куском на всем блюде Двенадцатого сектора.

Аврора посмотрела на меня, затем устремила взгляд в размеренно падающий снег. Снова прозвучал звонкий смех, и Зима раскрылась, готовая питаться стыдом виновных. Я почувствовал, как острая льдинка пронзила мне сердце — это Зима приняла меня в свои объятия; затем у меня на глазах у Авроры с плеч сняли бремя ее прегрешений, подобно тому, как у несчастного путника можно отобрать все его внутреннее тепло. Все до одного убийства, всю ложь, все допросы. На ее лице страх сменился осознанием содеянного, затем сожалением, раскаянием, чувством вины, наконец… *стыдом.*

— Боже милосердный, — прошептала Аврора, прикрывая рукой рот, — *что я натворила?*

И как только она полностью осознала истинный масштаб своих прегрешений, она исчезла. Снова наступила полная тишина, мягко падал снег, воздух стал свежим, спокойным.

Я недолго оставался один. Почувствовав, как маленькая рука схватила меня за руку, я опустил взгляд. Рядом стояла улыбающаяся девочка, в купальнике, с большим мячом, и снежинки, опускаясь ей на щеки, тотчас же таяли.

— Привет, Гретель, — сказал я.

— Привет, Чарли, — ответила девочка. — Ты же знаешь, она была виновной.

— Знаю.

Она снова сжала мне руку.

— Ты мудрый и благородный, Чарли, и это выходит за рамки понимания. Очень важно, чтобы ты это знал.

— Спасибо, — сказал я, — но я так не считаю. «Гибер-тех» собирается удалить на покой всех лунатиков из «Геральда», в том числе Бригитту и Уэбстера. Меня убьют во сне, как только выяснится, что Аврора исчезла или убита, или как там это происходит, а мой план возрождения лунатиков был основан на том, что я останусь в живых.

— Возможно, тут нам удастся кое-что предпринять, — сказала Гретель. — У меня такое чувство, что Аврора умерла не совсем, как ты думаешь. Вот почему я не забрала у нее одежду и мизинец. Все это ей еще понадобится. Вот она.

Из снега к нам шагнула фигура. Я узнал ее не по чертам лица, а по походке. Токката была здорово перепугана и немного сбита с толку. На самом деле, *здорово* сбита с толку.

— Странное у меня чувство, — сказала она, пристально глядя на меня обоими глазами, — как

будто я очнулась от совершенно дикого и неприятного сна.

— Нет, пока что вы еще не проснулись, — поправил ее я, — но скоро проснетесь. И вам предстоит сделать одно-два неотложных дела.

Токката склонила голову набок.

— Это связано с тем, чтобы завалить «Гибертех»?

— Связано.

— В таком случае я тебя слушаю.

Пробуждение

***Кики** (сущ.) – существо из гибернационной мифологии Центрального Уэльса. Добрый Зимний дух, проявляющийся в Состоянии гибернационного сна; считается, что он хранит неопытного спящего, не позволяя ему провалиться слишком глубоко в бездну гибернации. (См. также легенды: Грымза, Злосон, Недоносок, Термозавр.)*

В отчаянной попытке первыми отчеканить громкий заголовок пресса окрестила случившееся «Валлийским чудом», «Волшебством болот» и «Сенсацией Двенадцатого сектора». Однако в конечном счете это оказалось бесполезно. В истории и медицине это известно просто как «Пробуждение».

Общим счетом в Двенадцатом секторе находился шестьдесят один лунатик, и вдруг все они проснулись, один за другим, с промежутком в пять и три четверти минуты; это продолжалось непрерывно на протяжении шести часов. Из них пятерым предоставляли прибежище в раз-

личных местах Сектора, восемь по-прежнему бродили по улице, двенадцать находились в лабораториях преобразования «Гибер-теха», а тридцать шесть человек, впечатляющее число, по каким-то необъяснимым причинам собрались в Дормиториуме «Геральд Камбрийский».

— Вот я уютно свернулся калачиком в Порт-Талботе, собираясь заснуть, — объяснял один, — а в следующее мгновение уже бродил по ледяным пустырям Двенадцатого сектора, закутанный в расшитую золотом штору.

Другой лунатик очнулся на операционном столе, где его уже собирались разделать, еще одна женщина заявила, что, как ей кажется, «проспала пять лет, и все это время за ней ухаживал ее муж, который погиб, заглушая перегревшийся Чугунок. Ничего этого я не знала, — добавила она, — до тех пор, пока не очнулась, сидя за рулем гольфмобиля в «Гибер-техе».

Бессмысленное блуждание оставило многочисленные физические следы: мириады царапин, обморожений, отсутствующих пальцев, а в некоторых случаях недостаточного или даже неправильного питания: у одного лунатика, не пожелавшего назвать себя, из желудка извлекли два фунта ковровой подстилки, а также куски

автомобильной покрышки, семнадцать пуговиц — все синего цвета — и частично переваренные черепа трех кошек. Однако последствий психологического плана, к счастью, было немного: практически все проснувшиеся описывали пережитое как что-то похожее на зимнюю спячку, чем технически и являлось это состояние, но с туманными, полузабытыми воспоминаниями о том, что могло с ними происходить, и любовью к сырым потрохам и недожаренной свинине.

Самой знаменитой из пробудившихся была звезда эстрады Кармен Миранда, возглавившая, несмотря на свой преклонный возраст, кампанию, требующую от правительства провести всесторонние изучения потенциально опасных побочных последствий «морфенокса».

— Несмотря на обширные исследования, мы *абсолютно* не понимаем, как и почему такое могло произойти, — заявила Достопочтимая Гуднайт во время редкого телеинтервью через четыре недели после Пробуждения, — и хотя теоретически можно рассуждать, что и остальных лунатиков потенциально можно было возродить, нет никаких доказательств этого. Очевидно, мы несказанно обрадованы этим беспрецедентным событием и в настоящее время проводим широ-

кое изучение проблемы. Мы готовы к полному сотрудничеству с правительственной комиссией и уже прекратили продажу «морфенокса».

На самом деле этого следовало ожидать.

Скандал получился слишком большим, и «Гибер-тех» уже не мог скрыть произошедшее. Но в конечном счете мастерски состряпанное изумление, четко срежиссированное недоумение, фальшивая радость, подобающий самоанализ и напускное раскаяние помогли одержать победу. После Весеннего пробуждения эта тема почти месяц не сходила с первых полос, но затем уступила место более насущным вопросам, таким как уточненные данные об убыли, леденящие душу новые свидетельства эффекта глобального климатического «снежного кома» и, разумеется, победитель очередного конкурса «Не перевелись еще таланты в Альбионе»: мопс, одетый клоуном, умеющий лаять «Ламбетский вальс».

Я встретился с Токкатой в «Уинкарнисе» через три дня после того, как Аврору забрала Грымза. Токката уже подала в отставку с постов главы Консульского отдела и службы безопасности «Гибер-теха».

— Я не могу бесконечно притворяться, будто я — два разных человека, — сказала она. — К тому

же невозможно скрывать то обстоятельство, что теперь мне необходимо спать.

— На что это похоже? — спросил я.

— Это… *бесподобно!*

Не в силах и дальше изображать своеобразное движение глаз, в прошлом свойственное ее раздвоенной личности, Токката стала носить повязку, которую просто надевала на другой глаз, становясь другим человеком.

— Как ты думаешь, никто ничего не подозревает? — спросил я.

Она покачала головой.

— Произошло слишком много всего. И хотя мне было бы целесообразно и дальше оставаться в «Гибер-техе», чтобы собирать информацию для «Истинного сна», я не помню ничего из того, чем занималась Аврора, так что было бы лишь вопросом времени, когда меня разоблачат. Я прикрываюсь тем, что продолжать службу мне не позволяют проблемы психологического характера. По-моему, никого это особенно не удивило, а кое-кто вздохнул с большим облегчением.

Шаман Боб принес кофе, и мы дождались, когда он удалится, прежде чем продолжили разговор. В ту ночь Токката проснулась в «Гибер-техе». Притворяясь Авророй, она особо подчеркнула, чтобы

меня оставили в живых, поскольку я «оказал существенную помощь», и приказала не отправлять на покой лунатиков. На следующее утро буран утих, и Токката вывела меня из комплекса, но уже после того, как я снова заснул — и мне снова приснились красочные сны.

Все дело в том, что не нужен никакой Сомнограф, если есть такое полезное существо, как Грымза, способная погрузить тебя в самые потаенные глубины сна лунатиков, не нужен никакой валик от Дона Гектора, если ты занял второе место на первенстве Суонси, запомнив шестьсот сорок восемь выбранных наугад слов, после того как прочитал их всего два раза — для того чтобы повторить их вслух, потребовалось ровно шесть минут. Еще в «Геральде», до того как я отправился в музей к Фулнэпу, я прокрутил валик двенадцать раз, запоминая то, что на нем написано, и каждый раз за дверью собирались лунатики. Я, в общем-то, предполагал, что «Гибер-тех» рано или поздно выжмет из меня местонахождение валика, и всегда неплохо иметь про запас еще одну копию, на всякий случай. Точно сказать не могу, но, думаю, Джек Логан с самого начала замышлял что-то в таком духе. Возможно, без участия Грымзы, но определенно с учетом моей

хорошей памяти.

— И чем ты будешь заниматься? — спросил я у Токкаты. — Я хочу сказать, выйдя в отставку?

— У меня есть домик на Говере, — сказала она. — Мне бы очень хотелось, чтобы ты раз в год меня навещал. Две последних недели августа. Друзей у меня немного.

— Как и у меня.

И я навещал Токкату, каждый год до тех пор, пока она не умерла, восемнадцать лет спустя, от естественных причин. Иногда мы ходили к заброшенному маяку на конце Уайтфордской косы, иногда доходили до мыса Оксуич, где непременно задерживались у дерева причудливой формы, прежде чем спуститься к морю и затем пройти по тропе вдоль берега в Порт-Эйнон, чтобы отведать свежей рыбы и жареной картошки. Каждый год в последний день моего визита мы обязательно отправлялись на причал Мамблс, чтобы насладиться моллюсками и лепешками из красных водорослей, а также толстым ломтем бекона и большой кружкой чая, устроившись на улице, под крики чаек, подбирающих объедки [148].

Иногда мы встречали в Порт-Эйвоне Бригитту

---

[148] Примечания: 148

Я настоятельно рекомендую вам сделать то же самое.

и Чарльза, которые теперь живут там. Бригитта рисует, а Чарльз воспитывает дочерей. С Бригиттой я разговаривал лишь однажды, через две недели после Весеннего пробуждения, когда они с Чарльзом готовились навсегда покинуть Двенадцатый сектор.

— Здравствуйте, Младший консул Уортинг, — сказала Бригитта как-то утром, когда я открыл дверь своей квартиры.

Я остался в «Сиддонс». Мне там понравилось, к тому же я привязался к Клитемнестре.

— Для вас я Чарли, — сказал я, прилагая все силы, чтобы не смотреть на нее слишком пристально.

Возвращение Чарльза развеяло меланхолию, которую я наблюдал в Бригитте прежде. Я по-прежнему ее любил, и мне было суждено любить ее еще много лет, но, думаю, это была любовь Уэбстера, перешедшая ко мне из его сна. И если я чувствовал лишь половину того, что чувствовал он, они с Бригиттой были бесконечно счастливы.

Бригитта спросила, сохранился ли у меня тот мой портрет, который она написала, и можно ли ей его забрать. Я ответил, что ничего не имею против, так как это позволит мне сберечь пятьсот евро, и когда Бригитта вошла в квартиру, чтобы

забрать холст, я спросил у нее, помнит ли она что-либо из того периода, когда была лунатиком.

— Я помню, что забралась под машину, — напряженно задумавшись, сказала Бригитта, — а еще помню, как сидела в ванне, а мне обрезали волосы. И больше ничегошеньки.

Она посмотрела на меня своими проницательными фиолетовыми глазами, затем подняла левую руку с недостающим большим пальцем.

— Меня должны были отправить на покой, но кто-то рассудил, что я еще пригожусь, и оставил меня в живых. Я оставалась в своей комнате здесь, в «Сиддонс», и за мной ухаживали. У меня перед кем-то Долг. Вы ничего об этом не знаете?

Мне очень хотелось признаться ей в своих чувствах, сказать, что я для нее делал, чем рисковал, чтобы сохранить ей жизнь, и как был близок к концу, однако это только усложнило бы все. И, если честно, Бригитту спасла любовь ее мужа, направленная через меня. И именно ему по заслугам принадлежал этот триумф.

— Я не должен вам это говорить, — сказал я, — но ваш большой палец внесла в реестр Джонси. Ее больше нет с нами, но мне кажется, что она имела к этому какое-то отношение. Все мы многим ей обязаны. Вот, я нашел это в ее вещах. Полагаю,

она принадлежит вам.

Я протянул Бригитте моментальную фотографию, на которой были они с Чарльзом, на пляже в Розилли. Она внимательно изучила выцветший снимок.

— То были счастливые дни.

— И для меня тоже, — сказал я. — Пусть всегда будет Говер.

— Да, — задумчиво промолвила Бригитта. — Пусть всегда будет Говер.

Улыбнувшись, она поцеловала меня в щеку и посмотрела на часы.

— Нам нужно успеть на поезд. Всего хорошего, Чарли — и огромное вам спасибо.

И на этом все закончилось, хотя, думаю, по прошествии лет Бригитта вспомнила еще что-то, ибо лет через пять мне стали приходить поздравительные открытки от нее, Чарльза и дочерей. Я и по сей день храню их под кроватью в коробке из-под обуви. Через семь лет Бригитта и Чарльз дали знать по соответствующим каналам, что с радостью будут снова работать на «Истинный сон», но я ответил им, что они образцово выполнили свое задание, что Глобальная гибернационная деревня своим существованием в значительной степени обязана им и что никакого дальнейшего

вклада от них не требуется.

Лоре Строугер пришлось дожидаться Весеннего пробуждения, когда открылись фотолаборатории и она смогла проявить пленку и представить на рассмотрение доказательства, пусть определенно необычные и захватывающие. Хотя это уже не имело значения; Лора полностью сохранила права на ребенка, без каких-либо ограничений.

— Думаю, «Гибер-тех» превратился в такую токсичную торговую марку, что там решили избежать любых судебных разбирательств, — сказала она во время празднования дня Летнего солнцестояния, — а претензии на отданные в залог права на ребенка негативно сказались бы на имидже корпорации.

— А что насчет Трикла? — спросил я.

— Для него все сводится лишь к прибыли и убыткам. Где-то выиграл, где-то проиграл. Он не имеет ничего против.

Лора осталась в Двенадцатом секторе и стала частью команды, вместе с Фоддером, который вернулся после двухгодичного отпуска. Никаких проблем с Фарнесуортами у нас больше не было, а два года спустя Лора спасла мне жизнь, когда я недалеко от Лланигона оказался придавлен опрокинувшимся Снегоходом, за что ее хвалило

начальство.

Что же до меня, я продолжал службу в Зимнем консульстве Двенадцатого сектора и через пять лет был назначен Старшим консулом, став самым молодым на этой должности. Сестра Зиготия была бесконечно горда, а когда я в Обжорный четверг посетил Приют Святой Гренеты, даже мать Фаллопия нехотя поздравила меня и подарила коробку драже в шоколаде.

— Поделись с другими, — добавила она.

И по сей день кто-то таинственным образом складывает ночью мое выстиранное белье.

— Это дружеская любезность, — сказала Гретель, когда мы встретились в Весеннее пробуждение плюс два дня.

Служба Консулов уже была распущена, снег и лед растаяли, население возвращалось к нормальной жизни, тощее, голодное, пребывающее в недоумении. Мы заменили Моуди, Роско и Сюзи новыми железнодорожниками, и первый Весенний поезд отбыл от станции Талгарт с опозданием всего 5,6 секунды — впечатляющий результат, но лишь двенадцатый в Весеннем первенстве Центрального Уэльса по пунктуальности.

Без «морфенокса» все, начиная со следующего года, вернулись к снам, и, согласно общему

мнению, так стало лучше. Зимняя убыль возросла, но зато больше нет никаких лунатиков, и правительство активно инвестирует в новые стратегии правильного питания, позволяющие набрать достаточный вес, чтобы продержаться Зиму. «Гибер-тех» продолжает работать над созданием новой версии «морфенокса», свободной от побочных эффектов, но пока что безрезультатно. Дон Гектор тщательно оберегал результаты своих работ и хранил этот секрет только в своем спящем сознании, и лишь теперь он поделился им со мной.

Мне нужно хорошенько подумать, как поступить с этой информацией.

Гретель неизменно опережает меня, когда я вижу сон про пляж в Розилли, она играет в свой большой мяч, заливаясь знакомым звонким смехом, теперь уже прочно запечатленном у меня в сознании, а я сижу под оранжевым с красным зонтом внушительных размеров. Теперь под зонтом больше никого нет — предыдущие отдыхающие сейчас полностью счастливы и больше не вспоминают о тех временах, когда сидели под ним.

— Все, чем я являюсь, теперь внутри тебя, — сказала Гретель, когда мы вместе смотрели, как

солнце заходит за островок Голова червяка, а волны прибоя колотят по корпусу «Царицы Аргентины», как по барабану. — Ты уж не умирай — найти подходящего хозяина гораздо труднее, чем ты думаешь.

— Я постараюсь.

— Хорошо, — сказала Гретель. — А теперь: что ты усвоил в свою первую Зиму?

Я задумался.

— Я мог был рассказать про преданность и холод, про кексы с глазурью и печальную красоту. Про кодекс чести, который сплачивает вместе зимовщиков, и про одиночество тех душ, которые называют Зиму своим домом. Но, думаю, больше всего меня поразило то, что Зима — это не время года. Это призвание.

— Полностью согласна, — улыбнулась Гретель, и солнце опустилось за Говер.

Опять.

Благодарности

В первую очередь я благодарю вас, мой милый, дорогой читатель, за то, что вы держались со мной на протяжении всего периода 2014–2016 годов, который я теперь называю своим «творческим застоем». То, что вы сейчас здесь (и предположительно дочитали эту книгу до конца, раз вы читаете эти строки), свидетельствует о вашей преданности, и я вам бесконечно благодарен. Я могу лишь принести искренние извинения за то, что такое произошло (я до сих пор пытаюсь понять, почему), и выразить надежду, что снова буду выдавать по книге в год, как это мне удавалось в прошлом.

Спасибо также уважаемой Каролин Мейс из издательства «Ходдер», ни на день не терявшей веру в то, что я смогу выдать новую книгу, и на протяжении всего этого времени бывшей мне непоколебимым оплотом. Также хочу выразить благодарность Андреа Шульцу и Эллисон Лоренцен из издательства «Пингвин», моя особая признательность преданному помощнику Уиллу Френсису, которому помогает команда агентства

«Джэнклоу и Несбит».

Джон Вутен снова согласился проверять для меня факты («да, Джаспер, в принципе такое возможно») и помог мне с теоретическими аспектами функционирования Чугунков и Вихревых орудий.

Джош Лэнди в этой книге реальное лицо, и очень привлекательное. Образ «Джоша» в этой книге был выставлен на аукцион с целью собрать средства на поддержку Талгартской школы, и мы благодарим Джоша Лэнди за его щедрость. Я хочу, чтобы Джоша знали не только за то, что «твое имя упомянуто здесь»; он принялся за работу с удовольствием, и многие реплики книжного Джоша принадлежат ему самому — большое ему спасибо за то, что он упростил мне жизнь.

Обложка выполнена Биллом Мадроном и Дилaном Меконисом. Как обычно, они проделали замечательную работу, и с молниеносной скоростью. С ними можно связаться по электронным адресам www.billmurdon.com и www.dylanmeconis.com; они с удовольствием рассмотрят любые предложения о сотрудничестве. Также хочу выразить благодарность Кэтрин Аффлек за бесконечно тонкую работу создания логотипов «Гибер-техa» и Консульской службы. Другие ее работы и

контактную информацию можно найти на страничке www.catherineruthdesign.com.

Мне остается только поблагодарить Саймон за наши традиционные обеды по четвергам, всех моих детей за нескончаемую радость, которую они мне доставляют, и спаниеля Оззи, сосредоточенно и с неиссякаемым энтузиазмом приносящего мне брошенную палку, что является для меня источником вдохновения.

Джаспер Ффорде
Май 2018 года